

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/90

Обновление Вьетнама:
первые успехи и опыт

□

Как сотрудничают РСФСР
и КНР

□

Из воспоминаний
Н. С. Хрущева

□

«Электронное чудо»
Китая

□

Троцкий и Чан Кайши

□

Корейская действитель-
ность и советское коре-
еведение

□

Философ В. Соловьев
о Китае

□

Эмэйское направление
цигун

Зинь 2кз

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/90

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

Издается с марта 1972 г.
Москва.
Издательство «Прогресс»

СОДЕРЖАНИЕ

ДАО ЗУИ ТУНГ. Обновление Вьетнама: первые успехи и опыт 3

ПУЛЬС РЕГИОНА

Ю. С. СТОЛЯРОВ. Тихоокеанский регион: тенденции экономического развития 18
М. Е. ТРИГУБЕНКО, Г. Л. ТОЛОРАЯ, А. Ю. МАНСУРОВ. Совместные предприятия в КНДР 29
О. В. ДАВЫДОВ. Сеул в поиске «новых горизонтов» 39

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. М. ТУРЧАК. Сотрудничество РСФСР и КНР: возможности и перспективы 49
С. ЦУЦУМИ. Истоки стабильного роста 53

ДИАЛОГИ И ДИСКУССИИ

Р. Ш.-А. АЛИЕВ. Искать стратегию развития 58

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

А. В. ШИШКИН. Опыт совместного предпринимательства 64
А. В. НЕМЕЦ. «Электронное чудо» Китая 74
К. Л. СЫРОЕЖКИН. Этносоциальный фактор развития Синьцзяна 80

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

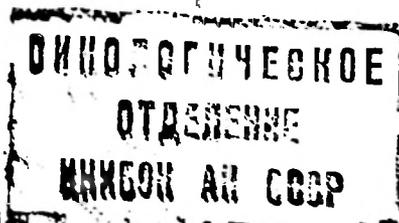
Ф. И. ШАБШИНА. Корейская действительность и советское корееведение 89
А. Г. ЯКОВЛЕВ. Внешняя политика КНР: проблемы исследования в свете нового мышления 99

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

Н. С. ХРУЩЕВ. Мао Цзэдун и раскол 108
БА ЦЗИНЬ. Думы (предисловие В. Ф. Сорокина) 117
Г. В. МЕЛИХОВ. Зарисовки старого Харбина 130

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИСТОРИИ

Н. Б. АДЫРХАЕВ. Встречи Сталина с японскими коммунистами
(Послесловие А. И. Сенаторова)

Б. А. БОРОДИН. Троцкий и Чан Кайши 148

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. С. ТАРТАКОВСКИЙ. На весах столетий (окончание) 157

Ю. Н. ГРАДОВ. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) 173

ВОСТОК ГЛАЗАМИ ЗАПАДА

А. И. КОБЗЕВ, В. В. СЕРБИНЕНКО. Из наследия русского философа Вл. Соловьева 182

В. С. СОЛОВЬЕВ. «Китай и Европа», «Краткая повесть об Антихристе», «По поводу последних событий» 188

ПРОФИЛИ

М. В. БАНЬКОВСКАЯ. Китаем очарованный (окончание) 195

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

А. А. ДОЛИН. Путь самурая (часть III — Дзэн-буддизм и военная подготовка) 202

А. Г. ЮРКЕВИЧ. Метод укрепления тела и управления жизненной энергией (эмэйское направление цигун) 215

Л. И. КУЗЬМЕНКО. Национальная живопись «гохуа» молодых художников Китая 223

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ШИ ГОХУА. Русские в Китае 229

Н. В. ЗАХАРОВА. Издано в КНР: советские синологи о китайской литературе 231

А. В. КУДРЯВЦЕВ. Знакомьтесь: журнал кубинских востоковедов 235

НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЕЙ В ПРЕДДВЕРИИ XXI ВЕКА

(Выступление сопредседателя Демократической либеральной партии КИМ
ЁН САМА) 236

Памяти Ян Хиншуна 239

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848,
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИЦ, И. И. КОВАЛЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1990.

Обновление Вьетнама: первые успехи и опыт

ДАО ЗУЙ ТУНГ

На состоявшемся в декабре 1986 г. VI съезде Коммунистической партии Вьетнама на основе анализа ситуации в стране были констатированы важные достижения и отмечены крупные ошибки в руководстве социалистическим строительством. Съезд выдвинул курс на обновление, рассматривая этот вопрос как имеющий жизненно важное значение для страны. Как велось обновление в течение почти трех лет реализации решений VI съезда КПВ, какие достигнуты успехи и извлечены уроки? Мне доставляет большое удовольствие рассказать об этом читателям журнала «Проблемы Дальнего Востока».

I

Если посмотреть на ситуацию в стране накануне съезда партии и через год после его проведения, то в социально-экономической картине преобладали серые краски. Светлые же тона были едва различимы. Обстановка в экономике характеризовалась медленными темпами развития и низкой эффективностью. Несмотря на аграрную структуру экономики во Вьетнаме постоянно существовала продовольственная проблема. Не хватало самых необходимых товаров народного потребления. Отсутствовал порядок в сфере обращения и распределения, в отдельные месяцы цены возрастали на 27 %, в результате чего показатель инфляции составлял трехзначное число... Одной из причин такого положения, как отмечалось на VI съезде партии, явились ошибки стратегического плана: излишний упор на развитие тяжелой промышленности и создание крупных производственных объектов, недостаточное внимание производству продовольствия, товаров широкого потребления, развитию экспорта. Неблагоприятные последствия породили стремление немедленно ликвидировать частный сектор и обеспечить подавляющее преимущество социалистического уклада в отраслях народного хозяйства. Сохранялся централизованно-бюрократический механизм дотационного снабжения, неэффективными оставались денежная система, цены, заработная плата.

Линия съезда на обновление как бы стала потоком свежего воздуха для вьетнамского общества. Процессы обновления в экономике, социальной сфере, в области безопасности и обороны, во внешней политике, в деле расширения демократии постепенно стали приносить позитивные результаты. В социально-экономической жизни все настойчивее стали утверждаться положительные факторы, сузившие сферу негативных явлений.

Прежде всего эти результаты проявились в решении **продовольственной проблемы**. Примерно год назад на рынке в достатке появилась сельскохозяйственная продукция. Впервые за многие десятилетия мы смогли удовлетворить внутренние потребности страны в продовольствии, создали его запасы. Часть продовольствия пошла на погашение иностранной задолженности и экспорт.

В настоящее время на внутреннем рынке страны свободная продажа и приобретение продовольствия стали обычным делом, уже нет необходимости в карточной системе. Несмотря на три крупных стихийных бедствия цены на продовольствие не изменились. Это стало новым явлением. Подобная ситуация сложилась главным образом благодаря быстрой реализации курса на обновление. Государство заменило продовольственный налог на крестьянство системой договорных закупочных цен, отказалось от продажи продовольствия кадровым работникам, рабочим и служащим по дотационным ценам, осуществляя ее уже по рыночным ценам. Особое место занимает введение нового механизма управления сельским хозяйством.

Тем не менее мы отнюдь не считаем продовольственную проблему решенной. Среднегодовое душевое производство продовольствия по-прежнему на недостаточном уровне — менее 300 кг. Урожайность риса составляет 30 ц/га. Слаба материально-техническая база сельского хозяйства: орошаемые земли занимают только 26,3 % всех сельскохозяйственных угодий, на один гектар вносятся в среднем 58 кг удобрений, на 1 тыс. га обрабатываемых площадей приходится в среднем 5,88 тракторов. Кроме того, в стране постоянно происходят стихийные бедствия, вызывающие непредсказуемые последствия.

Важным достижением также стало обеспечение населения товарами широкого потребления. На протяжении многих лет, составляя пятилетние планы, мы выдвигали задачу по удовлетворению потребностей населения в товарах первой необходимости — тканях, медикаментах, бумаге, домашней утвари. Однако десятилетиями указанная задача не выполнялась. Спрос и предложение товаров широкого потребления были постоянно разбалансированы. Сохранялся дефицит всех наименований товаров, реализуемых государственной торговлей. При карточной системе покупатель был вынужден терять много времени, простаивая в очередях. В настоящее время продажа и приобретение товаров широкого потребления происходит нормально, на рынке, не нужны карточки, нет необходимости простаивать в очередях, цены довольно стабильны. Продавец теперь вынужден искать покупателя. Насыщение рынка товарами и хорошая их реализация происходит отчасти благодаря росту производства, а также импорту иностранных товаров. В целом же главная причина заключается в реализации новых установок, а именно: линии на использование многоукладной экономики; поощрении каждого человека на вложение денежных средств и личного труда в производственно-предпринимательскую деятельность; проведении новой ценовой политики, ликвидации дотационных и переходе на рыночные цены; нормализации обращения товаров по образцу решения продовольственного вопроса. Мы не считаем, что нам удалось окончательно урегулировать проблему товаров широкого потребления. Сейчас население страны все еще испытывает немалые трудности, низка его покупательная способность. В ближайшее время доходы трудящихся будут постепенно возрастать, значительно увеличатся потребности в товарах, которые должны стать более разнообразными и качественными. Следует отметить, что материально-техническая база и технология производства этих товаров во Вьетнаме уже устарели.

Расширилась внешнеэкономическая деятельность. В этой области наблюдается определенный прогресс. За неполные два года после принятия Закона об иностранных инвестициях, кроме ранее подписанных важных соглашений с Советским Союзом и социалистическими странами, немало уже достигнуто. С целью изучения ситуации, обмена мнениями, подписания инвестиционных соглашений Вьетнам посетили свыше 2 тыс. зарубежных делегаций. Выданы лицензии на осуществление около 80 проектов с общим

объемом капиталовложений свыше 800 млн. ам. долл. В их числе важные соглашения в области разработок месторождений нефти и газа, разведения креветок, выращивания сандалового дерева, строительства станций дальней спутниковой связи и др. Конечно, объем инвестиций по подписанным соглашениям еще невелик. Важно, однако, что мы сделали первые шаги и реальность такова, что вышеназванные результаты обладают притягательной силой для других потенциальных партнеров. Есть успехи и в области внешней торговли. Среди трех крупных народнохозяйственных программ важное место занимает экспортная программа. За 9 месяцев 1989 г. вьетнамский экспорт увеличился на 57 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что стало беспрецедентным явлением. Здесь следует пояснить, что расширение внешнеэкономической деятельности Вьетнама прежде всего исходит из необходимости участия в международном разделении труда, всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, Лаосом, Камбоджей, другими социалистическими странами — членами СЭВ. Одновременно развиваются экономические и научно-технические связи с другими государствами.

Примечательным результатом, имеющим всеобщее значение, стали позитивные изменения в области цен. На протяжении десяти лет наблюдалась хроническая нестабильность цен, происходил их постоянный рост. Было проведено несколько мероприятий по упорядочению цен, особенно крупным из которых стала денежная реформа 1985 г. Однако итоги были печальными: продолжался скачкообразный рост цен, который оказывал негативное влияние на всю экономическую деятельность и жизнь страны в целом. В течение полутора лет после VI съезда КПВ партия и государство уделяли много времени для урегулирования проблемы цен, изучали вопрос о реформе, которая бы предусматривала или одновременное использование двух цен — дотационных и рыночных, — или применение единых рыночных цен при отказе от дотационных цен. В конце концов мы взяли линию на активное использование политики единых рыночных цен параллельно с мерами по обновлению механизма управления экономикой. Одним словом, сейчас во Вьетнаме товары широко потребляются продаются по рыночным ценам, государственные закупочные органы приобретают сельскохозяйственную продукцию у крестьян по договорным ценам. Также по рыночным ценам государство реализует предприятиям сырье и материалы, лишь незначительная их часть временно поставляется на дотационной основе, которая сейчас значительно меньше, чем прежде. Государство установило близкое к рыночному официальное соотношение курсов донга СРВ и доллара США. В результате стала стабилизироваться ситуация в области цен. Об этом может свидетельствовать приводимая ниже сравнительная таблица динамики изменения цен (в процентах):

год \ месяц	месяц								
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь
1988	18,3	14,0	8,4	23,8	27,6	16,8	9,6	7,5	6,5
1989	7,4	9,2	5,4	3,5	-0,21	-2,9	-1,5	-0,2	1,6

Постепенно снижались темпы роста цен, в некоторые месяцы цены уменьшались. Этот процесс имеет позитивный аспект, однако существует и необычная его сторона. Дело в том, что упали цены на некоторые виды сельскохозяйственной продукции, что не преминуло сказаться на заинтересован-

ности крестьян-производителей. В настоящее время государство активно борется за стабилизацию цен, повышает цены на ряд наименований товаров, с тем чтобы стимулировать производителя. Результаты новой установки в области цен оказывают свое воздействие — созданы условия для перевода управленческого механизма на хозрасчетные принципы, обеспечивается реальная заработная плата рабочих и служащих, повышается курс вьетнамского донга. И, что особенно важно, покрепла вера населения в дело обновления. Практика свидетельствует о правильности новой ориентации на единые цены. Однако перечисленные позитивные результаты мы считаем только начальными. Еще нельзя сказать, что под цены подведена прочная база. Необходимо пристально следить за изменениями ситуации, своевременно вносить коррективы, еще активнее бороться за достижение основной цели — стабилизации цен.

Наряду с обновлением экономических установок мы осуществляем обновление организации и методов деятельности структурных компонентов политической системы, расширяем демократию в различных областях жизни: в экономике, политике, культуре, искусстве, науке, информации и пр., — и на первых порах уже добились важных результатов. Мы уделяем особое внимание демократизации экономики. Совершенствование механизма управления, линия на развитие многоукладной экономики расширили демократические права населения в этой сфере: люди могут свободно заниматься производственно-предпринимательской деятельностью в соответствии с законом, десятки миллионов крестьянских семей получили подобную самостоятельность, благодаря введению подрядных отношений; населению стало проще реализовывать и приобретать товары. Совершенствуется деятельность Национального собрания СРВ, повышается роль высших органов народной власти в провинциях, уездах, общинах. Население активно участвовало в обсуждении кандидатов на выборы в ноябре 1989 г. Все сказанное способствует решительному искоренению формализма в деятельности Национального собрания и местных народных советов. Развивается внутрипартийная демократия, наиболее отчетливо проявившаяся в ходе недавних уездных партконференций и отчетно-выборных собраний в первичных организациях. Во время проведения выборов в партийные комитеты в целом не было допущено недемократичных явлений прошлых лет. КПВ уделяет большое внимание повышению качества партийного руководства, совершенствованию его методов, устранению дублирования в деятельности парткомов и органов исполнительной власти, являющегося довольно распространенным и давним пороком во многих партийных организациях. Расширение демократии отчетливо проявляется в сфере информации, в печати. Возрос объем информации, пресса стала голосом партии и одновременно трибуной народа. Сократилось количество формальных статей и публикаций, приукрашивающих действительность. Печать не только пишет о положительных моментах, но и открыто критикует негативные явления среди кадровых работников, членов партии, населения. Играя ударную роль на идеологическом фронте, пресса вносит активный вклад в развитие демократии, в борьбу с негативными проявлениями, в обновление управленческого механизма. Осуществляя руководство печатью, мы всемерно задействуем все позитивное и в то же время уделяем внимание исправлению недостатков, перекосов в работе некоторых газет, радио, которые распространяют безыдейную информацию, зачастую описывают только лишь плохие стороны, редко освещают положительные факторы. Порой средства массовой информации окрашивают окружающую реальность в темные краски, способствуя возникновению пессимизма, отрицают добрые традиции и ценности прошлого, распростра-

няют неподходящие зарубежные новости. Можно сказать, что начальные шаги в развитии демократии создали атмосферу открытости и демократизма во вьетнамском обществе. Естественно, в этой области еще многое предстоит сделать, потому что еще многие парторганизации, государственные органы пока не избавились от бюрократизма и администрирования в своей работе. Сохраняется громоздкий управленческий аппарат, все еще слишком много кадровых работников и чиновников. По-прежнему распространены нарушения демократических прав населения, которые в ряде мест имели весьма серьезный характер.

Рассматривая ход выполнения решений VI съезда партии, 6-й пленум ЦК КПВ (март 1989 г.) сделал вывод о том, что в течение двух последних лет осуществлялась созидательная работа и велись поиски, извлекался необходимый опыт. За указанный период были достигнуты первые важные успехи в экономике, развитии демократии, укреплении обороны и безопасности, во внешней политике и партийном строительстве.

Мы считаем, что несмотря на важность достигнутых результатов, они пока не приняли всеобъемлющего и кардинального характера. В социально-экономической сфере сохраняется немало острых проблем. По-прежнему медленны темпы развития экономики, низки ее эффективность и качество продукции. Сохраняется большой дефицит госбюджета. Растет иностранная задолженность, несвоевременно погашаются кредиты, предоставленные Вьетнаму другими государствами. В социальной сфере, в частности в обеспечении общественного порядка, борьбе с социальными пороками также не все обстоит благополучно. Крупным недостатком является слабость материально-технической базы отраслей экономики, где ситуация ухудшается. В стране с 65-миллионным населением ежегодно производится лишь 60 тыс. т. стали, 2 млн. т цемента, 8 млрд. кВт. ч. электроэнергии, 20 млн. т продовольствия, добывается 6 млн. т угля, 1 млн. т нефти. Партия считает, что в течение уже многих лет страна пребывает в состоянии социально-экономического кризиса. Несмотря на важные успехи, достигнутые за прошедшие три года, мы еще не вышли из кризисного положения. Важно, что за неполные три года обновления партия и народ яснее увидели ориентиры, пути решения проблем и новые благоприятные возможности для постепенного вывода страны из пучины трудностей.

II

Достигнутые за три года обновления победы прежде всего берут начало в курсе на обновление, выдвинутом в решениях VI съезда партии и затем конкретизированном и дополненном в постановлениях Центрального Комитета и Политбюро ЦК КПВ. Политика обновления включает в себя многие аспекты. В данном разделе хотелось бы остановиться на раскрытии содержания некоторых экономических установок, ходе их реализации.

Во-первых, сразу после съезда партии мы стали проводить установку на совершенствование структуры экономики путем сосредоточения усилий на реализации трех народнохозяйственных программ — продовольственной, экспортной, по товарам широкого потребления, задействованию всевозможных источников капиталовложений и обновлению инвестиционного механизма. Эта линия имеет важное значение, поскольку достижение верных пропорций в структуре экономики и капиталовложений оказывает ощутимое воздействие на темпы и эффективность развития производства. Прежней многолетней ошибкой был упор на развитие тяжелой промышленности, увлечение строительством крупных объектов, которого не выдерживала эконо-

мика страны. Результатом этого явились «долгострой», незавершенность многих объектов, что не позволяло сосредоточить силы на решение таких неотложных проблем как продовольственная, развитие экспорта и увеличение производства товаров широкого потребления. С целью преодоления этих недостатков центральные государственные органы приняли решение об отказе от сооружения 37 крупных объектов, на которые была запланирована четвертая часть всего промышленного оборудования. Было решено также отказаться от строительства объектов, по которым были подписаны контракты с зарубежными партнерами. Руководство отраслей промышленности и местные власти также решили отказаться от сооружения свыше 300 объектов. Благодаря указанным мерам, на реализацию трех крупных народнохозяйственных программ было направлено 60 % централизованных бюджетных средств и 70—80 % местных.

Совершенствование структуры экономики и капиталовложений внесло важный вклад в увеличение производства продовольствия, товаров широкого потребления, расширение экспорта. По сравнению с 18,3 млн. т продовольствия, произведенного в 1986 г., этот показатель в 1989 г. превысил 20 млн. т. На ряде предприятий тяжелой индустрии, благодаря целенаправленным капиталовложениям, были введены в действие производственные мощности. Например, было завершено строительство и поэтапно введены в действие энергоблоки на сооружавшихся при техническом содействии Советского Союза электростанциях. Гидроэлектростанции Чжан и Хоабинь, ТЭС Фалай способствовали быстрому росту производства электроэнергии, что оказало ощутимое воздействие на всю экономику страны. Совершенствование структуры производства и капиталовложений позволило создать новые отрасли экономики, а именно: производство на экспорт готового платья на давальческой основе, выращивание некоторых видов технических культур с длительным вегетационным периодом, разведение креветок, новая техника рыболовства, переработка морепродуктов, сборка электронных компонентов и др.

Мы переориентировали политику инвестирования капитального строительства. В условиях прежней дотационной системы снабжения при строительстве любого объекта предприятия, провинции, отрасли просили выделить средства из центрального бюджета. Это вызывало рост дефицита госбюджета, ежегодное сокращение фонда капитального строительства. В подобной ситуации нами был взят курс на инвестирование главным образом путем создания инфраструктуры, строительства ключевых объектов, задействованных на выполнение трех крупных экономических программ и повышение народного благосостояния. Что же касается большинства других предприятий, то источником капиталовложений для них стал не госбюджет, а применение самофинансирования и самокупаемости. Эта установка потребовала от отраслей и предприятий умения изыскивать как внутри страны, так и за рубежом всевозможные источники капиталовложений для нужд производства. Внутри страны их немало — помимо центрального бюджета, денежными ресурсами располагают каждое предприятие, десятки миллионов крестьянских дворов, миллионы личных хозяйств. Благодаря новой установке в ряде провинций удалось задействовать на нужды производства денежные средства населения в количествах, в 30 раз превышающих бюджет этих административных единиц.

Во-вторых, началась реализация единой линии на развитие многоукладной экономики, снятие оков с производственного потенциала всех ее секторов.

Север страны, освобожденный в 1954 г., осуществил переход к социализму. Проводя политику социалистических преобразований, мы изменили частнокапиталистическую экономику, ликвидировали класс буржуазии. Было преобразовано село, 97 % крестьян объединились в кооперативы. Ведущую роль

в народном хозяйстве играет социалистическая собственность. После освобождения юга страны и ее фактического воссоединения в 1975 г. 24-й пленум ЦК партии выдвинул установку на развитие многоукладной экономики. Однако она не была выполнена. Съезд КПВ в 1976 г. поставил целью завершение социалистических преобразований в основном в течение пятилетнего периода. Однако и эта задача не была решена или выполнялась с низкой эффективностью. На V съезде КПВ мы снова определили целью завершение социалистических преобразований. Был решен ряд задач, однако эффективность работы оставляла желать лучшего. В ходе подведения итогов социалистического строительства на VI съезде партии мы констатировали достижения в области социалистических преобразований. Одновременно со всей серьезностью были проанализированы недостатки и ошибки: поспешность, стремление одним махом ликвидировать несоциалистические секторы экономики, быстро превратить частнокапиталистический уклад в государственный сектор. Наблюдалась тенденция к немедленному укрупнению сельскохозяйственных кооперативов. Проводимая работа носила характер кампанейщины, трафаретности, погони за количеством, а не за качественными показателями. Из-за этого немало экономических организаций, называвшихся совместными компаниями, кооперативами, были таковыми лишь формально и не отражали сущности новых производственных отношений. Очевидно, что, занимаясь вопросами собственности в тот момент, мы еще не овладели закономерностью соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Поэтому VI съезд КПВ выдвинул установку на использование многоукладной структуры экономики: социалистического уклада, включающего в себя государственный и кооперативный секторы, мелкотоварного производства, объединяющего кустарей-ремесленников, крестьян, мелких торговцев. В многоукладную структуру также входят частнокапиталистический, государственно-капиталистический секторы экономики и др.

Линия на развитие многоукладной экономики принесла немалые результаты. Сотни собственников вложили средства в создание предприятий по производству товаров народного потребления, выращиванию технических культур, разведению креветок. Десятки тысяч людей направили свои средства и силы на развитие кустарных ремесел, рыболовства, переработку морепродуктов, в сферу услуг. Пока еще нет полных статистических данных, однако можно привести ряд показателей. На начало 1988 г. площади для разведения креветок в стране составляли 120 тыс. га, из которых две трети приходилось на семейную экономику. Лишь за последние годы плантации кофе увеличились с 60 до 110 тыс. га, 70 % которых обрабатывается крестьянскими семьями. Другой пример. В течение лишь трех минувших лет в промышленности, сфере услуг и кустарном производстве возникло 9,2 тыс. предприятий частного сектора в провинции Анзианг. В последнее время население продолжало вкладывать средства в производственно-предпринимательскую деятельность. По данным из 14 провинций и городов страны, дополнительные средства, вложенные населением в сферу предпринимательства, равняются 100 тыс. унций золота и сотням миллиардов донгов СРВ. Благодаря этому была обеспечена занятость 200 тыс. человек. Совершенно ясно, что политика использования многоукладной экономики помогла задействовать потенциальные денежные и трудовые ресурсы населения на нужды развития производства.

После определенного периода реализации указанной линии на 6-м пленуме ЦК КПВ были сделаны многие важные выводы.

— Установка на использование многоукладной экономики имеет значение долговременной стратегии, характеризует закономерность перехода от мелкотоварного к крупному социалистическому производству, отражает демокра-

тизацию экономики, гарантирует каждому человеку свободу деятельности в соответствии с законом.

— Каждая форма собственности на средства производства имеет свою сущность и особенности. Однако в процессе производства эти формы не обособляются, а взаимно сочетаются. Например, в сельскохозяйственных кооперативах имеется немало взаимопроникающих форм собственности. Так, земля является общенародной собственностью, переданной в пользование кооперативам. Далее, ряд средств производства принадлежит к коллективной собственности кооперативов. Кроме того, ряд сельскохозяйственных орудий является собственностью конкретных крестьянских дворов. В настоящее время государственным предприятиям также разрешено привлекать денежные средства кооперативов и частного сектора.

— Необходимо укреплять и развивать государственный сектор экономики, чтобы он должным образом выполнял ведущую роль. Нужно гарантировать стабильное и эффективное развитие всего народного хозяйства в социалистическом направлении. Сейчас мы перестраиваем работу некоторых госпредприятий, которые развивались по экстенсивной модели. Мы будем твердо и неуклонно придерживаться линии, направленной на укрепление и развитие государственного сектора с целью обеспечения социалистическому укладу ключевых позиций в народном хозяйстве. Следует недопустить легковесного отношения к госсектору, а также стремлений к его приватизации.

— Нужно обновить подход к проблеме кооперативов в целом и сельскохозяйственных кооперативов, в частности. В соответствии с идеей В. И. Ленина мы считаем кооперативом любую производственно-предпринимательскую организацию, сложившуюся на основе добровольного вклада денежных ресурсов, труда населения, демократически управляющуюся, в которой не дифференцируются масштабы и уровень обобществления средств производства. Таким образом, кооперативы могут быть различных форм и уровней, и в них могут быть различные степени обобществления средств производства.

Необходимо четко осознать этот момент, поскольку в определенное время бытовала концепция, исходившая из того, что в кооперативе неуклонно и последовательно должны обобществляться средства производства, что лучше увеличивать размеры кооператива, причем в расчет не брался уровень развития производительных сил. В соответствии с новой концепцией сейчас во Вьетнаме в сельскохозяйственном кооперативе одновременно существуют общенародная собственность на землю, коллективная собственность кооператива на средства производства, а также, как говорилось выше, собственность отдельных членов кооператива на некоторые средства производства. Правление кооператива должно руководить его деятельностью, реализовывать подрядные отношения, одновременно брать на себя те участки работы, где целесообразнее единое организующее начало: проведение ирригационных работ, защита растений, забота о семенном фонде и пр. В этом новом механизме семьи членов кооператива становятся подрядчиками, использующими землю по договору с кооперативом и осуществляющими разнообразную по формам производственно-хозяйственную деятельность. В нынешних условиях подобная организационная форма кооператива позволяет сочетать силу коллектива с возможностями его членов, преодолеть прежнее положение, при котором, как говорится, «у семи нянек дитя без глаза».

— Составляющие частного сектора экономики (индивидуальный сегмент, мелкотоварное и частнокапиталистическое производство) на протяжении длительного времени будут необходимы для хозяйства страны и будут входить

в структуру товарной экономики, развивающейся в социалистическом направлении. Мы стимулируем частный сектор на вложение капиталов и предпринимательство в отраслях и сферах, имеющих большую важность для процветания народа и государства, одновременно обеспечиваем государственный контроль и регулирование. Кроме того, ориентируем частный сектор на переход на кооперативные и государственно-капиталистические формы. Следуя этой линии, наше государство в настоящее время принимает законы о праве собственности, о порядке пользования и наследования имущества, праве на предпринимательскую деятельность и получение соответствующих доходов, о гражданских обязанностях. Это делается для того, чтобы дать каждому человеку возможность спокойно заниматься производственно-хозяйственной деятельностью, ликвидировать неразумные запреты и ограничения. С другой стороны, государственные органы должны следить за адекватным этому курсу развитием частного сектора, вести борьбу с негативными явлениями, например уклонением от налогов, сокрытием доходов, ведением незаконного предпринимательства.

В-третьих, необходимо обновлять механизм управления экономикой, неуклонно осуществлять перевод деятельности предприятий на принципы хозрасчета и самофинансирования. Эта работа должна вестись в соответствии с концепцией дальнейшего развития многоукладной товарной экономики на плановой основе с целью ее преобразования в социалистическую.

В процессе обновления эта задача видится очень сложной, поскольку надо учитывать, что централизованно-бюрократическая система дотационного снабжения существовала весьма длительное время и крепко укоренилась во всех видах экономической деятельности и в жизни в целом. Более того, непростым делом являются поиски нового механизма управления. Однако работая и параллельно извлекая необходимый опыт, мы добились некоторых важных успехов в ликвидации старого управленческого механизма и создании нового.

Наиболее отчетливо обновление механизма управления проявилось в сфере деятельности сельскохозяйственных кооперативов. Принятое в 1988 г. постановление Политбюро ЦК КПВ о совершенствовании механизма управления сельским хозяйством стало выполняться довольно быстро. Десятки миллионов крестьянских семей хорошо восприняли этот директивный документ и взялись за его реализацию. Сущность обновления механизма управления сельским хозяйством имеет много аспектов, однако главным моментом является осуществление новой системы подрядных отношений. Реализация новых подрядных отношений, в отличие от старой системы, способствует значительному увеличению доходов кооперированного крестьянства. Крестьяне активно вкладывают дополнительные средства в производство, сильнее привязываются к земле и лучше ее используют. Они с большей самостоятельностью и усердием хозяйствуют на арендуемом земельном участке. Кроме того, при новой подрядной системе удалось почти наполовину сократить число управленцев в кооперативах. Можно сказать, что с ее применением удалось сделать кардинальные шаги в ликвидации централизованно-бюрократической системы дотационного снабжения села.

В государственном секторе экономики мы стремимся осуществить перевод всех предприятий на самофинансирование и хозяйственный расчет. Под этим подразумевается реализация принципов самообеспечения, саморазвития, увеличение отчислений в государственный бюджет. Для достижения этих целей предприятия должны в рамках закона нести ответственность и обладать самостоятельностью в планировании, организации

производственно-предпринимательской деятельности, в определении своей финансовой и ценовой политики, распределении доходов, в выборе партнеров для сотрудничества и хозяйственной интеграции, в вопросах найма и увольнения рабочих. Государственные предприятия непосредственно используют имущество, относящееся к общенародной собственности. Это имущество передано им государством, поэтому предприятия должны обладать правом ведения самостоятельной производственно-хозяйственной деятельности, тесно связанным с обязанностью сохранять и приумножать его.

В целях перевода работы государственных предприятий на принципы самостоятельного хозяйствования необходимо обновить механизм управления экономикой. Это подразумевает необходимость обновления механизма управления на макроуровне:

— В области планирования следует перейти от командно-административных форм к использованию его руководящих начал, которые главным образом связаны с воздействием на предприятия при разработке и реализации их собственных плановых установок. Что касается сохранения контроля за выпуском особо важной продукции, то государство размещает госзаказ на предприятии в соответствии с принципами хозяйственной самостоятельности последнего и определяет директивные установки лишь в случае необходимости.

— Финансовая политика государства в целом, а также конкретные установки в сфере налогообложения, кредитования, денег, цен и заработной платы, являются основным инструментом, который государству необходимо должным образом использовать для оказания воздействия на производство и рынок, для стимулирования и регулирования всех видов хозяйственной деятельности в соответствии с планированием на макроуровне, которое в настоящее время тоже перестраивается.

— Экономическое законодательство призвано развиваться в направлении ликвидации устаревших регламентаций, принимать законы и установки, четко определяющие полномочия и ответственность, обязанности и права в процессе производственно-предпринимательской деятельности.

— Государственные запасы прежде всего включают в себя запасы продовольствия, топлива, резервы золота, иностранной и национальной валюты. Необходимо их пополнять параллельно с рациональным использованием хозяйственных фондов государственных предприятий. Это необходимо для активного преодоления неожиданных неблагоприятных изменений на рынке, в области цен.

Таков наш основной подход к вопросам управления на микро- и макроуровнях. Ряд установок нами уже обнародован, другие находятся в стадии изучения. В соответствии с ними все государственные предприятия сейчас должны перейти на использование хозрасчетного механизма. К настоящему времени часть предприятий, объединений, компаний уже перешли на хозяйственный расчет и самофинансирование. Они теснее увязывают производство с рынком, осуществляют самофинансирование, создают накопления, повышают благосостояние рабочих, увеличивают отчисления в государственный бюджет. Однако существует немало предприятий, встречающих многочисленные трудности при переходе на хозрасчет и предпринимательскую деятельность. Некоторые из них были вынуждены сократить производство, что повлекло безработицу среди рабочих. Это объясняется многими причинами: нехваткой средств, нереализованностью продукции из-за ее высокой себестоимости, наплывом иностранных товаров, устаревшим оборудованием, некомпетентностью руководителей предприятий. Вместе с тем на некоторых производствах подобное происходит из-за недо-

работанности отдельных установок, принятых на макроуровне. Сейчас мы сосредоточили усилия на решении проблем этих предприятий и уже добились определенного прогресса.

В ходе ликвидации старого механизма управления и создания новой управленческой структуры мы сделали немало выводов, важнейший из которых гласит о том, что создание нового механизма управления должно неуклонно вестись в соответствии с концепцией дальнейшего развития многоукладной товарной экономики на плановой основе с целью ее преобразования в социалистическую.

Почему же вопрос ставится именно таким образом? Потому, что централизованно-бюрократический механизм дотационного снабжения противоречит концепции развития товарной экономики на плановой основе. Это со всей очевидностью проявилось в механизме предоставления дотаций и отчислений в госбюджет, в механизме снабжения, натурального обмена, подходе к вопросам управления рынком. Особенно это проявилось в системе дотационных цен... Без овладения механизмом развития товарной экономики на плановой основе не может быть выработана система установок, направленная на создание системы управления с использованием принципов хозрасчета и самофинансирования. В течение длительного периода у нас было неполное представление о товарном производстве, более того, мы находились в плену некоторых неверных взглядов.

Для понимания процесса развития плановой товарной экономики при создании нового механизма управления мы должны четко определить подходы в ряде важных вопросов.

Прежде всего следует определить, что включает в себя понятие «товар». В нашей стране товаром являются не только товары широкого потребления, но и средства производства, продукция науки и техники, сервисные услуги, информация, деньги и т. д. Существуют средства производства, право собственности на которые неизменно, например земля, лес. Однако для получения доступа к их рациональному использованию должны быть уплачены деньги в форме аренды или налога.

Нужен новый подход к рынку. Раньше мы разделяли рынок на организованный и свободный. Однако недавно мы изменили наше понимание феномена рынка. Рассматривая экономику Вьетнама как единую структуру со многими укладами, мы считаем, что **общественный рынок также является единым образованием, в котором различные силы участвуют в обращении товаров.** Эти силы сотрудничают, взаимодополняют друг друга и одновременно конкурируют между собой. На едином рынке государственный и кооперативный секторы экономики должны при помощи предпринимательских методов обеспечить себе руководящие позиции. Государство использует законы, экономические установки и материальные силы с целью корректировки рыночной деятельности в направлении планового социально-экономического развития, ликвидации незаконного предпринимательства.

Необходимо уточнить отношения между рынком и плановым началом. Экономика Вьетнама является плановой, однако мы не пренебрегаем рынком, не противопоставляем его плановым принципам. Планирование призвано направлять и обеспечивать сбалансированное, стабильное развитие товарной экономики и рынка, ограничивать ущерб, приносимый стихийностью и неорганизованностью последнего. Планирование должно исходить из потребностей рынка и использовать его закономерности. Одновременно, рынок тоже может быть подвергнут планированию в различных формах. Таким образом, рынок представляет собой как базу, так и объект планирования.

Самой трудной проблемой представляется определение подхода к ценам

в качестве основы реформы политики в области цен. Позиция КПВ в этом вопросе заключается в следующем. Рыночный механизм воздействует в свободной среде на производство и обращение товаров в соответствии с законом, а также оказывает влияние на производственный процесс посредством цен. Вступая в отношения сотрудничества и конкуренции на равноправной основе, производитель, посредник и потребитель, принимающие участие в акте купли-продажи, договариваются о цене, тем самым формируя рыночную цену. Для предприятий эта цена является предпринимательской, поскольку она отражает стоимость товара, соотносится с покупательной способностью денег, испытывает на себе прямое влияние состояния спроса и предложения. Внутренние цены также не могут быть оторваны от цен на мировом рынке. Государство не применяет административно-командные методы для навязывания цен, а использует экономические установки, рычаги и резервы в качестве главного средства воздействия на спрос и предложение, регулирует тем самым цены на рынке. Одновременно указанная линия государства дополняется мерами, направленными против спекулянтов и контрабандистов, которые создают беспорядок на рынке. Государство устанавливает цены на некоторые виды материальных средств и товаров, которые контролируются государственными экономическими организациями ввиду того, что они крайне необходимы для нужд производства и жизни населения. Однако государство не устанавливает дотационные цены на другие материальные средства, которые реализуются по договорным ценам. Дефицитные материально-технические средства продаются предприятиям с торгов или реализуются конкретному предприятию, если ему поручено исполнение госзаказа в директивном порядке. В настоящее время мы осуществляем ценовую политику, исходя в целом из указанной установки. Таким образом, нами проводится политика единых предпринимательских цен, а не дотационных. Лишь около 30 % материально-технических средств реализуются по дотационным ценам с целью создания благоприятных условий для перехода некоторых государственных экономических единиц на рельсы самофинансирования. Постепенно будут ликвидированы и эти дотационные цены.

III

За неполные три года обновления мы извлекли определенный начальный опыт.

Во-первых, обновление должно осуществляться всесторонне и комплексно. Если проводить обновление лишь одной сферы или звена, то этот процесс не принесет желаемого результата. Одновременно при каждом шаге необходимо верно определять ключевое звено, с тем чтобы сконцентрировать усилия на решении соответствующей проблемы. Важным вопросом является правильное определение взаимосвязи между обновлением в экономике и политике. Наша партия сосредоточивает усилия на обновлении экономической жизни. В то же время постепенно обновляет организацию и формы деятельности компонентов политической системы. Концентрация усилий на действенном обновлении экономики отвечает насущным интересам народа, укрепляет веру населения в обновление. Конкретным свидетельством этого является тот факт, что через короткий период после обнародования постановления Политбюро ЦК КПВ о совершенствовании механизма управления сельским хозяйством десятки миллионов крестьян выразили свое одобрение и взялись за осуществление указанного документа. Более того, эффективное обновление в экономике, как уже говорилось выше, не только отвечает экономическим интересам народа, но и дает самые реальные

демократические права всем трудящимся страны. Мы ясно видим, что, проводя экономические реформы в той или иной степени, необходимо создавать дополнительные основы для развития обновления в политической области. Например, вслед за обнародованием закона следует перестроить работу соответствующих организаций, усовершенствовать деятельность государственных органов управления. Раньше мы принимали много директив, направленных на сокращение числа управленцев в кооперативах, однако результаты были неутешительными. В ходе же осуществления реформы механизма управления кооперативов около 200 тыс. работников этой категории было переведено на непосредственное производство.

Однако не следует думать, что мы будем ожидать завершения экономического обновления и лишь затем приступим к обновлению организации и форм деятельности составляющих политической системы. Обновление политической системы должно вестись шаг за шагом, однако то, что можно сделать сразу, следует активно осуществлять уже сейчас. Так обстоит дело с улучшением деятельности Национального собрания и народных советов всех уровней, обновлением методов и стиля партийного руководства в направлении расширения демократии во внутривнутрипартийной жизни, в подготовке и принятии решений, подборе и расстановке кадров, соблюдении статуса и полномочий государственных органов и общественных организаций. Этот вопрос связан также с необходимостью отказа от бюрократических методов руководства, недопущением пренебрежения принципом коллегиальности. Следует, одним словом, развивать демократию в экономике, политике, культуре, идеологической сфере. Хочу заметить, что, осуществляя обновление в политической области, мы продумываем свои шаги. В настоящее время во Вьетнаме по-прежнему сохраняется сложная экономическая ситуация. Мы еще не вышли из состояния социально-экономического кризиса. Более того, этим положением постоянно пользуются внутренние и внешние враждебные силы, небольшая группа оппортунистов, «недовольных», которые активизируют свою деятельность. Без учета этого фактора, без подготовки необходимых условий поспешная политическая реформа, неограниченное расширение демократии и гласности чреваты возникновением нестабильной политической обстановки. А в таком случае не будет условий для обновления.

Во-вторых, в процессе обновления мы смело смотрим правде в глаза, говорим и разъясняем правду народу, решительно устраним ошибки, однако постоянно храним и развиваем хорошие традиции и социалистические ценности.

В истории были моменты, когда наша партия допускала серьезные ошибки, как, например, при проведении земельной реформы и упорядочения организационной работы во второй половине 50-х годов. В то время мы ошибочно отнесли десятки тысяч крестьян к разряду помещиков и кулаков, проявив в их отношении несправедливость. Наша партия вскрыла эти ошибки и, мобилизовав всех на их устранение, подвергла себя серьезной и открытой самокритике перед народом. За год с небольшим мы исправили указанные ошибки, что привело к стабилизации обстановки. За более чем десятилетний период социалистического строительства во всей стране, наряду с успехами, мы допустили серьезные ошибки стратегического плана, что повлекло негативные социально-экономические последствия. Однако наша партия анализирует эти ошибки с объективных позиций, проявляет научно-исторический подход, в духе обновления решительно исправляет их, проводя следующую линию:

— Мы стремимся обеспечить преемственность, развивать позитивные традиции и хранить ценности, возникшие в прошлом. Они являются достоянием партии и всей нации. Мы проводим воспитательную работу таким об-

разом, чтобы каждый член общества стремился к сохранению и развитию традиций. Отрицание позитивных традиций нации, народа, партии было бы не только неверным отношением к жертвам многих поколений, но и привело бы к ослаблению веры народа, его дезориентации, распылению сил обновления. В свою очередь антисоциалистические силы используют подобный негативизм для очернения социализма.

— Мы считаем необходимым понять, что в прошлой исторической обстановке было сделано правильно, однако в сегодняшней ситуации уже не подходит, а потому требует обновления. Если не подвергнуть решительному обновлению те положения, которые потеряли свою актуальность, то возникнет тормоз для высвобождения потенциала социализма.

— Мы стремимся разобраться, какие у нас были неверные представления, политические установки и ошибки в прошлом. Необходимо подвергнуть эти явления объективному анализу с исторических позиций, определить причины, выработать верные меры и мобилизовать всех на решительное исправление ошибок.

Благодаря указанной линии, в процессе обновления наша партия сохраняет прочное единство, консолидирует народные массы, развивает обновление в верном направлении, быстро преодолевает уклоны, борется с негативизмом в отношении традиций и исторических ценностей, проповедующихся некоторыми лицами.

В-третьих, мы проводим и будем проводить линию на расширение демократии во всех областях жизни: в экономике, политике, культуре, идеологии. Это — социалистическая демократия, демократия для народа, прежде всего для рабочих, крестьян, интеллигенции. В процессе развития демократии насущной необходимостью является партийное руководство, неуклонное осуществление демократического централизма, укрепление социалистической законности. Нужно решительно бороться с ошибочными уклонами: административно-командным стилем, притеснениями масс, нарушениями права народа быть хозяином. Одновременно необходимо вести борьбу с буржуазно-демократическими уклонами, экстремизмом, анархией, злоупотреблениями демократией, неприкрытыми попытками создать трудности на пути обновления. Осуществляя демократию для народа, нужно принимать справедливые и своевременные меры в отношении тех, кто подрывает революционные завоевания.

Мы не одобряем плюрализм, чтобы не допустить организованной деятельности антисоциалистических сил. Мотивы здесь довольно простые. Многие поколения вьетнамцев перенесли неисчислимые страдания, проливали кровь ради завоевания власти народом, ради строительства социализма. Нет никакого основания для того, чтобы народ допустил возникновение враждебных сил, которые будут выступать против него, против дела социалистического строительства. Такой подход отнюдь не означает, что мы не умеем применять гибкую тактику в случае необходимости. В 1946 г. после завоевания власти в стране президент Хо Ши Мин и ЦК партии, с учетом соотношения сил в тот момент, предоставили 70 мест в Национальном собрании некоторым реакционным партиям. Однако в ходе вывода гоминьдановских войск из страны реакционные деятели последовали за ними.

Четвертый урок, урок классический, однако сохраняющий свою актуальность и сегодня, заключается в том, что решающим условием для обеспечения победы обновления является овладение партией научно-революционной сущностью марксизма-ленинизма, применение основных положений этого учения в условиях Вьетнама, поиск адекватных форм, методов и шагов.

Наша партия развивает дух поиска, углубленно познает реальности жизни,

обобщает свой опыт, творчески изучает опыт братских стран. Партия ищет наилучшие пути для эффективного решения задач в процессе обновления, понимает необходимость преодоления противоречащих социализму представлений, консервативных и догматических идей. В то же время КПВ постоянно напоминает кадровым работникам и членам партии, что творчество и обновление всегда должны руководствоваться принципами марксизма-ленинизма. В целях обеспечения развития процесса обновления в верном направлении, партия подчеркивает важность неуклонного следования некоторым важным принципам: необходимо быть твердо нацеленными на строительство социалистического Вьетнама; марксизм-ленинизм является неизменной идеологической основой партии, оказывающей руководящее воздействие на всю революционную деятельность вьетнамского народа; нужно крепить мощь и действенность диктатуры пролетариата, усиливать партийное руководство как решающие условия успеха в национальном строительстве и защите родины; создавать социалистическую демократию, развивать право народа быть хозяином; необходимо сочетать патриотизм и с пролетарским и социалистическим интернационализмом, сочетать силу нации с силой современной эпохи в новых условиях.

Одним словом, в процессе обновления необходимо неуклонное следование принципам марксизма-ленинизма и их творческое применение.

Перевод с вьетнамского языка В. Пермякова

СИНДОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИННБОИ АН СССР

СИС: социум, информация, статистика

Японский секрет благосостояния

Японские рабочие заняты на производстве на 200—500 часов в год больше, чем их коллеги на Западе, считают специалисты Национального управления экономического планирования Японии. В опубликованной этим ведомством «Белой книге» о благосостоянии японцев отмечается, что в 1988 г. японский рабочий отработал в среднем 2100 часов. Широко распространена здесь система сверхурочных заданий, что обуславливает достаточно высокий уровень доходов. По данным проведенного опроса, 64 % японцев заявили, что они проводят на работе 45 или больше часов в неделю. 71,7 % опрошенных подтвердили, что они не расположены сокращать сверхурочные работы, если это приведет к уменьшению их доходов.

Счастливы тот, кто родился в «Год лошади»

По прогнозам Министерства здравоохранения Сингапура, в 1990 году, который, как известно, является «годом лошади» по лунному календарю, население страны увеличится на 50 тыс. человек. Для китайцев, которые составляют 75 % 2,6-миллионного населения Сингапура, лунный календарь продолжает играть важную роль в планировании рождения детей. Считается, что дети, появившиеся на свет в «Год лошади», будут счастливыми, энергичными, склонными к инновациям и уверенными в себе.

Ю. СТОЛЯРОВ

Заметное повышение роли и значения тихоокеанского региона в развитии человечества — тенденция, широко признаваемая в современном мире. Более того, в соответствии с многочисленными прогнозами, в перспективе просматривается дальнейшее возрастание роли региона, превращение его в один из ведущих экономических и политических центров современной цивилизации. В основе столь крупного сдвига лежат многие факторы, однако ведущим из них, несомненно, является экономический.

В данной статье анализируются особенности экономических процессов, происходящих в тихоокеанском регионе. Он рассматривается состоящим из двух крупных частей: американской, включающей США, Канаду, Мексику и другие латиноамериканские страны, имеющие выход к Тихому океану, а также азиатско-тихоокеанской, к которой относятся Япония, Австралия, Новая Зеландия; «новые индустриальные страны» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур), члены АСЕАН, а также малые страны и территории южной части Тихого океана (Вануату, Кирибати, Самоа, Фиджи и др.). Кроме того, в АТР и соответственно в тихоокеанский регион входят и социалистические государства (СССР, КНР, МНР, КНДР, СРВ, ЛНДР и ГК). В статье речь идет главным образом о несоциалистических странах тихоокеанского бассейна, которые занимают площадь в 37,3 млн. км²; в них проживает около 1 млрд человек, что составляет 39 и 27 % от соответствующих общих показателей капиталистического мира¹.

Сдвиги в производительных силах и региональном разделении труда

В результате высоких темпов социально-экономического развития страны и территории тихоокеанского бассейна (ТОБ) по ряду показателей вышли на ведущие позиции. В промышленном производстве на них приходится примерно 57 % от общего выпуска в несоциалистической части мира (примерно 44 % общемирового). Здесь же выпускается около 70 % автомобилей, судов, синтетических волокон и телевизоров, около 60 % пластмасс и синтетических смол, более 50 % алюминия и стали². ВВП только двух ведущих тихоокеанских государств — США и Японии — составляет более 40 % от совокупного ВВП капиталистических стран. Если взять азиатско-тихоокеанскую часть, то ее доля в общественном продукте несоциалистических государств мира с начала 60-х по вторую половину 80-х годов возросла с 11 до 19,5 %³. Другими словами, тихоокеанский регион стал средоточием огромных производительных сил, особенно США и Японии, динамично развивающихся в условиях научно-технической революции конца XX столетия.

При всей пестроте складывающейся картины и разнонаправленных тенденциях несомненным и важным является то, что регион стал мировым центром развития электроники и информатики, составляющими сердцевину происходящего переворота в производительных силах человечества. США, Япония и «новые индустриальные страны» (НИС) Дальнего Востока производят около $\frac{3}{4}$ продукции электронной промышленности капиталистического мира, значительно опередили другие страны по многим

Столяров Юрий Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ АН СССР.

качественным показателям в этой области, достигли наибольшей насыщенности средствами электронно-вычислительной техники и информатики, имеют наиболее диверсифицированные программы развития рассматриваемых отраслей. Не менее значительна роль региона в производстве транспортных средств современной цивилизации, он обладает громадными резервами научно-технического развития, превращается в центр самых интенсивных финансовых потоков.

Крупные сдвиги происходят внутри региона в размещении производительных сил, в их структуре, динамике, в соотношении экономических потенциалов его различных частей.

Ведущими государствами в экономическом отношении выступают США и Япония, на которые приходится более 80 % совокупного ВВП тихоокеанского региона⁴. Этот показатель на протяжении 80-х годов практически не менялся, однако на его фоне происходят динамичные качественные сдвиги в концентрации и централизации производства в этих странах и складывании новых очертаний монополистической структуры, в наборе отраслей экономики, в социальной сфере. В результате приходится говорить скорее о том, что разрыв в уровнях социально-экономического развития США и Японии и других стран ТООБ несколько увеличился. Сказанное в первую очередь относится к Японии, закрепившей за собой в 80-е годы статус мировой экономической державы номер два (вслед за США).

При значительном отрыве от других государств между США и Японией происходит довольно быстрое изменение соотношения сил, в том числе в тихоокеанском регионе. Так, в его совокупном ВВП удельный вес США с 1970 по 1987 г. снизился с 71 до 58 %, а Японии — возрос с 14 до 24 %. Во внутрирегиональном экспорте соответствующие данные составили 42 и 30 %, а для Японии — 19 и 24 %. В прямых накопленных инвестициях внутри ТООБ показатели для США снизились с 67 до 58 %, а Японии возросли с 6 до 30 %. В некоторых странах и территориях региона экономическое присутствие Японии стало очень значительным, а в ряде случаев и преобладающим, что можно отнести прежде всего к НИС Дальнего Востока и АСЕАН. Заметных изменений в показателях других развитых капиталистических стран региона — Канады, Австралии и Новой Зеландии — не произошло.

Феноменом экономики капитализма 80-х годов стал рывок НИС Дальнего Востока, которые фактически перешли в разряд капиталистических государств среднего уровня развития⁵. Произошли прогрессивные изменения в структуре экономики НИС, приближенные их по степени зрелости к развитым капиталистическим государствам. В этих странах, особенно в Южной Корее, сформировался круг национальных фирм, способных в ряде отраслей конкурировать с западными ТНК. Удельный вес НИС в промышленном производстве, превысивший 5 %, практически сравнялся с Англией.

За первой «четверкой» новых индустриальных стран Дальнего Востока двинулись вперед НИС «второй волны» — Таиланд и Малайзия, которая «имеет все основания до конца текущего десятилетия войти в группу НИС»⁶.

Для хозяйственной динамики различных частей тихоокеанского региона характерна еще одна особенность, а именно передвижка производительных сил в направлении взаимной ориентации. В частности, быстро увеличивается потенциал тихоокеанских штатов США, где концентрируются самые современные производства. В 1970 г. ВВП пяти тихоокеанских штатов страны составлял 30 % от ВВП 18 атлантических штатов, а во второй половине 80-х годов достиг 45 %⁷. В Японии в «тихоокеанском поясе», то есть в основном на территории между Токио и Осака, проживает примерно $\frac{2}{3}$ населения страны и производится около 80 % ее промышленной продукции. Аналогичные процессы происходят в Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

В экономике несоциалистической части тихоокеанского региона явственно просматриваются несколько групп государств и территорий, заметно отличающихся по уровню социально-экономического развития и потому довольно слабо конкурирующих между собой в региональном разделении труда. Впереди идут США и Япония, а также другие развитые капиталистические государства ТООБ. Далее — НИС и быстро приближающиеся к ним Таиланд и Малайзия, затем Индонезия, Филиппины, Бруней и, наконец, малые островные государства южной части Тихого океана. В этом разноэтажном разделении труда экономика НИС и АСЕАН оказалась тесно привязанной к народно-хозяйственным комплексам США и Японии, она является их фактическим продолжением и служит важным резервом развития для последних. Именно в эти страны и

территории в значительной мере передаются некоторые отрасли японской и в меньшей степени американской промышленности — черная металлургия, крупнотоннажная химия, текстильная промышленность, судостроение, электроника, бытовая электротехника и др.

В результате в тихоокеанском регионе сформировался интенсивный процесс передачи и циркулирования производственных мощностей, капиталов и технологии, в значительной мере способствующий интенсификации внутрихозяйственных обменов, экономическому сближению расположенных здесь стран и территорий. Наиболее последовательную линию на превращение хозяйств соседей в один из цехов собственной экономики проводит Япония. На волне прямых инвестиций в НИС первоначально были перемещены значительные мощности в текстильной промышленности и крупнотоннажной химии. Это перемещение совпало по времени с проведением начальной индустриализации в «четверке» и стимулировало ее. В 80-е годы началось интенсивное распространение из Японии, а также США более сложных в технологическом отношении отраслей — электротехнической и электронной, в существенной мере двигающих научно-техническую революцию. С 1977 по 1987 фин. г. общая сумма капиталовложений японских компаний в эти отрасли в АТР возросла с 0,3 до 1,7 млрд. долл., а число занятых на соответствующих предприятиях с участием японского капитала достигло 743 тыс. человек⁸. Одновременно вывозится и японская технология. В Южной Корее в 1962—1987 гг. было зафиксировано 4,7 тыс. случаев покупки технологии, из которых на Японию пришлось 2,5 тыс. (54,4 %). Для Тайваня соответствующие данные составляют 1,5 тыс. (63,8 %)⁹.

Эффект от указанного переноса производств, названный «эффектом бумеранга», был значительным. Во второй половине 80-х годов Южная Корея, Тайвань и Гонконг, благодаря развитию у себя текстильной промышленности, захватили до 1/4 внутреннего рынка Японии, а по трикотажу — более 50 %¹⁰. Мощности «четверки» по выпуску синтетических волокон превысили 80 % соответствующих мощностей японских производителей. За 1985—1987 гг. японский импорт цветных телевизоров из НИС вырос в 16,2 раза, видеомагнитофонов — в 9,1, прочей бытовой электроники — в 2—3 раза¹¹. Аналогичная ситуация разворачивается в автомобиле- и судостроении, черной металлургии, химической, пищевой и других отраслях промышленности.

В результате степень сцепления экономики Японии, а также США с рядом государств АТР и прежде всего с «новыми индустриальными» неуклонно растет, достигнув по международным стандартам очень высокого уровня. Например, благодаря экспорту на японский рынок, ежегодный прирост ВВП НИС во второй половине 80-х годов обеспечивался на 57 %, а для стран АСЕАН — более чем на 25 %¹². Велика роль Японии в формировании здесь фонда производственного накопления. Оценки показывают, что Япония обеспечивает более 50 % внешних источников финансирования экономики НИС и приблизительно 10 % от общих капиталовложений в их экономику. Понятно, что без японского фактора сколь-нибудь нормальный ход производственного накопления и воспроизводства в странах Северо-Восточной Азии был бы в современных условиях невозможен. Примерно то же самое можно сказать и о роли США.

Процессы меж- и особенно внутриотраслевого разделения труда в несоциалистической части ТОб все больше и больше размывают географические границы «национально-обособленных» народнохозяйственных комплексов, они создали качественно новую степень взаимосцепления экономик стран региона. Идет их быстрое хозяйственное сближение на уровне ТНК, средних и мелких компаний, образуются интеграционные ядра в ряде отраслей промышленности. Другими словами, поток хозяйственного сближения в ТОб во все большей мере принимает форму интеграционных связей, что составляет главную особенность развития его производительных сил. Реализация этого процесса идет через международные экономические отношения внутри ТОб.

Международные экономические отношения в регионе

Для экономических обменов в регионе характерен в целом высокий уровень развития. На первое место, с точки зрения глубины воздействия на сдвиги в производительных силах, выдвинулось внутрирегиональное прямое инвестирование. Именно его следует рассматривать как главный материальный носитель интернационализации хозяйственной жизни в ТОб и сопутствующих ей процессов. Оно же во многом

определяет тенденции и во внешней торговле. Обмен прямыми капиталовложениями в регионе выполняет и такую важную функцию, как интенсификация технологических трансфертов, формирование длительных и устойчивых межфирменных связей. Иностранные инвестиции выступают необходимым условием экономического общения в условиях интернационализации и предполагают использование и взаимодействие всех форм экономических связей: разовых сделок, лицензионных соглашений, зарубежных дочерних предприятий, кооперационных соглашений и т. д.

Прямые производственные инвестиции внутри региона, сделанные его странами, оценивались к концу 80-х годов примерно в 220 млрд. долл., что составляет около 30 % от всех прямых капиталовложений в капиталистическом мире. Из этой суммы более 80 % приходится на США и Японию. На 1987 г. американские капиталовложения в ТОВ оценивались в 110 млрд. долл., а японские — в 102 млрд. долл., что составляло 45 и 73 % от общей суммы их прямых зарубежных инвестиций¹³. Приведенные относительные показатели говорят о весьма высокой концентрации капиталовложений именно и прежде всего в тихоокеанском регионе, причем эта концентрация возрастает: в 1980 г. соответствующие данные были 32,3 % (69,7 млрд. долл.) и 66 % (24,2 млрд. долл.). Указанная тенденция носит долгосрочный характер и ясно говорит о тихоокеанском приоритете в глобальной деятельности американских и японских ТНК.

Анализ позволяет выделить несколько слоев в зарубежном инвестировании внутри ТОВ, примерно соответствующий сложившемуся здесь разноэтажному разделению труда. Первый слой образуют взаимные прямые капиталовложения развитых стран. Только на инвестиции США в Канаде (около 70 млрд. долл.) и Японии в США (более 50 млрд. долл.) приходится более половины внутрирегиональных иностранных капиталовложений. Далее с большим отставанием следует Австралия, где прямые вложения США составляли 20 млрд. долл., а Японии — 5,7 млрд. долл. Здесь же находится и Япония, в которой американские прямые капиталовложения достигли 4020 млн. долл. Именно интенсивный обмен капиталовложениями между развитыми странами в существенной мере формирует главные тенденции в структурных сдвигах в экономике и во внутрирегиональном разделении труда.

Второй эшелон образуют капиталовложения развитых стран, в первую очередь США и Японии, в НИС и развивающиеся страны. На 1 апреля 1988 г. инвестиции Японии в НИС достигли 11,7 млрд. долл. На их основе промышленной продукции в «четверке» производилось не менее чем на 50 млрд. долл., в том числе в Южной Корее — на 15 млрд. долл. Американские прямые вложения составляли здесь на начало 1988 г. 10,3 млрд. долл. В НИС Дальнего Востока, а также в других государствах АТР монополии США и Японии захватили лидирующие позиции.

Место США и Японии в иностранных капиталовложениях в странах АТР

	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место
Южная Корея (1986)	Япония — 51,6 %	США — 28,6 %	Гонконг — 4,3 %	Прочие — 15,5 %
Гонконг (1986)	США — 41,2	Япония — 20,5	КНР — 15,2	Прочие — 23,1
Сингапур (1984)	США — 29,7	Япония — 23,0	Англия — 13,1	Прочие — 34,2
Таиланд (1986)	Япония — 20,5	США — 19,1	Австралия — 6,3	Прочие — 54,1
Малайзия (1985)	Англия — 28,6	Япония — 27,5	Сингапур — 19,1	Прочие — 24,8
Индонезия (1986)	Япония — 33,2	Гонконг — 11,9	США — 7,7	Прочие — 47,2
Филиппины (1986)	США — 54,0	Япония — 15,7	Гонконг — 6,2	Прочие — 24,1

Источник: Economics Today.— Summer 1988. — P. 144.

Нельзя не признать, что в результате американских и японских инвестиций в прямой, а также в ссудной формах процессы первоначальной индустриализации в

НИС Дальнего Востока получили значительный толчок, более того, едва ли были бы без них возможны. Так, в Южной Корее удельный вес иностранных ресурсов в общем объеме ее капиталовложений составлял в среднем 47,7 % в 1962—1966 гг., 38,8 % в 1967—1971 и 20,8 % в 1971—1976 гг. 100 % химической, алюминиевой и стальной промышленности, 80 % производства стального проката и холодильников, 50 % цементной промышленности контролируется японским капиталом¹⁴. На основе японских и американских инвестиций в значительной мере формировались направления участия НИС в региональном разделении труда, соответствующие развитию в них главных отраслей экономики (бытовая электроника и электротехника, суда, автомобили, одежда, текстильные изделия и т. д.).

В результате, вследствие массированных иностранных инвестиций, НИС Дальнего Востока по существу вырвались из так называемого вертикального разделения труда и закрепляются ныне на горизонтальном уровне межотраслевых связей. Другими словами, молодые государства во многих случаях успешно использовали иностранный капитал в тех формах и на тех направлениях, которые наиболее отвечают интересам национального развития. Осуществлялось это, в частности, посредством гибкого законодательства, а также путем создания экспортно-производственных зон. Именно они, а также так называемые технологические парки особенно характерны для АТР, где играют важную роль своего рода шлюза, посредством которого экономики развивающихся стран подключаются к региональным экономическим связям.

Экономические достижения молодых государств региона и рост концентрации и централизации капитала здесь позволил им с 80-х годов прочно встать на путь экспорта инвестиций — в США и отчасти в Японию, а также в перекрестном направлении. Южная Корея вложила в виде прямых производственных инвестиций в экономику Индонезии 215 млн. долл., Сингапура — 313 млн., Гонконга — 314 млн. долл.; Тайвань имел инвестиций в Таиланде на 561 млн. долл.¹⁵ и т. д. Специализация вывоза прямых капиталовложений из перечисленных стран и территорий еще не просматривается достаточно четко, для них характерны резкие отраслевые изменения (в силу сравнительно небольших размеров и «молодости»). Однако не вызывает сомнений, что этот поток инвестиций также действует в направлении интернационализации хозяйственной жизни в ТОВ, укрепления взаимных экономических связей.

Помимо капиталовложений, важную роль в динамичном развитии внутрирегиональных экономических связей играет внешняя торговля. Ее оборот в несоциалистической части ТОВ достиг значительных размеров — более 1600 млн. долл. (на 1987 г.)¹⁶. Характерно, что внутрирегиональная торговля прежде всего вывоз, растет существенно быстрее, чем весь капиталистический экспорт. Он увеличился с 1970 по 1987 г. с 60 до 820 млрд. долл., а его удельный вес в капиталистическом экспорте — с 22 до 38 %. Доля развитых и молодых стран во внутрирегиональном экспорте за тот же период практически не изменилась: соответственно 68 и 32 %. Среди капиталистических стран заметно увеличилась доля Японии и сократилась США.

Среди развивающихся стран и территорий окрепли позиции НИС и сократился вклад латиноамериканских стран тихоокеанского побережья. За 1970—1988 гг. стоимостной объем вывоза НИС возрос более чем в 17 раз, а удельный вес в капиталистическом экспорте — с 3,3 до 8,0 %. Ежегодный объем экспорта из Южной Кореи, Тайваня и Гонконга превзошел аналогичные показатели Швейцарии, Австралии и Норвегии. Устойчиво увеличивается доля внутризонального обмена (63 %), что свидетельствует о возрастании взаимодополняемости и взаимозависимости экономик партнеров. Ее доля высока у большинства стран ТОВ и составляет по экспорту более 50 % у США, 60 — Японии, 65 — Австралии, около 80 — Канады, более 70 — стран АСЕАН, свыше 60 — НИС, 55 % — малых островных государств и территорий. Указанные показатели свидетельствуют о достижении практически неразрывных экономических связей между партнерами, нового качества экономической взаимозависимости.

Главные тенденции в тихоокеанской торговле определяют США и Япония. Соединенные Штаты имеют здесь крупнейшие торговые потоки в мире между двумя партнерами, а именно: с Канадой и Японией. Высокой степени развития достигла торговля США с НИС. Практически для всех партнеров в регионе американский рынок является самым обширным, доступным и важным¹⁷. Так, Япония 36,5 % своего вывоза направляет в США, около 39 % Южная Корея, 25 % Сингапур и т. д.¹⁸. В этом смысле внутри-

тихоокеанская торговля в значительной степени держится на США и во многом зависит от их внешнеторговой политики.

Что касается Японии, то на нее приходится около 20 % внешнеторгового оборота внутри региона. Во внешней торговле отдельных стран и территорий ее доля также весьма высока и по существу определяет главные тенденции в этой области. На японский рынок направляется около 16 % экспорта Южной Кореи, 50 — Индонезии, 9 — Сингапура, 25 % — Малайзии и т. д. По импорту зависимость ряда стран еще более высока. Так, для Южной Кореи она составляет более 34 %, Сингапура — 20 %. Повышается значение НИС во внешней торговле и Японии. В ее экспорте удельный вес «четверки» возрос с 1970 по 1987 г. с 13,7 до 17,2 %.

Страны ТООБ осуществляют, хотя и с различной степенью интенсивности, мероприятия по взаимной либерализации внешней торговли, снижению таможенных пошлин, облегчению внешнеторговых процедур и т. п. С 1 января 1989 г. вступило в силу соглашение о свободной торговле между США и Канадой. Значительные преференции существуют во взаимной торговле Австралии и Новой Зеландии, а также внутри группировки Южнотихоокеанский форум.

Постепенно снижаются таможенные пошлины во взаимной торговле стран АСЕАН, в соответствии с заключенным в 1977 г. между ними преференциальным торговым соглашением. Снижение пошлин от 10 до 30 % охватило до 8 % их взаимного товарооборота. В результате товарооборот внутри группировки с 1970 по 1987 г. возрос почти в 13 раз, а его доля в общей торговле АСЕАН до 18 %. Группировка стремится расширить указанную практику в первую очередь в отношении своих главных партнеров — США, Японии и ЕЭС. Набирает силу тенденция взаимной либерализации в торговле АСЕАН с НИС. Влияние указанных выше мер на внешнеторговый климат в регионе становится значительным, они определенно стимулируют внутрорегиональный товарооборот, усиливают тенденцию к созданию здесь в перспективе зоны свободной торговли.

Для внутрорегионального торгового обмена характерна в основном взаимодополняющая структура, определяемая многоэтажным разделением труда между его участниками. Продукция, вывозимая молодыми странами, практически не конкурирует, например, с продукцией США или Японии. Последние в свою очередь заинтересованы во ввозе сырья из развивающихся стран, во многих видах их готовой продукции, в основном среднего технологического уровня. Даже взаимная торговля между США и Японией, несмотря на огромную несбалансированность и острые экономические противоречия между ними, по многим товарам имеет неконкурирующий характер. То же самое можно сказать и о торговле США с НИС.

Интенсивное развитие внутрорегиональной миграции валюты и капиталов для обслуживания потребностей экономического развития, зональной торговли и других операций потребовало развития в тихоокеанском регионе крупных международных валютно-финансовых центров. Главными из них стали Сингапур и Гонконг, которые входят в десятку крупнейших мировых финансовых центров (МФЦ) и по степени развития рынков ценных бумаг, золота, валютных и кредитных рынков не уступают многим ведущим финансовым центрам промышленно развитых стран. Указанные центры представляют собой важные звенья в цепи валютно-кредитных взаимосвязей в мировом капиталистическом хозяйстве, это своего рода кровеносная система, питающая экономику региона.

Ныне через финансовые центры АТР промышленными и банковскими монополиями Запада совершается не менее 12 % всего объема международных валютно-кредитных операций капиталистического мира¹⁹. В Сингапуре и Гонконге сосредоточено, по самым минимальным оценкам, свыше 400 млрд. долл. В банковское сообщество в Сингапуре входит 137 коммерческих банков (из них 115 — иностранные), 63 торговых банка, 31 финансовая компания, а также десятки страховых компаний, валютные брокеры и т. д.²⁰

Из трудностей и особенностей экономического развития молодых государств АТР и их подчиненного положения в региональных валютно-финансовых отношениях выросла и обострилась проблема внешней задолженности. Хотя ее общие размеры значительно уступают задолженности Латинской Америки и Африки, для отдельных государств она стоит весьма остро. Внешний долг Индонезии на конец 1987 г. достиг 36 млрд. долл., Филиппин — 29 млрд. долл., Малайзии — 16,6 млрд. долл.²¹. Для этих стран погашение задолженности представляется весьма непростой проблемой. Достаточно отметить, что

платежи в счет погашения составили соответственно 5,4; 3,3 и 3,0 млрд. долл. только в одном 1987 г.²² На это уходило более 30 % поступлений указанных стран от товарного экспорта, что представляется высоким показателем по международным стандартам.

Другая картина в этой области складывается у Южной Кореи, Таиланда, Тайваня и Гонконга. Южная Корея, например, имеет самую большую внешнюю задолженность среди государств АТР — 39 млрд. долл. на конец 1987 г., Таиланд — 17 млрд. долл. Они же выплачивают в счет погашения и самые крупные суммы — соответственно 7,5 и 2,3 млрд. долл., тем не менее их платежеспособность не вызывает опасений у международных кредиторов. Связано это с тем, что НИС Дальнего Востока сумели создать экспортный потенциал, достаточный для того, чтобы сбалансированно управлять внешней задолженностью страны. В результате Южная Корея со второй половины 80-х годов стала уменьшать свою задолженность, а в начале 90-х годов, как показывают оценки, превратится в чистого кредитора и активного экспортсера капитала. Валюты Южной Кореи и Тайваня дорожают на международных рынках, происходит их ревальвация. Тайвань сумел накопить огромные инвалютные резервы — 74 млрд. долл., уступающие в мире лишь резервам Японии (97,7 млрд. на конец 1988 г.).

При всей пестроте картины и тенденций, имеющих место в валютно-финансовых отношениях в регионе, главные направления развития последних определяют США и Япония и их валюты — доллар и иена. Между двумя странами имеет место огромная миграция капиталов, наибольшую активность в которой проявляет Япония. Она выступает сегодня в качестве важнейшей внешней опоры доллара. Эту новую роль Японии один английский еженедельник весьма выпукло выразил следующим образом: «В настоящее время японские капиталы, вложенные в финансовые активы, бурным потоком переливаются через Тихий океан, грозя затопить финансовые центры на противоположном берегу. Если только Япония не продолжит свои инвестиции в американскую экономику, темпы ее роста замедлятся»²³.

Отмеченная тенденция в целом отвечает интересам и других стран региона. Отражая их, премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю заявил: «Япония должна укреплять иену в качестве одной из резервных валют»²⁴. Хотя Японии предстоит пройти немалый путь в этом направлении, все же достаточно очевидным представляется то, что ко второй половине 90-х годов в тихоокеанском регионе наступит эра совместного существования сильной иены и сильного доллара.

Существенную роль в интернационализации всех сфер общественной жизни в ТОБ имеет динамичная система транспорта, связи и инфраструктуры в самом широком смысле слова. Ее наличие позволило в значительной мере сблизить страны и территории, разбросанные на огромных пространствах Тихого океана, ускорить и интенсифицировать все виды коммуникаций. Ведущее место во внутрирегиональных перевозках занимает морской транспорт, который осуществляет здесь около 1/4 всех мировых перевозок по морю. В ТОБ производится около 38 % мировых авиaperезвозок и этот показатель быстро растет²⁵. Страны несоциалистической части региона рассматривают проекты создания здесь в 90-е годы спутниковой связи, которая будет осуществлять внутреннюю и международную связь в области просвещения, научных исследований, медицины и т. д. Особую активность в этой области проявляет Япония, намеревающаяся предложить собственные спутники связи²⁶. Для координации деятельности странами региона создан Тихоокеанский совет электросвязи; вопросами сотрудничества между службами новостей государств ТОБ занимается Организация информационных агентств стран Азии и Тихого океана.

На пути к экономической интеграции

Процессы, происходящие в развитии производительных сил в несоциалистической части Тихого океана и в ее международных экономических отношениях, явственно говорят о хозяйственном сближении стран и территорий региона. Еще несколько лет назад этими словами вполне можно было ограничиться при характеристике главной особенности интернационализации здесь хозяйственной жизни. Однако во второй половине 80-х годов рассматриваемые процессы достигли качественно нового уровня и в ряде случаев начали приобретать интеграционный характер. При этом главными движущими силами выступают научно-техническая революция, происходящие глубокие сдвиги в производительных силах в регионе, развитие всех форм разделения труда

в региональном масштабе. Основными носителями интеграционных тенденций в ТООБ выступают сегодня американские и японские ТНК. Когда к ним в полной мере подключатся национальный капитал и монополии других стран региона, можно будет говорить не о тенденциях, а об экономической интеграции в подлинном смысле этого слова.

В странах ТООБ осмысление реальностей экономической жизни породило немало предложений об оформлении их политическими средствами. В частности, в конце 70-х годов был выдвинут проект создания «тихоокеанского сообщества»²⁷. Жизнь, однако, не позволила реализовать его в виде, предлагаемом его инициаторами — Японией, Австралией и США. Причинами тому были слишком разные уровни и масштабы развития экономики вероятных стран-участниц, их различное положение в мире и регионе, далеко не совпадающие экономические и политические интересы. В настоящее время основной интегрирующей идеей в ТООБ стало «тихоокеанское сотрудничество», в рамках которого выдвигаются различные новые предложения. Одно из последних — «инициатива регионального экономического сотрудничества» — принадлежит Австралии. В целом в регионе идет широкий разговор о направлениях и средствах экономического сближения.

Пока же движение к интеграции в ТООБ реализуется в форме развития тесных производственных связей между предприятиями и отраслями промышленности. Главным ядром здесь выступает электронная и электротехническая отрасли, фактически превращающиеся в единый производственный комплекс. Помимо интеграционных связей на уровне предприятий, важные шаги были предприняты странами ТООБ в политическом плане для стимулирования хозяйственного сближения по всему спектру торгово-экономических отношений.

На сегодняшний день в регионе имеется три экономических системы интеграционного характера: североамериканская, АСЕАН, а также Австралия и Новая Зеландия в составе Южнотихоокеанского форума. Ведущей является североамериканская, объединяющая США и Канаду. Между ними длительное время набирали интенсивность хозяйственные связи на уровне предприятий. Когда эти связи достигли высокого уровня, правительства двух стран оформили сложившееся положение и перспективы движения вперед соглашением о свободной торговле. Соглашение вступило в силу с 1 января 1989 г. Оно предусматривает в течение 10 лет отмену ограничений в торговле товарами и услугами, создание механизма урегулирования взаимной конкуренции и конфликтов, либерализацию ограничений на инвестиции США в Канаде. В торговле услугами предусматривается взаимное предоставление компаниям национального режима в архитектуре, туризме, телекоммуникациях, в компьютерных и финансовых услугах, на транспорте. Составной частью соглашения стала договоренность об отмене всех ограничений на иностранную собственность в кредитно-финансовой системе Канады и для канадских банков в США.

Несмотря на образование мощного американо-канадского тандема, перед двумя странами стоят непростые задачи приспособления своих экономик к быстро меняющимся реалиям тихоокеанского региона. Что касается Канады, то тесные экономические узы с США не мешают ей развивать отношения с Японией и другими странами ТООБ. Сочетание этих двух линий, как представляется, позволит Канаде и в дальнейшем чувствовать себя достаточно уверенно в экономике региона.

Что касается США, то и в обозримом будущем они останутся одной из ведущих сил в экономике тихоокеанского региона. Однако параллельно будет происходить относительное ослабление их экономических позиций в первую очередь по отношению к Японии. Соединенным Штатам придется поэтому рано или поздно искать свое новое место в регионе в составе какой-либо интеграционной группировки помимо североамериканской интеграции. Главное в этом поиске, как представляется, будет заключаться в установлении иных, нежели сегодня, отношений в торгово-экономической области с Японией.

Специфические проблемы в нахождении своего места в экономике региона имеют НИС и страны АСЕАН. Большие потенции для последних имеет укрепление связей внутри интеграционной группировки, расширение внутреннего рынка. Для стимулирования этого процесса «шестерка» заключила несколько важных договоренностей. Среди них — соглашение 1977 г. о прерференциях во взаимной торговле. В 1981 г. страны Ассоциации подписали основное соглашение о промышленной взаимодопол-

няемости в частном секторе, предусматривающее реализацию специальных программ развития производства ряда промышленных товаров.

Все это, наряду с собственной политикой каждой страны по развитию национальной экономики, принесло АСЕАН, а также НИС очевидные успехи. Однако в будущем видны и их пределы. Они в значительной мере определяются тем, что АСЕАН и НИС находятся в мощном поле тяготения экономик США и Японии, выступают в качестве неразрывного звена в передаче — циркуляции производства, технологии и капиталов из этих двух стран. Вырваться из указанного круга для АСЕАН и НИС представляется маловероятным. Поэтому приспособление к меняющейся структуре регионального разделения труда, прогнозирование различных вариантов интеграционных группировок невозможно для АСЕАН и НИС без учета первостепенного фактора Японии и США, направлений их дальнейшего экономического развития. Расширение торгово-экономических связей с другими странами будет все же иметь для АСЕАН и НИС подчиненное значение, главным образом в плане диверсификации и своего рода балансирующего фактора в отношениях с Вашингтоном и Токио.

Еще одним ядром интеграционных процессов в регионе выступает южная часть Тихого океана и прежде всего Австралия и Новая Зеландия. С 1965 г. между ними действует соглашение о свободной торговле, стимулировавшее все виды взаимных экономических связей. Стороны позднее подписали договор о «тесных экономических отношениях», нацеленный на ликвидацию барьеров практически по всему спектру торгово-экономических обменов. В частности, к 1 июля 1990 г. должны быть полностью отменены все торговые пошлины и таможенные тарифы. Фактически действует единый рынок рабочей силы. К 2000 г. Канберра и Веллингтон намерены создать единую валюту и подойти к экономическому слиянию. Объединительные тенденции между двумя странами оказывают генерирующее воздействие на деятельность такой экономической группировки, как Южнотихоокеанский форум, где Австралия и Новая Зеландия играют главную роль.

Вместе с тем появляются и негативные для экономического развития Австралии и Новой Зеландии тенденции. Австралия, например, переживает период относительного ослабления экономических связей и с США, и с Японией, особенно по линии притока капиталов для разработки природных ресурсов. Вызвано это тем, что в условиях НТР и структурной перестройки экономики значение австралийских природных богатств для США и Японии снизилось. В значительной мере оказалось размытым одно из основных направлений регионального разделения труда, в соответствии с которым американские инвестиции способствовали добыче сырья в Австралии, которое направлялось в Японию, а японская готовая продукция в свою очередь — в США. Главное для Австралии заключается в том, насколько успешно она сумеет перестроить свою экономику в соответствии с тенденциями международного разделения труда в ТОВ.

Япония на сегодняшний день не участвует ни в одной экономической группировке региона. Тем не менее масштабы и уровень развития ее экономики и внешнеэкономических связей позволяют ей оказывать глубокое воздействие на экономические процессы в ТОВ. Его страны рассматривают Японию в качестве главного, наряду с США, экономического партнера в регионе.

В самой Японии давно и прочно определили страны ТОВ как главное направление внешнеэкономических интересов: этот выбор еще более окреп в современных условиях. Будучи лидером в региональном разделении труда, Токио в состоянии выбирать себе партнеров в ходе дальнейшего экономического сближения стран и территорий АТР. Представляется, что на обозримую перспективу это уже сделано. Прежде всего мощные центроостремительные тенденции действуют в экономических отношениях с США. Обе стороны приступили к контактам относительно заключения японо-американского соглашения о свободной торговле, аналогичного соглашению США и Канады. Процессы, имеющие место в японо-американских экономических отношениях, а также в деятельности монополий обеих стран на рынках АТР, говорят о том, что в экономических связях двух стран намного больше объединяющего их, чем разъединяющего. Речь идет о качественно новом уровне взаимозависимости и дополняемости в отношениях США и Японии в экономической области, требующем нового осмысления, исключающего подмену реальных тенденций схоластическими рассуждениями об «обострении межимпериалистических противоречий».

В целом тенденции в экономике тихоокеанского региона дают немалые основания для того, чтобы рассматривать США, Японию, НИС, страны АСЕАН, а также Австралию, Новую Зеландию и Канаду в качестве неперенных участников широкого движения к экономической интеграции. Важным событием в этом направлении явилась Конференция по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, прошедшая в Австралии в ноябре 1989 г. В ней приняли участие 12 названных выше стран региона, которые впервые на правительственном уровне приняли решение о совместной политике на правительственном уровне приняли решение о совместной местной политике по активизации торгово-экономического сотрудничества. По существу конференция явилась одним из шагов к созданию новой региональной экономической организации — Азиатско-тихоокеанского экономического форума. Пока еще преждевременно говорить о его целях и месте среди других организаций ТОБ, однако нельзя не отметить, что новая организация в принципе не исключает участия в ней социалистических государств, в том числе и Советского Союза.

В этом контексте нельзя не сказать о роли социалистических государств в хозяйственном сближении стран и территорий ТОБ, в том числе в его северо-восточной части. Пока социалистические страны региона могут внести заметный вклад и стараются сделать это, в основном, в военно-политическую область межгосударственных отношений. В результате международно-политическая обстановка в регионе за последние годы значительно смягчилась. Не будет преувеличением сказать, что главную роль в этом сыграли крупные миролюбивые инициативы СССР, КНР, МНР, СРВ и других социалистических государств.

Определенные меры, демонстрирующие заинтересованность в развитии тихоокеанских связей, были предприняты социалистическими странами, в зависимости от специфики каждой из них, и в торгово-экономической области: разработаны законодательства о создании совместных предприятий с партнерами из региона, расширяется торговля с ними, укрепляются научно-технические и иные связи, активизируются контакты с региональными экономическими организациями и т. д. В результате приходит конец длительной изолированности социалистических стран от тихоокеанского рынка, а некоторые из них, например КНР, добились в этом отношении больших успехов.

С учетом отмеченных выше факторов практически каждой из социалистических стран был принят по существу новый тихоокеанский курс, главными отличительными чертами которого являются учет реалий в регионе, отход от конфронтационных схем, стремление к конструктивному диалогу, наполнение выдвигаемых предложений конкретными делами.

Инициативы социалистических государств, надо сказать, встретили, хотя и в разной степени, позитивный отклик в странах-партнерах по региону. Резко активизировались взаимные контакты практически по всем линиям, дело постепенно начинает двигаться к развертыванию общерегионального диалога. На этом направлении имеются, конечно, и немалые трудности, преодоление которых потребует и терпения и времени.

Думается, что тихоокеанские государства заинтересованы в активной поддержке позитивных тенденций, в том, чтобы они переросли в устойчивое движение вперед, все дальше и дальше от былой конфронтации. Располагая опытом неудач и успехов диалога различных групп государств в Европе, который после длительного времени вывел их в конце концов на дорогу широкого сотрудничества, в том числе в сфере экономики и интеграционных процессов, страны ТОБ могли бы пройти этот путь значительно быстрее, с выгодой для каждой из них и для всех вместе.

1. Pacific Economic Community Statistica, 1988.— Tokyo, 1988.— P. 23, 25. (Данные на 1987 г. Они отличаются от показателей других авторов и источников. См., например: «Проблемы Дальнего Востока» 1988.— № 3.— С. 8—9, где США представляют лишь тихоокеанские штаты, а также исключены Канада, латиноамериканские страны ТОБ и малые страны и территории южной части Тихого океана. К тому же в материале журнала «ПДВ» показатели относятся к мировому валовому продукту (то есть, очевидно, с включением социалистических стран), в то время как в данной статье — к ВВП капиталистического мира. Имеются различия в датах и другие особенности. Все это говорит о трудностях подсчета экономических показателей и их известной условности.)

- ² Ibid.— P. 99—121.
- ³ Weltwirtschaft: pazifische Nerausforderung und europäische Antwort.— Köln, 1987.— S. 9.
- ⁴ Здесь и далее подсчеты по: Pacific Economic Community Statistics, 1988; Direction of trade statistics yearbook, 1988.— Washington, 1989 и др.
- ⁵ См.: В. Д. Андрианов. «Новые индустриальные страны» в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1989; Trade and structural change in Pacific Asia / Ed. by C. I. Bradford, W. H. Branson.— Chicago, London, 1987.— P. 27—31, 119—125; Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1987.— Bangkok, 1988.— P. 15—19.
- ⁶ Op. cit.: Trade and structural change in Pacific Asia.— P. 464.
- ⁷ Внешняя торговля.— 1988.— № 6.— С. 40.
- ⁸ 2000-нэн-ни ватару тайхэйё кэйдзайкэн-но кодзо-то тэмбо.— Токио, 1988.— С. 329—330.
- ⁹ Цусё хакусё. Сорон, 1988.— Токио.— 1988.— С. 236.
- ¹⁰ Far Eastern Economic Review.— 1988.— 13 October.— P. 54.
- ¹¹ Экономсүто.— 1988.— 5 апреля.— С. 22.
- ¹² Цусё хакусё. Сорон, 1988, С. 228.
- ¹³ Следует помнить об известной условности приведенных сравнений из-за различий в методике расчетов. Кроме того, здесь не учитываются реинвестиции на месте, которые у США пока значительно больше, чем у Японии. В результате реальные, а не бухгалтерские объемы инвестиций США в регионе превышают японские на большую величину. Здесь и далее подсчитано по: Survey of Current Business.— 1988.— № 8; Вага кун-но кайгай дзигё каудо. 1988.— Токио, 1988; Гайсикэй кигё-но доко, 1988.— Токио, 1988.
- ¹⁴ Т. Ватанабэ. Гэндай Канкоку кэйдзай бунсэки. Кайхапу кэйдзайгаку-то гэндай Адзиа.— Токио, 1983.— С. 34—35.
- ¹⁵ Цусё хакусё. Сорон, 1988.— С. 226.
- ¹⁶ Здесь и далее подсчитано по: Direction of trade statistics yearbook, 1988.— Washington, 1988; Pacific Economic Statistics, 1988 и др.
- ¹⁷ Подробно см. А. Б. Парканский. Экономические интересы США в азиатско-тихоокеанском регионе. М., 1983.
- ¹⁸ Цусё хакусё. Какурон, 1988.— Токио.— 1988.— (данные за 1987 г.).
- ¹⁹ Здесь и далее данные Pacific Growth and Financial Interdependence / Ed. by Augustine H. H. Tan and Basant Capur.— Sidney — London — Boston, 1986.
- ²⁰ Euromoney.— 1984.— April.— P. 104—112; The Banker.— 1988.— June.— P. 45—50.
- ²¹ Asian Security, 1987.— Токио, 1987.— P. 108—110.
- ²² Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1987.— P. 23.
- ²³ Economist.— 1987.— 3 May.— P. 32.
- ²⁴ Нихон кэйдзай симбун.— 1988.— 15 января.
- ²⁵ Pacific Economic Community Statistics.— 1988.— P. 113—115.
- ²⁶ Нихон кэйдзай симбун.— 1988.— 8 ноября.
- ²⁷ Подробно см.: Тихоокеанское сообщество: планы и перспективы.— М., 1987; Е. Б. Ковригин. Противоречия и перспективы формирования «тихоокеанского сообщества».— М., 1987.

Совместные предприятия в КНР

*М. ТРИГУБЕНКО,
Г. ТОЛОРЯ,
А. МАНСУРОВ*

Идеи совместного предпринимательства как формы использования иностранного капитала были высказаны еще В. И. Лениным. Однако только в 70—80-е годы совместные предприятия (СП) стали своеобразной «визитной карточкой» новой внешнеэкономической стратегии ряда социалистических стран, символом политики открытости их экономики для внешнего мира. Вместе с тем вскоре выявились серьезные трудности в конкретных формах использования иностранных инвестиций: в интеграции капиталистической экономической системы с по сути антирыночной административно-бюрократической системой управления в социалистических странах, в их неумении наладить партнерство с Западом, в отсутствии гарантий и правовых основ сотрудничества в СП. Выявились и другие, общие для всех социалистических стран проблемы, хотя в странах, реализующих в той или иной степени модель рыночной экономики (КНР, Польша, Венгрия, Югославия), острота их меньше. К числу этих проблем относятся: неконвертируемость национальных валют, вследствие чего лимитирована возможность репатриации прибылей иностранным партнером; ограничения в расчетах в валюте с поставщиками; директивные экспортные задания СП.

С другой стороны, организация совместных предприятий для участвующих в них партнеров из социалистических стран иной раз становится обременительной, поскольку требует мировых стандартов не только в снабжении сырьем и материалами, но и в менеджменте, квалификации рабочего персонала и т. п., что не всегда окупается. Иностранные партнеры нередко преследуют не коммерческие (прежде всего получение прибыли), а зачастую весьма отдаленные цели, идут на создание неприбыльных СП. Озабоченность вызывает и то, что большинство совместных с Западом предприятий возникают в непроизводственной сфере (например, в СССР из 770 зарегистрированных на начало августа 1989 г. СП из 9 социалистических, 23 капиталистических и 16 развивающихся стран в промышленности создано менее 30). Совместные предприятия не стали пока средством привлечения передовых технологий и управленческого опыта, напротив, они порой становятся каналом сброса отработанных технических решений, неконкурентоспособного на Западе менеджмента. Сказывается и несовершенство хозяйственного законодательства ряда социалистических стран, а главное, его нестабильность, отсутствие надежных долгосрочных гарантий капиталовложений, зачастую непредсказуемые шараханья в сфере экономического регулирования.

Социалистические страны Азии также не стоят в стороне от создания совместных с западными фирмами предприятий. Так, в КНР за последние 10 лет учреждено 16 тыс. СП, объем иностранных инвестиций достиг 28 млрд. долл. (из них 11,6 млрд. долл. фактически использовано), доля совместных предприятий в экспорте достигла 5%¹. Во Вьетнаме закон об иностранных инвестициях был принят лишь в декабре 1987 г.; на конец 1988 г. было создано 35 совместных предприятий с уставным фондом

Тригубенко Марина Евгеньевна, кандидат экономических наук, заведующая отделом ИЭМСС АН СССР.

Толорая Георгий Давидович, кандидат экономических наук, научный сотрудник ИЭМСС АН СССР.

Мансуров Александр Юрьевич, стажер ИЭМСС АН СССР.

более 260 млн. долл.² Активно идет процесс создания небольших совместных предприятий в Лаосе.

Некоторые общие принципы

В КНДР в 80-е годы наметился известный поворот в сторону открытости ее экономики, хотя контакты с Западом начались еще в 70-е годы, когда страна смогла получить кредитов на 1 млрд долл. Лимитирующим фактором в деле развития внешнеэкономических связей долгие годы была идеологическая платформа чучхе, что в экономической области означало «опору на собственные силы» и создание замкнутого народнохозяйственного комплекса. Внешние хозяйственные связи ограничивались взаимодополняющим обменом товарными излишками. Не отказываясь от чучхе в экономической политике, КНДР в настоящее время под воздействием возросших экономических проблем вынуждена двигаться в сторону привлечения внешнего фактора не только в традиционной форме (кредит, помощь), но и в виде развития совместного предпринимательства.

На VI съезде ТПК (1980) была принята концепция развития экспортного производства, что означало поиск новых партнеров и опережающий рост экспорта в 80-е годы. Продолжением нового курса явились третья сессия Верховного народного собрания КНДР (январь 1984 г.), утвердившая развернутую программу развития внешнеэкономических связей страны в целом, и принятие Закона о совместном предпринимательстве (сентябрь 1984 г.). К основным моментам открытости экономики КНДР относятся: создание специальных экспортных производств на основе усиления кооперации с социалистическими странами, дополнение традиционных форм сотрудничества (торговля, кредиты, техническое содействие) совместным предпринимательством.

Мотивация организации СП в КНДР в принципе та же, что и в других социалистических странах, а именно — «привлечение передовой технологии и техники и создание базы экспорта готовой продукции, а также рациональное использование богатых природных ресурсов страны»³. Вместе с тем, например, в Китае эта мотивация шире и включает такие цели привлечения иностранных инвестиций, как восполнение дефицита внутреннего капиталонакопления, реконструкция старых и создание новых производств, расширение экспортных возможностей и увеличение валютных поступлений, увеличение доходов центра, мест и предприятий, освоение передовых методов управления и овладение новой техникой⁴. А в СРВ привлечение иностранных инвестиций, кроме того, призвано помочь созданию дополнительных рабочих мест, укреплению позиций страны в мировой торговле⁵.

Корейский вариант совместного предпринимательства характеризуется заметной спецификой вследствие жесткой централизованной административно-плановой системы хозяйства. Так, в КНДР не считают, что СП явятся каналом проникновения в экономику страны рыночных отношений. Напротив, прорабатывается структура управления СП сверху и принципы взаимодействия их с директивными органами в условиях монополии централизованно-распределительных отношений. Создан специальный государственный орган — Министерство промышленности совместного предпринимательства (МПСП), подчиняющееся Внешнеэкономическому комитету КНДР. МПСП не только координирует работу по созданию СП, но и непосредственно занимается организацией их снабжения, в том числе рабочей силой, сырьем, материалами, электроэнергией и топливом, установлением кооперационных связей, то есть исполняет функции, аналогичные функциям ведомств в отношении административно подчиненных им предприятий. Это, естественно, может вызвать противоречия и трения в отношениях СП с государством, поскольку ограничивает их хозяйственную самостоятельность в выборе партнеров. Следует признать, что это «общие болячки» системы, где нет полноценного рынка труда, капиталов и технологии, товаров и услуг. Здесь требуется определенная гибкость государства и гарантированные СП законом права осуществлять свою деятельность.

При этом, в частности, возникают трудности в оценке вклада участников: вклад иностранного партнера определяется по мировым ценам, а вклад корейской стороны не может оцениваться по внутренним ценам (оторванным от реальных издержек). Проблема несопоставимости цен весьма болезненна и в принципе может завести в тупик переговоры об организации СП. Аналогичная проблема может возникнуть и при рас-

пределении прибыли, поскольку возникает вопрос, из какой цены исходить: из оптовой цены КНДР на данную продукцию или из цены мирового рынка, который может и не предъявить спроса на данный товар. Проблемы возникают и при установлении зарплаты корейскому персоналу, так как корейская сторона настаивает на включении в нее тех компонентов социального обеспечения, которые остальные трудящиеся КНДР получают из общественных фондов потребления.

Впрочем, остроту этих и подобных вопросов в КНДР удается сгладить за счет выбора специфического круга зарубежных партнеров. Фактором, подталкивающим частные фирмы или отдельных предпринимателей на организацию СП в Северной Корее, является их национальная принадлежность; налицо ориентация на капитал проживающих за рубежом этнических корейцев как основных инвесторов. Это характерно и для других азиатских социалистических стран. В КНР около $\frac{2}{3}$ инвестиций приходится на Гонконг и Макао, а если учесть «этническое происхождение» части инвестиций из стран АСЕАН, США, то доля «соотечественников» окажется подавляющей⁶. В не меньшей степени эта тенденция проявляется во Вьетнаме, где половина СП создана в партнерстве с «вьеткинеу».

В КНДР на долю зарубежных соотечественников приходится 80 % участия в СП. В основном речь идет о фирмах, связанных с «Чхонрен» — Ассоциацией корейцев, проживающих в Японии. В 1986 г. создана специальная структура, координирующая совместное предпринимательство с фирмами «Чхонрен», — Корейское генеральное общество международных смешанных предприятий, уставный фонд которого составил 1,2 млн. долл. при равных долях участия правительства КНДР и «Чхонрен»⁷. Западные специалисты описывают его функции как «холдинговой компании», целью которой является создание СП между индивидуальными фирмами членов «Чхонрен» и хозяйственными организациями КНДР. Например, в течение первого года ее работы было подписано 20 контрактов и заключены соглашения о создании СП с 15 фирмами. В 1988 г. заключено 36 соглашений о совместных предприятиях на сумму около 30 млрд. иен⁸. К 1989 г. общее число СП с участием фирм «соотечественников» превысило 70; они организованы главным образом в швейной и текстильной промышленности, в сфере переработки морепродуктов и т. п.⁹.

Генеральное общество определяет проект, который мог бы заинтересовать предпринимателей корейской национальности в Японии, с помощью корейской стороны выбирает партнера в КНДР, а с помощью «Чхонрен» — фирму в Японии, которая могла бы участвовать в создании СП. В качестве примера можно привести Пхеньянскую совместную компанию по производству шелковых тканей — СП с 50 %-ным участием компании «Киото коммерс энд индустри», которая поставила 3 станка по перемотке шелка, 30 автоматических ткацких станков, тогда как корейский партнер построил здания и взял на себя снабжение сырьем. Срок контракта — 10 лет, общая стоимость проекта — 340 млн. иен. Расположенная в Осаке фирма «Синджин» достигла договоренности с корейским объединением «Синхын» о создании СП по производству 10 тыс. велосипедов, калькуляторов, цветных телевизоров, средств связи; фирма «Пхуньен» при «Чхонрен» договорилась с Обществом медицинского оборудования при Минздраве КНДР об организации СП «Менджон» по производству электронного медоборудования¹⁰.

Корейское генеральное общество при помощи «Чхонрен» в состоянии не только найти фирму-партнера из числа принадлежащих «соотечественникам», но и привлечь на основе долевого участия фирмы других стран. Примером является СП по разработке Унсанского золотого рудника (поставлена цель довести ежегодную добычу до 10 т), в котором, помимо фирм «Чхонрен», участвует также японский, французский и канадский капитал¹¹.

Преимущества использования «соотечественников» очевидны. Они лояльны по отношению к своей прародине и служат лоцманами в малознакомом для хозяйственников КНДР море капиталистического бизнеса. Использование их в качестве контрагентов не вызывает вопросов общественности, иной раз возникающих в социалистических странах, в том числе СССР, в связи с предоставлением якобы «излишних» льгот иностранным предпринимателям. Имеется гарантия сохранения коммерческих и хозяйственных секретов страны, отсутствуют языково-психологические барьеры. Финансово-экономические условия совместного предпринимательства с «соотечественниками» наиболее выгодны, так как отношения с ними — это улица с двусто-

ронним движением: правительство КНДР регулярно осуществляет материальную поддержку системе образования корейцев, проживающих в Японии (она включает университет, 12 средних и 139 начальных школ), их культурному развитию, организует посещения родины и т. д.

Правовые гарантии, организационная структура, формы СП

Для создания правовых гарантий деятельности СП в КНДР после 1984 г. был принят ряд решений и постановлений. Как уже отмечалось, с 1984 г. действует Закон о совместном предпринимательстве. Административным советом КНДР утверждено развернутое положение об его осуществлении. Кроме того, были приняты закон и правила взимания подоходного налога с совместных предприятий, а также закон и правила взимания подоходного налога с иностранных частных лиц.

В юридическом комитете Административного совета с привлечением ученых и практиков разрабатываются закон и правила по управлению (эксплуатации) землей, закон и правила по управлению трудом, правила таможенного налогообложения, а также положение об обеспечении материалами. Если закон о СП был принят на сессии ВНС, то другие законы, связанные с СП, принимаются Центральным народным комитетом, а правила и положения относительно СП — Административным советом. В КНДР пока нет закона о защите иностранных инвестиций, что значительно сдерживает их приток в страну. В то же время в законодательстве КНДР о СП имеется ряд заметных привилегий для западных партнеров. К их числу относятся: отсутствие таможенных пошлин на экспорт СП своей продукции и импорт материальных ресурсов, оборудования и сырья из третьих стран; приоритетное снабжение СП рабочей силой, сырьем, материалами и оборудованием на внутреннем рынке; относительно низкая ставка банковского кредита (8 %); отсутствие ограничений на размер и источники инвестиций; доля иностранного вкладчика может подниматься до 60—80 %, что гарантирует ему решающий голос при управлении предприятием и распределении прибыли; отсутствие ограничений по отраслям, в которые можно вкладывать капиталы; отсутствие ограничений в численном составе правления СП, соотношенных с долей каждого участника в уставном фонде, а также возможность для зарубежного партнера назначить своего председателя правления; возможность переводить за границу всю сумму чистой прибыли, которая приходится на иностранного участника.

Инициатива создания конкретных СП, как правило, до сих пор исходила от зарубежных партнеров, которые направляли соответствующие предложения в Министерство промышленности совместного предпринимательства, в директивном порядке определяющее корейского контрагента. Законодательство КНДР предусматривает случаи, когда предприятие может самостоятельно находить зарубежного партнера и должно извещать об этом МПСП. При любом варианте, если МПСП считает целесообразным создание данного СП, оно обращается за разрешением в Административный совет КНДР. Если Административный совет санкционирует это, МПСП дает предприятию письменное разрешение на создание СП. Затем предприятие с этим разрешением обращается в Комитет по руководству экономической и делами администрации (местную власть) своей провинции или города центрального подчинения, который обязан выдать ему свидетельство о регистрации СП. Только после этого СП становится полноправным юридическим лицом.

Как только будущее совместное предприятие получает от Административного совета разрешение, Внешторгбанк КНДР открывает ему временный счет. А после того, как совместное предприятие становится полноправным юридическим лицом, то есть получает свидетельство о регистрации, его банковский счет становится постоянным. Он подразделяется на два субсчета — инвалютный и в национальной валюте. Как видим, процедура создания и порядок оформления СП в КНДР весьма громоздки, что не может не отпугивать западных бизнесменов.

Законодательство КНДР о совместном предпринимательстве определяет, что паевые взносы сторон в уставный фонд могут совершаться наличными деньгами, в натуральной форме (земля, здания, сырье, материалы, оборудование), в виде технической документации, а также изобретательского права. Паевые взносы в уставный капитал в натуральной форме оцениваются на основе цен мирового рынка, не исходя из оптовых цен, существующих в заинтересованных странах, хотя в случае с «Чхонрен»

были и обратные прецеденты (что приводило к значительным трениям при распределении прибыли). Обычно корейская сторона предоставляет строительную площадку, здания, сырье, рабочую силу и т. д., а зарубежный участник СП — технологию, машинное оборудование, оборотный капитал. Обычно в СП, создаваемых на территории КНДР, доля иностранного капитала колеблется от 60 до 80 %. Принципиальным моментом в КНДР считают недопустимость создания совместных предприятий, в которых доля иностранного участия равна или приближается к 100 %, так как это фактически означает прямые иностранные инвестиции, что запрещено законодательством страны.

Правление СП состоит из председателя, двух его заместителей и нескольких членов; на посты председателя и одного из его замов обычно назначаются представители зарубежной стороны. Правление собирается один-два раза в год и обсуждает вопросы принятия Устава СП, внесения в него изменений, планы эксплуатации предприятия, вопросы его развития и распределения прибыли. Решения принимаются не большинством голосов, а консенсусом в целях гармонизации интересов сторон. Это, однако, приводит пока к неоднозначным результатам, ибо слишком различны порой эти интересы, да и подобный механизм явно снижает эффективность деятельности правления в целом.

Планирование деятельности СП осуществляется либо на уровне межправительственных комиссий (в случае создания предприятия социалистическими странами), либо в директорате головной компании зарубежного участника с последующим согласованием с МПСР (когда сотрудничество осуществляется с капиталистическими странами).

В КНДР существуют три канала материально-технического снабжения совместных предприятий:

а) закупка необходимого сырья, материалов и оборудования на внутреннем рынке КНДР. В этом случае СП заключает при посредстве Центральной объединенной фирмы материально-технического снабжения КНДР контракты с местными предприятиями на поставки сырья и материалов, которые осуществляются по ценам мирового рынка. Совместные предприятия пользуются приоритетом при снабжении внутри страны;

б) если нужны разовые закупки в небольшом количестве за рубежом, то СП обращаются во внешнеторговые организации, которые централизованно ведут импортные операции. Они и закупают для СП по ценам мирового рынка необходимое сырье и материалы, за что последние отчисляют им комиссионные из прибыли;

в) СП само напрямую выходит на мировые рынки, где самостоятельно закупает все необходимое. Ввозимые в таком случае сырье, материалы и оборудование не облагаются таможенными пошлинами, как и экспортируемая продукция совместного предприятия. Основным принципом финансовой деятельности СП является самофинансирование. Для расширения источников финансирования оно может, однако, привлекать и заемные средства. Так, в КНДР специально для финансирования СП создан Корейский банк совместного предпринимательства, уставный капитал которого (10 млн. долл.) состоит из пая МПСР и организации японских торговцев и промышленников «Синен Чохап». Банк выдает кредиты СП с одобрения МПСР. Кроме того, совместные предприятия могут обратиться с просьбой о предоставлении кредита к Внешторгбанку КНДР, который предоставляет их по процентным ставкам ниже, чем на мировых рынках ссудного капитала (в среднем — 8 %). Цель этой практики состоит в том, чтобы стимулировать иностранных партнеров чаще обращаться к заемным средствам на местах, ибо в этом случае СП обязано отчислять определенный процент за кредит Внешторгбанку КНДР.

Все расчеты при ценообразовании и определении прибыли в СП ведутся в американских долларах (это касается совместного предпринимательства с капиталистическими странами) и в переводных рублях (с социалистическими странами, кроме КНР, расчеты с которой ведутся в швейцарских франках).

Цена на производимую продукцию устанавливается Правлением СП без вмешательства директивных органов КНДР, в том числе и МПСР. В нее входят себестоимость и чистый доход. Она исчисляется следующим образом. Сначала подсчитывается себестоимость продукции по четырем статьям:

1. Стоимость сырья, материалов и оборудования. Необходимо отметить, что СП покупает любую продукцию, а также любые услуги на внутреннем рынке КНДР не по мест-

ным оптовым ценам, а по ценам мирового рынка. Это не дает ему возможность воспользоваться низким уровнем внутренних цен на сырье и материалы (выигрыш возникает только за счет экономии на транспортных издержках, но при этом имеются потери в качестве). Это, по-видимому, во многом снижает привлекательность других экономических льгот для СП, уменьшает заинтересованность западных бизнесменов в совместном предпринимательстве в КНДР.

2. Стоимость рабочей силы, в том числе и обязательные отчисления 7 % от фонда заработной платы в общественные фонды потребления КНДР, а также отчисление каждым рабочим 1 % своего ежемесячного заработка в фонд социального страхования.

3. Амортизация, за счет которой осуществляется капитальный ремонт и техническое перевооружение. СП, в отличие от обычного корейского государственного предприятия, не осуществляет амортизационных отчислений государству. Как правило, норма амортизации на СП, фиксируемая в соглашении о его создании, устанавливается в пределах 8—10 %. Хотя срок полной амортизации средств производства различен: для зданий — это около 50 лет, для машин и оборудования — до 5 лет, а для инвентаря — до 10 лет, указанная норма амортизации определяется, вероятно, не столько расчетами некой средней величины, сколько сроками действия соглашений о создании СП (обычно они заключаются сроком на 10—15 лет).

4. Административные расходы, плата за услуги по связи, за электроэнергию (в связи с ее острой нехваткой в стране СП получают ее в первую очередь, но по повышенным ценам), издержки обращения, плата за землю, расходы на текущий ремонт и т. д.

Корейское государственное предприятие за землю не платит. Однако СП обязано платить за земельную площадь, которую оно занимает, в случае, если земля не представляет собой паевый взнос корейской стороны. Так как пока почти все совместные предприятия расположены в Пхеньяне, то цена земли определяется исходя не из дифференциальной ренты I и II, а из того, будут на ней строиться объекты производственного или непроизводственного назначения. Однако сейчас в КНДР начато составление земельного кадастра, поэтому вполне возможно, что с ростом количества СП и диверсификацией их географического местоположения при определении цены земли будут учитываться дифференциальные ренты I и II.

К себестоимости добавляется средняя норма прибыли по отрасли, и по этой цене продукция продается оптовому покупателю — либо внешнеторговой организации КНДР, либо зарубежному участнику СП, который реализует ее по своим каналам.

Из общего годового объема продаж СП вычитают себестоимость и получают чистый доход, который распределяется следующим образом: 25 % отчисляется в госбюджет КНДР в качестве подоходного налога в соответствии с Законом о подоходном налоге с предприятий; 5 % в течение 5 лет после создания отчисляется в фонд развития СП и в фонд науки и техники, который является его собственностью; оставшиеся 70 % чистого дохода — это чистая прибыль, которая распределяется между пайщиками по доле каждого в уставном капитале предприятия.

Иностранному инвестору по закону о СП разрешено репатриировать всю свою долю полученной чистой прибыли.

Трудовые отношения на совместном предприятии регулируются в соответствии с законом КНДР о СП и законом о труде. Необходимо отметить, что при установлении заработной платы корейским рабочим в КНДР исходят из того, чтобы она была не ниже среднемирового и регионального уровня. Очевидно, это служит определенным препятствием расширению круга инвесторов, которых в принципе привлекает низкий уровень оплаты труда в КНДР. Точка зрения корейских специалистов сводится к тому, что реальная зарплата в стране выше, чем номинальная, так как, помимо денежной оплаты, трудящиеся пользуются продуктами и услугами, предоставляемыми из общественных фондов потребления, например бесплатно получают на постоянной основе рис, капусту, мясо, а также одежду плюс бесплатное лечение, образование и отдых. Следовательно, СП само должно нести экономическое бремя, компенсирующее предоставление государством всех этих благ корейским трудящимся.

В результате, как правило, среднемесячная зарплата корейских рабочих на СП в непроизводственных отраслях приблизительно эквивалентна 150—250 долл., а в производственных отраслях — от 250 до 300 долл. Эти показатели, устанавливаемые в

соглашении о создании СП, используются на деле только для расчета себестоимости продукции; на практике корейским рабочим выдается эквивалент в корейских вонх на основе официального обменного курса (1 долл.-2,35 вонх). Кроме того, предприятие может предоставлять своим корейским рабочим дополнительные льготы, например одежду, обувь, продовольствие, услуги.

Одним из сдерживающих факторов в создании совместных предприятий в КНДР является нехватка квалифицированной рабочей силы. Как правило, квалифицированные рабочие для них подбираются на соответствующих заводах и предприятиях органами Министерства трудовой администрации. В КНДР пока не создано специальной государственной сети и по подготовке специалистов для работы в СП. В настоящее время они готовятся лишь в Институте народного хозяйства в Пхеньяне и на экономическом факультете Университета им. Ким Ир Сена. Планируется создать сеть государственных курсов по повышению квалификации рабочих, которые будут работать на совместных предприятиях, а также поощрять последние на создание своих курсов по подготовке квалифицированной рабочей силы.

Наконец, СП может использовать в качестве персонала и рабочих третьих стран. Поскольку в КНДР профсоюзы выполняют главным образом функцию идеологического воспитания трудящихся, а не их социально-материального обеспечения и защиты интересов, в соглашениях о создании СП нет упоминаний о роли и месте профсоюзов на совместных предприятиях. Из льгот, предоставляемых корейским рабочим, иностранные рабочие на СП пользуются только бесплатным лечением, что распространяется и на членов их семей; пребывание же детей в детском саду или обучение их в корейской школе — платное, отпуск — за свой счет.

Порядок урегулирования споров партнеров по СП пока не отработан. В КНДР исходя из того, что прежде всего стороны должны путем переговоров или консультаций попытаться полюбовно, в дружеской атмосфере снять разногласия. В случае же неудачи они могут прибегнуть к посредничеству или «добрым услугам» со стороны МПСР. Если и это не принесет результата, по взаимной договоренности стороны могут прибегнуть к арбитражу. Арбитражная комиссия создается из представителей третьей страны, и ее решения по определению сторон могут носить либо обязательный, либо рекомендательный характер.

По состоянию на середину 1989 г. в КНДР создано более 100 совместных предприятий. По отраслям они распределяются следующим образом:

— производство электротехнических изделий и электроники — 26 % общего числа (сборка ЭВМ, цветных телевизоров, другой электронной бытовой техники — СП с «Чхонрен»);

— химическая промышленность — 11 % (производство красок и пластификаторов, а также автомобильных покрышек — СП с «Чхонрен»);

— легкая промышленность (производство носков, чулок, обуви, мужской и женской одежды, женских зонтов — главным образом с участием «Чхонрен»);

— машиностроение (производство станков с ЧПУ на СП «Хичхон—Горький»);

— горнодобывающая промышленность (добыча и обработка алмазов — совместно с Бельгией, добыча золота и изготовление золотых изделий — совместно с Австралией, Унсанский золотой рудник — совместно с «Чхонрен»);

— промышленность стройматериалов (производство мрамора, облицовочной плитки, бумажных обоев — совместно с Японией и некоторыми другими странами);

— деревообрабатывающая промышленность;

— фармацевтическая промышленность;

— рыбное хозяйство, а также ряд СП по переработке продуктов моря на территории КНДР;

— сфера обслуживания: совместные рестораны («Хянманну» — СП с Макао, «София» — СП с НРБ, «Варшава» — СП с Республикой Польшей, «Москва» — СП с СССР, «Ансанклуб» — СП с Японией), а также совместные магазины сети «Наквон» и др. (только в Пхеньяне их более 40).

Совместные предприятия за пределами КНДР

Ряд совместных предприятий создан КНДР за рубежом, особенно в развивающихся странах, в соответствии с курсом на развитие «сотрудничества Юг—Юг», и потому

коммерческие интересы и соображения прибыльности при их создании, как правило, не играют решающей роли. В КНДР при этом указывают, что корейская сторона исходит из необходимости идти на материальные уступки и издержки в целях содействия национальному развитию беднейших стран. Например, оказание технического содействия ведется, как правило, на безвозмездной основе или за счет беспроцентного кредита, оплата услуг специалистов — в натуральной форме для обеспечения их существования на уровне местного населения и т. п. На аналогичных подходах базируется и создание СП. Видимо, именно в связи с этим объем совместного предпринимательства КНДР в развивающемся мире имеет тенденцию к росту, тогда как число совместных предприятий с участием европейских стран социализма в развивающихся странах не растет. КНДР же в последние годы создано около 60 СП, главным образом в беднейших странах Африки.

Направления деятельности создаваемых совместных предприятий выбираются КНДР с учетом традиционной специализации развивающихся стран и их потребностей. Именно поэтому наибольшего размаха достигло совместное предпринимательство в сельском хозяйстве (экспериментальные НИИ и хозяйства в Танзании, Гвинее, Эфиопии, Кении и др.). Эти хозяйства являются образцовыми в области ирригации, химизации, механизации, селекционных работ. Продукция их в основном поступает для внутреннего потребления, а компенсацию корейская сторона получает поставками традиционных товаров из стран-партнеров. Важную роль играют также СП в горнодобывающей промышленности (золотой рудник в Буркина Фасо, рудник в Таиланде и др.). Кроме этого, имеются СП в машиностроении (авторемонтный завод в Гвинее, предприятие по производству сельхозоборудования в Эфиопии, электротехнических изделий в Северном Йемене), производстве потребительских товаров (фарфора и керамики в Мали, мебельное предприятие и фармацевтический завод в Нигерии), химических товаров (завод пестицидов в Центральноафриканской Республике), СП в сфере торговли и обслуживания.

Как правило, КНДР инвестирует в экономику африканских стран капитал в форме машин и оборудования, а также прогрессивных для этих стран технологий, причем в уставном фонде ее доля обычно равняется 50 %. Чистый доход она получает по своей доле в уставном фонде, но не в виде продукции совместных предприятий, а ее «заменителями», то есть продукцией, которая избыточна в данной стране, но нужна КНДР, например нефтью, каучуком, зерном. В принципе совместные предприятия в развивающихся странах могут стать для КНДР важным каналом получения сырья. Вместе с тем эти предприятия, например в африканских странах, сталкиваются с такими серьезными проблемами, как крайне низкая квалификация местной рабочей силы, неразвитость инфраструктуры и трудности со сбытом в связи с очень низким качеством продукции, недостаточная договорная дисциплина партнеров.

В советско-корейском торгово-экономическом сотрудничестве СП пока не играют значительной роли. Начало работе по их организации было положено в июне 1987 г., когда было подписано межправительственное соглашение о порядке учреждения и основных принципах деятельности советско-корейских совместных предприятий и международных объединений и организаций¹². В частности, на основе этого соглашения в сентябре 1987 г. была достигнута договоренность о создании первого советско-корейского совместного предприятия «Хичхон — Горький» по производству консольно-фрезерных станков. СП, уставный фонд которого составляет 79 млн. руб., причем доля советской стороны — 49 %, дало первую продукцию в октябре 1989 г., а к 1993 г. ежегодное производство должно выйти на уровень 5 тыс. станков. Они будут реализовываться не только в наших странах, но и сбываться на международном рынке¹³. В 1988—1989 гг. создан ряд совместных предприятий на территории СССР: СП «Фитон» в Чите (начавшее работу в июне 1989 г.), которое производит лекарства восточной медицины и имеет лечебно-консультационный центр; СП по ловле морского ежа в Находке (создано рыболовецкими кооперативами Находки и рыбоперерабатывающим комбинатом в ламхыне, ежедневно производит 100 кг икры морского ежа); совместные рестораны «Пхеньян» в Москве и «Моранбон» во Владивостоке с корейским персоналом и традиционной корейской кухней и др.

Первые шаги в создании СП не обходятся без трудностей. Основная их причина — отсутствие реальной экономической заинтересованности партнеров, необходимость для учреждения и функционирования этой «модной» формы международного

сотрудничества министерской указки и опеки административно-распределительных органов обеих стран. Ограниченность рыночных отношений делает весьма трудным согласование стоимостных аспектов сотрудничества, включая вопросы оценки оборудования, земли и других ресурсов, заработной платы и т. п. (оценка по национальным оптовым ценам невозможна, а по мировым не всегда корректна). Сказывается и разница в уровнях подготовки специалистов и рабочей силы двух стран, которая не всегда может быть устранена за короткие сроки обучения. Дает себя знать и недостаточная информированность сторон о хозяйственных и юридических особенностях страны-контрагента. Пока что единственным путем решения возникающих проблем остается волевое вмешательство государственных органов.

Между тем потенциал совместных советско-корейских проектов весьма высок. Одним из факторов здесь является географическая близость КНДР к советскому Дальнему Востоку и возможность взаимной адаптации производственных структур на региональном уровне. Здесь просматриваются несколько направлений советско-корейской кооперации, в которой создание СП было бы естественно и взаимовыгодно. Первое — агропромышленная сфера (совместное производство и переработка сои, овощей, других сельскохозяйственных культур). Уже накоплен определенный опыт привлечения корейских специалистов к выращиванию традиционных восточных культур в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. Соединение недостаточно эффективно используемых у нас земельных ресурсов с опытом и умением корейских земледельцев позволяет рассчитывать на существенную помощь в решении продовольственной проблемы в обеих странах. Реально и создание советско-корейских совместных предприятий по выращиванию фруктов на территории КНДР. Второе направление совместного предпринимательства — рыбное хозяйство и морской промысел: переработка рыбного сырья и морепродуктов и выпуск морепродукции улучшенного качества; культивирование ламинарии, мидии, морского гребешка и их переработка, в том числе с целью экспорта в третьи страны; товарное выращивание ценных видов рыб и креветок, также включая их экспорт; совместный лов в экономических зонах обеих стран, в том числе неиспользуемых ныне промысловых объектов трудоемкими способами лова; совместные научные исследования. Пока в этой области сделаны лишь первые шаги, а между тем соединение материальных ресурсов и накопленного опыта двух стран здесь может дать высокие производственные и коммерческие результаты (включая экспорт на рынки стран Азии). Третье направление — сфера услуг и инфраструктура, включая создание и эксплуатацию гостиничных, туристских комплексов, ресторанов, учреждений культуры и отдыха и т. п. на советском Дальнем Востоке, а также строительный комплекс (производство керамической плитки и сантехнических изделий, фасадных красок, линолеума, обоев, асбеста, теплоизоляционных материалов, ячеистого бетона и др.). Четвертое направление, в котором проявляет наибольшую заинтересованность КНДР, — совместное освоение материальных и природных ресурсов советского Дальнего Востока (каменная соль, руды олова, марганца, вольфрама, асбест, лес и др.). Надо, вероятно, отметить, что из-за ограниченности и дефицитности ресурсов, экологических соображений возможности здесь не столь уж велики, но они есть. Наконец, существуют перспективы создания СП в машиностроении, электронике, легкой промышленности, фармакологии, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности и др.

Отрасли взаимного интереса определены, главным состоит в согласовании и адаптации хозяйственных механизмов управления внешнеэкономическими связями.

* * *

Таким образом, корейская модель совместного с иностранным капиталом предпринимательства высветила ряд особенностей по сравнению с опытом других социалистических стран. Нельзя не видеть, что создание СП уже дает определенные результаты для КНДР: увеличение инвестиционных возможностей; приобретение технологии, опыта делового и просто человеческого общения с зарубежным миром; определенные дополнительные экспортные возможности. Вместе с тем дальнейшее развитие СП сталкивается с ограничениями, которые несут, можно сказать, принципиальный характер (и значимы не только для КНДР). Во-первых, это выражается в попытках втиснуть прямые внешнеэкономические связи в прокрустово

ложе сверхцентрализованной системы, не меняя ее основ, поскольку пока в КНДР задачи экономических реформ не стоит. По нашему мнению, это обстоятельство противоречит самой сути совместного предпринимательства, которое предполагает полную хозяйственную самостоятельность, конкуренцию на внутреннем и внешнем рынке, что само по себе является двигателем научно-технического прогресса, ради чего и создается большая часть совместных предприятий. Во-вторых, в СП плановые основы производства, собственные проблемы и концепции развития сочетаются с использованием товарно-денежных отношений, реальным учетом издержек производства, с задачами повышения качества продукции, что находит свое выражение в ценах на совместно производимую продукцию. Иными словами, регулятором производства в совместном предпринимательстве выступает закон стоимости, который в стране, где товарно-денежные отношения «не признаются», не может пробить себе дорогу.

Поэтому, видимо, для КНДР совместное предпринимательство легче организовать с партнерами из тех стран, в которых сохраняется регулирующая их деятельность командная система управления. Это до поры до времени будет возможно в партнерстве с СССР в переходный период экономической реформы и в тех отраслях советской экономики, где сохранится госмонополия: энергетика, добывающая промышленность, транспорт.

Вместе с тем в организации совместного предпринимательства с западным капиталом у КНДР есть преимущество, которое позволяет в известной мере сгладить трудности, возникающие ввиду централизованности управления экономикой. Это — использование капитала, технологии, знаний зарубежных соотечественников. Этот опыт КНДР нуждается в серьезном изучении и осмыслении хотя бы в связи с тем, что за рубежом проживает ныне 20 млн. эмигрантов из СССР, экономический, научный, культурно-просветительский потенциал которых мы почти не используем. Видимо, была бы продуктивной идея организации экономической ассоциации русских соотечественников, желающих помочь родине в обновлении и перестройке.

¹ См.: Правда.— 1989.— 13 августа; Аргументы и факты.— 1989.— № 32.— С. 2.

² Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ.— 1989.— № 4.— С. 81.

³ См.: Положение об осуществлении закона о совместных предприятиях // Внешняя торговля КНДР.— 1985.— № 9.— С. 7; Сахве Квахак.— 1985.— № 6.— С. 42; Нодон синмун.— 1987.— 22 апреля.

⁴ См.: Лунь дуйвай кайфан.— Шанхай, 1988.— С. 99.

⁵ См.: Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ.— 1989.— № 4.— С. 79.

⁶ In: Beijing Review.— 1989.— № 10.— P. 23.

⁷ См.: Внешняя торговля КНДР.— 1988.— № 3.— С. 10; Asian Survey.— 1988.— Vol. 28, № 12.— P. 1273.

⁸ People's Korea.— 1987.— 5 December.

⁹ См.: Внешняя торговля КНДР.— 1989.— № 1.— С. 13.

¹⁰ In: Asian Survey.— 1988.— Vol. 28, № 12.— P. 1275—1276.

¹¹ См.: Асахи симбун.— 1987.— 19 марта.

¹² См.: Нодон синмун.— 1987.— 7 июня.

¹³ См.: Правда.— 1989.— 24 октября; Известия.— 1988.— 3 января.

Сеул в поиске «новых горизонтов»

О. ДАВЫДОВ

На фоне бурных, полных драматизма событий на внутренней арене и впечатляющих успехов Южной Кореи в экономической области, привлекающих к себе повышенное внимание органов массовой информации многих стран мира, вопросы, связанные с международной деятельностью Сеула, гораздо реже попадали в поле зрения исследователей. Более того, зачастую создавалось впечатление, что в этой сфере если не полный штиль, то уж, во всяком случае, не происходит чего-либо примечательного. Определенное распространение получила точка зрения, согласно которой внешнеполитический курс правящих кругов Южной Кореи лишен сколько-нибудь солидной внутренней основы, более того, полностью детерминирован интересами ее старших партнеров — США и Японии, стратегические устремления которых обуславливают те или иные подвижки в международной деятельности Сеула. При этом внешнеполитический «портрет» страны, как правило, ассоциировался с такими характеристиками, как «проамериканский марионеточный режим», «ракетно-ядерный плацдарм Пентагона», «звено тройственного военного альянса Вашингтон — Токио — Сеул». Такие представления и оценки на определенном этапе в целом правильно отражали реальный «вклад» сеульского режима в мировую политику. Однако с течением времени они становились все менее адекватными и теперь уже нуждаются в определенном переосмыслении с учетом происходящих изменений как в международном положении Южной Кореи, так и в ее внешнеполитической стратегии.

* * *

Главным политическим водоразделом на внутренней арене Южной Кореи в середине 80-х годов стала линия борьбы между правящей группировкой в лице военно-бюрократической элиты и связанной с ней верхушкой местного бизнеса и менее привилегированной частью южнокорейского общества, прежде всего средними классами. Протестуя против олигархических отношений, выступая за обновление общественных структур на основе принципов буржуазной демократии, средние слои в последние годы продемонстрировали способность выступить в качестве самостоятельной общественной силы, могущей стать в перспективе своего рода центром притяжения других контингентов населения. На волне острого политического кризиса, разразившегося в Южной Корее летом 1987 г., к власти в правящей Демократической партии справедливости (ДПС) пришло новое руководство, отражавшее взгляды умеренного, прагматически мыслящего крыла партии, которое взяло курс на ослабление социальной напряженности, достижение «национального примирения» на базе широкого компромисса с политической оппозицией. Избранный в декабре 1987 г. на пост президента страны председатель ДПС Ро Дэ У выдвинул программу проведения политических и социально-экономических реформ, которая в случае ее реализации могла бы положить начало процессам демонтажа авторитарной системы, способствовать буржуазно-демократической модернизации основных политических институтов страны.

Процесс социально-политических реформ, подчинения политики известным демократическим приоритетам по мере своего утверждения в общественной жизни вовлекает в свою орбиту и вопросы, связанные с разработкой и реализацией внешнеполи-

тического курса страны. Изменения в расстановке сил в стране по вопросам внешней политики стали особенно заметны в последнее время. Процессы политизации широких слоев населения, стремление средних классов к политическому самовыражению, что стало возможным в условиях постепенного высвобождения общественной жизни из-под пресса авторитаризма, имели своим следствием, помимо прочего, значительное повышение общественного интереса к вопросам внешней политики, проблемам международной жизни.

Новая атмосфера в стране, сдвиги в соотношении основных политических сил побуждают к дискуссии по кардинальным вопросам внешней политики. Масштабы этой дискуссии не ограничиваются рамками парламентских или внутрипартийных дебатов, порой принимают общенациональный характер. Хотя круг затрагиваемых вопросов и спектр суждений весьма широки, пожалуй, в центр внимания выдвигается вопрос: способно ли правительство к коренному обновлению основ внешней политики, проведению суверенного курса на международной арене или же его контуры будут по-прежнему полностью определяться целями военно-политической стратегии Вашингтона на Дальнем Востоке?

Характерным для сегодняшней Южной Кореи симптомом проявления социально-политической активности масс становится рост националистических настроений. Если всего лишь несколько лет назад национализм не был явлением типичным для южнокорейского общества, носил очаговый характер, локализуясь в отдельных фракциях общества, то в последнее время он довольно быстро распространяется вширь, захватывая все новые контингенты населения. В основе этого явления целый ряд причин: здесь, с одной стороны, чувство законной гордости по поводу достижений в экономической области, а с другой — острая неудовлетворенность преимущественно средних слоев как своим собственным положением в обществе, так и нынешним низким статусом страны в мировом сообществе, степенью ее политического влияния и международного престижа.

Мощным катализатором такого рода настроений становятся в последнее время и внешние факторы. Недовольство молодого поколения интеллектуалов подчиненным положением страны в военно-политических отношениях с Вашингтоном, а деловых кругов и зажиточной части крестьянства растущим давлением стран Запада на Южную Корею по торгово-экономическим вопросам создает питательную среду для острых вспышек националистических настроений, все более открытые и организованные формы выражения которых становятся возможными в условиях некоторой политической либерализации.

Неудивительно поэтому, что одной из мишеней общественных антипатий становится политика США в отношении Южной Кореи.

Всплеск антиамериканизма в стране, который единодушно отмечают наблюдатели внутри страны и за рубежом, явился как бы обратной стороной проявлений чувства ущемленного национального достоинства, комплекса «приниженности», который в течение длительного времени доминировал в общественном сознании. Данные опросов общественного мнения свидетельствуют о резком падении популярности США в Южной Корее. Если в 1983 г. о своем позитивном отношении к этой стране говорили 70 % южнокорейцев, то в 1988 г. — лишь 38 %¹. Пожалуй, впервые за долгое время в Южной Корее открыто и на разных уровнях социальной пирамиды стали говорить о несоответствии глобальных устремлений США и национально-государственных интересов Южной Кореи. Профессор-политолог сеульского Института Корё Ли Хо Хын, обращаясь к недавнему прошлому, отмечает, что Южная Корея, приняв в свое время по требованию Вашингтона участие в войне во Вьетнаме, понесла в итоге серьезный ущерб в плане своих взаимоотношений с социалистическими и неприсоединившимися странами, последствия от которого продолжают сказываться и по сей день. Далее он пишет: «Если под давлением США двустороннее военное сотрудничество с этой страной примет антисоветскую или антисеверокорейскую направленность, то вследствие этого Корея вновь потерпит огромные убытки в области внешней политики». Указывая на неравноправный характер экономического и политического сотрудничества между двумя странами, местная печать подчеркивает, что если в отношении с «большими» странами Вашингтон проявляет выдержку и терпимость, то в отношении «малых» стран, таких, как Южная Корея, превалирует «великодержавный подход», «допускаются угрозы, шантаж, проводится политика умиротворения»².

Данные настроения улавливаются и принимаются в расчет оппозиционными политическими силами, которые стремятся «набрать очки» на волне растущего в стране недовольства политикой властей, укрепить тем самым свои позиции в противоборстве с правительством.

Лидеры оппозиции не скрывают намерений использовать сложившуюся ситуацию в интересах создания новых зон давления на правительство. Они выдвигают, в частности, требования восстановления общественного контроля над сферой внешней политики, заявляют о претензиях на участие наравне с правящей партией в разработке и реализации международного курса. Не выступая по-прежнему против курса администрации на внешней арене в целом, они тем не менее усиливают атаки на те его аспекты, которые наиболее уязвимы для критики.

Новая ситуация ставит правящие круги перед необходимостью внесения корректив во внешнеполитический курс. Сужение сферы автономности администрации в деле разработки основных направлений внешней политики в условиях возрастающего воздействия на нее буржуазно-представительских институтов заставляет правящие круги уделять повышенное внимание укреплению внутренних основ своей международной стратегии. Добиваясь поддержки шагов, предпринимаемых на внешней арене, Ро Дэ У все чаще вынужден апеллировать к массовой аудитории внутри страны, направлять усилия на расширение взаимодействия с оппозицией по международным вопросам, вести поиск рычагов влияния на формирование общественного мнения. Это в свою очередь требует тесной состыковки внешней политики с решением внутренних задач, более глубокого учета при разработке и проведении внешнеполитического курса интересов широких слоев населения, прежде всего тех набирающих силу социальных групп, которые связывают свое будущее с перспективами углубления процессов буржуазной модернизации страны*.

Хотя деятельность новой администрации пока не внесла принципиальных изменений в магистральные направления международного курса страны, с самого начала заметным стало стремление Ро Дэ У не только пополнить внешнеполитический багаж новыми идеями, но и облечь ранее сформулированные декларации и установки в конкретные политические мероприятия и решения, реализация которых позволила бы в максимально короткие сроки, ограниченные 5-летним пребыванием у власти нынешней администрации, добиться изменений международного положения Сеула, резко улучшить внешние условия существования страны. И если на внутренней арене в качестве первоочередной выдвигалась задача уменьшения социальной напряженности за счет ликвидации опасного дисбаланса между экономической и социально-политической сферами, то в области внешней политики главной виделась задача диверсификации международных связей страны, устранения несоответствия между экономическим потенциалом Южной Кореи и уровнем ее международного влияния.

Мощное активизирующее воздействие на внешнеполитический курс руководства страны оказывает нынешняя международная обстановка. Изменения в политическом климате в регионе здесь связывают с ослаблением конфронтации между Западом и Востоком, тенденцией к «идеологической оттепели» вследствие «поворота в политике коммунистических стран в сторону большей либерализации». Характеризуя ситуацию в АТР, Ро Дэ У отмечает: «В последние годы наметились признаки сдвигов в отношениях между державами региона в результате проведения в Советском Союзе реформ, перехода Китая к открытой политике. Эти сдвиги могут стать важным моментом в деле установления новой эры примирения и сотрудничества между странами региона»³.

Необходимость модернизации внешней политики, о чем все чаще говорят в Сеуле, основывается на понимании того, что философия конфронтации не отвечает характеру нынешних международных отношений, вступает в прямое противоречие с ролью Южной

* В январе этого года в Сеуле объявлено о создании новой политической коалиции, которая будет включать правящую Демократическую партию справедливости и две влиятельные группировки, ранее находившиеся в оппозиции — Демократическую партию за воссоединение и Новую демократическую республиканскую партию. Образование этого блока, который займет доминирующие позиции в парламенте, имеет целью, как заявляют его лидеры, «положить конец политической нестабильности в стране и приспособиться к стремительным переменам в мире и на Корейском полуострове».

Кореи как мировой торговой державы. Осознание взаимозависимости между экономикой Южной Кореи и экономиками других стран, необходимости позитивного взаимодействия всех азиатских государств толкает Сеул к определенному переосмыслению не только внешнеэкономической стратегии, но и всего международного курса.

Происходящее усиление рациональных мотивов во внешнеполитическом поведении Сеула проявляется прежде всего в намерениях строить отношения со своими соседями и потенциальными партнерами исходя из своих практических нужд, вне зависимости от социально-политической принадлежности государств. Сохраняя антикоммунизм в качестве незыблемого принципа в области внутренней политики, здесь, тем не менее, стремятся освободить внешнюю политику от чрезмерного влияния идеологических факторов. Примечательны в этом плане ставшие характерными для южнокорейских политологов рассуждения о том, что в сфере международной политики «прагматизм должен возобладать над идеологией», «идеологическое противоборство должно уступить место отношениям, строящимся на основе принципов взаимной выгоды». Как отмечал орган местных деловых кругов «Бизнес Кориа», «глобальная тенденция развития состоит в том, что национальные интересы сейчас получают приоритет по отношению к политическим и экономическим идеалам»⁴.

В Сеуле исходят из того, что в нынешней ситуации складываются благоприятные предпосылки для окончательного разрушения в глазах мирового сообщества остатков невыигрывшего политического «нимиджа» страны. Поэтому усилия направляются на утверждение нового международного образа Южной Кореи как государства, проводящего «цивилизованную» внешнюю политику и вносящего свой вклад в стабилизацию международных политических и экономических отношений. Для нынешнего поколения южнокорейских лидеров мировой престиж ассоциируется уже не столько с ролью «бастиона антикоммунизма», «военного форпоста свободного мира» (хотя этот аспект в целом продолжает сохранять свое значение), сколько с обликом экономически и политически развитой державы, полноправного участника азиатского процесса, располагающего обширными и разносторонними связями с государствами региона.

Это также подразумевает отход от «реактивной» модели поведения, поворот к такой линии, благодаря которой можно было бы оказывать более широкое воздействие на международную обстановку, способствовать ее изменениям в выгодном для Сеула направлении.

* * *

В своих внешнеполитических расчетах нынешняя администрация исходит из возрастающего значения азиатско-тихоокеанского региона в мировой политике и экономике. По оценке представителей официальных кругов, в будущем мировая экономика будет концентрироваться вокруг трех полюсов — европейского, североамериканского и дальневосточного. Как здесь полагают, только последний из них будет набирать силы, в то время как два других станут постепенно ослабевать. В соответствии с этими расчетами Ро Дэ У одной из главных целей в области внешней политики выдвигает задачу «укрепления связей с дружественными странами региона, подготовки условий для закрепления за Южной Кореей роли одного из лидеров в АТР»⁵.

В основе растущего интереса Южной Кореи к сотрудничеству с азиатскими странами лежат экспансионистские устремления местного бизнеса, который стремится расширить масштабы своей деятельности за счет завоевания новых рынков сбыта, получения доступа к надежным источникам сырья. Объем товарооборота со странами Азии в 1988 г., превысил 21 млрд. долл., отсюда Южная Корея импортирует большую часть ввозимого из-за рубежа каучука, натурального газа, древесины, значительное количество угля⁶.

Под воздействием структурных сдвигов в южнокорейской промышленности в страны Южной и Юго-Восточной Азии постепенно передислоцируются многие трудоемкие низкотехнологичные производства, такие, как швейное, обувное, текстильное. Кризисные явления в мировой экономике, приведшие к изменению экспортно-импортных условий для Южной Кореи, во многом стимулировали эти процессы: создаваемые там филиалы южнокорейских фирм становятся новой экспортной базой, позволяющей сохранить рынки развитых капиталистических стран. Предполагается, что в недалеком будущем развивающиеся страны региона станут основными импортерами промышленного обо-

рудования из Южной Кореи (например, для электроэнергетики, металлургической, легкой промышленности), причем Сеул готов в этом плане оказывать услуги в самом широком диапазоне, начиная от проведения изыскательских и строительных работ и кончая передачей технологии и подготовкой квалифицированных специалистов. По мнению местных деловых кругов, технология «среднего уровня», которой располагает сейчас Южная Корея, в большей степени соответствует реальным нуждам стран с недостаточно развитой экономикой, чем та, которую могут предложить США, Япония и страны Западной Европы.

Обращение южнокорейских фирм к предпринимательской деятельности в странах Азии связано с аккумуляцией ими значительных валютных резервов вследствие роста активного сальдо торгового баланса. По линии созданного в Южной Корее в 1987 г. Фонда сотрудничества для экономического развития планируется предоставить развивающимся странам вплоть до 1991 г. льготные кредиты на сумму 300 млрд. вон, львиная доля которых будет направлена в страны Южной и Юго-Восточной Азии, Океании. Активизируя свою финансово-кредитную и инвестиционную деятельность в регионе, Сеул считает, что это будет способствовать продвижению южнокорейского бизнеса в эти страны.

Говоря о главных задачах региона, представители Южной Кореи особо выделяют проблемы экономического характера, высказываются за достижение «совместного процветания» находящихся здесь стран на основе обеспечения их «динамичного и сбалансированного экономического роста», углубления сложившегося разделения труда при постепенном формировании «регулирующего механизма» сотрудничества, либерализации рынков товаров и услуг, борьбы с протекционизмом. Основную опасность в АТР Сеул видит в нарастании невоенной напряженности из-за углубления экономической конфронтации между развитыми и развивающимися странами, что может повлечь за собой эрозию сложившейся в бассейне Тихого океана системы международных хозяйственных связей.

Переход развитых капиталистических государств в 80-е годы к политике жесткого протекционизма в области торговли обернулся для Южной Кореи утратой ряда благоприятных факторов для внешнеэкономической деятельности. Соответственно эйфория развития, связанная с высокими темпами прироста ВНП, стремительным расширением экспорта теперь сменяется ощущением уязвимости, полной зависимости от экономической ситуации в этих странах, конъюнктуры мирового рынка. Наиболее сильный нажим на Южную Корею по торговым вопросам оказывают Соединенные Штаты, на долю которых приходится до 40 % всего южнокорейского экспорта. Стремительное увеличение активного сальдо Южной Кореи, а оно возросло в 1987 г. до 9,5 млрд. долл., создает, по мнению американских деловых кругов, прямую угрозу позициям местной промышленности. Сеул, как считают в Вашингтоне, в нарушение принципов «свободной торговли» не предпринимает кардинальных шагов к открытию своего хорошо защищенного рынка для американских товаров и услуг. Принятое в январе 1988 года решение США лишить Южную Корею специальных беспощлинных привилегий, которыми она пользовалась наравне с другими развивающимися странами, стало серьезным свидетельством перехода Вашингтона на позиции жесткого протекционизма со своим конкурентом.

Попытки Сеула ослабить ориентацию в торговой области на США за счет проникновения на рынки других капиталистических стран не принесли ожидаемого успеха. Несмотря на предпринимаемые усилия, Южной Корее не удастся существенным образом выправить дисбаланс в торговле с Японией с перевесом в 4—5 млрд. долл. в пользу Токио. С другой стороны, расширение экспортных поставок продукции в Западную Европу с озабоченностью воспринимается там, вызывает негативную реакцию местных деловых кругов. Достаточно сказать, что сейчас под протекционистские ограничения в странах «Общего рынка» подпадает около 40 % южнокорейского экспорта. По некоторым прогнозам, углубление процессов европейской экономической интеграции может привести к утрате южнокорейским бизнесом своих позиций в государствах — членах ЕЭС, вследствие чего их доля во внешней торговле Южной Кореи будет сокращаться⁷.

Новым, весьма неприятным для Сеула обстоятельством явилось то, что в последнее время Южная Корея, как и другие НИС, вынуждена иметь дело с единым фронтом развитых государств, координирующих свою экономическую политику в отношении

агрессивных конкурентов. Понимая, что экономическая активность Южной Кореи оказывает сейчас «значительное воздействие» на их экономику, ведет к «углублению несбалансированности мировой торговли», эти страны усиливают коллективный нажим на Южную Корею, с тем чтобы она соблюдала «правила игры», взяла на себя дополнительные обязательства в плане обеспечения стабильности мировой экономики, соответствующие ее растущей роли в международных хозяйственных связях. На ежегодном совещании стран — членов ОЭСР в мае 1988 г. Сеулу был предъявлен целый пакет требований, принятие которых фактически означало бы изменение основ экономической стратегии страны в направлении либерализации торговой политики, рынков инвестиций, валюты, услуг, ослабления государственного регулирования экономики, значительного (до 25 %) повышения курса воны по отношению к доллару⁸. Давление на Южную Корею усиливается также по линии МБРР, МВФ, других международных экономических организаций.

Такая ситуация весьма болезненно воспринимается в Сеуле, тем более что администрация оказалась сейчас как бы между двух огней: поскольку давление на нее «извне» усугубляется нажимом «изнутри», со стороны тех слоев, чьи интересы ущемляются проводимой правящими кругами экономической политикой. По многим прогнозам, осуществляемая ревальвация воны при одновременном облегчении доступа в страну иностранных товаров, капиталов и услуг вызовет целую волну банкротств мелких и средних предпринимателей, приведет к разрушению сельской экономики, что в свою очередь чревато дестабилизацией внутривнутриполитической обстановки. Сталкиваясь с растущим недовольством бизнесменов и фермеров, власти начинают испытывать тревогу в связи с опасностью размывания консервативного фланга общества, который является главной опорой нынешнего президента.

Раскрывая позицию своей страны, министр иностранных дел Южной Кореи, выступая перед участниками «группы-77» в Нью-Йорке, отмечал: «Мы против той точки зрения, согласно которой новые индустриальные страны должны нести большую ответственность за перестройку мирового экономического баланса, поскольку они не являются источником нынешних проблем в этой области. Следует, наоборот, признать, что НИС играют роль генератора роста мировой экономики». Здесь указывают на то, что критика в адрес Южной Кореи может вызвать нежелательную реакцию, «отвращая другие страны от попыток вслед за Сеулом идти по пути динамизации экономики»⁹.

В официальных кругах, однако, начинают проявлять колебания: в Сеуле отдают отчет в том, что ущерб вследствие возможных санкций в отношении южнокорейского экспорта на рынках развитых капиталистических стран, на долю которых приходится до 70 % всех зарубежных поставок Южной Кореи, во много крат превысит тот, который может последовать в итоге принятия основных требований своих партнеров. Делая все больший акцент на обеспечение стабильности в своих экономических отношениях с ними, поиск компромиссных решений, Сеул исходит также из стремлений не допустить усиления взаимных трений до уровня, наносящего ущерб политическому сотрудничеству с этими странами.

Несмотря на примирительные жесты Сеула, заявления его представителей о приверженности принципам «свободной торговли», есть основания полагать, что торгово-экономические противоречия Южной Кореи с развитыми капиталистическими странами являются фактором долгосрочного порядка. Острота антагонизма, которую время от времени удается снять, будет, тем не менее, постоянно воспроизводиться на новой основе по мере расширения масштабов производства и экспорта, все более тесного переплетения хозяйственных интересов партнеров.

Нарастающие трудности в отношениях с сильными и не склонными к компромиссам конкурентами, необходимость компенсировать издержки, связанные с ухудшением внешнеэкономической ситуации, вынуждают администрацию переходить к решительным политическим действиям в целях защиты национальных интересов. На этом фоне все более отчетливым становится стремление Сеула укрепить свои позиции в диалоге с Западом за счет взаимодействия с развивающимися государствами, участия в формировании механизма консультаций, согласования действий по экономическим вопросам на региональном уровне.

* * *

Первые попытки Сеула разыграть собственную «политическую карту» в Азии относятся к началу нынешнего десятилетия. В 1982 г. южнокорейская администрация Чон Ду Хвана выступила с предложениями, которые предусматривали проведение совещания государств АТР на высшем уровне, создание постоянного консультативного органа этих стран для координации действий в области экономического сотрудничества, налаживания взаимодействия в осуществлении крупных долгосрочных проектов в целом ряде практических областей. В основе этой концепции лежал тезис о возрастающей роли «малых, динамично развивающихся государств» региона в деле стимулирования экономического роста, процессов регионального сотрудничества. В частности, усиленно проводилась мысль о том, что Южная Корея в силу своего статуса «новой индустриальной страны» вправе претендовать на особое место в системе Тихоокеанского экономического сообщества (ТОЭС), выполняя функции связующего, цементирующего звена в отношениях между развитыми и развивающимися государствами региона.

Будущее своей азиатской политики сеульская администрация во многом связывает с сотрудничеством со странами АСЕАН. Отмечая сходство экономических структур, политических институтов Южной Кореи и ряда стран — членов этой группировки, общность кардинальных задач развития и общественных идеалов, ориентиров в области внешней политики и видения мировых и региональных проблем, в Сеуле считают, что все эти обстоятельства объективно благоприятствуют тенденции сближения Южной Кореи с ними. В правительственных, деловых кругах высказывается мнение, согласно которому Южная Корея и страны ассоциации могут стать «центральной осью», одной из «несущих опор» ТОЭС, в то время как соединение промышленного потенциала Южной Кореи и огромных сырьевых и людских ресурсов государств ЮВА может дать экономическую базу одному из новых центров силы, вырисовывающихся в мире. Далеко не случайно, что одной из первых зарубежных поездок Ро Дэ У после вступления на пост президента стало его турне по ряду стран АСЕАН и в Австралию. Говоря о значении этой поездки, южнокорейская пресса отмечала, что она «послужит целям более тесного подключения Южной Кореи к деятельности АСЕАН, которая является краеугольным камнем региональной структуры сотрудничества»¹⁰.

Первые попытки Сеула обосновать свою «новую миссию» в Азии, добиться продвижения упомянутых инициатив вызвали сдержанную реакцию в большинстве стран региона. Это, однако, не обескураживает руководителей страны. Здесь исходят из того, что время работает на Южную Корею, а количественный рост таких факторов, как внешняя торговля, инвестиционная деятельность, предоставление экономической помощи, обмен управленческими и технологическими знаниями, в перспективе создаст необходимую основу для все более тесного взаимодействия Южной Кореи с государствами региона, что в свою очередь будет-де неизбежно вести к укреплению ее экономического и политического влияния в регионе.

Южная Корея предпринимает и практические шаги в этом направлении. В последний период Сеул зондирует почву на предмет возможности проведения встреч на высшем уровне «новых индустриальных стран» АТР, которые в случае успеха могли бы стать, как здесь полагают, своеобразным аналогом совещаний «большой семерки» в группе среднеразвитых стран бассейна Тихого океана. На таких встречах, в организации которых Сеул хотел бы, по всей видимости, сыграть роль «первой скрипки», предполагается присутствие как азиатских участников, так и таких стран, как Бразилия, Аргентина, Мексика. Что же касается повестки дня, то, по мнению Сеула, с учетом «специфичности» политического статуса некоторых НИС, характера их основных озбоченностей такой форум должен носить исключительно экономический характер, причем главной темой для обсуждения должны стать вопросы консолидации усилий сторон в целях противодействия экономическому давлению и протекционистской политике западных стран¹¹.

* * *

Более тесное и инициативное участие в решении сложных, многоплановых задач, затрагивающих узловые проблемы региональных отношений, предполагает наличие прочного внешнеполитического тыла. Неуклонно возрастающий уровень политических,

экономических и иных издержек от сохраняющейся конфронтации на Корейском полуострове и вокруг него, непредсказуемость в развитии событий диктуют необходимость более серьезного подхода к проблеме взаимоотношений с КНДР, оздоровления ситуации в целом в этом районе.

Поворот в политике Сеула в сторону более взвешенного курса в этих вопросах нашел отражение в специальной декларации Ро Дэ У от 7 июля 1988 г., в которой отмечалась нежелательность дальнейшего политического противоборства между Севером и Югом на международной арене, подчеркивалась готовность к контактам и обмену с Пхеньяном в ряде областей. Эти идеи получили развитие в новых предложениях об образовании «Корейского содружества», с которыми южнокорейский президент выступил в сентябре 1989 г. Заявляя о своем стремлении к достижению объединения Кореи, Сеул считает, однако, что этому событию должен предшествовать более или менее длительный период мирного сосуществования между Севером и Югом, в течение которого необходимо накапливать опыт сотрудничества, укреплять климат доверия через создание поэтапно «социальной, культурной, экономической и политической общности» с участием всего корейского народа. Хотя эти идеи по-прежнему основываются на отвергаемой Пхеньяном концепции существования «двух корейских государств», они вместе с тем отражают намерения Сеула видоизменить условия соперничества с КНДР в пользу менее конфликтных форм взаимоотношений.

Улучшения своего внешнего окружения Сеул хочет добиться за счет создания более стабильной и позитивной системы отношений в Северо-Восточной Азии, районе, представляющем, как там утверждают, «жизненно важное значение для интересов безопасности» страны. Причины сохраняющейся здесь напряженности связаны, по мнению сеульской администрации, не только с недостатком доверия между Севером и Югом, но и с отсутствием контактов между Южной Кореей и союзниками КНДР, с одной стороны, и между КНДР и союзниками Южной Кореи — с другой. Основываясь на этих соображениях, Ро Дэ У заявил о своей заинтересованности в «дальнейшей интеграции» Юга, и Севера в международное сообщество, о готовности способствовать развитию контактов КНДР с США и Японией, претендуя при этом на адекватный уровень отношений с СССР и КНР¹².

Значительный резонанс в Южной Корее вызвало выступление М. С. Горбачева в Красноярске, которое было воспринято как шаг в направлении создания новой атмосферы в Северо-Восточной Азии. Отметив «конструктивный характер» советских инициатив, представитель МИД Южной Кореи сообщил, что руководство страны уделяет «особое внимание предложению обсудить на многосторонней основе вопрос о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи». Приветствуя красноярскую «программу Горбачева», лидер оппозиции Ким Тэ Чжун выразил надежду, что она даст новый импульс решению проблемы объединения Кореи¹³.

В известном смысле перекликается с этой советской инициативой выдвинутое позднее Ро Дэ У предложение о проведении конференции шести государств — Советского Союза, Китая, Соединенных Штатов, Японии, КНДР и Южной Кореи в целях поиска путей обеспечения мира и ослабления напряженности на Корейском полуострове и в субрегионе. Создание при наличии согласия всех заинтересованных сторон механизма консультаций для обсуждения данного круга проблем могло бы сыграть положительную роль в деле укрепления климата доверия и диалога в этом районе.

Корректировка политики Южной Кореи в Северо-Восточной Азии обусловлена отчасти растущим пониманием того, что международный образ страны как американского военного союзника сейчас не способствует росту доверия к ней со стороны других азиатских государств, приходит в противоречие с целями проведения наступательного внешнеполитического курса в АТР. Присутствие в Южной Корее войск США и ядерного оружия, сохранение контроля над национальными вооруженными силами в руках американского командования наносят значительный ущерб престижу страны, делают недостаточно убедительными попытки Сеула выступать в качестве полноправного члена международного сообщества. Все эти обстоятельства также дают КНДР основания придерживаться той точки зрения, что Южная Корея «не является независимым суверенным государством», а сеульская администрация ввиду своей «зависимости» от США не может быть равным партнером Пхеньяна по диалогу.

Не ставя под сомнение целесообразность сохранения двусторонних связей с США в военно-политической области, Сеул, тем не менее, сейчас высказывается за то, чтобы они носили более равноправный взаимовыгодный характер с учетом фактора роста потенциальных возможностей страны, добивается изменения таких форм и направлений сотрудничества, которые открывенно идут вразрез с суверенитетом Южной Кореи. В нигервю газете «Лос-Анджелес таймс» Ро Дэ У, отметив стремление части общества к «снижению уровня военной вовлеченности» США в Корее, указал на желательность постепенной реорганизации структуры американо-южнокорейского сотрудничества в сторону увеличения роли и повышения самостоятельности ее южнокорейского компонента¹⁴.

В Сеуле, как можно заметить, начинают проявлять большую сдержанность в отношении планов США привлечь Южную Корею к реализации своей глобальной стратегии. Здесь отклоняют просьбы Вашингтона внести вклад в «оборону свободного мира» за пределами Корейского полуострова (в том числе, например, в районе Персидского залива) на том основании, что Южная Корея и так несет чрезмерное бремя военных расходов, в то время как интересы страны не требуют того, чтобы ее «военная мощь» была вынесена за пределы национальных границ. В своей внешнеполитической пропаганде Сеул сейчас делает акцент на то, что миссия американских войск в Южной Корее сводится к выполнению функций в пределах Корейского полуострова и поэтому не затрагивает интересов третьих стран. (Нельзя не отметить, что эта позиция не разделяется представителями военных кругов, которые традиционно рассматривают американо-южнокорейское сотрудничество в военной области как «элемент тихоокеанской системы безопасности».) Обращают также на себя внимание участвовавшие в последний период высказывания политических лидеров страны о том, что американское военное присутствие в Южной Корее не является «постоянным фактором», а вопрос о выводе войск может быть поставлен в практическую плоскость ходом развития событий на Корейском полуострове, например в случае достижения прогресса на переговорах между Севером и Югом.

Поворот от философии разобщенного международного сообщества к идеям взаимосвязанного целостного мира заставляет Сеул по-новому взглянуть на проблему своих отношений с социалистическими странами. Здесь сейчас исходят из того, что эти страны — неизбежный фактор на пути продвижения Южной Кореи в АТР. Отношения с ними становятся поэтому для Сеула частью курса на расширение круга его внешнеполитических партнеров. Необходимость активизации этих отношений диктуется также стремлением укрепить свое политическое и экономическое влияние в мире, добиться повышения самостоятельности внешнеполитического курса страны. Судя по высказываниям официальных лиц, здесь приходят к мысли о том, что без понимания и содействия со стороны социалистических стран невозможно достижение всеобъемлющего урегулирования корейской проблемы — в политических кругах все большее число сторонников завоевывает мнение о том, что «Советский Союз и КНР держат в своих руках ключи к поддержанию мира в Корее»¹⁵.

Установлению связей с социалистическими странами, как полагают сеульские руководители, сейчас объективно благоприятствует наметившаяся тенденция к укреплению «климата примирения и диалога» в регионе, политические и экономические перемены в этих странах в сторону большей открытости, новые акценты в азиатской политике Советского Союза. Как писала близкая к правительственным кругам газета «Корна геральд», «проводимая в СССР политика гласности, а также то обстоятельство, что Советский Союз придает в своей внешней политике все большее значение азиатско-тихоокеанскому региону, будут способствовать созданию атмосферы, при которой страны восточного блока более свободно будут осуществлять контакты с Южной Кореей»¹⁶.

Эти настроения, которые подспудно накапливались в обществе, были учтены Ро Дэ У, наложившим заметный отпечаток на его внешнеполитическую программу. Вопрос о перспективах и путях развития связей с СССР и КНР занял одно из центральных мест в ходе его предвыборной кампании. Во всяком случае, обещания Ро Дэ У вывести отношения с социалистическими странами к 1993 г. на грань их полной нормализации явились одной из наиболее сильных козырных карт претендента от правящей партии, что в немалой степени способствовало его победе на выборах. В своей первой официальной речи в качестве главы государства южнокорейский лидер подчеркнул: «Исходя из интересов энергичного продвижения «северной политики», мы будем расши-

рять каналы международного сотрудничества с теми континентальными странами, с которыми у нас сейчас нет связей. Улучшение отношений с другими, отличными от нашей идеологической и социальной системами будет вносить вклад в дело стабильности, мира и совместного процветания в Восточной Азии»¹⁷. Программа, выдвинутая Ро Дэ У, предусматривает поэтапное развитие сотрудничества с социалистическими странами, начиная с культурного, спортивного обмена, установления прямых экономических связей и кончая налаживанием политических контактов и межгосударственных отношений в полном объеме.

О своем стремлении участвовать в формировании «северной политики» заявляют лидеры оппозиционных партий, которые хотят использовать эту возможность в целях повышения своего влияния на внешнюю политику в целом. Говоря о той миссии, которую могла бы взять на себя Партия мира и демократии, ее лидер Ким Тэ Чжун ссылается на японский пример, когда установлению официальных контактов Токио с СССР и КНР предшествовали контакты этих стран с представителями японских оппозиционных партий. Другой лидер оппозиции, Ким Ен Сам, со своей стороны выступает за придание большей гибкости «северной политике», акцентируя важность неофициальных контактов с социалистическими странами в рамках межпарламентского обмена. Он выступает с инициативой создания так называемой Парламентской конференции стран Северо-Восточной Азии в составе США, СССР, КНДР, Южной Кореи, Японии и Китая с целью содействия обмену и взаимопониманию между народами региона. Эти политические деятели, заручившись поддержкой со стороны Ро Дэ У, готовы взять на себя миссию поддержания контактов с Советским Союзом и Китаем, с тем чтобы внести вклад в развитие отношений.

Вместе с тем нельзя недооценивать позиции консервативных кругов, представители которых указывают на «нежелательность» с точки зрения «национальных интересов» дальнейшего распространения в обществе «просоветских симпатий», наблюдаемых на фоне роста антиамериканских настроений.

¹ In: Korea Herald.— 1988.— 18 June.

² См.: Тон'а Ильбо.— 1988.— 13 мая.

³ Korea Herald.— 1988.— 7 July.

⁴ Business Korea — October 1988.— Vol. 6.— N 4.— P. 28.

⁵ Ibid.— July 1988.— Vol. 6.— N 1.— P. 21; Korea Herald.— 1988.— 3 November.— Supplement.— P. 2.

⁶ Korea Herald.— 1988.— 4 November.

⁷ Ibid.— 1 September.

⁸ Ibid.— 19, 20 May.

⁹ Ibid.— 28, 30 September.

¹⁰ Ibid.— 3 November.

¹¹ Ibid.— 24, 25 June.

¹² Ibid.— 8 July.

¹³ Ibid.— 24, 21 September.

¹⁴ Ibid.— 2 November.

¹⁵ См.: Новое время.— 1988.— № 40.— С. 9.

¹⁶ Korea Herald.— 1988.— 28 January.

¹⁷ Korea and World Affairs.— 1988.— N 1.— Vol. 12.— P. 178—179.

12—13 декабря 1989 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась научно-практическая конференция, посвященная проблемам развития связей между РСФСР и провинциями Северо-Восточного Китая. В конференции, организованной МИД РСФСР и ИДВ АН СССР, приняли участие более ста представителей союзных и республиканских министерств и ведомств, заинтересованных советских органов, НИИ и внешнеторговых организаций Сибири, Дальнего Востока и Казахстана, ученые академических и отраслевых институтов, представители общественных организаций. Конференция была призвана обсудить актуальные вопросы сотрудничества крупнейшей республики Советского Союза — России — и нашего восточного соседа — Китайской Народной Республики в самых различных областях. Как было отмечено в выступлении директора ИДВ АН СССР М. Л. Титаренко, для такого обсуждения ныне созрели все необходимые условия. Это, прежде всего, нормализация советско-китайских отношений после встречи М. С. Горбачева с высшими китайскими руководителями в мае 1989 г., в результате которой была заложена новая принципиальная основа для двусторонних отношений — добрососедство, взаимовыгодное и равноправное сотрудничество на общепринятых принципах мирного сосуществования. Общность социально-политических целей, географическая близость, исторически сложившиеся традиционные хозяйственные связи между Россией и Китаем создают благоприятные предпосылки для развития многогранного сотрудничества между двумя странами.

Главной темой обсуждения на конференции стали проблемы торгово-экономических и научно-технических связей между РСФСР и КНР. В настоящее время советско-китайские торгово-экономические отношения далеко вышли за рамки традиционной межгосударственной торговли на основе ежегодно подписываемых протоколов о товарообороте и платежах и представляют собой достаточно сложный комплекс экономических связей, ха-

рактеризующийся большим числом участников, множественностью каналов и форм. В условиях, когда в обеих странах осуществляются широкомасштабные экономические реформы, в том числе реформа системы управления внешнеэкономическими связями, особенно остро встал вопрос о дальнейших путях развития и совершенствования всего комплекса советско-китайских торгово-экономических отношений, включая приграничные и прямые связи между советским Дальним Востоком и Сибирью и китайским Северо-Востоком. Неупорядоченность экономических и политических структур, неясности в юридическом обеспечении сотрудничества создают немалые трудности в решении многих практических вопросов в сфере двусторонних торгово-экономических отношений. Все это вместе вызвало необходимость обмена мнениями между представителями центральных министерств и ведомств, практическими работниками местных внешнеторговых организаций и учеными по проблемам состояния и перспектив советско-китайского торгово-экономического сотрудничества с тем, чтобы попытаться найти пути наиболее эффективного их развития, выявить неиспользованные резервы, определить перспективные направления и формы сотрудничества с учетом конкретной ситуации, сложившейся в каждой из стран.

Выступавшие отметили, что в последние годы торгово-экономические связи между приграничными краями и областями РСФСР и Китаем развиваются бурными темпами. Так, например, только объем экспорта Дальнего Востока в Китай в 1988 г. составил более 130 млн. руб., что в 55 раз превышает уровень 1983 г.; общий объем экспорта РСФСР в КНР за тот же период вырос более чем в 6 раз. В 1989 г., по предварительным оценкам, товарооборот между Россией и Китаем достиг 0,5 млрд. инвалютных руб. Резко увеличилось за последний год количество участников внешнеторговой деятельности с советской стороны. Одна только провинция Хэйлуньцзян активно сотрудничает

с 367 партнерами из 22 областей и краев РСФСР. Как следовало из выступлений, существует целый ряд принципиально важных факторов, создающих в настоящее время благоприятные условия для ускоренного развития торгово-экономических связей между РСФСР и КНР. К числу основных можно отнести следующие:

Во-первых, снятие всякого рода политических препятствий для развития советско-китайских приграничных связей после советско-китайской встречи на высшем уровне. Более того, ныне всестороннее развитие этих связей призвано играть важную роль в деле укрепления добрососедских отношений между нашими странами.

Во-вторых, для советской стороны развитие приграничных торгово-экономических связей с Китаем является одним из важнейших путей решения острых социальных и экономических проблем в зоне Сибири и Дальнего Востока, так как позволяет в какой-то степени решить проблему обеспечения потребительского рынка этого региона продовольствием и товарами повседневного спроса и, таким образом, смягчить острые социальные вопросы.

В-третьих, важно отметить также, что огромные размеры и колоссальный потенциал вступающих во взаимодействие приграничных территорий обеих стран, объективно существующая взаимодополняемость их экономических структур, позволяют говорить о наличии значительных резервов для количественного и, что еще более важно, качественного совершенствования структур экономического сотрудничества. Приоритетной задачей для советской стороны является поиск путей наращивания доли машин и технической продукции в общем объеме экспорта России в Китай. В связи с этим одним из факторов, создающих дополнительные возможности для качественного развития советско-китайских торгово-экономических отношений, является определенная взаимодополняемость мер по стабилизации экономики, осуществляемых сейчас в СССР и КНР. Так, если основной экономической стратегией Советского Союза должна стать переориентация инвестиционной политики в сторону отраслей группы «Б» с целью скорейшего насыщения рынка потребительскими товарами, то в КНР, напротив, предполагается сократить удельный вес капитал-

ных вложений в легкую промышленность, перенести центр тяжести на развитие энергетики, транспорта, добывающих отраслей промышленности. Незагруженные мощности, «избыточный потенциал», которые неизбежно возникнут в процессе осуществления реформ структурной перестройки, могут быть использованы для удовлетворения взаимных потребностей.

Наряду с благоприятными факторами в торгово-экономических связях между РСФСР и Китаем существует немало проблем. Одна из сложнейших связана со слабостью экспортной базы советского Дальнего Востока и Сибири, что приводит к почти исключительно сырьевой направленности экспорта. Так, Читинская область вывозит в Китай в основном лес, 89 % экспорта Амурской области, 17 % экспорта Хабаровского края составляет круглый лес (при том, что в Хабаровском крае лесные ресурсы в значительной степени истощены). В русле этой тенденции отмечается и факт сокращения номенклатуры товаров российского экспорта в Китай: с 23 наименований (среди которых были и промышленные товары) в 1983 г. до 6—7 наименований в 1988—1989 гг. Кроме леса, в этом списке фигурируют цветные и редкие металлы, прокат, удобрения, цемент, то есть товары, которые на мировом рынке продаются на свободно конвертируемую валюту. Причем, несмотря на совершенно различные природные условия и уровень экономического развития провинций КНР, участвующих в приграничной торговле, список запрашиваемых товаров везде одинаков. В связи с этим было высказано предположение, что Китай использует приграничную торговлю как более гибкий канал межгосударственной торговли. С другой стороны, лишь 30 % экспортируемой в Китай продукции производится непосредственно на предприятиях Сибири и Дальнего Востока, 70 % их экспорта формировалось за счет централизованных фондов. Вступление в силу с 1 апреля 1989 г. постановления Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций» не замедлило сказаться на темпах роста торговли с Китаем. Так, объем товарооборота Хабаровского края с КНР с 1983 по 1988 г. увеличился в 40 раз, а в 1989 г. — лишь в 1,7 раза по сравнению с 1988 г.

Другой сложной, общей для всех проб-

лемой является проблема взаиморасчетов в советско-китайской торговле. Как отмечалось, простой товарообмен между двумя странами уже исчерпал себя. Клиринговая форма расчетов в условиях нехватки как в Советском Союзе, так и в Китае свободно конвертируемой валюты, по-видимому, еще длительное время будет оставаться основной формой расчета. Но в результате возникает ситуация, при которой Китай и Советский Союз могут торговать друг с другом только тем, что не могут продать другим странам. Для того, чтобы выйти на качественно новый этап развития двусторонних торгово-экономических отношений, очевидно, необходимо вести поиск новых форм расчетов, расширять по возможности число контрактов, предусматривающих расчеты в твердой валюте.

Тесно связаны с проблемой взаиморасчетов вопросы ценообразования и обеспечения участников внешнеторговой деятельности квалифицированными кадрами. После вступления в силу вышеупомянутого постановления Совета Министров СССР большое количество неорганизованных советских участников внешнеторговой деятельности вышло на хорошо организованный китайский рынок. В процессе совершенствования системы управления внешней торговли в Китае в настоящее время встали на путь ее жесткой централизации. Право выхода на внешний рынок в каждой провинции будет предоставлено только одной-двум компаниям, а в приграничных с СССР провинциях — пяти-шести компаниям. В результате такого упорядочения в провинции Хэйлунцзян из 180 внешнеторговых компаний осталось всего пять. Все остальные организации могут сотрудничать с советской стороной только через эти компании. Такая организация позволяет китайской стороне рационально и эффективно строить внешнеэкономические связи, проводить единую ценовую политику. С советской стороны этим компаниям противостоят масса партнеров, не обладающих необходимой квалификацией, в ряде случаев не имеющих понятия об уровне мировых цен на те или иные товары. Как отмечали многие из выступавших, первое время советские участники внешнеторговой деятельности заключали любые контракты с китайской стороной, зачастую совершенно невыгодные. В результате стали возможны такие случаи, когда только в Читинской области цена на один кубический

метр леса колебалась от 60 до 320 швейцарских фр., а некоторые китайские товары приобретались советской стороной по ценам, в несколько раз превышающим мировые. Участники конференции неоднократно подчеркивали, что выработка единой региональной ценовой политики — необходимое условие нормального функционирования внешнеторгового механизма. В связи с этим особо отмечалось также, что отсутствие научного обоснования единой концепции развития регионального сотрудничества с КНР, учитывающей в полной мере и роль внешнего фактора, а также концепции развития отраслевого сотрудничества между двумя странами отрицательно сказывается на всем комплексе советско-китайских торгово-экономических связей. Практически каждый из выступавших отмечал настоятельную необходимость тесного сотрудничества науки и практики, их оперативного взаимодействия.

Многие участники конференции отмечали как одну из важнейших проблем, тормозящих процесс развития двусторонних прямых и приграничных связей, непоследовательную, в ряде случаев непродуманную политику центра в этом направлении. Эта проблема в конечном итоге связана с необходимостью дальнейшего совершенствования механизма внешней торговли в СССР. Так, отмечалось, что введенная с 1 апреля 1989 г. практика лицензирования экспорта и импорта пагубно сказалась на процессе развития прямых и приграничных торгово-экономических связей. Необходимость получения лицензий на ввоз и вывоз практически всех товаров привела к тому, что объем приграничной торговли с Китаем снизился на 19 % по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, примерно 60 % (а по ряду отраслей гораздо больше) контрактов, заключенных по линии прямых связей, находятся под угрозой срыва. Отмечалось также, что ввод в действие с 1 января 1990 г. правила о взимании в госбюджет 85 % от межценовой разницы в бартерных сделках, введение новых повышенных таможенных тарифов может привести к тому, что приграничное торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Китаем вообще будет свернуто. Поэтому было высказано предложение о необходимости упорядочения системы лицензирования, передачи права выдачи лицензий на экспорт и импорт товаров по линии пригранич-

ной торговли и прямых связей Совету Министров РСФСР, а в ряде случаев — местным властям, о необходимости дальнейшего совершенствования внешнеторгового механизма в целом.

Общей для всех участников внешне-торговой деятельности является проблема транспорта, которая в значительной степени тормозит выполнение обязательств по поставкам, особенно советской стороной. Из многочисленных высказываний по этому поводу следует, что главная причина неразрешимости транспортных проблем — это слабо развитая железнодорожная транспортная сеть в Китае. Именно поэтому китайские железнодорожники соглашаются переработать лишь чуть больше половины заявленных грузов. Что же касается товаров, ввозимых и вывозимых по линии приграничной торговли, то они вообще не включаются в план грузо-оборота между двумя странами. В связи с этим в качестве одного из наиболее перспективных путей решения транспортных проблем предлагалось всемерное развитие автодорожной транспортной сети на различных условиях, в том числе совместно с китайской стороной.

На конференции говорилось, что важнейшим резервом дальнейшего развития советско-китайского экономического сотрудничества является совершенствование его форм — развитие кооперации, компенсационных сделок, создание совместных предприятий. Одно из главных препятствий на пути создания совместных предприятий кроется в несовершенстве советского законодательства в этой области, в силу чего совместные предприятия, в том числе и трехсторонние с участием Японии, выгоднее создавать на китайской территории. Выступавшие подчеркивали, что хотя и предусматривалось создание системы льготных условий для деятельности совместных предприятий в зоне Сибири и Дальнего Востока, реально этого сделано не было. Одновременно с этой проблемой был затронут вопрос о необходимости подготовки детального технико-экономического обоснования проектов создания свободных экономических зон на Дальнем Востоке, проработки юридической стороны данного вопроса. Другая проблема при создании совместных предприятий — уже упоминавшаяся система взаиморасчетов. Было отмечено, что основной формой советско-китайских совместных предприятий в ближайшее десятилетие будут предприятия,

создаваемые на базе советского сырья и энергии. Задача советских партнеров состоит в том, чтобы искать и находить такие формы организации совместных предприятий, при которых в произведенной продукции в равной степени будут заинтересованы и советская, и китайская стороны. Наиболее перспективными в этом плане представляются предприятия агропромышленного типа, например, по выращиванию соя-бобов и производству соевого масла, пользующейся спросом обеих сторон. Создание совместных советско-китайских предприятий экспортной направленности не имеет перспектив, так как эта идея не найдет отклика у китайских партнеров.

Еще одно важное направление советско-китайского экономического сотрудничества — использование китайской рабочей силы. В условиях острой нехватки рабочей силы на Дальнем Востоке проблема использования китайских рабочих приобретает все большее значение. В настоящее время на территории СССР трудится более 6 тыс. рабочих из провинций Северо-Восточного Китая. В связи с тем, что эта область советско-китайского сотрудничества представляется достаточно перспективной, на конференции была отмечена необходимость поиска путей повышения эффективности использования иностранной рабочей силы на территории СССР, были предложены конкретные меры решения этой проблемы.

В качестве имеющих самостоятельное значение были выделены экологические вопросы, особенно в виду загрязнения рек бассейна Амура, нерациональной эксплуатации его рыбных ресурсов.

В целом конференция была признана полезной для всех ее участников. Состоялся не только обмен мнениями между учеными и практиками, представителями «мест» и «центра», было высказано множество конкретных предложений, направленных на совершенствование приграничного торгово-экономического сотрудничества и прямых связей между РСФСР и Китаем, намечены конкретные шаги по повышению эффективности двустороннего сотрудничества. Было признано целесообразным в дальнейшем регулярно проводить аналогичные конференции.

Т. ТУРЧАК

Истоки стабильного роста

С. ЦУЦУМИ

(Тезисы лекции, прочитанной
31.VIII.89 в Институте Дальнего
Востока АН СССР)

Это моя третья лекция в Москве. Четыре года назад я выступал с лекцией в МГУ, вторую, по теории управления, я прочел в Академии народного хозяйства. Сегодняшнюю я хотел бы начать с ответа на наиболее часто задаваемый в СССР вопрос: «Что обеспечило впечатляющее послевоенное развитие японской экономики?»

В 1945 г. Япония потерпела поражение в войне, развязанной империалистическими авантюристами. Производительные силы страны в 1945 г. сократились до уровня 1920 г. Валовый национальный продукт того времени составлял одну десятую ВВП 1989 г. Многие японские города были до основания разрушены американскими бомбардировками. Особенно пострадали от применения ядерного оружия Хиросима и Нагасаки. В результате поражения в войне Япония потеряла такие свои колонии, как остров Тайвань, Корея, Маньчжурия, и территория Японии как государства сократилась наполовину. Если принять во внимание эти обстоятельства, то можно было считать, что японская экономика вряд ли могла оправиться после столь тяжелого удара. Но, с другой стороны, ввиду поражения в войне экономика страны приобрела некоторые новые черты.

Во-первых, это появление небольшого правительства. Не стало, например, министерства Великой Восточной Азии, которое управляло колониями, министерства внутренних дел — органа, который осуществлял контроль за идеологией, навя-

зывая японскому народу идеи почитания императора и шовинистические настроения. Естественно, были упразднены военное и военно-морское министерства. В Японии и до войны число министерств было не столь большим, и потому после окончания войны в результате реформ численность чиновников сократилось наполовину, при этом также были ограничены и их права.

Во-вторых, в результате поражения в войне Япония потеряла многие средства производства. Она встала перед необходимостью заново создавать производственное оборудование. А как следствие этого установленное после второй мировой войны японское оборудование стало наиболее современным.

В тот период все усилия японского правительства были направлены на развитие базовых отраслей промышленности, наиболее важных определенных приоритетных отраслей. При этом выделялись два направления. Первое включало производство стали, энергии и некоторые другие отрасли тяжелой промышленности. Второе — отрасли легкой промышленности, например текстильную, а также судостроение, то есть те сферы, которые позволяли производить экспортные товары. Для успешного развития избранных отраслей правительство предоставляло им льготные кредиты и использовало другие меры. Что касается других промышленных сфер, куда правительство капиталы не направляло, то там развивалась свободная экономика. Таким образом, создание небольшого эффективно-

го правительства, модернизация средств производства, развитие базовых отраслей промышленности — вот на чем сосредоточило свои усилия японское руководство.

Вслед за этим последовала аграрная реформа. Можно предположить, что именно аграрная реформа, проведенная в рамках оккупационной политики американских войск, оказала наиболее продолжительное и последовательное влияние на развитие японской экономики. До поражения в войне в Японии существовали крупные землевладельцы. На принадлежавших им землях работали арендаторы. Положение тогдашних японских крестьян можно сравнить с положением крепостных эпохи феодализма. И именно это крестьянство явилось поставщиком людей для японской армии. Не знаю, что побудило оккупационные власти провести аграрную реформу. Возможно, они понимали, что такое положение японского крестьянства способствовало росту милитаризма. И действительно, большинство японских крестьян, этих батраков, разделяло мнение о том, что их тяжелое положение вызвано избыточным населением в Японии и тем, что островная Япония бедна природными ресурсами. Поэтому среди японского крестьянства жили иллюзорные представления о том, будто победа Японии в войне коренным образом изменит их положение. Но поражение Японии показало, что все это было лишь мифом, созданным милитаристами. В результате аграрной реформы японские крестьяне получили — хотя и очень незначительные, но все-таки собственные — земельные участки.

Что касается производства основного продукта питания японцев — риса, то крестьяне обязаны были сдавать производимый продукт, но правительство закупало не весь урожай. Ту часть риса, которая превышала уровень государственных закупок, крестьяне могли реализовывать сами. В итоге производительность труда в японском сельском хозяйстве росла очень быстрыми темпами.

Принято обычно считать, что Япония встала на путь превращения в современное промышленное государство начиная с эпохи Мэйдзи, но правильнее будет выделить два этапа в развитии японской экономики: до и после поражения во второй мировой войне. Начиная с эпохи Мэйдзи и до 1945 г. развитие японского

капитализма шло с сохранением крепостной системы в сельском хозяйстве, это можно считать периодом, предшествующим капитализму. Такая структура японской экономики усугублялась еще и тем, что внутренний рынок Японии был весьма мал и искажен, что толкало Японию к развязыванию империалистической войны. Послевоенная аграрная реформа привела к формированию несравнимого с прежним внутреннего рынка. Для насыщения образовавшегося громадного внутреннего рынка стали развиваться отрасли легкой промышленности, производящие товары широкого потребления, радиоприемники, телевизоры, стиральные машины, даже автомобили. Японские потребители стали пользоваться этими товарами и высказывать свои замечания, возникли конкурирующие фирмы — все это привело к тому, что качество японских товаров постоянно повышалось.

Если взять первые послевоенные 15—16 лет, то в японском экспорте преобладали текстиль, частично обувь, то есть те виды товаров, которые не требовали большой обработки. Производились они при низкой заработной плате, которая являлась «оружием» японского экспорта в то время. Иностранная валюта, заработанная путем такого «социального демпинга» (экспорта на основе низкой заработной платы), использовалась для развития отраслей тяжелой промышленности. Это то, что можно отметить, говоря о влиянии аграрной реформы на промышленную структуру Японии.

В-третьих, следует упомянуть о социальном фоне. Япония того времени в области просвещения шагнула значительно дальше других стран. В Японии была довольно разветвленная сеть железных дорог, оснащенные порты. Страна имела развитое оливное земледелие, принимались меры по развитию лесной промышленности и т. д. Таким образом, в Японии существовала вся необходимая инфраструктура. Кроме того, можно отметить, что в результате войны произошло омоложение руководителей японской экономики. Прежние лидеры либо ушли в отставку, либо были изгнаны, и появились молодые, энергичные руководители, средний возраст которых в то время составлял 43—44 года.

Некоторые исследователи выделяют еще и то обстоятельство, что США в рамках проводимой ими политики «хо-

лодной войны», стремились заполучить себе еще одного союзника в лице Японии и поэтому оказывали ей необходимую экономическую помощь. Но США в это время оказывали аналогичную помощь и другим странам Азии, но тем не менее если сравнивать послевоенное развитие этих азиатских стран и Японии, то мы видим большое различие. Поэтому я склонен считать, что быстрое послевоенное развитие японской экономики основано на чисто внутренних факторах.

Таковы в общем плане мои соображения по поводу причин, обеспечивших развитие японской экономики после второй мировой войны. Однако сейчас те положительные факторы, которые обеспечили развитие японской экономики в то время, перестают играть свою роль. Неожиданно для нас продолжительные высокие темпы развития японской экономики вызвали недовольство со стороны США и членов ЕЭС. Я считаю, что это можно назвать развитием межимпериалистических противоречий. Меня беспокоит то, что Япония, на мой взгляд, не обладает необходимыми возможностями, которые позволили бы ей разрешить эти межимпериалистические противоречия, хотя ее потенциал достаточно высок.

Например, оценивая влияние роста курса иены, многие специалисты полагали, что японский экспорт сократится, когда доллар будет равен 200 иенам, затем — 180 иенам. Сейчас сохраняется курс около 140 иен за 1 доллар, но японский экспорт не сократился. Возникли определенные трудности, но Япония по-прежнему продолжает экспортировать свои товары. Конечно, экспортировать свои товары труднее по сравнению с тем периодом, когда иена была дешевле, и стало легче импортировать. Определенную сумятицу в умы вносит деятельность крупных японских фирм, которые, не ограничивая свою деятельность собственно Японией, строят заводы в США, Англии, что свидетельствует о том, что повышение курса иены не является смертельным ударом для крупных японских предприятий.

Несколько месяцев назад я принимал участие в конференции владельцев акций в Вашингтоне. Представителей Японии резко критиковали за то, что они много экспортируют и недостаточно ввозят. В ответ на критику я сказал, что лет через 10 проблема «односторонней торговли» будет решена. Я объяснил это тем, что увеличат свой экспорт в США новые индустри-

альные страны, а также Таиланд, то есть экономические трения между Японией и США уступят место торговым противоречиям между США и НИС. Американцев мой прогноз почему-то не обрадовал. Но надо сказать, что подобное развитие повлечет большие трудности и для Японии. Однако поскольку японские предприниматели уже построили свои заводы и фабрики, скажем, на Тайване, то даже в случае, если японский экспорт сократится, они не сильно пострадают. Я думаю, это приведет к изменению понятия «современное государство», что будет отчасти связано с той интеграцией, которая произойдет в 1992 г. со странами Общего рынка. Думаю, встанет проблема широкого рынка и маленького правительства. В мире свободной экономики большое распространение получат предприятия, не подчиняющиеся государству. Здесь мне хотелось бы сказать об очень важном элементе социалистического государства, особенно когда вопрос стоит о создании смешанной экономики, я имею в виду фактор патриотизма или любви к своей родине. Я иногда применяю выражение «открытый патриотизм». Под «открытым патриотизмом» я подразумеваю «интернациональный патриотизм», который очень трудно воспитать в условиях капиталистического государства. Думаю, что эта проблема касается уже международной политики и будет одной из спорных тем, которые предстоит серьезно обсудить в ближайшем будущем.

Мировые экономические связи, видимо, в ближайшее время будут претерпевать большие изменения. Самое наглядное явление — изменение в системе свободных экономических отношений, известное как «пакс американа». Действительно, после окончания второй мировой войны на протяжении примерно 30 лет американская экономика занимала, казалось, недостижимое для других стран свободной экономики положение. Но за эти 30 лет другие страны прилагали немалые усилия для развития своих экономик и наряду с этим шло «растраживание» американских финансов, что привело к ослаблению американской экономики. В 1992 г. предстоит интеграция стран Общего рынка, что, считаю, будет означать конец системе «пакс американа». И именно в такой период в СССР началась перестройка.

Летом 1989 г. в Москве состоялось заседание японо-советской экономиче-

ской комиссии. Я беседовал с участниками этой конференции, и у меня сложилось впечатление, что и у японской, и у советской стороны все-таки не хватило стремления понять условия и требования, выдвигаемые каждой стороной, или даже понять различия в государственном строе обеих стран. От Японии в основном участвовали деловые люди, практики, и, как это часто бывает, им не хватало теоретических знаний, что привело к недостаточно полному пониманию ими того, что же означает «перестройка». Они имели примитивное представление, будто перестройка ведет к образованию в Советском Союзе свободной экономики. Это, конечно, не значит, что я считаю себя полностью понимающим, что представляет собой процесс перестройки, но, как мне кажется, в настоящее время усилия СССР направлены на строительство нового социализма. Полагаю, что это большой вызов, брошенный Советским Союзом всему миру, и в результате перестройки Советский Союз попытается создать систему, которой прежде нигде не было.

В-четвертых, мне хотелось бы сказать несколько слов об управлении, что также имеет отношение к перестройке. Слово «управление» присуще не только капитализму. И при социализме управление также имеет весьма важное значение. Управление играло не меньшую роль и до появления как капитализма, так и социализма. В моей работе «Записки о наших буднях» рассматривается, как японские феодальные вассалы восстанавливали свое пошатнувшееся экономическое положение, в частности как они исправляли финансовое положение. Я пользовался источниками, написанными на древнеяпонском языке. Книга долгое время была в Японии бестселлером. Эти документы можно назвать классическим пособием еще докапиталистического способа управления. В них весьма наглядно показано, как феодальные вассалы привлекали на свою сторону и увлекли своими идеями подвластное им население и таким образом осуществляли реформы. Из собственного опыта могу сказать, что, разрабатывая какую-либо политику и стремясь ее осуществить, мы часто забываем задуматься о том, как это будет воспринято нашими же сотрудниками. Когда вы воспринимаете хотя бы частично какие-то элементы свободной экономики, то необходимо помнить об управлении. Например, во Франции социалистическая пар-

тия, придя к власти, намеревалась ликвидировать в стране безработицу. Был издан закон, запрещающий предприятиям увольнять рабочих. Что же произошло в результате? Поскольку нельзя было увольнять, перестали просто брать на работу новых людей.

Можно ли использовать японский опыт в СССР? Что касается методов управления, то здесь немало полезного для СССР, что же касается теории экономической структуры, то тут нет ничего, что могло бы вам помочь. Недавно я читал в одном из японских университетов лекции по теории промышленной структуры, в которых отмечал, что японское промышленное общество в результате высокой фазы своего развития столкнулось с серьезными проблемами. К. Маркс в «Капитале» предсказал такое явление, как «товарный фетишизм», то есть человек превращается в слугу системы или рационализации. И в своих лекциях я пытался рассказать о том, что же нужно для того, чтобы человек не превратился в раба. Поэтому я хочу еще раз повторить, что вы можете многое почерпнуть из японского опыта в области системы управления. Что же касается промышленно-экономической структуры, то даже если вы будете внедрять какие-то элементы свободной экономики, необходимо, чтобы они были переработаны на советский лад.

Построение социализма — это очень серьезная теоретическая проблема, и, как я полагаю, еще ни одна страна не сумела успешно решить ее. Если будет такая страна, то это будет Советский Союз. В частном порядке у меня хорошие связи и в Китае. У КНР и Советского Союза многие условия совершенно различны. Возможно, мое представление и ошибочно, но я думаю, что в каждой стране в зависимости от ее национальных и исторических особенностей может существовать свой социализм, то есть может быть много разновидностей социализма. И поэтому я полагаю, что если вслед за Советским Союзом появится какая-либо страна, которая тоже успешно решит вопрос смешанной экономики при социалистическом строе, то этой страной будет Китай. Япония расположена между двумя этими великими державами. Вне всяких сомнений, если эти две великие державы сумеют выработать правильную экономическую политику, которая обеспечит их развитие, это будет радостным событием и для Японии.

Что касается перестройки, то я должен сказать откровенно, что в Японии немало людей сомневается в ее успешном завершении. Перед поездкой в СССР я смотрел в Токио спектакль Ленинградского Малого драматического театра «Братья и сестры». Эту труппу пригласила моя фирма. Перед гастрольями мы договорились, что будут показаны пьесы, связанные с перестройкой. Действие спектакля продолжается 7 часов. Посмотрев его, я пришел к выводу, что это совсем не та «перестроечная» пьеса, какой ее представляли японские средства массовой информации. Действие пьесы разворачивается с 1945 по 1950 г. в одном из северных колхозов. Там говорится о том, что, хотя советский народ и победил в войне, жизнь его несколько не улучшилась. В пьесе очень остро критикуются все те противоречия, которые возникли в советском обществе. Но, как мне показалось, через всю эту критику проходит мысль, что, несмотря ни на что, все-таки в советском обществе произойдут перемены в лучшую сторону.

За границей существуют самые различные мнения относительно перестройки и есть неадекватные оценки. Мне бы хотелось подчеркнуть, что я являюсь одним из тех иностранцев, которые, несмотря ни на что, уверены в успешном завершении перестройки.

Несколько слов о перспективах развития советско-японских отношений. Если говорить о нынешнем уровне советско-японских экономических отношений, то, думаю, он значительно ниже тех потенциальных возможностей, которыми располагает и та, и другая сторона. Недавно я сделал одно открытие. Это случилось в связи с закупкой моей фирмой большой группы «цепи» отелей, расположенных во многих странах мира. В ходе переговоров я понял, что европейцы, осо-

бенно те, кто проживает в странах, расположенных наиболее близко к Советскому Союзу, питают к СССР теплые чувства. Это объясняется тем, что у России еще в досоциалистический период были обширные связи с рядом европейских стран. Кроме того, Советский Союз для них в географическом плане — это как бы продолжение Европы, то есть это один и тот же материк.

Что же касается японцев, то в старые времена да и сейчас многие думают, что Советский Союз — это страна, добраться до которой надо сначала через море, а потом через тайгу и тундру. Они много читают о развитии азиатской части Советского Союза, но, несмотря на это, у них остается представление о том, что это какая-то далекая страна. Нужно откровенно признать, что тут играет роль и то обстоятельство, что длительный период велась антисоветская пропаганда. Но постепенно атмосфера в японском обществе меняется. Я могу сказать, что среди молодежи уже не существует тех предубеждений, которые в свое время насаждались милитаристами. Правда, если судить по итогам заседания советско-японской экономической комиссии, обе стороны пока еще не подошли к реализации существующих возможностей. Здесь сказывается и определенное недопонимание советскими партнерами механизмов свободной экономики. Но если стороны приложат усилия для достижения понимания, то это не будет непреодолимым препятствием. Когда я в своей фирме изложил эту точку зрения, мне сказали, что я, пожалуй, слишком большой оптимист в области японо-советских отношений. На что я ответил, что революционер всегда должен быть оптимистом.

Р. Ш.— А. АЛИЕВ

1. Путь в АТР

Банальным является утверждение о взаимозависимости мира. И все же эта истина не кажется мне бесспорной, если говорить об экономической взаимозависимости между странами социализма и капитализма. Напомню, что наша доля в международной торговле составляет не более 4 %, то есть, по утверждению экономиста М. С. Панкина, примерно столько же, сколько было у царской России перед первой мировой войной.

Еще более безотрадная картина наших экономических позиций вырисовывается в Восточной Азии. Доля импорта наших товаров в общем импорте капиталистических стран региона настолько мизерна, что она зачастую не фиксируется в статистических справочниках по торговле. Даже у наиболее крупных торговых партнеров — у Японии и КНР — эта доля не превышает 2 %. Для сравнения — доля США и Японии в импорте стран региона составляет от 15 до 30 %. О других формах экономического сотрудничества говорить не приходится: они еще в основном в стадии пожеланий и первоначальных разработок. Это означает, что мы (как и другие социалистические страны региона) не только не являемся даже элементом интеграционного поля, называемого международным экономическим регионом Восточной Азии, мы, по сути, не являемся даже элементом в процессе интернационализации, для которой характерен интенсивный торговый обмен. О какой же взаимозависимости мы толкуем?!

Еще одна проблема — дефицит в торговле со странами Восточной Азии. Третья проблема — громадный удельный вес в нашем экспорте товаров сырьевого профиля. Достаточно сказать, что советский экспорт машин и оборудования в Японию занимает всего лишь 1 % от всего экспорта в эту страну. Кстати, эта ситуация привела депутата Верховного Совета от Дальневосточного региона Е. А. Гаер к выводу, что Приморье превратилось в сырьевой придаток Японии.

Приведенные цифры приводят к выводу о том, что нынешний уровень торговых отношений со странами региона не соответствует нашим возможностям. Но давайте не будем себя обманывать. Как раз наоборот — он объективно отражает потенциал СССР в экономике, науке и технике по крайней мере на сегодняшний день.

На общее неблагоприятие в экономике страны накладывает негативный отпечаток специфика экономики Дальневосточного региона, которая носит энерго-сырьевой характер. Его структура вошла в противоречие с интересами наших торговых контрагентов в Восточной Азии. Как известно, перестройка, например, экономики Японии, начинавшаяся со второй половины 70-х годов, была ориентирована на создание наукоемких отраслей промышленности, позволявших ей снизить энерго-, металло- и трудоресурсы на единицу продукции. В результате наши экономические интересы стали расходиться. Был утерян фактор взаимодополняемости экономик. К сожалению, Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил советского Дальнего Востока, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. ориентирует регион на развитие энергосырья, капиталоемких производств.

Как же выйти из этого тупика? В обобщенном виде ответ сводится к следующему. Региональный хозрасчет, создание специальных экономических зон, для начала в г. Находке, и важнейшая экономическая привязка стран АТР к ДВЭР — все это должно сти-

мулировать динамичное развитие советского Дальнего Востока и в частности — Приморского края. Названные три задачи по сути своей определяют стратегию на будущее.

Хотя данный вариант развития и является шагом вперед по сравнению с предыдущим вариантом, он тем не менее кардинально не изменит нынешнюю ситуацию, если оценивать ее стандартами США, Японии и Западной Европы. Давайте порассуждаем. Региональный хозрасчет, в том виде, в каком он сейчас обсуждается, грубо говоря, означает перераспределение функций управления и контроля сферой производственной деятельности в пользу местных органов экономической и политической власти. Регион при этом приобретает определенные выгоды. Но и в этом случае сохраняется прежняя система производственных отношений. Кроме того, экономика региона тысячами нитей остается связанной с экономикой всей страны, то есть продуктообмен (товарообмен) и обмен ресурсами осуществляются на громадной географической площади со слабо развитой инфраструктурой, особенно по линии Запад — Дальний Восток. Добавим, что предприятия оборонного значения и вырабатывающие стратегическое сырье в любом случае останутся в подчинении центра. При таких условиях региональный хозрасчет вряд ли решит предполагаемые задачи.

С политической точки зрения, имея в виду характер производственных отношений, который у нас сейчас носит государственно-монополистическую направленность, хозрасчет вообще ничего не меняет или не изменит по крайней мере до тех пор, пока не будет решена проблема собственности именно на многоукладной основе, включая частную собственность.

Учет тех проблем, которые возникают при реализации регионального хозрасчета, создании свободных экономических зон и экономического сотрудничества со странами АТР, не решит главную проблему — выведение экономики советского Дальнего Востока на уровень развитых государств мира. Осуществление этой задачи потребует кардинальной ломки в стереотипах мышления. Поскольку рассчитывать на это в нынешних условиях не приходится, то последующие суждения предлагаю рассматривать в качестве фантазии по поводу разбираемой темы.

Итак, пункт первый. Полнейшая экономическая автономия советского Дальнего Востока от центральных регионов СССР, гарантированная специальными законами. Это означает перевертывание существующей модели на 180°, то есть разрыв интеграционных экономических связей с западом Союза при одновременном вхождении в интеграционную сеть экономических отношений со странами АТР. Естественно, торговые отношения сохраняются. Такой поворот более радикален, чем все прибалтийские варианты, поскольку у них нет такого широкого выхода в мир, как у советского Дальнего Востока.

Пункт второй. Поскольку при ныне существующем хозяйственном механизме даже с реализацией идеи хозрасчета интеграция в АТР невозможна из-за двух несовместимых экономических систем, то в качестве предпосылки необходимо утвердить многоукладную экономику с упором на экономику рыночную. Вспомним, кстати, китайский опыт в особых экономических зонах в провинциях Гуандун и Фуцзянь, где доминирующей является именно рыночная экономика.

Пункт третий. Сказанное не означает «выхода» советского Дальнего Востока из состава СССР. Ни в коем случае. Речь идет только об экономической автономии. Политический суверенитет, естественно, остается за общесоюзным правительством, с его правительством, с его правом на оборону и международную деятельность. Противоречия между экономикой и политикой, на мой взгляд, удачно решаются формулой Дэн Сяопина: одна страна (или одно государство) — две системы, предназначенные для решения взаимоотношений с Гонконгом (Сянганом) и с Тайванем.

Можно подробно развивать и дальше эти три пункта, могущих составить стратегию развития региона, но вначале необходимо оценить реакцию читателей, чтобы продолжить разговор. Завершить же его я хочу словами мудреца, которые вспомнил доктор Фауст: «...Вот это мир, войди в него». От себя добавлю: если, конечно, хочешь войти.

2. Где находится АТР?

Вряд ли кто станет оспаривать простую истину: чтобы проводить региональную политику, необходимо, как минимум, знать границы региона. Хотя бы только потому, что каждый из них обладает своей спецификой и своеобразием. Достаточно сравнить европейский

регион, к примеру, с ближневосточным, чтобы убедиться в этой азбучной истине. Так в чем же проблема?

А проблема возникает с попыткой ответить на вопрос, где находится АТР (азиатско-тихоокеанский регион)? Тот самый, о котором говорят, что за ним будущее. И вот тут-то начинаются любопытные вещи.

Если обратиться к докладу, сделанному в 1985 г. бывшим министром обороны США К. Уайнбергером, то окажется, что в АТР входят страны Северо- и Юго-Восточной Азии и Океания. Японские официальные источники, помимо названных подрегионов, добавляют государства Латинской Америки, обращенные к Тихому океану, а также страны Южной Азии (Индия, Шри Ланка и другие). Часть китайских ученых полагает, что АТР состоит из стран Восточной и Юго-Восточной Азии и Океании, а другая часть «присоединяет» к нему и Южную Азию, но почти все исключают из региона тихоокеанские страны Латинской Америки. У советских ученых и политиков тоже нет единства в этом вопросе. Поэтому, видимо, не случайно во владивостокской речи М. С. Горбачева называлось 36 государств, входящих в АТР, а в красноярской упоминалась зона в составе 50 стран — от Тихого океана до Персидского залива. В последнем случае этот регион логичнее было бы назвать не АТР, а АТИР (азиатско-тихоокеанско-индийский регион).

Кто-то может сказать: какая разница, в конце концов, где находится этот регион. Но дело в том, что размытость границ АТР ставит под сомнение ряд фундаментальных выводов, в том числе об экономическом значении региона в мировой политике. Как, например, понимать часто приводимую цифру 60 % — объем промышленной продукции, приходящейся на АТР (иногда называют 50 или 55 %), которая игнорирует экономический потенциал СССР (хотя он тоже входит в регион), но учитывает долю США (которые не меньшей своей частью обращены к Атлантике)? И вообще, как оценивать экономические показатели регионального потенциала, если многие «страны АТР» одновременно входят и в другие регионы — все страны Центральной Америки, США, Канада, СССР, Австралия и другие? Даже с экономической точки зрения вся эта калькуляция, свидетельствующая о «возрастающей» роли АТР, не имеет научного смысла, и поэтому выводы о том, что за АТР будущее (а за Европой прошлое?) представляют собой не более чем пустые разговоры.

Глобализация региона (с неопределенными границами) таит в себе подвох и в военно-политической области. Все прекрасно понимают, что проблема военно-стратегической безопасности в АТР зависит в конечном счете от США и СССР и, может быть, еще двух-трех стран региона. Фактически же это проблема не региональная, а глобальная. И поэтому инициативы Советского Союза, США или Японии по стабилизации военной безопасности путем сокращения или хотя бы ненаращивания стратегических сил мало интересуют большинство стран региона. Не потому, что они против них, а потому, что эта проблема находится за рамками их внешней политики — хотя бы уже по той причине, что они не в состоянии влиять на ее решение.

Несуразицы обнаруживаются, если взять и чисто региональные проблемы. Очевидно, к примеру, что проблемы американо-мексиканских отношений едва ли очень сильно волнуют Монголию или Вьетнам. Думается, что столь же толерантно Никарагуа либо Чили относятся к проблеме безопасности на Корейском полуострове. Предполагаю, что конфликты между Индией и Шри Ланкой не являются актуальной темой внешней политики Австралии или Новой Зеландии, а обстановка в Персидском заливе вряд ли отражается на внешней политике Вануату, Науру или Тувалу. Вместе с тем все эти государства попадают в регион, с чьей-то легкой руки названный азиатско-тихоокеанским. Что это за регион, понять трудно.

И все же вопрос о границах отнюдь не теоретический, это вопрос практической политики. Поэтому-то многие ученые и взялись за определение границ региона. Объем статьи не позволяет представить все многообразие суждений на эту тему. Хотелось бы только подчеркнуть, что ни океанический, ни материковый, ни географический принципы не могут служить основанием для определения границ региона. На мой взгляд, наиболее плодотворно эту задачу можно решить, если исходить из наличия экономической интеграции и общих международных проблем. Используя системный анализ этих данных, я пришел к выводу об отсутствии АТР как целостного региона.

Сегодня мы имеем экономическое интеграционное поле (или по крайней мере тенденцию к его формированию), которое охватывает зону Восточной Азии, включающую США, Японию, азиатские страны НИС и АСЕАН, и которое предлагается обозначать как

Международный экономический регион Восточной Азии (МЭР ВА). На данный момент ни одна социалистическая страна в этот регион не входит. Но если следовать одному из принципов системного анализа — принципу совместимости, то союстраны совмещаются с участниками МЭР ВА на базе наличия общих международных проблем, главным образом проблем безопасности в Индокитае и на Корейском полуострове. Их взаимодействие формирует международно-политический регион (МПР), покрывающий ту же Восточную Азию.

Аналогичное образование вырисовывается в южной части Тихого океана, интегратором которого выступает Австралия. Иная экономическая и политическая специфика характерна для азиатско-индийского региона. Наконец, качественными отличиями обладает Ближний Восток, перед которым стоят совершенно другие задачи как в политике, так и в экономике. Следовательно, «поселять» все эти подрегионы под одной «крышей» — АТР — значит не видеть их специфики и своеобразия. Безусловно, между этими подрегионами существуют связи и соответствующее им взаимодействие, но возникают они не на принципах интеграции и общих международно-политических проблем, а на принципах интернационализации, которые отражают иную сущность политического и экономического взаимодействия.

Подробное раскрытие приведенных выводов потребовало бы отдельной и большой статьи. Здесь же хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что, во-первых, с точки зрения «здорового смысла» не удастся определить границы АТР, а во-вторых, политика, проводимая в «безграничном» пространстве, обречена на неопределенность и нередко приводит не к тем результатам, которые ожидалось. Что подтверждается практикой.

*Перепечано с небольшими сокращениями
из Тихоокеанского делового вестника «ДЕЛИН», №№ 6—7 за 1989 г.*

Послесловие автора

Я хотел бы поблагодарить редакцию журнала за перепечатку моих коротких статей из «Делина» и за предоставленную возможность отреагировать на дискуссию между докторами исторических наук В. Б. Воронцовым и А. А. Мурадяном о проблемах безопасности в АТР («ПДВ», 1989, № 6).

Хочу сразу же обратить внимание читателей на одну особенность этой дискуссии. В ней, пожалуй, впервые при обращении к азиатской тематике оговаривались определения терминов, которыми пользовались диспутанты в ходе полемики. Это крайне важно, поскольку множество расхождений в научных спорах было бы снято, если бы применяемые термины определялись заранее. Другое дело, что с ними можно не соглашаться и тогда может возникнуть спор-дискуссия вокруг самих понятий и категорий, за которыми скрываются явления бытия. Но если мы не желаем остаться на уровне обывательского здравого смысла, мы обязаны вести эти споры, поскольку понятия и категории — это язык науки, инструмент ее описания. Поэтому я не могу оставить без внимания ответы А. А. Мурадяна на поставленные В. Б. Воронцовым вопросы о некоторых дефинициях, прежде всего, определений терминов АТР и безопасности.

Из вышеприведенных статей явствует, что я не признаю за термином АТР научного содержания. Необоснованной представляется мне и позиция А. А. Мурадяна о целесообразности «расширительной трактовки границ региона с тем, чтобы включить (?) в него крупнейшие по площади и численности населения страны...» («ПДВ», 1989, № 6; с. 16). «Включить», конечно, можно все что угодно и куда угодно. Этим как раз и занимаются политики. Ученый же должен обосновать закономерность такого включения. Одной из ошибок произвольного расширения или сужения региона является непонимание разницы между экономической интеграцией и интернационализацией. А. А. Мурадян так же как и все без исключения экономисты и международники — специалисты по «АТР», полагает, что интеграция проявляется себя в торговле и инвестициях. Но если это так, то окажется, что Япония составляет интеграционный комплекс с Западной Европой, поскольку объемы торговли и инвестиций на этом направлении значительно выше, чем объемы торговли и инвестиций Японии с азиатскими странами НИС. И тем не менее с последними у Японии действительно формируется интеграционная сеть экономических взаимоотношений, в то время как связи с Западной Европой не выходят пока за рамки экономической интернационализации. Еще раз: интеграция — это когда все циклы производственного и обменного процесса взаимообусловлены и взаимосвязаны. Такие явле-

ния мы наблюдаем в Западной Европе в рамках ЕЭС, в отношениях между США и Канадой, в какой-то степени они наметились в экономических отношениях капиталистических стран, расположенных в зоне Восточной Азии.

Теперь о категории безопасности. Сразу же хочу подчеркнуть, что приведенные в дискуссии классические определения категории безопасности давно отброшены ведущими буржуазными теоретиками, начиная с Г. Моргентау и его последователей из школы политического реализма. О том, что безопасность не сводится только к военному компоненту, более того, что он перестает играть решающую роль, Г. Киссинджер писал еще в 1957 г. В военизированном варианте эту категорию отстаивали представители школы политического идеализма, влияние которых, на мой взгляд, ныне незначительное. Даже в официальных доктринах Запада проблема национальной безопасности рассматривается через призму трех компонентов: военный, политический (дипломатический) и экономический. Ныне, как у нас, так и у «них» эта категория становится еще более объемной или многоэтажной: к классической триаде добавляется безопасность в гуманитарной сфере, в сфере экологии, культуры, технологии и т. д. Здесь нет предмета для спора, точно так же, как и в отношении категории силы, которая не является военной категорией, а представляет собой политическую категорию, то есть не *force*, а *power**.

Спор может возникнуть в понимании самой сути безопасности в том смысле, является ли она целью политики или чем-то иным. В принципе ответ подсказывает классическое определение безопасности, приведенное А. А. Мурадяном: национальная безопасность как способность государства «защищать себя от внешних источников угрозы своему существованию», другими словами, безопасность — это не цель, а способ, средство. Функциональное назначение безопасности связано с категорией интереса, без определения которой рассуждения о «балансе интересов» теряют смысл. Рамки отведенного мне журнального пространства вынуждают ограничиться только формулировкой разбираемых категорий. Итак.

Интерес — это категория политики, отражающая осознание (субъективизацию) объективных потребностей государства или общества. Внешнеполитический интерес (национальный интерес во вне) — выражение общих и частных потребностей государства или общества, вытекающих из их социально-политической природы, а также их места и роли в системе международных отношений.

Безопасность (национальная) — категория политики, означающая способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений.

Безопасность (международная) — категория, отражающая такое состояние международных отношений, при которой обеспечиваются национальные интересы всех субъектов мировой политики на равноправной и справедливой основе.

Эти определения дают нам возможность дать оценку утверждению, ставшему «новым» словом в международных отношениях. Дискутанты формулируют его так: «Налицо закономерный процесс смены одной формулы безопасности другой; не «баланс сил», а «баланс интересов» («ПДВ», 1989, № 6, с. 19). Под «балансом сил» здесь явно имеется в виду баланс военных сил, а если быть более точным, баланс военных потенциалов. Последние же, как известно, являются средствами политики вообще, военной политики в частности.

А теперь вернемся к категории интереса, которую мы определили как субъективизированную форму выражения объективных потребностей. Уже в силу этого «балансируют» интересы невозможно, так как они объективны по своей сущности. Однако необходимо иметь в виду, что сам по себе интерес не воплощается в политике. Политика начинается тогда, когда интерес трансформируется в цель. Ее реализация предполагает субъективную деятельность через институциональные и неформальные механизмы государства и общества. Отсюда цель — это интерес в действии*.

Таким образом, соотношение между формулировками «баланса сил» и «баланса интересов» означает не что иное, как соотношение между средствами и целями, которые

* О категории «Сила» подробно см. мою статью «Мощь государства и глобальное соотношение сил» в «Государство и общество», М., 1986. — С. 171—181.

* Более подробно цель категорий, включая названные, развернуты в моей брошюре: От внешней политики к всемирным отношениям. М.: ИОН при ЦК КПСС, 1989.

находятся в неразрывной связи и потому не могут быть взаимозаменены или сменены. Иначе мы вынуждены были бы возвестить, что происходит смена форм безопасности: от средств к целям? Именно этот парадокс звучит из уст политиков и эмпириков здравого смысла.

Ясно, что весь пафос концепции «баланса интересов» сводится к тому, чтобы исключить из международных отношений военную силу как средство достижения целей, заменив их на политические средства. Конечно, существуют такие общие цели, в достижении которых политическим средствам просто нет альтернатив (проблема ядерной войны, экологии и т. д.). Вместе с тем есть такое широкое и глубокое поле соперничества «целей», что рассчитывать только на политические средства в их решении можно только при наличии мышления здравого смысла, неоднократно подводившего политиков. Я согласен с мыслью А. А. Мурадяна об объективной почве для столкновения политических интересов СССР и США, да и не только между ними. Думаю, что и военный инструмент политики пока рано сбрасывать со счетов, к чему нас призывает и недавняя военная акция США в Панаме (декабрь 1989 г.). Убежден, что и в Восточной Азии не сложилась ситуация «баланса целей» между СССР и США, что предопределяет нестабильность в регионе. Если же говорить о политике Советского Союза здесь, то налицо противоречие между целями и средствами. Политические декларации в виде широкого набора целей практически не подкреплены материальными экономическими ресурсами. В результате мы имеем то, что имеем.

СИС: социум, информация, статистика

Вклад провинции Хэйлуцзян

За 10 месяцев 1989 г., сообщает агентство Синьхуа, экспорт провинции Хэйлуцзян в Советский Союз достиг 230 млн. швейцарских франков, увеличившись на 10 % по сравнению с экспортом 1988 г. Ассортимент товаров, поставляемых в СССР, расширился с 50 наименований в 1987 г. до 3000 наименований в 1989 г.

Согласно контрактам о сотрудничестве в производстве соевых бобов, подписанным между провинцией Хэйлуцзян и Амурской областью, Приморским и Хабаровским краями РСФСР, в этом году около 400 китайских агротехников и рабочих будут оказывать помощь в выращивании соевых бобов в 6 совхозах РСФСР на площади 4000 га, одновременно обучая советских специалистов. Советская сторона предоставляет пахотные земли, средства производства, несет производственные и управленческие расходы, обеспечивает бытовые условия китайским специалистам. Китайская сторона поставляет агротехнику, часть семян, стимуляторы роста и специальные сельскохозяйственные машины.

Институт развития Китая предлагает

Вот уже год в Шэньчжэне действует Институт развития Китая (ИРК). Это — неправительственная, независимая, открытая, общественная организация, объединяющая опытных экспертов, ученых, предпринимателей и общественных деятелей. ИРК проводит научные исследования, консультации, предоставляет информацию, готовит специалистов и осуществляет международный научный обмен в целях модернизации Китая и развития сотрудничества с другими странами в области экономики, науки, технологии. Среди тем, которые разрабатывает ИРК: реформа экономической и политической системы, стратегия открытости и регионального развития, специальные экономические зоны, совместные предприятия и менеджмент и др.

А. ШИШКИН

Одним из главных направлений реформы внешнеэкономических связей КНР является развитие совместного и иностранного предпринимательства. Предприятия с участием иностранного капитала создаются на территории КНР в следующих формах: совместные предприятия, контрактные предприятия и предприятия, полностью принадлежащие иностранному инвестору.

Главными признаками совместного предприятия являются совместный капитал, совместная хозяйственная деятельность, совместное управление, распределение прибыли и убытков пропорционально долям партнеров в уставном капитале.

Контрактные предприятия так же создаются за счет объединения капиталов партнеров. Однако доход и риск зависят не от доли в совместном капитале, а определяются заключаемым сторонами контрактом. Причем пропорции деления прибыли, как правило, меняются в течение срока сотрудничества. В первый период деятельности предприятия, когда иностранные капиталовложения еще не окупились, доля иностранного партнера обычно выше доли китайского участника и составляет 60—70 %. После завершения периода окупаемости доля китайского партнера возрастает. Контрактные предприятия могут являться самостоятельной хозяйственной единицей и иметь статус юридического лица. В ряде случаев при сотрудничестве в этой форме новая хозяйственная единица вообще не создается. Иностранному партнеру предоставляется китайскому предприятию оборудование и получает оговоренную в контракте долю прибыли или часть продукции, практически не участвуя в управлении предприятием. Во всех отношениях с третьими лицами, связанными с деятельностью такого предприятия, партнеры выступают от своего лица.

Контрактные предприятия *первого типа*, являющиеся самостоятельными хозяйственными единицами, с экономической точки зрения очень близки к совместным. Характерными их чертами являются: совместный капитал, хотя его юридическое оформление и отлично от оформления на предприятиях совместного капитала, совместная хозяйственная деятельность и совместное управление. Раздел прибылей и риска между участниками формально может не зависеть от вкладов сторон. На практике определенная связь между пропорциями распределения прибыли и объемом инвестиций каждого из партнеров, естественно, существует, но она не столь жесткая, как в случае совместных предприятий.

Что касается контрактных предприятий *второго типа*, не являющихся обособленными от участников хозяйственными единицами, то по своей экономической природе они в ряде случаев близки к такой форме производственной кооперации, как совместное производство, а иногда и к лизингу.

За 1979—1988 гг. было создано около 16 тыс. предприятий с участием иностранного капитала (из них 7800 — совместных предприятий, 7680 — контрактных и 424 иностранных) с объемом иностранных инвестиций (по соглашениям) 28 млрд. долл.¹ Около 7 тыс. предприятий уже осуществляют хозяйственную деятельность.

В 1988 г., по нашим оценкам, на предприятия с участием иностранного капитала приходилось примерно 1,6—1,8 % валовой промышленной продукции страны. Несмотря на невысокий удельный вес в промышленном производстве, совместное и иностранное предпринимательство вносят значительный вклад в народнохозяйственное развитие КНР.

Прежде всего такая форма сотрудничества является для КНР наиболее эффективным из всех способов получения иностранной технологии, поскольку обеспечивает высокую заинтересованность иностранного партнера в освоении технологии китайской стороной, ее эффективном использовании и постоянном совершенствовании. Условия передачи технологии, содержащиеся в учредительных документах ряда совместных предприятий, весьма выгодны для Китая, поскольку предусматривают безвозмездную передачу китайской стороне всех усовершенствований технологий в течение срока сотрудничества. Так, учредительные документы китайско-швейцарско-гонконгского совместного предприятия «Чайна Шиндлер» предусматривают, что любое изобретение или усовершенствование технологии должно в течение контрактного периода (25 лет) безвозмездно передаваться компанией «Шиндлер» совместному предприятию².

Кроме того, некоторые виды технологии, переданные Китаю в качестве вклада в уставной капитал, не могли быть получены по каналам лицензионной торговли в связи с ограничениями на поставку в социалистические страны высокой технологии. Например, через совместное предприятие «Белл телефон эквипмент» Китай получил ряд видов технологии, попытки приобрести которые путем покупки лицензии, принимавшиеся ранее, не увенчались успехом из-за ограничений КОКОМ³.

Следует, однако, заметить, что хотя уровень полученной таким путем технологии значительно превосходит средний уровень технологии, используемой в Китае, на новую технологию — конца 70—80-х годов — приходится лишь около 10—15 % общего объема ее передачи по каналам совместного предпринимательства. Это объясняется как низкими возможностями Китая по освоению передовой технологии, так и проблемами обеспечения валютной самокупаемости технологических передовых предприятий, которые будут рассмотрены ниже.

Развитие совместного и иностранного предпринимательства позволило Китаю наладить выпуск таких видов высокотехнологичной продукции, как компьютеры, различные типы интегральных схем, современные средства связи, автоматическая контрольно-измерительная аппаратура и т. д.

Совместное и иностранное предпринимательство в немалой степени способствовало также широкомасштабному разворачиванию производства многих видов потребительских товаров длительного использования, в первую очередь продукции бытовой электроники. Так, в настоящее время при годовом объеме выпуска цветных телевизоров в Китае около 7 млн. штук в год только на два совместных предприятия «Фуцзянь Хитати» и «Сямэнь оверсиз чайниз электроник индастри» приходится около 14 % производства этого товара⁴.

Заметное воздействие оказало совместное предпринимательство и на развитие автомобильной промышленности. На совместные предприятия, созданные в этой отрасли («Шанхай Фольксваген», «Бэйцзин Джип», «Гуанчжоу пежо») приходилось в 1988 г. свыше 12 % общего объема производства автомобилей в стране. При этом необходимо учитывать, что только с созданием данных совместных предприятий в стране началось производство современных легковых автомобилей, до этого китайская промышленность выпускала лишь автомобили крайне устаревших конструкций, созданных на базе советских моделей 50-х годов.

Сотрудничество с западным капиталом оказало значительное влияние и на экономическую эффективность задействованных в таком сотрудничестве китайских предприятий. По нашим оценкам, производительность труда на предприятиях с участием иностранного капитала в среднем в 2 раза выше чем в целом по стране.

В то же время в области создания и хозяйственной деятельности предприятий с участием иностранного капитала существует ряд сложных проблем, сдерживающих развитие этой формы сотрудничества и в значительной степени ограничивающих эффект от нее в процессе модернизации экономики КНР.

Одной из основных трудностей, с которыми сталкивается совместное и иностранное предпринимательство в КНР, является обеспечение валютной самокупаемости предприятий. В условиях неконвертируемости юаня предприятия с иностранными инвестициями должны получать от экспорта достаточно валюты, чтобы покрыть расходы на импорт сырья и комплектующих изделий, заработную плату иностранным специалистам и перевод за границу прибыли зарубежного партнера. По некоторым оценкам, для обеспечения валютной самокупаемости предприятия необходимо экспортировать в среднем 25—30 % продукции. Между тем основной целью западных фирм

при инвестировании в Китай является отнюдь не экспорт, а получение доступа на внутренний рынок этой страны. Так, например, 87 % иностранных менеджеров, участвовавших в опросе, проведенном американской фирмой «А. Т. Кенэй Инк.» совместно с Институтом международной торговли МВЭС и ВТ КНР, считают главной целью капиталовложений в китайскую экономику осуществление долгосрочной рыночной стратегии или расширение доли на китайском рынке.

Решение этой проблемы, возникающей в определенной мере из-за противоречий в интересах сотрудничающих сторон, может быть достигнуто только путем поиска компромисса. Нереалистичным представляется требование ряда представителей ТНК полностью открыть для предприятий с участием иностранного капитала доступ на внутренний рынок КНР и предоставить для них возможность свободно переводить прибыль в юанях в иностранную валюту. По подсчетам китайских экономистов, на эти цели Китаю пришлось бы расходовать около 3 млрд. долл. в год⁵, что оказало бы непомерное давление на платежный баланс страны.

В то же время необходимо иметь в виду, что подход принимающей стороны к проблеме валютной самокупаемости не только влияет на объем притока иностранного капитала, но и, что не менее важно, в значительной мере определяет и отраслевую структуру привлекаемых из-за рубежа инвестиций. При попытках добиться самокупаемости валютных расходов каждого предприятия, как правило, формируется нерациональная структура инвестиций с преобладанием капиталовложений в сферу услуг и мелкие сборочные предприятия.

Так, отсутствие дифференцированного подхода к проблеме обеспечения валютной самокупаемости предприятий с участием иностранного капитала в первые годы осуществления открытой внешнеэкономической политики явилось одной из главных причин наблюдавшегося в этот период преобладания непроизводственных инвестиций в общем объеме иностранных прямых капиталовложений. В то же время наибольшие проблемы с обеспечением валютной самокупаемости существуют обычно у предприятий в обрабатывающей промышленности, особенно у крупных предприятий, использующих передовую технологию и производящих наукоемкую продукцию, то есть у тех, которые необходимы Китаю в первую очередь. Дело в том, что значительную часть материалов и комплектующих изделий, необходимых для таких предприятий, как правило, приходится импортировать: китайская промышленность или вообще не производит необходимые компоненты, или не обеспечивает должного уровня качества. Так, например, 90 % валютных расходов совместного предприятия «Шанхай Факсборо», производящего измерительные приборы, составляют затраты на импорт деталей и узлов⁶. Экспортные же возможности подобных предприятий обычно невелики, так как добиться выполнения высоких требований, предъявляемых к продукции обрабатывающей промышленности, особенно к наукоемкой продукции, на мировом рынке зачастую не удается вследствие недостаточной квалификации китайских рабочих и инженерно-технических работников, ряда других причин.

Таким образом, задача расширения экспорта за счет предприятий с участием иностранного капитала и задача получения передовой технологии в определенной степени входят в противоречие. Кроме вышеуказанных причин, это определяется еще и тем, что низкая оплата труда в Китае может оказывать влияние на повышение конкурентоспособности продукции лишь трудоемких отраслей, на конкурентоспособность же наукоемкой продукции этот фактор влияет мало.

В этой связи справедливым представляются высказывания американских менеджеров о том, что китайской стороне не следует чрезмерно преувеличивать значение проблемы баланса инвалюты совместных предприятий. Больше всего Китай нуждается в передовой технологии для модернизации промышленности. Надо сначала получить ее, и экспорт станет необходимым следствием повышения технологического уровня.

Отношение китайского правительства к проблеме валютной самокупаемости претерпело определенную эволюцию за время осуществления открытой внешнеэкономической политики.

Первые попытки решить проблему балансирования валютных доходов и расходов предприятий с участием иностранного капитала были предприняты в 1983 г. «Правила осуществления валютного контроля в отношении предприятий зарубежных китайцев, иностранных предприятий и китайско-иностраных совместных предприятий», утвер-

жденные Госсоветом КНР 19 июля 1983 г., предоставили предприятиям с участием иностранного капитала право реализации импортозамещающей продукции на внутреннем рынке за иностранную валюту⁷. «Положение о порядке применения Закона КНР о китайско-иностранном совместных предприятиях», принятое Госсоветом КНР в сентябре 1983 г., несколько расширило возможность создания импортозамещающих производств, установив, что народные правительства соответствующих провинций, автономных районов и городов центрального подчинения должны за счет собственных средств покрывать дефицит валютного баланса совместных предприятий, возникший вследствие реализации их продукции преимущественно на внутреннем рынке. При этом доля продаж на внутреннем рынке определяется утвержденным соответствующими органами договором о создании совместного предприятия⁸.

В случае если местные органы не имеют для этих целей достаточно валютных средств, дефицит валютного баланса совместного предприятия может, в соответствии с данным положением, быть ликвидирован за счет централизованных валютных средств с согласия МВЭС и ВТ КНР и Государственного планового комитета. Однако практическое значение вышеуказанных законодательных актов было крайне невелико. Это связано прежде всего с тем, что они не содержали четких критериев, которым должны отвечать продукция, чтобы быть признанной импортозамещающей, и давали широкий простор административному толкованию. Расплывчатость положений законодательства в сочетании с наблюдавшимся в 1985 г. сокращением валютных резервов страны привели к тому, что получить помощь от местных или центральных органов в решении проблемы дефицита валютного баланса для предприятий с участием иностранного капитала было практически невозможно.

Широкий резонанс приобрел случай с одним из крупнейших совместных предприятий «Бэйцзин джип корп.», которое в конце 1985 — начале 1986 г. из-за валютных проблем оказалось на грани ликвидации. Осенью 1985 г. предприятию было отказано в импортной лицензии на ввоз комплектующих изделий, так как оно не могло обеспечить валютную самоокупаемость. Иностраный партнер, американская компания «Америкэн моторз», после безуспешных переговоров с различными китайскими ведомствами принял решение приостановить реализацию инвестиций в совместное предприятие, передачу технологии, техническое обучение китайского персонала и рассматривал вопрос о ликвидации предприятия. Только после вмешательства тогдашнего Премьера Госсовета КНР Чжао Цзяна предприятию была оказана помощь в решении валютных проблем⁹.

В последние несколько лет острота проблемы обеспечения валютной самоокупаемости предприятий с участием иностранного капитала заметно смягчилась. Это явилось результатом возобладавшего гибкого подхода китайского правительства к решению валютных вопросов. Был принят целый ряд законодательных актов в данной области, существенно расширивших возможности предприятий с участием иностранного капитала балансировать свои доходы и расходы в иностранной валюте.

Прежде всего предоставлены значительные преимущества предприятиям, использующим передовую технологию и производящим импортозамещающую продукцию. В соответствии с «Положением о балансе доходов и расходов в иностранной валюте китайско-иностранного совместных предприятий», принятым Госсоветом КНР 15 января 1986 г., совместные и контрактные предприятия, отвечающие вышеуказанному критерию, могут с согласия Государственного планового комитета или местных плановых органов продавать до 100 % продукции на внутреннем рынке. Органы, утвердившие создание предприятий, реализующих продукцию в основном на внутреннем рынке, должны предоставлять им в случае необходимости валютные дотации¹⁰.

В отличие от прошлых лет выработаны четкие требования к импортозамещающей продукции (технические характеристики, качество, цена и конкретная процедура утверждения импортозамещения). В изданном Государственным плановым комитетом в ноябре 1987 г. документе «Методы замещения импорта продукцией китайско-иностранного совместных и контрактных предприятий» указывается, что при производстве товаров, включенных в государственные долгосрочные, среднесрочные, а в отдельных случаях и годовые импортные планы, предприятие признается импортозамещающим с санкции Государственного планового комитета. Если продукция, выпускаемая предприятием, импортируется Китаем на основании местных импортных планов, то разрешение на импортозамещение выдается местным плановым органом¹¹. Центральные и местные органы управления в соответствии с вышеуказанным документом должны стимулировать

китайские предприятия к закупке импортозамещающей продукции совместных и конкретных предприятий, при этом импорт ряда товаров, производимых последними, ограничивается государством.

Импортозамещающая продукция и некоторые другие виды товаров с разрешения Государственного управления валютного контроля могут продаваться на внутреннем рынке за иностранную валюту. Иностранная валюта может также использоваться при расчетах предприятий с участием иностранного капитала между собой и при продаже продукции в специальные экономические зоны и зоны технико-экономического развития¹². Продажа продукции за иностранную валюту на внутреннем рынке в последние годы стала важным каналом обеспечения валютной самокупаемости предприятий с участием иностранного капитала. В 1987 г. такие предприятия получили за счет реализации продукции на внутреннем рынке около 300 млн. долл., что составляет свыше 25 % их экспортных поступлений в том же году¹³.

Выделение импортозамещающих предприятий в отдельную категорию и предоставление им льготного валютного режима создает у иностранных инвесторов стимулы к вложению капитала именно в те отрасли, развитие которых необходимо с точки зрения интересов модернизации экономики страны. Кроме того, политика импортозамещения приносит значительную экономию иностранной валюты, так как средства, которые государство получает за счет отказа от импорта, превышают расходы на оплату инвалютных затрат, поскольку последние включают в себя лишь часть стоимости продукции. Так, например, китайско-американское совместное предприятие «Шанхай Фоксборо», производящее измерительные приборы, путем импортозамещения экономит государству в шесть раз больше иностранной валюты, чем получает от него в виде валютных дотаций¹⁴.

Все более важное значение приобретает такой способ обеспечения валютной самокупаемости предприятий с участием иностранного капитала, как приобретение иностранной валюты в специальных центрах валютных операций. Первый центр был создан в специальной экономической зоне Шэньчжэнь в 1986 г. За прошедшие годы центры получили значительное развитие. В настоящее время они существуют практически во всех провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения, в специальных экономических зонах, а также в ряде приморских городов и городов, имеющих экономические права провинций. В рамках центров валютных операций предприятия с участием иностранного капитала, государственные предприятия, предприятия коллективной собственности, народные правительства всех уровней могут покупать или продавать иностранную валюту по складывающемуся рыночному курсу. При этом максимальный курс не должен превышать 5,7 юаня за доллар США¹⁵. Напомним, что официальный курс составляет 3,71 юаня за доллар. В специальных экономических зонах такие ограничения отсутствуют. В 1988 г. объем операций в центрах достиг 6,26 млрд. долл.

Роль центров валютных операций в обеспечении валютной самокупаемости предприятий с участием иностранного капитала стремительно возрастает. Если в 1987 г. предприятия с иностранными инвестициями получили таким путем 330 млн. долл.¹⁶, то в 1988 г. — уже 662 млн. долл.¹⁷, что составляет свыше 30 % поступлений от экспорта. Причем этот канал иногда используется и для выдачи совместным предприятиям валютных дотаций местных или центральных органов. В этом случае валюта продается по льготному курсу, который ниже рыночного, но несколько выше официально, или по официальному курсу.

Другим методом покрытия дефицита иностранной валюты служит закупка товаров на внутреннем рынке с последующим их экспортом. Впервые такая возможность совместным и контрактным предприятиям была предоставлена в январе 1986 г., когда Госсовет КНР принял «Положение о балансе доходов и расходов в иностранной валюте китайско-иностраных совместных предприятий». Через год, в январе 1987 г., МВЭС и ВТ КНР опубликовало детальную инструкцию, разрешавшую закупку китайских товаров для последующего экспорта с целью обеспечения валютной самокупаемости не только совместным и контрактным предприятиям, но и предприятиям, полностью принадлежащим иностранному инвестору. В соответствии с этим документом предприятия с участием иностранного капитала, созданные в производственной сфере, могут с разрешения провинциальных отделов внешних экономических связей закупать с целью последующего экспорта любые китайские товары, за исключением

продукции, включенной в централизованный экспортный план¹⁸. При этом количество отечественной продукции, разрешенной к закупке, ограничивается объемом иностранной валюты, необходимой для покрытия производственных расходов предприятия в данном году и перевода прибыли иностранному инвестору.

Роль данного способа обеспечения валютной самокупаемости предприятий с участием иностранного капитала пока невелика. Это обусловливается недостаточным развитием экспортной базы КНР. Кроме того, китайским предприятиям зачастую невыгодно продавать предприятиям с участием иностранного капитала за национальную валюту продукцию, за которую можно получить иностранную валюту при реализации ее на внешнем рынке через внешнеторговые компании или самостоятельно.

Более важным моментом в вышеуказанной инструкции МВЭС и ВТ КНР было предоставление права народным правительствам провинций, городов центрального подчинения и автономных районов использовать валюту, полученную от сверхпланового экспорта продукции.

Еще одним способом решения данной проблемы является реинвестирование на территории КНР юаневой прибыли иностранного партнера в создание ориентированных на экспорт предприятий. Полученная от деятельности нового предприятия иностранная валюта может быть использована для перевода прибыли. Этот способ также не получил большого распространения вследствие низкой заинтересованности иностранных фирм в реинвестировании прибыли, поскольку это, по их мнению, увеличивает коммерческий риск. Кроме того, при создании совместных и контрактных предприятий китайский участник, как правило, не принимает юани в качестве вклада иностранного партнера, что существенно затрудняет реинвестиции юаневой прибыли в создание новых предприятий.

Таким образом, для предприятий с участием иностранного капитала, экспортные поступления которых не покрывают расходов в иностранной валюте, существуют следующие способы обеспечения валютной самокупаемости:

- валютные дотации центральных или местных органов;
- реализация продукции на внутреннем рынке с оплатой полностью или частично в иностранной валюте;
- закупка товаров на внутреннем рынке с их последующим экспортом;
- приобретение иностранной валюты за юани по рыночному курсу в центрах валютных операций.

Крупные предприятия с участием иностранного капитала в обрабатывающей промышленности, как правило, используют одновременно несколько из вышеперечисленных способов обеспечения валютной самокупаемости. Так, китайско-американское совместное предприятие «Шанхай Фоксборо» получает валютные дотации от государства, продает часть продукции на внутреннем рынке с оплатой в иностранной валюте и периодически прибегает к услугам центра валютных операций. Совместные предприятия в автомобильной промышленности «Шанхай Фольксваген аутомобил корп.» и «Бэцзин джип корп.» также пользуются в настоящее время валютными дотациями и получают оплату за продукцию, реализуемую на внутреннем рынке, частично в иностранной валюте.

Необходимо отметить, что практически все наиболее значимые с точки зрения интересов модернизации экономики страны совместные предприятия получают в той или иной форме валютные дотации от государства.

В целом, по нашим оценкам, в 1987—1988 гг. предприятия с участием иностранного капитала получали из источников, не связанных с экспортом собственной продукции, свыше 60 % от объема их экспортных поступлений в эти годы.

Проводившаяся китайским руководством в последние годы гибкая политика в области обеспечения валютной самокупаемости предприятий с участием иностранного капитала стимулировала иностранные фирмы к инвестированию в производственную сферу и явилась одной из причин стремительного роста числа производственных объектов в этот период. Так, если лишь 45 % предприятий с участием иностранного капитала, созданных в 1979—1985 гг., относились к производственной сфере¹⁹, то удельный вес производственных объектов в общем количестве предприятий с иностранными инвестициями, утвержденных в 1988 г., составил 85 %²⁰. Наряду с поощрением импортозамещающих предприятий, китайское правительство предоставило ряд значительных льгот для предприятий-экспортеров. Для таких предприятий установлена достаточно

низкая плата за использование земельного участка, предоставляется по пониженным тарифам вода и электроэнергия. Подоходный налог с предприятий, экспортирующих свыше 70 % производимой продукции, взимается по уменьшенной вдвое ставке. Рационализация структуры инвестиций в совокупности с льготами, предоставленными предприятиям-экспортерам, способствовала быстрому росту экспорта предприятий с участием иностранного капитала. Так, в 1988 г. их экспорт увеличился почти в два раза и достиг 2,4 млрд. долл., что составляет около 5 % общего экспорта страны²¹.

Другой важнейшей проблемой хозяйственной деятельности предприятий с участием иностранного капитала является материально-техническое снабжение. Порядок получения совместными, контрактными и иностранными предприятиями материальных ресурсов отражает особенности сложившейся в КНР в процессе экономической реформы системы материально-технического снабжения, основанной на сочетании планового распределения продукции и ее рыночного обращения. В зависимости от вида продукции существуют различные каналы материально-технического снабжения предприятий с иностранными инвестициями.

Обеспечение предприятий с участием иностранного капитала товарами, относящимися к сфере планового распределения, производится на основании планов по материально-техническому снабжению вышестоящих по отношению к китайскому участнику ведомств или местных органов. Потребности предприятий с участием иностранного капитала в указанных планах учитываются на основе поданных ими заявок на материальные ресурсы.

Товары, относящиеся к ведению организаций торговли и материально-технического снабжения, закупаются предприятиями с иностранными инвестициями у этих организаций. Товары, свободно обращающиеся на рынке, предприятия с участием иностранного капитала закупают непосредственно у предприятий-производителей или через посредников.

Цены на продукцию материально-технического снабжения для совместных, контрактных и иностранных предприятий устанавливаются в соответствии с законодательством в том же порядке, что и для китайских предприятий. Это означает, что на товары планового распределения действуют плановые цены, цены на товары рыночного распределения складываются под воздействием спроса и предложения.

Исключение составляют цены на такие виды сырья, как золото, платина, серебро, нефть, уголь, древесина, используемые при производстве экспортной продукции. Они устанавливаются в соответствии с ценами мирового рынка. Платежи могут производиться как в местной, так и в иностранной валюте. На экспортные и импортные товары, закупаемые у внешнеторговых компаний, применяются договорные цены с учетом цен мирового рынка. Платежи производятся в иностранной валюте.

Проблема материально-технического снабжения является одной из главных трудностей, сдерживающих развитие совместного и иностранного предпринимательства. Это связано как с несовершенством экономического механизма и недостаточным развитием рынка, так и с низким техническим уровнем китайской промышленности. Система планового распределения материальных ресурсов не может своевременно удовлетворять изменяющиеся в связи с рыночной ситуацией потребности предприятий с участием иностранного капитала в сырье и материалах. Поэтому большинство товаров такие предприятия закупают через механизм свободного рынка.

Однако общенациональный рынок средств производства в Китае еще не сформировался. В настоящее время можно говорить лишь о наличии региональных рынков, слабо связанных между собой. Это приводит к тому, что предприятия с участием иностранного капитала испытывают значительные трудности с поиском поставщиков необходимых им товаров. Проблема усугубляется дефицитом многих видов сырья и материалов. Трудности в материально-техническом снабжении зачастую приводят к недогрузке производственных мощностей, а порой и к остановкам предприятий. Так, например, совместное предприятие «Хуашэн нитин лтд.» задействовало производственные мощности лишь на 30 % в связи с нехваткой сырья²². Другое совместное предприятие «Юньлун интернэшнл вулин нит энтерпрайз» ежемесячно недополучает 100 т хлопчатобумажной пряжи, что приводит к периодическим остановкам производства²³. Совместное предприятие «Хубэй мэшинери корп.» не может начать производство, поскольку не нашло поставщика необходимых видов проката²⁴.

Остро стоит и проблема цен на продукцию материально-технического снабжения.

Поскольку рыночные цены на один и тот же товар значительно, иногда в несколько раз, выше плановых, совместные предприятия и другие типы предприятий с участием иностранного капитала, снабжающиеся в основном по рыночным каналам, оказываются в худших конкурентных условиях по сравнению с государственными предприятиями, имеющими возможность получать значительную часть материальных ресурсов по плановым ценам. Существенное влияние на конкурентоспособность продукции совместных предприятий на мировом рынке оказывают инфляционные процессы в экономике КНР. Рост цен на сырье и материалы привел к значительному увеличению себестоимости продукции. Экспорт ряда товаров в связи с инфляцией стал избыточным. Однако совместные предприятия из-за необходимости обеспечивать валютную самоокупаемость вынуждены продолжать экспортировать такие товары. Это часто заставляет их завышать цены при реализации продукции на внутреннем рынке, чтобы компенсировать убытки от экспорта.

Антиинфляционные мероприятия, которые начали осуществляться с осени 1988 г., еще более усугубили проблему материально-технического снабжения. В соответствии с курсом на «оздоровление экономической ситуации, наведение экономического порядка, углубление реформы», выдвинутом на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва в сентябре 1988 г. и получившим дальнейшее оформление в ряде постановлений Госсовета, принятых в конце 1988 — начале 1989 г., и решениях второй сессии ВСНП седьмого созыва (март 1989 г.), был предпринят ряд мер, направленных на сдерживание директивными методами совокупного общественного спроса. Был усилен контроль за производством и распределением ряда товаров, сузилась сфера действия рыночного регулирования, по некоторым важным видам сырья возросла доля планового распределения. В результате, как отмечает китайская пресса, многие предприятия с участием иностранного капитала, пользовавшиеся ранее исключительно рыночными каналами материально-технического снабжения и не подключенные к плановой системе распределения материальных ресурсов, не могут получить с внутреннего рынка необходимое сырье²⁵.

Трудности в обеспечении материально-технического снабжения с внутреннего рынка приводят к тому, что значительная часть предприятий с иностранными инвестициями ориентируется на снабжение с внешнего рынка. Так, 77,5 % их экспортной продукции в 1988 г. было произведено на основе импортного сырья, материалов и комплектующих изделий²⁶.

Китайское правительство предпринимает ряд мер с целью увеличения доли отечественного сырья и компонентов в стоимости продукции предприятий с участием иностранного капитала. Самой эффективной из них в условиях неразвитого рынка является прямая государственная поддержка, оказываемая наиболее крупным совместным предприятием в процессе перехода на отечественное сырье и комплектующие изделия. Так, переход совместного предприятия «Шанхай Фольксваген аутомобил корп.», выпускающего легковые автомобили «Сантана», находится под постоянным контролем Госсовета КНР. К производству комплектующих изделий привлечен ряд научно-исследовательских институтов, предприятий оборонной промышленности. Совместное предприятие имеет тесные кооперационные связи с 160 китайскими предприятиями²⁷. Жесткий технический контроль поставляемых китайскими предприятиями комплектующих изделий в сочетании с помощью по техническому перевооружению производства и внедрению новых методов управления, оказываемой заводам-поставщикам китайскими государственными органами и совместным предприятием «Шанхай Фольксваген», позволил добиться требуемого уровня качества деталей и узлов.

Оценка автомобиля «Сантана», производимого в Китае по методике фирмы «Фольксваген», показала, что его качество лишь на 0,1 балла ниже, чем у аналогичной продукции, производимой на территории ФРГ²⁸.

В 1988 г. стоимость деталей и узлов, произведенных в Китае, достигла 30,6 % стоимости всех используемых для производства конечной продукции комплектующих изделий, тогда как в 1985 г. этот показатель составлял лишь 2,7 %²⁹. В 1989 г. удельный вес китайских деталей и узлов должен достигнуть 50 %, а в 1991 г. — 85 %³⁰. Предприятие приступило к экспорту некоторых деталей кузова и шасси в ФРГ. В 1990 г. планируется начать экспорт в ФРГ двигателей³¹.

Особый интерес представляет опыт совместного предприятия «Фуцзянь Хитати», созданного с японской фирмой «Хитати». Это одно из первых и самых эффективных совместных предприятий в электронной промышленности КНР. В начальный период дея-

тельность предприятие испытывало определенные трудности в поддержании валютного баланса вследствие высокой доли импортных деталей и узлов в стоимости конечной продукции. Однако при поддержке государства «Фуцзянь Хитати» перешло к использованию в основном китайских деталей и узлов. Только в 1983—1984 гг. таким путем было сэкономлено иностранной валюты на сумму 31 млн. долл. Предприятие установило кооперационные связи с значительным числом китайских предприятий, используя при этом различные формы отношений с поставщиками, позволяющие добиться высокой степени их заинтересованности в производстве качественных комплектующих изделий. В настоящее время предприятие использует следующие формы взаимоотношений с производителями деталей и узлов:

1. Отношение прямого подчинения. Это означает, что китайские государственные органы делегируют «Фуцзянь Хитати» права управления предприятиями-поставщиками. «Фуцзянь Хитати» осуществляет подбор кадров, финансовое управление, определяет основные направления технической политики предприятия, внедряет передовой управленческий опыт.

2. Отношение, основанное на совместном капитале. При этой форме «Фуцзянь Хитати» и китайские государственные организации осуществляют совместные инвестиции в предприятие по производству комплектующих изделий. «Фуцзянь Хитати» осуществляет свой вклад в уставный капитал японским оборудованием и технологией.

3. Ассоциация предприятий-производителей комплектующих изделий. Ассоциация была основана в 1985 г. под эгидой «Фуцзянь Хитати». В нее входит 25 государственных предприятий и 6 организаций. «Фуцзянь Хитати» осуществляет передачу членам ассоциации технической документации на производство деталей и узлов и отчисляет субпдрядчикам часть валюты, полученной от экспорта конечной продукции.

Опыт совместных предприятий «Шанхай Фольксваген», «Фуцзянь Хитати» и ряда других показывает, что при производстве технически сложной продукции успех перехода на китайские детали и узлы, с одной стороны, зависит от поддержки государства, с другой стороны, определяется характером экономических взаимоотношений внутри кооперационной сети, степенью заинтересованности поставщика в производстве качественных комплектующих изделий.

Основанные на обычных рыночных связях отношения, не предусматривающие финансовой, технологической или других форм зависимости поставщика от головного предприятия, в условиях значительного превышения спроса над предложением и низкого технического уровня китайской промышленности, как правило, не обеспечивают необходимого уровня качества комплектующих изделий.

Налаживание в Китае выпуска деталей и узлов для производимой совместными предприятиями с участием иностранного капитала продукции не только позволяет снизить валютные расходы таких предприятий и способствовать решению проблемы валютной самокупаемости, но и, что не менее важно, приводит к повышению технического уровня и экономической эффективности китайских предприятий, задействованных в кооперационных связях.

Другим серьезным препятствием на пути развития совместного и иностранного предпринимательства в Китае является недостаточная самостоятельность предприятий с иностранными инвестициями. Несмотря на то, что по китайскому законодательству предприятия с участием иностранного капитала полностью самостоятельны, местные и центральные власти нередко вмешиваются в их хозяйственную деятельность. Зачастую основные вопросы управления предприятием решаются не правлением, а вышестоящей по отношению к китайскому партнеру инстанцией. В частности, как показывают результаты обследования, проведенного в 1988 г. правительством Гуандуна, 30—40 % предприятий с участием иностранного капитала, расположенных в этой провинции, не обладают хозяйственной самостоятельностью³². По словам генерального директора одного из совместных предприятий, его предприятие «опекает» свыше 18 ведомств, каждое из которых требует различные отчеты, справки, организует многочисленные проверки деятельности предприятия³³.

Широкою огласку приобрел случай с генеральным директором одного из первых в Китае совместных предприятий «Чжэцзян Сиху рэттэн продактс», который в январе 1988 г. был незаконно уволен руководством провинциального правительства. Причиной увольнения послужил отказ генерального директора выполнить нарушающее самостоятельность предприятия решение китайского партнера³⁴. Подобные явле-

ния не редкость в Китае. Так, например, иностранный менеджер другого совместного предприятия, китайско-американской компании «Чун Кинг» был уволен «за незнание китайских условий». Незнание китайских условий выразилось в том, что он активно противодействовал вмешательству по отношению к китайскому партнеру инстанций в хозяйственную деятельность предприятия.

Отсутствие самостоятельности у многих предприятий с участием иностранного капитала ведет к снижению эффективности их работы, не дает возможности использовать передовые методы управления. Не случайно предприятия, полностью принадлежащие иностранному инвестору, обычно эффективнее совместных предприятий, так как в хозяйственную деятельность иностранных предприятий китайские ведомства вмешиваются меньше.

Вышеуказанные препятствия на пути развития совместного и иностранного предпринимательства в значительной степени обусловлены недостаточным уровнем развития в КНР рыночных отношений и могут быть полностью преодолены только в результате последовательного проведения экономической реформы.

В то же время, как было показано выше, Китаю удалось создать достаточно эффективный механизм государственной поддержки совместного и иностранного предпринимательства, позволяющий в определенной степени смягчать остроту ряда проблем, сдерживающих развитие данной формы сотрудничества. Опыт Китая в этой области мог бы с успехом быть применен в СССР.

¹ Цзинцзи жибао.— 1989.— 21 апреля.

² См.: Чу Баотай. Коренная идеология и основной порядок использования иностранного капитала в Китае // Некоторые модели и основной порядок использования иностранного капитала в Китае.— Пекин.— 1987.— С. 6. (на кит. яз.).

³ См.: там же.— С. 2.

⁴ Рассчитано по: Ежегодник внешнеэкономических связей Китая 1987.— Пекин.— 1987.— С. 912. (на кит. яз.); Жэньминь жибао.— 1987.— 21 ноября; Статистический обзор Китая 1988.— Пекин.— 1988.— С. 405. (на кит. яз.).

⁵ Чу Баотай, Дун Вэйюань. Использование иностранного капитала, создание экспортных объединений — важный канал развития экспорта // Некоторые модели и основной порядок использования иностранного капитала в Китае.— С. 147. (на кит. яз.).

⁶ Цзинцзи жибао.— 1988.— 3 декабря.

⁷ См.: Сборник законодательных актов КНР в области внешнеэкономических связей: В 3-х т.— Пекин.— 1986.— Т. 2.— С. 241.

⁸ См.: там же.— Т. 3.— С. 61.

⁹ См.: Цзинцзи жибао.— 1988.— 30 апреля.

¹⁰ См.: Ежегодник внешнеэкономических связей Китая 1987.— Пекин.— 1987.— С. 97.

¹¹ См.: Чжунго фачжи бао.— 1987.— 19 декабря.

¹² См.: Ежегодник внешнеэкономических связей Китая 1987.— С. 97.

¹³ Цзиньжун жибао.— 1988.— 20 мая.

¹⁴ Цзинцзи жибао.— 1988.— 3 декабря.

¹⁵ Чжунго цзинцзи синьси бао.— 1988.— 17 августа.

¹⁶ Цзиньжун жибао.— 1988.— 20 мая.

¹⁷ Жэньминь жибао.— 1989.— 14 февраля.

¹⁸ См.: там же.— 1987.— 21 января.

¹⁹ Цзинцзи жибао.— 1988.— 1 марта.

²⁰ Там же.— 1989.— 11 января.

²¹ Жэньминь жибао.— 1989.— 9 марта.

²² Ляонин цзинцзи бао.— 1988.— 1 мая.

²³ In: China Daily, Business Weekly.— 1988.— 7 February.

²⁴ Ibid.

²⁵ См.: Цзинцзи жибао.— 1989.— 21 марта.

²⁶ Жэньминь жибао.— 1989.— 9 марта.

²⁷ Там же.— 1988.— 28 декабря.

²⁸ Цзинцзи жибао.— 1988.— 3 декабря.

²⁹ См.: Жэньминь жибао.— 1988.— 28 декабря; Цзинцзи жибао.— 1988.— 3 декабря.

³⁰ Там же.

³¹ Цзинцзи жибао.— 1989.— 20 марта.

³² Шэньчжэнь тэцью бао.— 1988.— 20 мая.

³³ См.: Цзинцзи жибао.— 1988.— 8 января.

³⁴ In: China Daily.— 1988.— 28 June.

«Электронное чудо» Китай

А. НЕМЕЦ

В начале сентября 1989 г. я имел возможность пройтись по Ванфуцзину — главной торговой улице Пекина. В одном из магазинчиков, торгующих бытовой электроникой, среди видеомэгафонов японского производства ценой в 3—4 тыс. юаней я обратил внимание на модель, которая ничем не отличалась от стоящих рядом с ней, за исключением цены — 2,5 тыс. юаней. Продавец пояснил, что это — продукция совместного предприятия в специальной экономической зоне Чжухай на границе с Аомынем (Макао).

Мой интерес был чисто познавательным — у меня не было и десятой части требуемой суммы, но для средней пекинской семьи из четырех человек, доходы которой в 1989 г. приблизились к 7 тыс. юаней, такая цена стала вполне доступной. В 1989 г. в Пекине доля семей, имеющих видеомэгафоны, составила, по некоторым оценкам, 20—30 %, во много раз больше, чем в Москве...

Нет смысла в очередной раз говорить об огромных переменах, происшедших в Китае с 1978 г., когда в стране начались крупномасштабные реформы, но следует очень внимательно присмотреться к тому, что происходит в китайской электронике — здесь изменений, пожалуй, больше, чем где бы то ни было.

К началу 80-х годов Китай располагал отсталой электроникой, обслуживающей главным образом военную сферу; доля продукции отрасли в промышленности страны составляла 2 %. В 1988 г. выпуск электронных изделий вырос (в неизменных ценах) в 5,5 раза против 1982 г., доля электроники приблизилась к 5 %, что немногим ниже аналогичного показателя для Японии.

Такой рост стал возможен прежде всего благодаря бытовому сектору, опирающемуся на гигантский внутренний рынок. В 1988 г. доля этого сектора в производстве готовых электронных изделий превысила 80 % (против 10—20 % в начале 80-х годов), было изготовлено 10 млн. цветных и 15 млн. черно-белых телевизоров, более 20 млн. мэгафонов, сотни тысяч электронных арф, микроволновых печей, приставок к телевизорам для электронных игр и т. д.

Важно подчеркнуть и тот факт, что в 1988—1989 гг. практически вся продукция китайской электроники по своим характеристикам и качественным показателям соответствовала мировому уровню 80-х годов, а определенная часть — самому передовому мировому уровню.

Лучшим свидетельством качественного роста является экспорт электроники: с 1984 г. он ежегодно увеличивался в 1,5—2 раза и превысил 900 млн. долл. в 1988 г.; в настоящее время китайские мэгафоны пользуются большим спросом даже в Японии; в первые месяцы 1989 г. Китай стал одним из основных экспортеров цветных и черно-белых телевизоров в США, а ЕЭС еще в 1988 г. готовилось принять специальные меры, чтобы оградить свой рынок от наплыва цветных телевизоров из КНР.

В самом Китае к концу 1988 г. на 100 городских семей приходилось 103 телевизора, включая 59 черно-белых и 44 цветных, а также 64 мэгафона. В 1981 г. черно-белые телевизоры имела лишь половина семей, а цветные — только одна семья из 200; мэгафон имела лишь каждая восьмая семья.

Китайская деревня по распространению предметов длительного пользования отстает от города на 7—10 лет: к концу 1988 г. черно-белым телевизором там владели 29 семей, а цветным — лишь три семьи из 100. Видимо, нынешний уровень распространения телевизоров в городах будет достигнут деревней только в середине 90-х годов —

Немец Александр Владленович, сотрудник Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР.

сказывается более чем двукратная разница в доходах и более низкие культурные потребности села.

В 1985—1986 гг. основной спрос города переместился с черно-белых телевизоров на цветные, а главным потребителем черно-белых изделий стала деревня. В этот период на складах заводов и магазинов скопилось миллионы непроданных черно-белых телевизоров, и Министерство электронной промышленности КНР провело несколько общекитайских совещаний, пытаясь расширить сбыт телевизоров на селе.

В ходе совещания было обращено внимание на психологию сельского потребителя, в частности указывалось, что китайский крестьянин покупает телевизор после того, как им обзаведутся его соседи справа и слева, нередки случаи, когда телевизоры приобретает сразу вся деревня. Усиленная реклама и психологическая обработка потребителя наряду с существенным снижением цен и повышением качества помогли решить проблему сбыта черно-белых телевизоров.

В городах сбыт цветных телевизоров с 800 тыс. штук в 1983 г. вырос до 2,3 млн. в 1984 г. и почти до 6 млн. в 1985 г. Однако в конце 1985 — начале 1986 г. неудовлетворенный спрос был настолько высок, что это послужило основой для спекулятивных жульнических махинаций.

Например, в один из весенних дней 1986 г. у входа на Баошаньский металлургический комбинат в Шанхае было вывешено объявление, предлагающее славить деньги на японские цветные телевизоры; на следующий день появилась женщина, которая собрала у нескольких сот желающих примерно 0,5 млн. юаней; больше ее никто не видел... Аналогичные случаи происходили и в других городах. В китайской печати даже появился новый термин «бумажные цветные телевизоры».

Дефицит был преодолен за счет быстрого расширения внутреннего производства и массового импорта из Японии, но проявился с новой силой в 1988 г., когда спрос на цветные телевизоры достиг 12 млн., но полностью удовлетворен не был.

Первую в Китае технологическую линию для сборки цветных телевизоров импортировал из Японии и ввел в эксплуатацию в 1980 г. 1-й Шанхайский завод телевизоров. Комплекующие детали вначале также ввозились из Японии. В 1985 г., когда в стране действовало уже несколько десятков импортных линий, Шанхайский завод снова первым в Китае самостоятельно разработал и изготовил линию для сборки цветных телевизоров, отвечающую мировому уровню, а в 1988 г. изготовил несколько таких линий для зарубежных заказчиков.

Этот пример весьма характерен для развития китайской электроники в 80-е годы: импорт технологии — ее освоение и совершенствование — экспорт.

К марту 1986 г. в КНР действовало более 100 линий для сборки цветных телевизоров, которые при двухсменной работе позволяли выпускать 34 млн. изделий в год. Фактически же они использовали лишь $\frac{1}{8}$ своих мощностей, поскольку большую часть деталей приходилось импортировать, а валюты на это не хватало.

С 1985 г. в КНР проводятся ежегодные совещания по проблеме освоения отечественного производства деталей для цветных телевизоров и замене ими импорта (этот процесс по-китайски именуется «гочаньхуа» и относится к широкому кругу изделий). На каждом совещании намечается уровень «гочаньхуа» (доля деталей китайского производства в общей стоимости деталей), который предстоит достичь в следующем году. На 1986 г. планировалось обеспечить долю китайских деталей в серийном производстве изделий в 70 % или выше. В 1988 г. в серийном производстве доля китайских деталей должна была составлять 85 %, а в мелкосерийном — до 90 %.

В целом в 1985—1989 гг. проблема производства цветных телевизоров из отечественных деталей вышла на передний план — сообщения об освоении выпуска отдельных деталей (тюнеров, интегральных схем, печатных плат, трансформаторов) публиковались на первых страницах газет. Необходимым условием освоения выпуска каждой новой детали является качество на уровне зарубежного аналога. Вообще китайцы гордятся и не без основания высоким качеством своих цветных телевизоров и в особенности большим периодом безаварийной работы (свыше 20 тыс. часов).

Наиболее сложным и затратным делом является освоение выпуска цветных кинескопов; комбинат цветных кинескопов в Сяньяне (недалеко от Сианя, провинция Шэньси), мощностью 1,5 млн. изделий в год, был построен в 1982 г. с использованием технологии и оборудования японской фирмы «Хитати» и до последнего времени оставался единственным крупным предприятием такого рода в стране. В 1989—1990 гг. вступают в строй

вторая очередь комбината в Сяньяне, а также совместные предприятия в Шанхае, Пекине, Нанкине (районы концентрации производства цветных телевизоров), что позволит довести выпуск кинескопов до 8 млн. в 1991 г., в основном будут выпускаться плоские, прямоугольные кинескопы с повышенной четкостью изображения — пригодные для производства цветных телевизоров нового поколения; при оснащении новых объектов в значительной степени использовалось китайское оборудование.

Одновременно с уменьшением расхода валюты на импорт деталей растет экспорт готовых изделий: в январе — сентябре 1989 г. было вывезено за границу 1,4 млн. черно-белых и 1,2 млн. цветных телевизоров на 236 млн. долл., что на 47 % больше, чем в январе — сентябре 1988 г. По китайским оценкам, за весь 1989 г. экспорт составил около 400 млн. долл. и намного превышает стоимость импорта деталей.

Хотя китайские цветные телевизоры лишены дистанционного управления и имеют несколько старомодную конструкцию (технология была получена от японских фирм в середине 80-х годов), однако их высокая надежность и низкая цена искупают эти недостатки в глазах зарубежных потребителей.

В 1988—1989 гг. новой статьей валютных доходов КНР стал экспорт сотен тысяч полных комплектов деталей для сборки цветных телевизоров на совместных предприятиях, созданных китайскими производителями телевизоров в Англии (завод телевизоров в Шицзячжуане, провинция Хэбэй), Канаде (завод в Гуанчжоу), Таиланде (завод телевизоров в Сучжоу), Кении (корпорация «Сайгэ» в свободной экономической зоне (СЭЗ) Шэньчжэнь). Немалый доход приносит и экспорт отдельных деталей.

Мы дали столь подробное описание только одной подотрасли, связанной с телевизорами, поскольку на телевизоры и детали для них приходится сейчас до половины продукции всей китайской электронной промышленности; именно данный сектор позволит сформировать мощный костяк электроники страны.

Возникает естественный вопрос: каким образом удалось добиться таких успехов, какие резервы удалось использовать, в чем заключается ценность китайского опыта?

Главная причина — отказ от жесткого централизованного управления в рамках Министерства электронной промышленности КНР (в начале 1988 г. оно превратилось в одно из управлений в составе Министерства машиностроения и электроники), предоставление широкой самостоятельности предприятиям, создание новых, оптимальных для ускоренного развития, организационных структур.

К настоящему времени большую часть продукции отрасли дают около 30 крупных корпораций, каждая из которых объединяет несколько десятков электронных предприятий и НИИ, а функции бывшего министерства сводятся к проведению единой технической политики (распространению передовой технологии, созданной в стране и за рубежом, замене импортных деталей китайскими) и координации деятельности предприятий и фирм в освоении внутреннего и мирового рынка.

В 1984—1986 гг. резко расширена самостоятельность более 100 крупных и средних предприятий, составляющих костяк отрасли — они были избавлены от мелочной опеки, получили возможность по своему усмотрению подбирать поставщиков деталей и заказчиков, а также партнеров в разработке новых изделий (НИИ, вузы) и совместных предприятий (иностранные фирмы). Этот процесс в Китае получил название «формирование горизонтальных связей» (в отличие от прежних, вертикальных: министерство — завод).

В 1985—1986 гг. в условиях острой нехватки комплектующих деталей цена их на китайском рынке резко подскочила, заводы готовых изделий оказались в тяжелом положении; это вынудило их ускорить интеграционные процессы, и в 1987—1989 гг. одна за другой стали появляться так называемые «групповые корпорации».

Каждая из них включает головной завод (в большинстве случаев выпускающий в год от нескольких сот тысяч до миллиона телевизоров и большое количество другой электронной продукции), а также несколько десятков поставщиков деталей, несколько НИИ и вузов (база НИОКР), сеть сбытовых предприятий. Участники «групповой корпорации» сохраняют значительную самостоятельность (включая собственный финансовый баланс), но объединяют усилия в разработке и производстве новых изделий и их деталей, в освоении внутреннего и внешнего рынка.

При этом одно предприятие может состоять в двух и более «групповых корпорациях». Участники таких фирм могут быть разбросаны по всей стране и даже за рубежом

(сбытовые филиалы, совместные предприятия), но основная их часть сконцентрирована вблизи головного завода. В фирму, как правило, входят несколько заводов готовых изделий, что делает возможным маневр мощностями и выпуск нескольких модификаций одного изделия. Структура фирм является предельно гибкой, что необходимо в условиях быстрого изменения потребностей рынка и интенсивного обновления технологии.

Район Нанкин — Шанхай — Ханчжоу (нижнее течение Янцзы) является наиболее экономически развитым в КНР: при территории и населении, составляющих соответственно 1 и 4 % от общекитайских, он дает более 20 % всей промышленной продукции и более 40 % продукции электроники страны. Из десяти крупнейших (по объему производства и сбыта) электронных предприятий КНР шесть находятся в этом районе, и каждое из них является центром крупной «групповой корпорации».

Сбыт 1-го Шанхайского завода телевизоров составил 678 млн. юаней в 1987 г. и 920 млн. юаней в 1988 г. В 1988 г. мощности завода выросли до 720 тыс. цветных телевизоров при работе в одну смену; в 1989 г. завод выпустил более 1 млн. телевизоров, в том числе 600—800 тыс. цветных; было экспортировано по меньшей мере 200 тыс. изделий на 44 млн. долл., число занятых превысило 4 тыс. В 1989 г. завод освоил серийный выпуск кондиционеров, дымо- и пылеулавливателей, электронных часов высокого уровня. В начале 1987 г. завод создал группу «Цзиньсин», включившую 38 предприятий из Шанхая и соседних провинций, а также филиал в СЭЗ «Чжухай». За год предприятия группы выпустили 3 млн. телевизоров, их доля в продукции китайской электроники составила 7—8 %.

Сбыт завода телевизоров в городе Уси составил 475 млн. юаней в 1987 г. и 858 млн. юаней в 1988 г. В 1988 г. завод выпустил около 1 млн. телевизоров, было экспортировано 4 тыс. цветных телевизоров на 10 млн. долл.; в конце года завод создал группу «Хунмэй» из нескольких десятков предприятий, включая филиал в СЭЗ «Чжухай» и действующий в Уси завод ЭВМ (один из крупнейших в КНР производителей электронных калькуляторов). Число занятых на заводе — примерно 2,5 тыс. человек.

Нанкинский радиозавод — одно из известнейших предприятий китайской электроники; достаточно сказать, что директор завода стал председателем созданной в сентябре 1988 г. Китайской ассоциации производителей телевизоров, дисплеев, видеомагнитофонов (еще одна очень интересная форма реорганизации отрасли). Сбыт продукции завода достиг 574 млн. юаней в 1987 г. и 850 млн. юаней в 1988 г. К концу 1988 г. завод имел около 7 тыс. занятых, включая 2,2 тыс. ИТР; в этом году было изготовлено более 1 млн. телевизоров, несколько сот тысяч магнитофонов, экспортированы наземные станции спутниковой связи и четыре технологические линии для сборки цветных телевизоров; в 1989 г. завод приступил к серийному производству видеомагнитофонов. Ежегодно завод сдает государству прибыль и налоги, в два с лишним раза превышающие стоимость его основных фондов. В мае 1987 г. завод возглавил группу «Панда», доля ее в китайской электронике в этом году составила 17 %, а экспорт — 40 млн. долл. К середине 1988 г. в группу входили 134 организации с числом занятых 120 тыс., в том числе десятки заводов готовых изделий и электронных компонентов, десять вузов, четыре НИИ, ряд торговых фирм, 11 совместных предприятий, филиалы в Гонконге и США. В 1990 г. группа планирует выпустить 5 млн. телевизоров, 10 млн. магнитофонов, 150 тыс. видеомагнитофонов.

Нанкинский завод был единственным китайским электронным предприятием, представившим отдельный выставочный стенд с образцами своей продукции в ходе Дней китайской науки и техники в Москве в июле 1989 г.

4-й Шанхайский радиозавод — головной завод созданной в феврале 1987 г. и включающей 47 предприятий группы «Кайгэ» — обеспечил в 1987 г. сбыт в 533 млн., а в 1988—655 млн. юаней. В 1988 г. завод выпустил около 1 млн. телевизоров, в том числе не менее 200 тыс. цветных; экспорт завода в этом году составил примерно 10 млн. долл. В 1989 г. завод освоил выпуск автоматических стиральных машин, радаров, пылеулавливателей, плейеров для автомашин, электронных музыкальных инструментов, учебных ЭВМ.

18-й Шайхайский радиозавод в 1988 г. выпустил 1 млн. черно-белых (из них 100—200 тыс. было экспортировано) и 300 тыс. цветных телевизоров. В 1989 г. завод располагал мощностями по выпуску примерно 1 млн. многофункциональных телефонов

и 1 млн. микроволновых печей в год; в этом году также выпускались учебные ЭВМ, дисплейные терминалы, звукоинтеграторы. Число занятых превышает 4 тыс. человек. Сбыт завода в 1987—1988 гг. достиг соответственно 542 млн. и 649 млн. юаней; в октябре 1988 г. он стал центром группы «Фэйю» из 62 предприятий.

Завод телевизоров в Сучжоу (1987—426 млн., 1988—642 млн. юаней) является центром группы «Кунцюэ», сформированной в начале 1987 г. из 41 завода, вуза и НИИ. В 1988 г. завод выпустил около 1 млн. телевизоров и обеспечил экспорт в 10—20 млн. долл. за счет телевизоров и комплектов деталей для своего совместного предприятия в Таиланде.

Район Пекин — Тяньцзинь — также важный центр электроники, здесь находятся еще 2 предприятия из первой десятки — Пекинский завод телевизоров (10-е место; в 1987 г. сбыт — 410 млн., в 1988 г. — 552 млн.) и Тяньцзиньский завод телевизионного и радиовещательного оборудования (9-е место; в 1987 г. сбыт — 542 млн., в 1988 г. — 634 млн.).

В 1987 г. Пекинский завод вывез 70 тыс. цветных телевизоров в Европу и Юго-Восточную Азию, в 1988 г. — более 100 тыс.; в 1989 г. было изготовлено около 600 тыс. телевизоров, включая 400 тыс. цветных; завод создал группу «Пион» из 11 предприятий. Собственную группу сформировал и Тяньцзиньский завод.

Из первой десятки только два предприятия находятся во внутренних районах страны — машиностроительный завод «Чанхун» (Мяньян, провинция Сычуань, 4-е место; в 1987 г. сбыт — 419 млн., в 1988 г. — 777 млн. юаней; в 1988 г. изготовлено более 500 тыс., экспортировано не менее 100 тыс. цветных телевизоров) и машиностроительный завод «Хуанхэ» (Сиань, провинция Шэньси, 7-е место; в 1987 г. сбыт — 361 млн., в 1988 г. — 645 млн. юаней). Сообщения, что эти заводы создали свои группы, до середины 1989 г. не было.

Общий сбыт «первой десятки» в 1988 г. вырос на 44 % и достиг 7,2 млрд. юаней — примерно 18 % всего сбыта китайской электроники, а вместе с предприятиями своих групповых корпораций, возможно, до 50 %. Для всех десяти заводов основной продукцией являются телевизоры — именно их марка дала название каждой создаваемой группе.

В Японии 10—15 фирм контролируют подавляющую часть выпуска готовых электронных изделий — бытовой электроники, ЭВМ, оборудования связи, а также интегральных схем («Нихон дэнки», «Тосиба», «Хитати», «Мацусита», «Мицубиси», «Фудзичу», «Шарп», «Санье», «Сони», «Оки дэнки», «Ямаха»). В Южной Корее таких фирм четыре — «Кимсун», «Самсун», «Сяньдай», «Даеву». При этом население Японии составляет 120 млн. человек, Южной Кореи — 40 млн. человек.

Видимо, в Китае «хватит места» для нескольких десятков электронных фирм такого уровня, при этом почти наверняка их список возглавят заводы и группы из «первой десятки».

Такое утверждение не является голословным. Даже поверхностный анализ развития электроники в Японии, Южной Корее и Китае выявляет явное сходство этих процессов в каждой из трех стран. Япония в 50-х годах с помощью США освоила массовый выпуск черно-белых телевизоров и магнитофонов, в 60-х — было организовано производство цветных телевизоров, в 70-х — видеомагнитофонов, в 80-х годах — персональных ЭВМ. Южная Корея, используя импорт технологии из Японии и постепенно сокращая разрыв с ней, в первой половине 70-х годов освоила массовый выпуск черно-белых телевизоров и магнитофонов, во второй половине — цветных телевизоров, в первой половине 80-х — видеомагнитофонов, с середины 80-х годов — персональных ЭВМ. И Япония, и Южная Корея на каждом этапе осваивали выпуск своих деталей для замены импортных и одновременно осваивали мировой рынок.

Китай находится сейчас на этапе, пройденном Японией в первой половине 70-х годов и Южной Кореей — в начале 80-х годов, иначе говоря, китайская электроника завершает освоение производства цветных телевизоров (выпуск практически всех деталей и массовый экспорт готовых изделий) и переходит на этап крупномасштабного производства видеомагнитофонов.

В каждой из упомянутых стран на всех этапах главной движущей силой являются крупные фирмы. В 1975 г. сбыт продукции электронной промышленности Японии составил примерно 17 млрд. долл. (3 % ВВП страны), а по каждой из

десяти крупнейших фирм — в среднем около миллиарда долларов. В 1983 г. четыре южнокорейские фирмы вышли на этот уровень, когда стоимость продукции отрасли достигла 5,5 млрд. долл. (7—8 % ВВП). В 1988 г. доля в ВВП электронной промышленности достигла примерно 7 % в Японии и 14 % в Южной Корее.

В 1988 г. в Китае сбыт каждой из восьми ведущих фирм (групповых корпораций, созданных заводами «первой десятки»), составил в среднем около 2 млрд. юаней (более 500 млн. долл.), но следует учесть, что на мировом рынке цена любого электронного изделия за десять лет уменьшается в несколько раз. Доля китайской электроники в ВВП (соответственно 40 млрд. юаней и 1,4 трлн. юаней в 1988 г.) достигла 3 %.

Еще один чрезвычайно серьезный фактор — Япония успела решить основные задачи промышленного развития до середины 70-х годов, когда во много раз подскочили цены на энергию и сырье. К этому моменту Япония располагала мощной черной металлургией, химией и другими энергоемкими и материалоемкими отраслями. Южная Корея не успела полностью воспроизвести модель развития Японии и вынуждена была уделить особое внимание трудоемкой, наукоемкой, потребляющей сравнительно немного материалов и совсем мало энергии электронике. Приведенные выше показатели доли электроники в ВВП этих стран достаточно красноречивы.

Для Китая японская модель развития оказалась непригодной. Вполне возможно, что к 2000 г. роль электроники в экономике Китая будет выше, чем в нынешней Южной Корее.

Финансовые и технические силы, накопленные ведущими фирмами китайской электроники, позволяют им ставить новые крупномасштабные задачи. Речь идет о выходе на передовой мировой уровень в производстве цветных телевизоров и организации серийного выпуска видеомагнитофонов.

К концу 1989 г. Пекинский завод телевизоров в сотрудничестве с другим пекинским заводом телевизоров «Дунфэн» (23-е место в иерархии китайской электроники, помимо цветных и черно-белых телевизоров выпускает цветные дисплеи для персональных ЭВМ, отмеченные призами на международных выставках), 1-м радиозаводом Чэнду (провинция Сычуань) и Пекинским политехническим университетом «Цинхуа» разработал (первая самостоятельно созданная в Китае модель), освоил мелкосерийный выпуск и подготовился к массовому производству цветных телевизоров, не уступающих современным японским моделям и почти не нуждающихся в импортных компонентах — плоских, с прямоугольным кинескопом, с 2-интегральными схемами вместо прежних 4—5.

Одновременно завершена подготовка к массовому выпуску аналогичной модели, созданной совместно Тяньцзиньским заводом телевизионного и радиовещательного оборудования, Тяньцзиньским заводом телевизоров (12-е место), Нанкинским радиозаводом и вузами Пекина, Тяньцзиня и Шанхая. Ведет подготовку к производству еще одной новой модели того же типа группа заводов телевизоров в Шанхае. Очевидно, выпуск новых моделей составит 1—2 млн. в 1990 г., а в 1991—1992 гг. старые модели будут вытеснены с рынка.

Министерство машиностроения и электроники планирует к 1995 г. довести годовой выпуск видеомагнитофонов до 3—5 млн. И здесь также основную роль предстоит сыграть большим электронным фирмам: производство этих изделий уже осваивается Нанкинским радиозаводом, Тяньцзиньским заводом телевизионного и радиовещательного оборудования; готовится к серийному выпуску 1-й Шанхайский завод телевизоров.

В ноябре 1989 г. в Китае побывала торгово-экономическая делегация Казахстана. В результате было заключено соглашение с радиозаводом в Янчэне (юг провинции Цзянсу) об экспорте в Советский Союз технологии для производства 100 тыс. магнитол в год. Конечно, факт отрядный, но, может быть, стоило бы перескочить через этап и начать сразу с цветных телевизоров и видеомагнитофонов.

Пекин — Москва

Этносоциальный фактор развития Синьцзяна

К. СЫРОЕЖКИН

Одним из основополагающих факторов экономического и политического положения в том или ином регионе является уровень развития его производительных сил, и прежде всего — его личностного фактора. Это последнее обстоятельство находится в прямой связи с национальным составом населения и степенью политического и социального развития отдельных этносов, населяющих этот регион, их причастностью к общественному производству, степени воздействия на экономическое развитие и принятием политических решений. Именно это является объективной основой сохранения национального вопроса, поскольку существование фактического неравенства обязательно рано или поздно приводит к взрыву националистических страстей, к резкому обострению межнациональных противоречий и, стало быть, к нарушению равновесия между нациями, формально-юридического равноправия там, где оно существует¹.

Поэтому изучение этносоциальных аспектов развития многонациональных регионов представляется нам одной из актуальнейших проблем анализа национальных отношений и национального вопроса. Одним из таких регионов является Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. По официальным данным третьей всекитайской переписи населения, проведенной в 1982 г., на его территории проживали представители 48 национальностей, исключая лиц, чья национальная принадлежность не была точно установлена, а также иностранцев, принявших китайское гражданство. Однако, несмотря на такое национальное многообразие, многие национальности представлены в данном регионе незначительно и составляют лишь малую часть общего количества представителей данного этноса в КНР. Исключая представителей ханьской национальности, большую часть остального населения СУАР (99,19 %) составляли лица 11 национальностей, представленные в населении района по-разному (см. таблицу 1).

Таким образом, во-первых, из 12 крупнейших национальностей Синьцзяна только семь составляют большинство данного этноса, проживающего на территории КНР, а остальные представлены в Синьцзяне незначительно. Во-вторых, термин «коренные национальности Синьцзяна» даже в отношении представителей этих семи этносов применим достаточно условно и может быть отнесен лишь к трем из них: уйгурам, казахам и таджикам, появление предков которых на территории Синьцзяна датируется III—II вв. до н. э. по отношению к двум первым и 643 г. по отношению к последним. Представители других этносов появились в Синьцзяне главным образом в XVIII—XIX вв. по различным историческим причинам, причем некоторые из них являлись переселенцами из внутренних районов Китая, а часть — из приграничных государств². В особенности это касается представителей ханьской национальности, основной поток переселенцев из которой приходился на 1949—1966 гг., когда «основным фактором роста населения района являлся механический прирост»³. Данное утверждение современной китайской статистики, несмотря на кажущееся его противоречие реальной действительности, логически вполне может быть объяснимо, но, на наш взгляд, практика пополнения трудовых ресурсов за счет рабочей силы из внутренних районов Китая не прекращалась как в годы «культурной революции», так и в настоящее время, хотя механический прирост уже и не являлся основным фактором роста населения автономного района.

Сравнение динамики прироста населения СУАР за период между второй (1964) и третьей всекитайскими переписями населения показывает, что демографические процес-

Сыроежкин Константин Львович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института уйгуроведения АН Казахской ССР.

**Численность основных национальностей,
проживающих на территории СУАР КНР**

	по данным переписи 1982 г. (чел.)	удельный вес в населении СУАР, (в %)	удельный вес к числу пред- ставителей данной на- циональности, проживающих в КНР (в %)
Население СУАР КНР	13 081 633		
в том числе:			
ханьцы	5 286 532	40,41	0,56
уйгуры	5 949 655	45,48	99,77
казахи	903 335	6,91	99,54
дунгане	570 789	4,36	7,9
монголы	117 460	0,9	3,44
киргизы	112 973	0,86	99,64
сибо	27 364	0,21	32,7
таджики	26 484	0,2	99,56
узбеки	12 433	0,10	99,9
дауры	4 370	0,03	4,64
татары	4 106	0,03	99,6
русские	2 662	0,02	91,26

Источники: Цзиньжи Синьцзян.— Урумчи, 1987.— Ч. 1. С. 1; Чжунго цзюбаэрнянь жэнькоу пуча цыляо.— Пекин, 1986.— С. 18—21, 218—231.

сы в автономном районе характеризовались следующими особенностями: во-первых, значительным увеличением малых народностей, численность которых выросла в среднем в 4—5 раз; во-вторых, незначительным приростом крупных этносов — прежде всего уйгуров и казахов, среднегодовой прирост которых составлял соответственно 2,3 и 3,5 %; в-третьих, высоким уровнем естественного прироста у ханьцев (4,7 %) и дунган (4,4 %), в результате чего их численность в автономном районе увеличилась соответственно с 2 321 216 до 5 286 532 и с 264 017 до 570 789 человек.

Такой прирост ханьского населения объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, сохранением практики пополнения трудовых ресурсов СУАР за счет лиц ханьской национальности из внутренних районов, на что, в частности, обращают внимание синьцзянские авторы, определяя число переселенцев в 1950—1980 гг. в сто с лишним тысяч в год⁴. Во-вторых, объявлением «вне закона» теоретических проблем народонаселения и главенством вплоть до середины 70-х годов концепции «чем больше людей, тем лучше». Наконец, половозрастной структурой переселенцев, что для нас особенно важно, так как именно этот фактор оказал определяющее влияние на социально-политические процессы в Синьцзяне и формирование его социально-классовой структуры.

В годы шестой пятилетки (1981—1985) ситуация качественно меняется. С 1976 г. в автономном районе начинают осуществлять мероприятия по планированию рождаемости среди ханьского населения, что приводит к существенному сокращению его естественного прироста и удельного веса в населении автономного района. Введение в 1983 г. аналогичных мероприятий в отношении неханьских народов фактически не принесло желаемого эффекта (см. таблицу 2) и, вызвав противодействие со стороны национальных меньшинств, было отменено.

Однако этот акт оказался кратковременным. Обследование, проведенное в различных округах автономного района, показало, что начиная с 1985 г. в СУАР наметилась тенденция к увеличению рождаемости. Так, если принятие мер по планированию рождаемости позволило сократить естественный прирост населения с 28,97 % в 1976 г. до 19,8 % в 1985 г., то в 1987 г. естественный прирост снова поднялся до 20,14 %. Более того, в последние годы в СУАР все отчетливее наблюдается тенденция к увеличению чис-

ла многолетних семей, что является одним из результатов введения новых форм организации труда в сельской местности и изменений, происходящих в структуре собственности. Сравнение данных за 1987 г. и первую половину 1988 г. показывает, что если в 1987 г. число семей, в которых был один ребенок, составляло 33,04 %, два — 21,8, более двух — 45,15 %, то в первой половине 1988 г. соответственно 32,1 %, 22,42 и 45,48 %.⁵

Естественный прирост ханьского и неханьского населения СУАР в годы шестой пятилетки (в %)

Годы	ханьское население			неханьское население		
	рождаемость	смертность	естественный прирост	рождаемость	смертность	естественный прирост
1980	13,28	2,72	10,56	26,49	11,09	15,89
1981	12,74	2,70	10,04	26,87	10,80	16,14
1982	12,92	2,71	10,21	26,82	9,36	17,46
1983	9,59	2,81	6,78	25,89	9,79	16,10
1984	9,91	2,77	7,14	26,33	8,90	17,43
1985	9,32	2,82	6,50	26,65	8,73	17,92

Источники: Чжунго жэнькоу няньцзянь — 1986. — Пекин, 1987. — С. 298

Такая демографическая ситуация потребовала принятия более строгих мер по ограничению темпов прироста населения, и в апреле 1988 г. Народное правительство автономного района приняло временное постановление о плановом деторождении среди национальных меньшинств, которое вступило в сил с 1 июля 1988 г. В постановлении отмечалось, что супруги, живущие в густонаселенных городах, должны иметь не более двух детей, а семьи в сельской местности, живущие на животноводческих фермах и деревнях, — не более трех. Разъясняя это постановление на встрече с представителями средств массовой информации, руководящие работники Комитета СУАР по планированию рождаемости отмечали, что эта установка правительства СУАР носит временный характер. Проведение планового деторождения среди национальных меньшинств не направлено на ограничение их численности. Основная цель планового деторождения — планомерное, качественное ускорение социального развития и процветания народного хозяйства СУАР⁶. Однако, несмотря на всю актуальность демографической проблемы в КНР, на наш взгляд, такое объяснение заведомо неприемлемых установок правительства, мягко говоря, наивно и влечет за собой обострение межнациональных отношений, особенно на уровне ханьцы — национальные меньшинства.

Другой характерной чертой демографических процессов в автономном районе в 80-е годы явилось увеличение потока выезжающих из СУАР, число которых за 1981—1985 гг. составило 123,7 тыс. человек, значительно превысив численность прибывших в СУАР из внутренних районов Китая, причем особенно наглядно эта тенденция начала наблюдаться в конце шестой пятилетки. Так, только в 1985 г. Синьцзян покинуло 56,1 тыс. человек, среди которых 75,7 % составляли рабочие и служащие Синьцзянского производственно-строительного корпуса⁷. В настоящее время эта тенденция продолжает сохраняться, но наряду со старожилами-ханьцами автономный район начинает покидать и китайская молодежь, которая считает, что, «переехав в другие районы, она сможет реализовать свои творческие возможности, а продолжая жить в СУАР, вынуждена будет оставаться в положении неудачников»⁸. Этот процесс в определенной мере обостряет политическую и социально-экономическую обстановку в автономном районе, хотя пока и не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на его этническую структуру. По данным китайской печати, в 1987 г. в СУАР КНР проживало 14 060 тыс. человек, в том числе: уйгуров — более 6 млн. (45 %); ханьцев — свыше 5 млн. (40 %); казахов — более 900 тыс. (7 %); дунган — около 600 тыс.; монголов — 120 тыс.; киргизов — 120 тыс.; сибо — около 30 тыс.; таджиков — 30 тыс.; узбеков — около 10 тыс.; маньчжуров — около 10 тыс.; дауров — более 4 тыс.; татар — более 3 тыс.; русских — более 4 тыс.⁹

Одним из основополагающих факторов, оказывающих влияние на экономическую и политическую обстановку в автономном районе, является неравномерное распределение национальных меньшинств по его территории и национальный состав городского населения. По данным третьей всекитайской переписи населения, в Южном Синьцзяне проживало 65,61 % всех представителей неханьских народов, в Северном Синьцзяне — 34,39 % их общего числа, причем национальные меньшинства составляли 83,9 % населения Южного Синьцзяна и 38,3 % населения Северного Синьцзяна. В округах и областях Южного Синьцзяна процентное отношение представителей национальных меньшинств к общему населению регионов составляло: в Аксуйском округе — 78,36 %; Кашгарском — 92,33; Хотанском — 96,77; Баянгол-Монгольской автономной области — 45,33; Кызылсу-Киргизской — 95,25 %. В округах и областях Северного Синьцзяна: Хамнйском округе — 31,9 %; Турфанском — 77,7; Илийском — 57,1; Тарбагатайском — 40,8; Алтайском — 52,3; Чанцзи-Хуэйской автономной области — 25,7; Боротала-Монгольской — 35,09 %. Большая часть представителей крупных этнических групп концентрируется, как правило, в территориально замкнутых национальных общинах. Так, например, 82 % уйгуров проживают в Южном Синьцзяне, 78,6 казахов — в Алтайском, Илийском и Тарбагатайском округах Северного Синьцзяна, 88,66 киргизов — в Южном Синьцзяне, в основном в Кызылсу-Киргизской автономной области, 99,47 таджиков — в Южном Синьцзяне, из которых 62,1 — в Ташкуртан-Таджикском автономном уезде, 64 % сибосцев — в Чапчал-Сибосском автономном уезде Илийского округа¹⁰. Такого рода распределение не только оказывает непосредственное влияние на экономическое развитие отдельных регионов СУАР, но и создает питательную почву для возрождения сепаратистских настроений, а порой приводит к нежелательным межнациональным конфликтам не только между ханьцами и неханьскими народами в целом, но и между отдельными этническими группами.

Достаточно интересным в плане изучения этносоциального фактора экономического и политического развития автономного района представляется нам рассмотрение динамики роста городского населения и его национальной структуры, поскольку именно с этой категорией трудящихся можно связывать перспективы индустриального развития Синьцзяна и изменение характера политических процессов, происходящих в настоящее время в данном регионе КНР.

Динамика национального состава городского населения СУАР КНР (в %)

	1982 г.			1987 г.		
	ханьцы	уйгуры	другие национальности	ханьцы	уйгуры	другие национальности
Урумчи	80,3	11,52	8,18	74,11	11,82	14,07
Карамай	78,85	14,04	7,11	76,98
Шихэцзы	96,18	96,2
Хами	81,77	11,88	6,35	66,0	26,0	8,0
Кульджа	32,98	51,42	15,6	32,3	52,1	15,6
Куйтун	96,12	0,2	3,68
Корла	65,9	30,16	3,94	63,28	33,93	2,85
Кашгар	15,44	83,8	0,76	24,32	74,62	1,06
Турфан*	23,55	68,98	7,47	21,3	71,2	7,5
Санджи*	77,75	6,52	15,73	76,2	3,1	20,7
Аксу*	56,04	41,38	2,58	55,06	43,76	1,18
Артуш*	6,64	80,98	12,38	6,5	81,29	12,21
Хотан*	23,67	75,37	0,96	15,3	84,0	0,7
Чугучак*	66,78	10,1	23,12	77,0	3,3	19,7
Алтай*	71,03	...	18,38**	62,55	...	35,44**
Боротала*	65,8	19,7	14,5

Таблица составлена на основе данных третьей переписи населения СУАР КНР и данных, опубликованных в сборнике Синьцзян гайлань. — Урумчи, 1988. — С. 110 — 226.

Примечание. * — города СУАР, получившие статус города после 1982 г.; ** — доля представителей казахской национальности.

В этом процессе отчетливо наблюдаются две тенденции. Одна из них — стремительный рост городского населения, причем главным образом за счет лиц, занятых преимущественно в неиндустриальной сфере производства. Так, за годы шестой пятилетки городское население СУАР увеличилось с 2550 тыс. в 1980 г. до 4182,5 тыс. в 1985 г., а уровень урбанизации в районе поднялся до 42,53 %, превысив аналогичный показатель по КНР в целом¹¹. Другая — сохранение, по существу, без изменения национального состава городского населения района (см. таблицу 3). Большую часть населения городов (особенно промышленных центров) составляют представители ханьской национальности, что оказывает определяющее воздействие на формирование как национального отряда рабочего класса, так и всей социально-классовой структуры национальных меньшинств и тормозит процесс становления их национального самосознания.

Такая ситуация, на наш взгляд, существенно снижает спектр возможностей экономического, политического и духовного развития как каждой из национальностей в отдельности, так и всего автономного района в целом. Действительно, сравнение уровней экономического и культурного развития отдельных регионов Синьцзяна показывает, что он находится в прямой зависимости от качественного состава населяющего его населения: в районах, где доля национальных меньшинств в населении выше, уровень экономического и культурного развития ниже. Прежде всего это связано с уровнем социально-культурного развития отдельных этнических групп и наличием у них объективных возможностей самостоятельно решать современные экономические и политические задачи. Насколько позволяют судить наши расчеты и данные о культурно-техническом уровне отдельных национальностей, эти возможности у большинства проживающих в СУАР этносов весьма ограничены. Несмотря на то что по средним показателям численности различных категорий учащихся на каждые десять тысяч национальных меньшинств автономный район превосходит средний уровень по стране, практически по всем категориям учащихся он уступает наиболее развитым регионам КНР (см. таблицу 4).

**Численность различных категорий учащихся
на десять тысяч национальных меньшинств СУАР
и положение автономного района по данному показателю в КНР
(на 1986 г.)**

категория учебных заведений	численность в СУАР КНР (на 10 тыс. национальных меньшинств)	средний показатель по КНР (на 10 тыс. населения)	место, занимаемое автономным районом в КНР
Высшие учебные заведения	18,3	16,7	10
Средне-специальные учебные заведения	23,2	16,8	...
Средние школы второй ступени	105,2	74	6
Средние школы первой ступени	329,9	394	24
Начальные школы	1 478	1 261	5

Источник: Синьцзян шэньхуй кэсюэ. — 1988. — № 1. — С. 55.

Еще более существенным в плане интересующего нас вопроса является сравнение данных о средней численности различных категорий учащихся с учетом их национальной структуры (см. таблицу 5).

Эти данные говорят о нерациональной структуре учащихся из числа национальных меньшинств и ее несоответствии потребностям экономического развития автономного района. Главным образом это положение обусловлено двумя причинами: недостатком преподавательских кадров в национальных школах и низкой их профессиональной подготовкой и отсутствием необходимой литературы (особенно по естественным наукам) на языках национальных меньшинств. Это, по свидетельствам синьцзянских социологов, приводит к тому, что учащиеся из числа национальных меньшинств, как

**Численность различных категорий учащихся
на десять тысяч населения СУАР КНР (на 1986 г.)**

категория учащихся	аспиранты	студенты	специальных школ	ср. шк. второй ступени	ср. шк. первой ступени	технических школ	сельскохозяйственных школ	начальных школ
по району в целом	0,184	19,4	26,6	192	559	20,3	34,6	1 431
среди национальных меньшинств	0,017	18,4	23,2	105,2	329,9	12,1	7,1	1 478

Источник: Синьцзян шэхуй кэсюэ. — 1988. — № 1. — С. 57.

правило, по своей подготовке значительно уступают учащимся-ханьцам. Так, среди 2315 абитуриентов из числа национальных меньшинств Кашгарского округа на экзаменах по математике ни один не соответствовал предъявляемым требованиям, причем балл 79 % абитуриентов был ниже 10. Такой низкий уровень знаний вполне объясним, поскольку национальные средние школы второй ступени, средние школы первой ступени и начальные школы с 1986 г. были укомплектованы необходимым по квалификации преподавательским составом соответственно на 22,6 %, 20,6 и 49,4 %¹². Именно эти обстоятельства приводят, с одной стороны, к трудностям в освоении технических наук учащимися из числа национальных меньшинств и недостаточному профессионализму выпускников, а с другой — к переориентации учащихся из числа национальных меньшинств на нетехнические специальности, что противоречит логике социально-экономического развития автономного района и вызывает необходимость привлечения специалистов ханьской национальности для решения технико-экономических задач. Другого пути, по-видимому, пока нет, поскольку овладение новой техникой требует высокого уровня технических знаний, по данным третьей всекитайской переписи населения, среди 6138 тыс. занятых в народном хозяйстве СУАР 31,32 % были безграмотными и полуграмотными, 33,18 % имели образование в пределах начальной школы¹³.

Культурный уровень населения региона оказывает непосредственное влияние и на социально-классовую структуру Синьцзяна, которая по-прежнему остается неразвитой. Несмотря на высокий уровень урбанизации, большая часть экономически активного населения занята в сельскохозяйственной сфере производства (см. таблицу 6), что предопределяет экономическую политику руководства СУАР, ориентированную преимущественно на развитие сельского хозяйства и животноводства¹⁴.

Однако нерациональное распределение трудовых ресурсов не единственная проблема, сдерживающая экономическое и политическое развитие региона. Более существенным, как нам представляется, является этническая структура трудовых ресурсов и социальные ориентиры отдельных этнических групп.

С этой точки зрения на 1982 г. 80—85 % из числа представителей той или иной этнической группы (главным образом замкнутой в территориально-национальной общине) относились к категориям работников, занятых в растениеводстве, животноводстве, лесоводстве и рыболовстве, причем приблизительно такой же процент по своей профессиональной принадлежности составляли земледельцы и скотоводы. Доля производственных рабочих в среде представителей основных национальных меньшинств СУАР, исключая узбеков, татар, дунган и русских, как по сферам занятости, так и по профессиональной принадлежности не превышала 7,5 %. Еще менее значительным являлся их удельный вес среди лиц, занятых в наукоемких отраслях. Кроме отмеченных выше традиционных видов промыслов (растениеводство, животноводство, торговля и общественное питание), наибольший удельный вес представителей национальных меньшинств наблюдался в сферах образования, культуры и искусства, а также в государственных и партийных органах и общественных организациях, причем наполняемость этих сфер происходила не за счет профессионально подготовленных кадров, а главным образом по национальному признаку, о чем свидетельствует сопоставление данных о числе заня-

**Распределение трудовых ресурсов СУАР КНР
по сферам народного хозяйства в 1982—1986 гг. (тыс. чел.)**

сферы занятости	1982 г.	1985 г.	1986 г.
Численность населения СУАР	13 081 633	13 610	13 836
Общая численность трудовых ресурсов	6 138,1	5 569	5 662
в том числе:			
растениеводство, животноводство, лесоводство и рыбоводство	4 410,9	3 552	3 545
добывающая промышленность, обработка и транспортировка древесины	134,8
промышленность	523	647	680
геологоразведка	29,55	50	51
строительство	233,78	256	272
транспорт и связь	164,24	193	190
торговля, общепит и материальное снабжение	204,93	316	340
жилищное обслуживание, служба быта, обслуживание населения	24,2	46	49
здравоохранение, спорт, социальное обслуживание	59,96	66	68
образование, культура, искусство	180,72	225	239
наука, комплексное техническое обслуживание	14,26	24	24
финансы и госстрах	20,34	28	30
государственные административные органы, партийные органы, и общественные организации	154,03	160	161
другие сферы	6,4	16	13

Источники: Чжунго и цзюбаэрнянь жэнькоу пуча цзыляо. — С. 16, 373—383; Чжунго тунци няньцзянь — 1986. — Пекин, 1986. С. 93, 125—126; Чжунго тунци няньцзянь — 1987. — Пекин, 1987. — С. 116—117.

тых в них представителей национальных меньшинств и их профессиональной принадлежности¹⁵.

За последние годы ситуация качественно не изменилась. Напротив, с точки зрения социальных ориентиров среди национальных меньшинств довольно отчетливо наблюдается тенденция к занятию традиционными видами промыслов, с одной стороны, а с другой — ориентация на сферы, связанные с наличием властных полномочий и определенного рода привилегий (государственные и партийные органы, массовые организации), а также национально-культурным строительством — сферы образования, культуры и искусства. Причем наиболее рельефно эта тенденция наблюдается на уровне национальной интеллигенции. Так, по данным обследования Хотанского округа, в 1986 г. интеллигенты из числа национальных меньшинств, работающие в партийных, административных органах и общественных организациях, составляли 16,05 % общего числа интеллигенции округа, а занятые в растениеводстве, животноводстве, мелиорации, лесоводстве и на волостных и сельских предприятиях — 4,57 %¹⁶. По данным Бурхана Шахиди, подтверждающимся официальной статистикой, в комитетах, управлениях и канцеляриях различных органов автономного района кадровые работники из числа представителей национальных меньшинств составляли 43,4 % общего числа занятых в этих органах кадровых работников, в том числе среди начальников 36 отделов и канцелярий правительственных учреждений — 63,87 %, в руководящем составе партийных комитетов городов и округов — 59,67, в уездах и волостях, где сосредоточены национальные меньшинства, ответственные кадровые работники партийных и административных органов почти на 100 % являлись представителями национальных меньшинств¹⁷.

Выборы в сельские и уездные СНП, прошедшие в апреле — мае 1987 г., а также выборы СНП СУАР и Народного правительства автономного района, состоявшиеся в январе 1988 г., показали, что принцип «превращения органов самоуправления в национальные органы», подтвержденный «Законом КНР о районно-национальной автономии» (статьи 16—18, 46), остался доминирующим. Так, среди депутатов СНП СУАР 7-го созыва 230 представителей уйгурской национальности, что составляет 43,51 % общего числа депутатов, 187 (37,57 %) ханьцев и 124 (22,2 %) представителя других национальных меньшинств¹⁸.

На наш взгляд, следование этому принципу в условиях современного Синьцзяна имеет ограниченную ценность, поскольку упор на пропорциональное национальное представительство в административно-партийных органах и общественных организациях заслоняет собой подбор кадров по их деловым качествам. Более существенным, по-видимому, является не число представителей той или иной национальности в данном государственном или партийном органе, а эффективное выполнение ими своих задач, с надлежащим учетом, в частности, интересов различных национальностей и их увязкой с интересами стратегии социально-экономического развития всего региона. Поэтому при нормальных национальных отношениях главенствующую роль при подборе кандидатур в государственные органы должны играть не национальная принадлежность, а политические и деловые качества; национальность же может учитываться лишь при прочих равных условиях. В современном Синьцзяне необходимо большее внимание сосредоточить на подготовке квалифицированных кадров, особенно из числа научно-технической интеллигенции, и создании условий для их нормальной работы, что создаст необходимую базу для успешной реализации программы социально-экономических и политических реформ, влекущих за собой изменение социально-классовой структуры населения Синьцзяна, а следовательно, новые подходы в решении национального вопроса.

Однако, несмотря на определенные успехи, достигнутые в этой области, говорить о качественных изменениях пока оснований нет. По данным официальной статистики СУАР, в 1986 г. в автономном районе насчитывалось 211 380 кадровых работников из числа национальных меньшинств, составляющих 44 % общего числа кадровых работников района, среди же 174 тыс. научно-технических специалистов представителей национальных меньшинств насчитывалось всего 43 тыс., или 24,9 %¹⁹. Причем уровень подготовки как кадровых работников партийно-правительственного и административного аппарата, так и технических специалистов из числа национальных меньшинств значительно ниже, чем по району в целом. В 1986 г. среди кадровых работников из числа национальных меньшинств лица с высшим образованием составляли 13,18 %, а среди технических специалистов специалисты высшей и средней квалификации — 13,34 %. Показательным является и то, что в последние годы наметилась тенденция к сокращению удельного веса технических специалистов из числа представителей неханьских народов. Если в 1983 г. они составляли 27,5 % общего числа технических специалистов автономного района, то в 1986 г. — только 24,9 %²⁰. Более того, по данным анкетирования, проведенного в 1986 г. среди 200 научно-технических специалистов из числа национальных меньшинств, только 15 % полностью реализуют свои возможности, 24 — реализуют их «достаточно хорошо», 44 — «по-рядовому», 17 % вообще не реализуют; 20 % среди анкетированных работают не по специальности²¹. Данное обстоятельство подтверждает вывод синьцзянских специалистов, что «медлительность экономического развития Южного Синьцзяна по сравнению с Северным, более низкий уровень доходов крестьян неханьской национальности по сравнению с ханьцами главным образом создаются различиями в интеллектуальном развитии»²².

Все это, на наш взгляд, оказывает определяющее влияние на социально-экономическое и политическое развитие автономного района, существенно сокращая спектр возможностей по претворению в жизнь принципов, заложенных в «Закоме КНР о районно-национальной автономии», и преодолению фактического неравенства между отдельными национальностями, проживающими на территории Синьцзяна. Это в свою очередь продолжает осложнять социально-экономическое и политическое положение в СУАР КНР и требует наряду с последовательным демократизмом создания необходимых условий для оптимизации этносоциального фактора развития региона.

- ¹ Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освобожденных стран.— М., 1974.— Т. 2.— С. 13—14.
- ² Синьцзян гайлань.— Урумчи, 1988.— С. 16—21.
- ³ Чжунго жэнькоу няньцзянь — 1986.— Пекин, 1987.— С. 300.
- ⁴ Синьцзян вэйуэр цычжицзой гайкуан.— Урумчи, 1985.— С. 10.
- ⁵ Чжунго жэнькоу няньцзянь.— 1986.— С. 298; Синьцзян жибао.— 1988.— 2 декабря.
- ⁶ Синьцзян гезити.— 1988.— 31 мая, 8 июня.
- ⁷ Чжунго жэнькоу няньцзянь — 1986.— С. 298—299.
- ⁸ Гуанмин жибао.— 1988.— 24 ноября. Поскольку действующие в СУАР КНР правила учета населения не дают возможности свободного передвижения по территории КНР без соответствующего разрешения властей, данная тенденция характерна только для лиц ханьской национальности, главным образом для тех ханьцев-старожилков, которые были направлены для оказания помощи в экономическом строительстве в Синьцзяне в 50-е годы.
- ⁹ Синьцзян гайлань.— С. 16. Более точными данными мы располагаем только на 1984 г., когда из 13 330 тыс. населения СУАР, уйгуров насчитывалось 6 072 837, ханьцев — 5 371 400, казахов — 940 084, дунган — 587 287, монголов — 119 002, киргизов — 116 344, сибиряков — 27 753, таджиков — 27 075, узбеков — 9236, маньчжуров — 8339, лауров — 4500, татар — 3355, русских — 3398, других национальностей — 42 411 // Чжунго цзяоюй няньцзянь, 1949—1984.— Хунань, 1986.— С. 1308.
- ¹⁰ Синьцзян шэхуэй кэсюэ.— 1986.— № 6.— С. 27—28.
- ¹¹ См.: Чжунго жэнькоу няньцзянь — 1986.— С. 299—300.
- ¹² Синьцзян шэхуэй кэсюэ.— 1988.— № 1.— С. 57—58.
- ¹³ Там же.— № 3.— С. 64.
- ¹⁴ Beijing Review.— 1986.— № 44.— С. 20.
- ¹⁵ Чжунго инцзюбаэриянь жэнькоу пуча цыляяо.— Пекин, 1986.— С. 248—265.
- ¹⁶ Синьцзян шэхуэй кэсюэ.— 1988.— № 1.— С. 18.
- ¹⁷ Хунци.— 1984.— № 17.— С. 11.
- ¹⁸ Жэньмин жибао.— 1988.— 23, 29 января.
- ¹⁹ См.: Цзиньжи Синьцзян.— Урумчи, 1987.— Ч. 1.— С. 4, 86.
- ²⁰ Синьцзян шэхуэй кэсюэ.— 1988.— № 3.— С. 57.
- ²¹ Там же.— С. 65.
- ²² Там же.— № 1.— С. 58.

СИС: социум, информация, статистика

Китайский ресторан в Ленинграде

В канун 1990 г. подписано соглашение о совместной коммерческой деятельности между Ленинградской кооперативной компанией «Сосна» и Гуанчжоуской торговой компанией «Дуншань» и Шэньчжэньской объединенной промышленно-торговой компанией «Суда». Соглашение предусматривает открытие в Гуанчжоу совместных предприятий по изготовлению одежды и электронных изделий, строительство деревообрабатывающего завода и центра туристского сервиса. В Ленинграде планируется открыть центр по обработке цветных металлов, косметический кабинет, реабилитационный центр и китайский ресторан.

Ф. ШАБШИНА

Советское корееведение, совсем недавно оформившееся в самостоятельную отрасль ориенталистики, накопило немалый потенциал исследований. Конечно, они несут на себе явные приметы своего времени, во многом эти исследования — производное нашего собственного общественного развития. Но в главном, принципиальном они объективны. Советские корееведы в целом сумели дать правдивую картину явлений и их научную оценку. Ныне этот научный задел, разумеется при критическом переосмыслении некоторых его аспектов, расширяющаяся источниковедческая база, а главное — более зрелый взгляд и новые, адекватные современности подходы к анализу событий, общая демократизация нашей жизни, дающая возможность ученому высказывать личное, не обязательно совпадающее с официальной точкой зрения мнение, позволяют советскому корееведению подняться на качественно новую ступень исследований, существенно расширить сферу изучаемых проблем.

К ним в первую очередь стоило бы отнести строго документированный анализ и обобщение опыта развития двух разнотипных государств, образовавшихся на севере и юге Кореи. Для этого необходимо сперва разобраться в том, что составило «белые пятна», не раскрытые до конца вопросы новейшей корейской истории. В частности стоит определить подлинные причины, приведшие к расчленению страны, решить вопрос: существовала ли альтернатива ему. Такая проблема включает в себя множество вопросов-компонентов, касающихся всей послевоенной ситуации в мире и особенно обстановки в самой Корее после ее освобождения от колониализма при решающей роли Советской Армии. Последнее обстоятельство, как известно, оказало мощное воздействие на развернувшуюся в стране социальную революцию. Ждут дальнейшего изучения такие фундаментальные проблемы, как крайне своеобразные особенности революционной ситуации, предпосылки которой созревали в недрах корейского общества еще в колониальные годы; степень зрелости субконтинентального фактора и его роль в перерастании национально-освободительной революции в народно-демократическую. Обращает на себя внимание и такая проблема, как мирный характер революции в Северной Корее. Он ведь стал возможным лишь в условиях пребывания там Советской Армии, многие войны которой отдали жизнь за национальное освобождение страны. Своя непростая диалектика. При этом ненасильственный характер социальной революции на Севере Кореи казалось бы открывал возможность для такого же мирного ее развития и после победы. Однако история распорядилась иначе.

Целый комплекс вопросов связан с анализом корейских политических сил, помогавших США подавить в Южной Корее развернувшуюся и там сразу после освобождения народно-демократическую революцию, облегчить экспорт на Юг контрреволюции.

Названные проблемы затрагиваются в работах советских корееведов. Но, хотя их выводы и некоторые оценки, в частности, характера, ближайших и перспективных задач народно-демократических революций в странах Востока даны в советской ориенталистике (не только в корееведении), как мне представляется, убедительно, углубленное изучение этих вопросов находится лишь на начальной стадии. Серьезно тормозит его то обстоятельство, что фундаментальное обществоведение недоучитывает

опыт Востока и вообще уделяет мало внимания такому виду революций, как народно-демократическая (сейчас это особенно важно и для углубленного исследования подхода восточных стран к социализму).

Все сказанное как бы прелюдия большого научного направления в корееведении, которое можно сформулировать следующим образом: сравнительный анализ развития КНДР и Южной Кореи на путях социализма и капитализма. Сразу предвижу возражения и вопросы: уместна ли такая тема ныне, когда Южная Корея переживает экономический и научно-технический подъем, а социалистические государства оказались в состоянии спада, даже кризиса. Но именно поэтому и предлагаю такую тему в качестве одной из первоочередных. И начать ее исследование, думается, нужно с методологии, с выявления основных критериев сравнительного анализа.

Обыденное сознание, и не только оно, нередко сводит эти критерии лишь к материальным условиям жизни, к простому сопоставлению жизненного уровня населения и пр. Иные идут дальше, сравнивая общие показатели экономического, научно-технического, культурного развития. Конечно, все это существенно и необходимо. Но правильно ли ограничиваться лишь таким набором критериев, не отдавая должного духовно-идейной сфере, конечным целям, комплексному анализу всех компонентов развития? И правомерно ли сравнивать только итоги внутренние, страновые, абстрагируясь от нынешнего состояния двух разнотипных социальных систем?

Да, капитализм шагнул далеко вперед. При сохранении глубоких внутренних противоречий он смог эффективно использовать достижения НТР, «оседлать» ее, сделать источником развития, укрепления своей жизнеспособности. Социализм же переживает трудное, а в отдельных странах острокризисное время. Но следует помнить, что капиталистическая система накопила огромный исторический опыт. Уместно будет также упомянуть, что и капитализм неоднократно переживал серьезные кризисы, потрясения, притом весьма чувствительные. Социализму же всего семьдесят с небольшим лет, на корейской земле он существует лишь около сорока лет. Он в самом начале пути, в поиске, перед ним стоит множество неизведанных вопросов, задач, ждущих своего решения.

Все это, естественно, никак не оправдывает допущенных и у нас, и в других социалистических странах деформаций, приведших к трагедиям и даже преступлениям. Но недопустимо, как делают иные авторы, отождествлять извращения и деформации социализма с его сутью, принципами, идеями.

Касаюсь этих общих, методологических вопросов, поскольку они имеют прямое отношение к предлагаемой теме. Невозможно изучать Север и Юг Кореи, отыскивая от основ и целей социальных систем, к которым они принадлежат, не учитывая того, что социализм — закономерная фаза в истории человечества. Его истинные идеалы отвечают коренным потребностям общественного развития. Это — свобода, демократия, всестороннее развитие личности, высочайший гуманизм. Другое дело, что не всегда и не всюду осуществлялись эти цели гуманными методами. И это тоже трагическая деформация, которую недопустимо выдавать за суть социализма. Повторяю, что затрагивая эти общие вопросы лишь в русле темы как необходимые для сравнительного анализа путей развития Севера и Юга Кореи. Они необходимы для ответа тем, кто, может быть не всегда осознанно, протаскивает тезис, что раз сегодня Южная Корея обгоняет КНДР, следовательно капиталистический путь перспективнее социалистического, кто не задумывается о том, что завтра, очистившись от деформаций, обновившись, социализм шагнет на новую ступень развития, соответствующую концу второго тысячелетия, раскрывая свой могучий внутренний потенциал.

Дело, конечно, не только и не столько в «возрасте» систем. Уместно напомнить, что капитализмом немало заимствовано у социализма, например такие его принципы, как планирование и регулирование экономики, создание социальной инфраструктуры. Исторический парадокс заключается в том, что не все социалистические страны сумели адекватно использовать заложенные в системе, присущие ей рычаги развития.

Намечая критерии сравнительного анализа Севера и Юга Кореи, необходимо подчеркнуть незыблемость такого методологического требования, как историзм, без учета которого не может быть ни правдивой картины событий, ни их научного обобщения. Одно дело — корейские государства в конце 40-х годов, другое дело — ныне, когда изменились не только они, но и вся мировая ситуация, когда иным

стало понимание основного противоречия нашей эпохи как противоречия между двумя системами, когда на смену понятиям «борьба», «противостояние», «конфронтация» приходят категории соревнования и сотрудничества, а мирное сосуществование социально разнотипных государств не рассматривается более как особая форма классовой борьбы. Такие качественные, сущностные изменения в подходах диктуются временем, всем ходом исторического развития, выдвижением на первый план проблемы выживания человечества, едиными для существующих систем целями спасения жизни на Земле.

Исследовать и обобщить понимание двух путей развития корейской нации возможно лишь памятуя обо всем этом. При том необходимо исходить из сложной диалектики явлений, не допускающей однолинейности, упрощенчества и примитивизма. Здесь нужен масштабный, «формационный» подход к анализу явлений, учет того, что становление новой формации — процесс архисложный, а путь к социализму тернист и долог. Необходимо общественное осознание этого факта, иначе вновь станет неизбежным стремление считать чуть ли не вершиной уже первые ступени развития социализма (как это ранее бывало у нас, да и в некоторых других социалистических странах).

Социализм не догма, не миф. Беда наша в том, что мы собирались овладеть его высотами в нереально короткие сроки. Такое забегание вперед в полной мере относится и к бытовавшим в советском корееведении оценкам этапов развития Северной Кореи (в первую очередь автор имеет в виду собственные работы).

С учетом сказанного видится возможность научного осмысления проблемы «КНДР на путях социализма» как составной части предлагаемого направления. Реализую при этом свое право на личное мнение, стараюсь обосновать его без предвзятости и оглядки. Надеюсь, что корейские коллеги не обидятся на некоторые расхождения с ними в трактовках и обобщениях. Ведь это мнение друга.

В целом представляется несомненным, что за время своего существования КНДР накопила немалый опыт в разных сферах общественной жизни, опыт интересный и поучительный. Но северокорейская модель крайне своеобразна, как и условия, в которых развивается там общество. Нагляднее всего это раскрывает проявление в республике общих принципов и закономерностей социалистического строительства.

В последнее время в публикациях советских авторов о них упоминается редко, как бы вскользь. Образовалась даже некая новая зона умолчания, новое «неприкасаемое» понятие. Но закономерности формационного развития — реальность. Они не схема, не догма, а объективная необходимость. Вопрос, думается, в другом: прошли ли проверку жизнью, практическим опытом масс ранее разработанные и жестко «внедряемые» общие принципы социалистического строительства? Учитывались ли при их теоретических характеристиках различные ступени, фазы, уровни общественного развития? Осуществлялась ли на практике часто декларировавшаяся, в том числе в трудах о КНДР, обязательность творческого применения общего к специфике каждой страны, историчного и диалектического подхода к вопросам общего и национально-особенного?

Приходится признать, что указанные требования нарушались. А это, как представляется, негативно отражалось и на развитии некоторых социалистических стран, в частности КНДР. Сначала там абсолютизировался опыт СССР со всеми его теневыми и драматическими чертами. По нему наука и сверяла верность республики идеям марксизма-ленинизма. Затем в КНДР был провозглашен курс опоры лишь на свои силы (впрочем, главным образом в качестве политического и идеологического лозунга). Однако на практике и абсолютизация в КНДР советского опыта, и выдвижение там лозунга опоры на собственные силы только отдаляли республику от мирового сообщества, ограничивали возможности приобщения ее к научно-технической революции, к общечеловеческим ценностям.

Я затрагиваю этот вопрос лишь попутно. Главное, хотелось бы подчеркнуть, что выделение общего и особенного в развитии КНДР возможно исключительно на базе исследования всего комплекса своеобразия, присущего восточным странам, их общей специфики. Советская ориенталистика этим занимается, но с определенным смещением акцентов и упором на закономерности. А фундаментальное обществоведение, отказываясь от бытовавшего ранее тезиса будто социализм не может зародиться в недрах предшествующей формации, ныне вообще предпочитает обходить вопрос о странах,

некапиталистическим путем идущих к социализму, полностью или частично в обход предшествующей формации. КНДР ее миновала частично. В Корее существовал капитализм «колониальный», интенсивно развивавшийся, особенно в годы второй мировой войны. Но страна не прошла полного цикла капиталистического развития, не знала демократических институтов. Ныне у республики, наряду с проявлением закономерностей, присущих всем социалистическим государствам, немало общего с другими социалистическими странами Востока, причем не только на стартовом этапе, но и на более позднем. Все это преломляется сквозь призму местного, национального своеобразия, страновых особенностей. Их множество, порожденных конкретно-историческими условиями и прежде всего — расчленением некогда единой Кореи. Сколько же испытаний и трудностей становления новой формации в КНДР породил раскол страны! В разных областях жизни всего общества и каждого отдельного человека, на различных мирных и немирных этапах развития. Вопросы эти ждут своего углубленного и объективного исследования.

Попробую обозначить некоторые аспекты общего и особенного в развитии КНДР. В сфере политики, вероятно, стоило бы в первую очередь исследовать проблемы народовластия, политического устройства общества, вскрыть его северокорейскую специфику.

Незыблемой закономерностью социалистического строительства мы привыкли считать ведущую роль рабочего класса и его марксистско-ленинского авангарда. Ныне, как известно, некоторые обществоведы такую роль партии (остановлюсь лишь на этой части вопроса) отрицают. Что ж, у каждого есть право на свою точку зрения, были бы основания и доказательства. А их-то как раз у «отрицателей» и нет. Мне представляется бесспорным, что созидание социалистического общества невозможно без научного авангарда, без стратега и идеолога в его лице, ведь это не стихийный процесс. Авангардное положение марксистско-ленинской партии, вооруженной научной теорией, — объективная закономерность. Дело в методах ее реализации. Дабы это был не авторитарный, командно-административный, казарменный стиль, опорочивший себя, в частности в нашей партии, не диктат и не культ, приведшие к глубоким деформациям и преступлениям, к искажению социалистической идеи, а подлинная роль идеологического лидера. Ибо авторитет партии не декретируется, а завоевывается практическими делами.

Немного отвлекусь. В иных высказываниях по этому поводу в печати, средствах массовой информации обращает на себя внимание явное смещение понятий. Так, зачастую отождествляются «верхушка» партии (в сталинские, брежневские времена), узурпировавшая власть, и основная масса честных, идейных коммунистов, которые сами стали жертвами деформаций, искусственно смешиваются объект и невольный, не ведающий правды субъект. Сказанное имеет прямое отношение к исследованию общих принципов и особенностей развития и других социалистических стран, в том числе КНДР. В целом представляется, что коллективная научная мысль обществоведов может и призвана обосновать ту, по-моему, бесспорную истину, что социалистическое общество создается не стихийно, что процессу этому необходим политический авангард, партия-лидер, идеолог, направляющая, консолидирующая и ведущая сила. Вместе с тем необходимо исследовать и обобщить методы реализации этой роли партии, в том числе и в условиях многопартийности, в данном случае в КНДР.

В сфере экономики перспективным объектом исследования могли бы стать: формы собственности, кооперация, корни которой уходят в прошлое, опыт планомерного развития народного хозяйства и др.

Большой самостоятельный интерес для корееведения представляют разные аспекты социальной сферы КНДР.

Особо хотелось бы остановиться на тесно связанных с нею культурно-идеологических проблемах. Они разноплановы. В частности, ждет ответа ученых вопрос об использовании в КНДР достижений мировой цивилизации: как осуществляются задачи всестороннего развития личности, реализации ее творческих, духовных потенций. Недостаточно внимания уделяется в советских исследованиях современному общественному сознанию в республике, где весьма своеобразно сочетаются различные его категории. Исследователю, изучающему северокорейское общество, не могут не броситься в глаза такие его характерные особенности, как аскетизм и самоограничение, принимающие порой черты жертвенности, во многом являющиеся их продолжением собран-

ность, дисциплина, ответственность. На поверхности все эти качества как бы спрессованы. И важно разобраться в характере и истоках не только этих, но и многих других, зачастую неоднозначных компонентов общественного сознания, нравственности, духовной жизни северокорейского общества. Что они отражают у его разных социальных слоев: понимание длительности и сложности формационного развития, высокую идейность, веру в правоту избранной цели или обеспечиваются иными методами?

Выделила бы при этом вопрос умонастроения молодежи, в частности ее информированности об истории своей родины до освобождения, о том как обрела она национальную независимость. Если старшие многое помнят, знают хотя бы из собственного жизненного опыта, то молодое поколение, судя по доступным нам материалам (в частности по трудам историков КНДР), не получает достаточно достоверных сведений о происходившем. (Снова возвращаясь к вопросу разногласий в оценках с корейскими коллегами. Как говорится, рассудит сама история.) Но решительно не могу согласиться и с теми советскими корееведами, которые в качестве ответной реакции на нарушение одной истины (или на неприемлемые с их точки зрения акции, методы, применяемые в КНДР), прибегают к нарушению другой истины. Для меня, например, совершенно непонятны попытки принизить, замолчать, а то и вовсе отрицать наличие в годы колониализма отдельных крупных центров освободительной борьбы корейского народа и роль ее руководителей в прошлом.

При нынешнем накале общественных страстей мы, к сожалению, нередко сталкиваемся с аналогичной ситуацией и по вопросам собственной истории. Тут я позволю себе небольшое отступление. Когда видишь, как иные, словно справляя панихиду по социализму, буквально состязаются в том, как бы хлеще, злее высмять, осудить негативы прошлого, предавая забвению его героики, огромные свершения миллионов людей, невольно думаешь: ведь строй, нами избранный (нельзя же всерьез относиться к лежащим далеко за гранью научной полемики утверждениям, что Октябрь был исторической случайностью, ошибкой), — это наше детище. Оно тяжело больно. Мы это знаем и ни от кого не скрываем. Так что же нужно делать: отрезаться от больного детища, отрицать, что оно наше, поносить его за болезни? Мы много и правильно говорим о чувстве патриотизма, забывая о таком понятии, как чувство строя. При этом обязательно следует досконально выяснять истоки и причины болезни, чтобы не допустить рецидивов. Эта мысль выходит за рамки проблемы Кореи, но относится и к ней.

Конечно, особо пристального изучения требует вопрос о роли субъективного фактора. Ведь когда мы сравниваем, что было и что стало в той или иной из социалистических стран, включая КНДР, то видим неоспоримые достижения. Когда же ставим вопрос, что достигнуто и что могло бы быть достигнуто, если бы не нарушились коренные принципы социализма и использовался в полную силу его потенциал, то на передний план неминуемо выступает множество ошибок, просчетов, драматических ситуаций, связанных в первую очередь с субъективным фактором, с его отступлениями от объективных требований. Ведь именно с ним нередко связаны деформации. И объективные противоречия, этот источник развития общества, иногда приобретают характер диалектический, перерастают в антагонизмы.

Думается, что долг обществоведа не только в том, чтобы самому быть объективным, но активно бороться против попыток вместо одной конъюнктуры создавать другую.

Задача задач советских корееведов — исследование корейских национальных традиций, их прогрессивного арсенала, а также роли реакционного традиционализма в общественной жизни страны. До сих пор мы уделяли этим вопросам явно недостаточно внимания. Без учета традиций нам не разобраться в диалектике общего и национально-особенного, не понять корней своеобразия социалистического строительства в КНДР.

Среди его общих принципов, закономерностей видное место принадлежит пролетарскому, социалистическому интернационализму. О нем сейчас тоже редко упоминается в обществоведческих трудах и публицистике. Порой же ему как бы противопоставляются общечеловеческие ценности. Как будто они не заложены в самой идее пролетарского интернационализма. (Вообще с понятийным аппаратом происходит нечто непонятное. Пора бы обществоведам заняться этим вопросом.)

Разумеется, формы проявления этой закономерности (как и других) не неизменны. Она трансформируется, обретает новые черты и свойства, сохраняя в целом свою изначальную суть. Полно и объективно оценить и охарактеризовать ее можно лишь тщательно учитывая весь комплекс международных и внутренних условий, этапы мировой истории, общечеловеческие задачи.

Ныне эта закономерность, как мы знаем, обрела принципиально новые приоритеты. Но это не значит, что потеряны или ослаблены классовая солидарность, дружба социалистических государств. С КНДР нас неизменно связывали и связывают узы такой дружбы и взаимопомощи. Следует признать, что в толковании проблем интернационализма советское корееведение допускало перекосы. При всей неоспоримости огромной роли СССР в судьбах Кореи, наш опыт абсолютизировался.

Параллельно, в науке и практике в еще сравнительно недавние времена проводился тезис о том, что СССР, как самая первая и самая большая социалистическая страна, обязан помогать меньшим и слабым при всех обстоятельствах, в одностороннем порядке. И мы это делали, обескровливая таким донорством себя и нередко нанося вред тем, кому помогали, способствуя, в частности иждивенчеству и потребительству. В итоге искажалось понимание интернационального долга, предусматривающее его взаимообусловленность, взаимосвязанность, разумеется с учетом уровня развития и переживаемого этапа.

Исследуя эволюцию развития КНДР, важно вникнуть в глубь дел сегодняшних, в происходящие в социалистической Корее преобразовательные процессы. Они, несомненно, зреют в разных сферах северокорейского общества, диктуемые временем, новым этапом развития мирового социализма и всего хода истории. При этом одним из первых пунктов научной «повестки дня» выделила бы проблемы развития науки и техники, подготовки высококвалифицированных кадров, расширения контактов КНДР с другими государствами. Вообще представляется необходимым глубже исследовать вопрос, каким видят наши корейские друзья завтрашний день социализма, их концепцию будущего страны, отвечающего требованиям нового тысячелетия.

Все это лишь контуры некоторых тем по корейской современности. Многие из них весьма деликатны. Но демократизация общественных наук, как и всей нашей жизни, позволяет к ним прикоснуться. Ведь девиз «наука интернациональна» распространяется и на обществоведение.

Резюмирую сказанное. Процесс развития КНДР на путях социализма можно правильно и объективно осмыслить лишь задействовав весь арсенал методологических требований, а именно: учитывая общую «азиатскую» (восточную) и национальную специфику; памятуя, что Северная Корея шагнула к социализму из полуфеодалного колониального общества; подходя к характеристике ее развития с учетом сложившихся реалий, прежде всего расчленения страны, а также общемировой ситуации. Главное же заключается в необходимости взглянуть на все это творчески, оценить всю многосложную палитру достижений, просчетов и поисков наших корейских товарищей с позиций объемного, многомерного «формационного» подхода, решительно освобождаясь от догматических, устаревших оценок и штампов. При этом следует помнить, что в марксистско-ленинском учении заложена не только возможность, но и обязательность его развития, обогащения на базе общественного опыта. Здесь особенно важно ленинское предупреждение, что нельзя смотреть на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное. Тот же подход должен быть применен к ленинскому наследию. Хотела бы поэтому присоединиться к тем, кто зовет не «назад» к Ленину, а «вперед» к Ленину.

Другой компонент сравнительного анализа: Южная Корея в системе капитализма. Сначала также нужна предыстория, нужен ответ на вопросы, был ли капитализм выбором народа, что происходило на Юге после освобождения страны от японского господства. Живя в это время в Сеуле, воочию видела, что подавляющее большинство населения — трудящиеся, прогрессивно настроенная интеллигенция — не хотели утверждения строя, где царят эксплуатация и неравенство, где человек труда бесправен. Они стремились к полной национальной независимости, к социальной справедливости, к демократии.

Влияние левых сил на массы накануне освобождения от колониализма было, несмотря на террор военного времени, значительным не только на Севере, но и на Юге. В глубоком подполье действовали революционеры. Следует продолжать иссле-

довать факторы, обусловившие мощное влияние Октября на соседнюю Корею, притягательность и популярность его идеалов. Попутно нужно отметить и тот подтверждаемый материалами факт, что, проникая в Корею, они зачастую обретали обостренные черты утопизма, примитивизировались, преломляясь сквозь призму национальных традиций, религиозных, морально-этических конфуцианских догм, националистических воззрений.

Не свободны были от идейных перекосов, от революционного романтизма и некоторые корейские коммунисты. Их деятельность в колониальные годы — самостоятельный большой предмет исследования. Материалы, в том числе закрытые издания японских полиции, суда и прокуратуры, свидетельствуют о немногочисленном, но активном коммунистическом подполье в стране. В данном случае отмечу лишь, что оно оказывало серьезное воздействие на общественную мысль, на сознание и души людей и на Юге Кореи. Решающая роль Советского государства в освобождении страны укрепляла его авторитет и влияние, тягу, часто инстинктивную, к социализму, к созданию общества наподобие советского.

Так было в самом начале развернувшейся в Южной Корее социальной революции. Не могу согласиться с теми, кто отрицает экспорт на Юг Кореи контрреволюции, это — исторический факт, начало которому было положено вступлением американских войск на Юг страны. Кстати, вместе с другими сотрудниками Советского генерального консульства я видела прибытие в Сеул войск США. Без радости, хмуро встречало их население. На вопрос, чем это вызвано, знакомый преподаватель колледжа ответил: «Во-первых, многие знают о неблагоприятной роли Америки в период установления японского протектората над Кореей и позднее. Но, главное, мы все обескуражены приказами генерала Макартура, которые вчера сбрасывались с самолетов в виде листовок. В них Южная Корея объявляется оккупационной зоной. «Непослушным» корейцам угрожают суровым наказанием, вплоть до смертной казни». Думаю, даже это краткое высказывание отражает существовавшие в тот момент на юге Кореи настроения.

В союзе с еще остававшейся там японской военщиной войска США начали подавление революции. Образовалось своеобразное короткое троевластие, ведь в Южной Корее активно действовали народные комитеты. Оккупационные войска успокаивали корейцев: «Мы де-здесь временно. Подготовим вас к самоуправлению и уйдем». Не ушли. Этот начальный отрезок послевоенной корейской истории, как мне кажется, требует определенного «моделирования» других возможных вариантов развития. (Впрочем, такая задача могла бы стать плодотворной и при изучении многих иных событий прошлого, если бы она решалась с должной компетентностью и осведомленностью. К сожалению, иногда мы сталкиваемся с обратным.)

После выяснения того, как Южная Корея влилась в капиталистическую систему, предстоит исследование динамики ее развития в разных сферах общественной жизни: экономической, политической, культурно-идеологической на разных этапах, весьма неоднородных. Обобщенно говоря, необходимо проанализировать, в каких формах проявлялись и проявляются там закономерности капитализма. Это важно и для фундаментальной науки о смене формаций на докапиталистическом Востоке, и для выяснения причин так называемого южнокорейского «чуда» — характеристики броской, эффективной, но пребывающей вне научных категорий.

Юг Кореи прошел через сложные, весьма драматичные для его населения этапы. Ныне он изменился, далеко вырвавшись вперед в экономическом и научно-техническом отношении. Он богаче КНДР, других социалистических стран Азии. В Южной Корее произошла заметная политическая эволюция, имеет место определенная либерализация режима, на которую «верхи» и их покровители были вынуждены пойти под напором снизу и в связи с общей мировой ситуацией. Но можно ли при этом забывать, в чьих руках находятся там богатства, кто владеет ими, кто управляет страной? Можно ли недоучитывать того, что на Юге сохраняет свои позиции милитаризм? Позволяет ли все это говорить о «чуде»?

Задача советского корееведения, как представляется, состоит в том, чтобы выявить достоверно и непредвзято, условия и причины экономического рывка Корейской Республики. При этом самостоятельного внимания заслуживает анализ характера и форм поэтапной помощи ей со стороны США, других высокоразвитых капиталистических стран, связанной с фактом существования на Корейском полуострове двух разнотипных

государств. Анализ необходим не только объективный, но строго историчный, диалектически учитывающий и единство, и противоречия между Южной Кореей и наиболее развитыми капиталистическими государствами.

И, конечно, важно продолжать выяснение всего комплекса внутренних условий развития Южной Кореи. При этом снова оглянемся назад. Посмотрим, всегда ли по восходящей шло развитие Юга. Как известно, первые пятнадцать лет после 1948 г., несмотря на огромные инъекции извне, Южная Корея находилась в состоянии разрухи. Развивались лишь, да и то медленными темпами, отрасли, созданные в колониальные годы. В упадке пребывало сельское хозяйство. Повсеместно царили нищета и безработица. Положение начало меняться с принятия в начале 60-х годов 20-летней программы развития промышленности, ориентированной главным образом на экспорт. Как мы знаем, не только подъемами, но и откатами характеризовались первые три пятилетки. Зигзагообразно шло развитие и в дальнейшем. Напомню о существенном спаде на Юге в начале 80-х годов. Пишу об этом для того, чтобы подчеркнуть необходимость масштабного, свободного от упрощенности подхода к анализу южнокорейского взлета.

Следует заметить, что развитию Южной Кореи, как и КНДР, советское корееведение уделяет немалое внимание. Созданы крупные научные исследования. Однако и в этой области накапливается новый опыт, появляются новые материалы, совершенствуются подходы к их обобщению. В частности, имею в виду выяснение особенностей, преимуществ, позитивов и уязвимых черт экспортноориентированной модели развития Юга и, в рамках возможного, прогноз ее обозримого будущего. Тут целый клубок многоплановых сложных вопросов, ждущих дальнейшего изучения. В их числе особое место, естественно, принадлежит социальной сфере, борьбе трудящихся за свои права, движению за восстановление национального единства, за свободу и демократию, противостоянию прогрессивных сил милитаризму. Думается, этим вопросам советские авторы призваны уделить значительно больше внимания. На некоторых из них, особенно публицистов, видимо, воздействует гипноз южнокорейского «чуда», в которое они включают и высокии жизненный уровень трудящихся. При поверхностном взгляде это может показаться оправданным. Но заглянем вглубь и снова вернемся немножко назад. Вспомним, что именно крайняя дешевизна рабочей силы, ее жестокая эксплуатация помогли экономическому рывку Юга. Вместе с тем протест рабочих заставил правящие силы улучшить условия труда и быта трудящихся, предоставить им определенные социальные гарантии. Нельзя исключать при этом и воздействие программных целей КНДР, других стран социализма, провозглашающих гарантию социальной защищенности человека труда.

Никак не преувеличивая масштабы выступлений трудящихся и интеллигенции Юга, наиболее динамичной, активной силой которого является студенчество, думаю, что их следует пристальнее изучать в разных срезях. В частности, умерли ли и могли ли умереть в обществе богатые революционные традиции прошлого? Нет, говорят факты. Конечно, усилия определенных кругов Южной Кореи и их американских покровителей в культивировании неприязни к социализму, когда деформации последнего выдаются за его суть, не пропадают даром. Способствует этому и изоляция Юга от СССР, других социалистических стран. Углубляются отчуждение, рознь между южнокорейским населением и КНДР. Социальное начало берет верх над национальной общностью.

В психологической сфере нетрудно обнаружить интенсивную и эффективную деятельность этих кругов Юга и США по насаждению культа бизнеса, обнаженного прагматизма, бездуховности, потребительства. Но нельзя не видеть и другого. В глубинах южнокорейского общества усиливается процесс расслоения сил. Растет активность тех, кто стремится к социальной справедливости, к подлинной демократии и, конечно, к национальному единству.

При исследовании этих вопросов неизбежно выступает в качестве самостоятельной задачи анализ проявления, использования разного рода традиций: трудовых, бытовых, психорелигиозных. Так, в Южной Корее одним из главных условий успеха называют следование конфуцианской морали (в частности в отношении семьи как основной ячейки общества). Эта проблема представляет общенациональный интерес, учитывая сколь сильны и глубоки морально-этические нормы конфуцианства в Корее.

Вообще проводя сравнительный анализ развития Севера и Юга, мы, как правило,

концентрируем внимание на том, что их различает, разобщает. Но ведь многое их и роднит: история, культура, язык, традиции и др. Естественно, в условиях разнотипных систем исторические традиции проявляются неодинаково, обретают новые черты. В целом же они очень живучи, а некоторые просто неистребимы. И это тоже тема для размышления и исследования при сравнительном анализе Севера и Юга Кореи. Роль национального момента трудно переоценить.

Хотелось бы обратить внимание и на вопрос о воздействии некоторых негативов предшествующей освободительной борьбы на демократические силы Юга. Имеется в виду групповщина, которая в прошлом коснулась корейского коммунистического движения. Как известно, она привела к фактическому роспуску Коминтерном в 1928 г. Компартии Кореи. Убедена, это было неправильное решение, и в той или иной форме справедливость должна восторжествовать. Необходимо вернуть истории славные имена в чем-то заблуждавшихся, но честных и мужественных корейских коммунистов. Это особый вопрос, в данном же случае хочу подчеркнуть другое: негативные традиции групповщины сказываются и ныне в демократическом движении Юга. Вместо единства действий, столь необходимого сегодня миролюбивым, патриотическим, демократическим силам, имеют место трения и даже распри.

Резюмируя, еще раз подчеркну: Южная Корея сильно изменилась, особенно за последнее десятилетие. Перемены произошли в самых разных областях общественной жизни. Они должны стать объектом глубокого изучения.

Возвращаясь к общим вопросам сравнительного анализа, вновь хотела бы повторить, что он не может, не должен ограничиваться только опытом прошлого и настоящего, а призван учитывать и конечные цели, и имеющийся для их реализации потенциал. В наши крайне сложные для мирового социализма времена это исключительно важно. На крутых, переломных этапах слабые, как правило, отступают, не очень стойкие теряются. Сильные же множат свою энергию для преодоления трудностей. Обществоведы-исследователи призваны быть в теоретическом авангарде сильных. Снова небольшое отступление. В числе актуальных тем советского кореведения — проблема объединения страны. Разумеется, оно — право и дело самого корейского народа. Но не только его. Это проблема и международная. Ведь Корейский полуостров — один из самых взрывоопасных районов азиатско-тихоокеанского региона, в котором проживает более половины населения планеты и переплетаются интересы таких ведущих стран мира, как США, Япония, СССР и Китай. Южная Корея имеет одну из самых крупных армий в Азии, на ее территории находятся войска и ядерное оружие США. Она представляет собой зону высокого военно-политического напряжения.

За прошедшие годы множество мирных инициатив выдвинула КНДР, которая предлагает на принципах солидарности, мирного объединения, национальной консолидации создать Конфедеративную республику Корё. Но ведь нужна взаимность. А пока нет даже прямого диалога. Правда, в последнее время и Южная Корея высказывает свои предложения на этот счет.

В современных условиях, когда рассматриваемый вопрос лежит в русле самых животрепещущих общечеловеческих интересов, коллективная мысль кореевевдов призвана его конструктивно изучать, искать и обосновывать оптимальные пути превращения полуострова в безъядерную зону, перемирия — в прочный мир, снижения напряженности и опасности военного противостояния Севера и Юга.

Думается, что тому могла бы существенно способствовать большая вовлеченность южнокорейского государства в мировое сообщество, в его борьбу за мир и выживание человечества. А такой вовлеченности в свою очередь способно содействовать дипломатическое признание Корейской Республики Советским Союзом, другими социалистическими государствами. Знаю о негативной реакции ученых КНДР на высказанное мною по этому поводу сугубо личное мнение («Известия», 1 сентября 1989 г.), но остаюсь глубоко убежденной, что такая акция целесообразна по многим разноплановым причинам. Она отвечает принципам дружбы и солидарности с нашим стратегическим союзником КНДР, поддержки ее национальных чаяний и инициатив, лежит в русле интересов демократических, патриотических сил Юга, наконец направлена на разрядку напряженности в АТР. Нельзя, конечно, не учитывать при этом и наши национальные интересы.

Знаю, что многие советские корееведы придерживаются такой же точки зрения.

Правда, иные спрашивают: что же вы раньше этого не предлагали? Отвечаю: во-первых, изменились времена, а принцип историзма учит, что правильное сегодня, не всегда было верно вчера; во-вторых, появилась возможность открыто выражать собственную точку зрения. Когда стала ясна необходимость признания факта существования южнокорейского государства, группа корееведов в своих обращениях в вышестоящие инстанции пыталась это доказать. К сожалению, нас не слушали.

Корееведение не вправе оставаться в стороне от жгучих вопросов современности. При этом представляется целесообразным их совместное исследование учеными СССР, КНДР, Южной Кореи, других стран. Всем вместе легче будет разобраться в сложном клубке разнообразных проблем, составляющих предлагаемую тему.

Среди них конкретно выделила бы следующие: а) напряженность ситуации на полуострове, ее причины и пути разрядки; б) предотвращение немирного развития событий, учет трагических последствий войны 1950—1953 гг. и гибельность (не только для Кореи и АТР) немирных акций в наше время; в) вопросы наличия войск и ядерного оружия США в Южной Корее; г) перспективы включения заинтересованных государств в решение корейской проблемы и проведения международного совещания; д) возможности перекрестного признания с учетом того, что КНДР, выдвигая идею конфедерации, практически признает факт существования южнокорейского государства.

Отдельным предметом исследования советских корееведов и других обществоведов совместно с учеными КНДР могла бы стать следующая тема: принципы взаимодействия и солидарности стран социализма на современном этапе его развития и проблема объединения Кореи. Концепция коллективных усилий социалистических стран — носителей идей пролетарского, социалистического интернационализма, направленных на решение глобальных, общечеловеческих задач. Национальные и интернациональные аспекты корейской проблемы.

И, наконец, научная мысль могла бы уделить внимание вопросу, тесно связанному с упомянутыми выше. Я имею в виду прогнозирование результатов, которые может вызвать признание Южной Кореи социалистическими государствами.

Еще раз следует подчеркнуть, что реализация названных направлений и тем (перечень, конечно, неполный и небесспорный) зависит не только от корееведов. Необходимо, чтобы фундаментальное теоретическое обществоведение органически включило в орбиту своего научного поиска опыт социалистических стран Востока. Чтобы этот поиск велся в тесном контакте с коллегами из зарубежных стран. Чтобы теснее координировали свои усилия корееведы самого широкого профиля — историки, экономисты, культурологи, лингвисты, философы, этнографы.

Наше время открывает для осуществления упомянутых задач самые благоприятные возможности.

Внешняя политика КНР: проблемы исследования в свете нового мышления

А. ЯКОВЛЕВ

Всесторонняя взвешенная переоценка своего прошлого, дальних и ближних этапов пройденного пути — общая тенденция бурно протекающего ныне процесса самопознания и совершенствования социализма. Она получила особенно широкий простор для развития под влиянием радикальных реформ и нового политического мышления. Данная тенденция действует с разной силой и разным размахом в отдельных странах социалистической системы. Но так или иначе ее присутствие ощущается повсюду. Очевидно и то, что внутри отдельных стран переоценка сложившихся экономических, социальных и политических реалий идет разными темпами, имеет разную глубину. Критический самоанализ, пожалуй, медленнее всего распространяется на внешнюю политику, ее историю и прежде всего на ее современное состояние. Но и здесь началось определенное ускорение.

Объективно назревают и отчасти уже происходят определенные сдвиги в этой сфере критического самоанализа и в Китае. Разумеется, самым крупным самокритическим актом является глубокий пересмотр китайским руководством в начале 80-х годов внешнеполитической стратегии КНР. Но в целом ситуация в области изучения китайскими учеными истории международных отношений, пожалуй, наиболее точно отражена в статье Хэ Фана, директора Института Японии АОН КНР, опубликованной в 3-м номере журнала «Шицзе чжиши» за 1988 г. В статье говорится: «В сфере международных исследований мы не до конца возвратились к нормальному положению дел и делаем вид, как будто за 20 лет «левацкое» влияние не особенно коснулось этой сферы. Поэтому вплоть до настоящего времени в исследовании международных проблем еще цепляются за некоторые устаревшие положения и выводы, не хотят выходить за их рамки, что затрудняет разработку новых областей, новых представлений, новых рубежей». И далее: «Со времени 3-го пленума 11-го созыва идеологические работники значительно повысили свою активность в изучении строительства социализма и других внутренних вопросов, однако исследование и обсуждение международных проблем ведется по-прежнему очень пассивно». И еще одно обстоятельство, консервирующее эту пассивность. О нем писал в том же номере журнала «Шицзе чжиши» заместитель директора Института США АОН Китая Цзы Чжунюнь: «Все, что не согласуется с нынешней политикой, нельзя обсуждать».

И все же процесс «раскрепощения сознания» в Китае постепенно захватывает область внешней политики страны, развиваясь по тем же логическим канонам, что и новое мышление в нашей стране. Это закономерно, ибо новое политическое мышление в конечном счете есть результат освобождения метода материалистической диалектики от множества ограничений чисто прагматического порядка. Именно поэтому оно и позволяет с предельной объективностью осмысливать и современность, и

Яковлев Александр Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором ИДВ АН СССР.

важнейшие события новейшей истории. Новое мышление поэтому же несовместимо с практикой создания «запретных зон» для науки. Образовавшиеся вследствие этой практики так называемые «белые пятна», в частности, в истории советско-китайских отношений, конечно же, требуют особого внимания со стороны советских исследователей. Подобные «пробелы» ставят под сомнение некоторые наши прежние оценки и представления, касающиеся отношений СССР с внешним миром, причин того или иного внешнеполитического поведения наших партнеров на международной арене, в особенности Китая. Вместе с тем трудно согласиться с появляющимися в КНР, равно как и в ряде других государств, оценками известных поворотов во внешней политике своей страны, которые рассматриваются почти исключительно как реакция на действия Советского Союза зачастую при полном игнорировании обратной связи.

«Белых пятен», однако, немало и во внешней политике Китая, которая с 1949 г. по сути также была зоной, закрытой для научного анализа и критики со стороны отечественной политологии. Она, как и аналогичная наука других социалистических стран, руководствовалась двуединым «официальным заказом»: оправдывать любые внешнеполитические акции своей страны и опровергать критику со стороны зарубежных ученых и средств массовой информации по поводу этих акций и общего содержания позиции своей страны по проблемам мирового развития и мировой политики.

Поставленная в КНР еще на рубеже 70—80-х годов задача «раскрепощения сознания» стимулирует интерес китайских обществоведов к новому политическому мышлению как идеологической системе, в которой многие из них видят явление глобального значения. В статьях китайских авторов содержится, например, следующая констатация: «В настоящее время новое мышление во внешней политике СССР уже вызвало всеобщее внимание в мире»¹; «...нельзя новое мышление, новую стратегию и новую политику СССР рассматривать лишь как продукт узконациональных интересов»².

Взаимодействие процессов «раскрепощения сознания» в Китае и формирования в нашей стране нового мышления в целостную философию внешней политики и международных отношений позволяет двигаться, в частности, к глубокому, всестороннему анализу места и советского, и китайского факторов в совокупности тех причин, которые на долгое время круто изменили первоначальный характер отношений между СССР и КНР. При этом крайне важно избежать как соблазна «опрокидывать современность в прошлое», так и попыток исходить из той посылки, что иначе, чем было, быть не могло ввиду характера господствовавших в прошлом политических нравов и концепций. Это ведет, в частности, к соблазну во имя возрождающегося добрососедства между СССР и КНР сглаживать или обходить острые углы в истории их отношений, упрощать причины длительных и острых трений между большинством социалистических стран и Китаем. «Опрокидывание настоящего в прошлое» искажает объективную историческую истину еще и потому, что оно нередко переносит нынешнее видение международных проблем, нынешние критерии добра и зла в иные конкретные исторические условия.

Между тем задача научного анализа прошлого состоит в оценке действительного хода событий, политики соответствующих стран, во-первых, с учетом условий времени, во-вторых, с учетом представлений действовавших на международной арене основных социально-политических сил о своих интересах и целях, об интересах и целях противника. Именно в этих рамках может быть оправданным выявление реально существовавшей альтернативы фактическому движению истории международных отношений, в частности внутри мировой социалистической системы. Мы мало извлечем поучительного из прошлого опыта внешней политики социализма, если, анализируя этот опыт, будем считать, что наши предшественники могли предвидеть именно те результаты своих представлений, решений и действий, которые ныне в деталях известны нам. Продуктивным и полезным для современности может быть лишь такой анализ истории внешней политики социализма, который позволяет вычлнить в прошлом опыте стороны, способствовавшие развитию позитивных тенденций в мировой политике, тенденций, получивших выход в современность, и стороны, изначально препятствовавшие закреплению и развитию указанных тенденций. Причем, в последнем случае важно ясно представлять, были ли устранимы именно в прошлом причины, порождавшие негативные аспекты внешней политики социализма.

Взять, к примеру, такой важнейший вопрос мирового развития, как вопрос о соотношении революции и войны в условиях ядерно-космического века. Будучи молодой и растущей силой, международное освободительное (в широком смысле) движение, естественно, отличается наступательностью, которая, к сожалению, в определенных условиях способна приобретать экстремистский и даже авантюристический характер. Ввиду этой естественной наступательности задача расширения сферы победивших революций до самого последнего времени оставалась по сути приоритетной для движения в целом, несмотря на все более очевидную угрозу самой жизни человечества, создаваемую безудержной гонкой в накоплении средств массового уничтожения. И хотя социалистические силы мира с 50-х годов говорили о катастрофических последствиях ядерной войны, тем не менее они были уверены: именно империализм будет похоронен в ядерной мировой войне, а социализм восторжествует. Убедительные научные подтверждения того, что в войне будут похоронены все, появились лишь в начале 80-х годов. К этому же времени обнажилась во всей полноте и экологическая угроза человечеству. Эти реальности побудили, наконец, мировой социализм и большинство других революционных сил современности поставить на первое место в шкале ценностей, формирующих мировую политику и международные отношения, именно общечеловеческие интересы.

До начала 80-х годов, если не формальный, то фактический приоритет развития революции перед задачей предотвращения войны, в большей или меньшей мере предопределял конкретную линию поведения почти всех стран социалистической системы. С другой стороны, «сдерживание и отбрасывание коммунизма» были соответственно высшим приоритетом для Запада. При этом для него понятие «коммунизм» по сути дела всегда включало весь освободительный процесс. Иначе говоря, классовый фактор был на деле еще и на исходе 70-х годов наиважнейшей пружиной мировой политики, а общечеловеческий интерес лишь начинал энергично отвоевывать свое, подбащее ему по условиям времени место в этой политике. К тому же на противоречие между классовым фактором и общечеловеческим интересом все более накладывалось резко обострившееся противоречие между национально-государственным и интернациональным интересами. Причем последнее проявлялось в обеих мировых социальных системах.

Недостаточно ясное представление о последствиях ядерной войны, объективное и сознательно стимулируемое нарастание на международной арене классовых и национальных противоречий привели к тому, что своевременно, то есть в середине 50-х годов, поставленный странами социализма вопрос о приоритете общечеловеческого интереса оказался вскоре в центре полемики, охватившей практически все мировое освободительное движение. При всех ее издержках для социализма и для дела мира эта полемика тем не менее во многом подготовила почву для успеха нового политического мышления в наше время, для формирования новой модели межсистемных отношений, хотя не решила, да и не могла до начала 80-х годов окончательно решить вопрос о высшем приоритете внешней политики социализма в пользу общечеловеческого интереса.

Но само возникновение и острота полемики говорят как раз о реальности существования уже в тот период альтернативы наступательно-конфронтационному подходу в отношениях с противоположной системой. Очевидно, можно утверждать, что по крайней мере с 50-х годов такой подход уже явно становится анахронизмом. Во-первых, к этому времени социализм не только выстоял, но и начал превращаться в мировую систему; во-вторых, угроза глобальной ядерной катастрофы приобрела вполне зримые очертания. Оба эти обстоятельства как раз и получили отражение в документах Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий 1957, 1960, 1969 годов.

Документы первых двух Совещаний, как известно, были выработаны и приняты с участием КПК. Это значит, что при расстановке сил в китайском руководстве, которая имела место до начала 60-х годов, вывод о первостепенном значении проблем всеобщей безопасности среди множества других проблем мирового развития был уже тогда приемлем для КПК.

Думается, что при анализе и оценке внешнеполитического поведения любой социалистической страны одним из основных ориентиров должно быть ее позитивное или негативное, искреннее или в значительной мере декларативно-пропагандистское

отношение к проблемам войны, мира и революции, то есть фактически к складывавшемуся в 50—60-е годы новому подходу к межсистемному взаимодействию.

И то, что этот подход не смог лечь в основу политики мирового социализма в полной мере, вызвано множеством причин. И одной из важнейших, по всем данным, является превращение такой влиятельной партии, как КПК, такой крупной страны социалистической системы, как КНР, в силу консервировавшую левацкие концепции в международном коммунистическом движении, во внешней политике социализма¹. Китайский фактор, помимо всего прочего, весьма заметно подкрепил естественные инерционные силы в социалистическом мире, в том числе и, может быть, в первую очередь, как это ни парадоксально, в СССР, затормозив тем самым утверждение нового представления о соотношении классовых и общечеловеческих интересов в мировом освободительном движении, в мировом развитии в целом.

Негативное влияние китайского фактора не могло не быть весьма существенным еще и потому, что, как уже говорилось, характер угрозы самому существованию человечества и в 70-е все же не воспринимался основными политическими силами мира столь однозначно, как в первой половине 80-х годов. Однако есть основания утверждать, что попытка принципиального прорыва в политическом мышлении, принятая международным коммунистическим движением в 50-е годы, причем с первоначальным позитивным участием КПК, была бы более успешной с самого начала, не возобладав «левацкие руководящие взгляды» в жизни КНР, в ее позиции по проблемам революции, войны и мира.

К середине 80-х годов крупнейшие компартии мира, в том числе КПК, в основном решили для себя вопрос о приоритете общечеловеческого интереса в мировом развитии и соответственно скорректировали свой подход к межсистемным отношениям. Причем именно Китай раньше других стран социалистической системы проявил наиболее широкий взгляд на эти отношения, хотя, конечно, подобная широта взгляда во многом проистекала из тогдашней оценки китайским руководством содержания и целей внешней политики Советского Союза, а также возможностей КНР изолированно продолжать движение по социалистическому пути, совершенствуя процесс строительства социализма с помощью радикальных реформ.

Думается, что в связи с этим перед учеными-политологами стоит огромной важности задача — понять, были ли такой подход, а также основанная на нем внешняя политика Китая оптимальными с точки зрения задачи повышения притягательной силы научного социализма и борьбы за всемерное наращивание потенциала мира? Или, говоря иначе, не был бы более эффективен единый фронт социалистических стран, исходящий в отношениях с противоположной системой из приоритета общечеловеческого интереса? Эти вопросы не являются чисто академическими потому, что проблема наиболее эффективных путей наращивания международного потенциала мира и престижа научного социализма будет и в перспективе стоять перед странами социалистической системы, многообразной, но единой по существу и в этом качестве конкурирующей с другой мировой системой.

По-видимому, процесс всемерного наращивания потенциала мира и повышение роли социализма в этом процессе должен основываться на недвусмысленном признании того факта, что само выживание человечества и его социальный прогресс ныне решающим образом зависят от успехов в деле формирования нового неконфронтационного, конструктивного типа межсистемных отношений и качественного совершенствования социалистических обществ. Соответственно необходимо столь же недвусмысленное признание различных вариаций тезиса о том, что «или война вызовет революцию, или революция предотвратит» мировую войну, как не отвечающих с самого начала условиям нашего времени, не способных содействовать ни мобилизации сил мира, ни укреплению позиций социализма.

В настоящее время фактически складываются две концепции рационального решения проблемы наращивания международного потенциала мира и влияния социализма. Одна предполагает глубокую политическую дезинтеграцию социалистической системы в расчете воздействовать «силой примера» на Запад с тем, чтобы в конечном итоге не совокупность, а сумма социалистических стран имела дело с суммой же капиталистических стран. В результате экономические и другие интеграционные процессы утратят преимущественно внутрисистемную направленность и тем самым откроют более широкий простор для формирования единого мирового хозяйства как материальной

основы для становления и упрочения всеобъемлющей системы международной безопасности. Другая концепция исходит из того, что принципиальное политическое единство стран социализма (и вообще всех международных социалистических сил) не тормозит и не сужает их действия по всем направлениям движения к безъядерному, ненасильственному миру. Напротив, в условиях, когда буржуазный интернационализм все еще пронизывает политику развитых капиталистических стран, совокупные, основанные на принципах новой философии международных отношений усилия социалистических стран являются адекватной реакцией на нынешнее состояние межсистемных отношений.

Реальное движение к разумно безопасному миру только началось. И, думается, забегание вперед, опережение реального хода событий в концептуальных подходах к сегодняшним процессам в мире не было оправданным.

Продвижение к новому состоянию мира не отменяет «старые» вопросы, хотя и требует изменений в их постановке. Одним из них является вопрос о роли отдельных стран мирового социализма в его взаимоотношениях с капитализмом. Концепция независимости и самостоятельности приобрела ныне столь воинствующий характер, что сделала почти неприличными суждения о какой бы то ни было зависимости одних стран социализма от других. Между тем, она объективно существует в виде общих интересов представляемой ими социальной системы и отражается прежде всего в той роли, которую разные страны фактически играют в отстаивании указанных интересов. Величина этой роли определяется главным образом внешнеполитическим потенциалом стран, а при одинаковом потенциале — соотношением национального и интернационального в их внешней политике.

Естественно, что упомянутый выше «старый» вопрос относится прежде всего к пониманию места Советского Союза в социалистической системе и ее отношениях с противоположной системой в современных условиях. Время показало, что социальная безопасность ряда стран социализма оставалась достаточно обеспеченной даже в условиях их острого конфликта с СССР. Из этого делался вывод: последний как бы перестал быть важным гарантом от реставрации капитализма в этих странах в случае агрессии извне. Они нашли способы сохранить социалистическую ориентацию своего развития, находясь за пределами социалистического содружества. Это действительно так, и данный факт, разумеется, требует серьезного анализа и взвешенной оценки, обязательного учета в прогностических разработках.

В предварительном порядке, однако, следует отметить, что способ, которым была снята угроза империалистической агрессии против этих стран, лишний раз подчеркнул безусловное на обозримую перспективу сохранение Советским Союзом ключевого места в межсистемных отношениях. Вместе с тем этот способ показал, насколько специфическое маргинальное, окраинное положение отдельных стран социалистической системы (разумеется, не в географическом смысле, а в смысле их реального влияния на состояние межсистемных отношений) может при определенных умонастроениях их руководства ограничить значение общесистемных интересов в проводимой ими внешней политике.

Представляется, что освобожденное от разного рода амбиций правильное понимание не только мотивов внешнеполитического поведения каждой социалистической страны в данный момент, но и ее объективной долгосрочной роли в судьбах социализма и мира было и остается единственно надежной основой здорового развития социалистического типа международных отношений. Это взаимное понимание служит гарантией высокой эффективности усилий стран социализма, нацеленных на формирование по преимуществу конструктивных межсистемных отношений. Если трезво смотреть на реалии современного мира, то нельзя не признать, что как состояние советско-американских отношений решающим образом влияет на обстановку в мире, так и состояние советско-китайских отношений определяет положение в рамках мировой социалистической системы.

Еще одним из «старых» вопросов, в котором ныне требуется особая ясность, является вопрос о роли социалистического интернационализма в формировании и совершенствовании социалистического типа международных отношений, а, косвенно, — в становлении новой модели межсистемных отношений. Ясность в данном вопросе необходима прежде всего потому, что он смотрится на фоне приоритетности общечеловеческого интереса иначе, чем на фоне давнего приоритета классовых интересов.

Кроме того, принцип независимости и самостоятельности внешней политики социалистических стран, получивший особенно яркое и последовательное отражение в позиции Китая и фактически принятый на вооружение всеми странами социализма, как бы отодвинул на второй план (и даже дальше) вопрос о самой необходимости социалистического интернационализма как фактора международных отношений и мировой политики. Китай, сделав вид, что не замечает различий в подходе социалистических стран и Запада к нему самому и к общечеловеческим интересам, по сути уравнивал все государства мира перед лицом собственных интересов и прежде всего перед лицом проблемы выживания человечества, проблемы развития.

Между тем, и в том, и в другом случае эти различия имеют фундаментальный характер, который в длительной перспективе не могут затмить даже поразительные парадоксы в отношениях Китая с двумя социальными мирами, возникшие в 60—70-х годах. Отнюдь не случайно, что Китай при отсутствии в начале 80-х годов каких-либо чрезвычайных ситуаций в отношениях с Западом начал поворот в сторону поиска лучших отношений с социалистическими странами. И едва ли в этой связи следует переоценивать роль «примирительной» позиции последних. Потребность в таком повороте сложилась и вызрела почти исключительно в процессе бурного развития дружественных, практически союзнических отношений с Западом и начала проявляться во внешней политике КНР почти в кульминационный момент данного процесса.

Можно, конечно, в связи с этим поворотом по-прежнему рассуждать о чисто прагматическом смысле тогдашних мотивов Китая, не имевших никакого отношения к проблеме взаимодействия социалистических обществ именно как таковых. Но таким путем мы не приблизимся к истине. Характер эволюции внешней политики Китая, а, главное, конкретное наполнение ее за последние 5—6 лет, дают основание считать, что жизнь уже на рубеже 70—80-х годов побудила китайское руководство критически посмотреть на возможность изолированного движения Китая по социалистическому пути. Открыто подчеркнутая на XIII съезде КПК забота о повышении притягательной силы научного социализма, а также известные суждения китайских руководителей об отдельных внешнеполитических акциях некоторых социалистических стран как дискредитирующих социализм, тем более говорят о том, что в какой-то форме идея социалистического интернационализма фактически присутствует в концепции внешней политики Китая с начала 80-х годов.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что КПК, как это записано в ее уставе, твердо отстаивает пролетарский интернационализм. Его существенная связь с социалистическим интернационализмом остается и не может в конечном счете не сказаться на подходе КНР к странам социалистической системы.

Место социалистического интернационализма в представлениях нынешнего китайского руководства о независимой и самостоятельной внешней политике раскрылось в том сильном акценте, который в последние годы оно делает на необходимости самого широкого обмена опытом при проведении радикальных экономических и политических реформ и на своей заинтересованности в успехе перестройки, развертывающейся под руководством правящих коммунистических и рабочих партий социалистического мира. Это, так сказать, кровная заинтересованность, качественно отличающаяся от той, которую выражает определенная часть правящих кругов Запада. Что касается Китая, то она вытекает из надежды обеспечить максимально здоровое и энергичное развитие на китайской земле именно социализма, для Запада же — это надежда на более эффективное решение ряда собственных экономических, военно-стратегических задач, проблем выживания и не в последнюю очередь на ослабление сопротивляемости «социалистического организма» воздействию со стороны «свободного мира» по всем направлениям, особенно экономической и идеологической сферах.

Главное, однако, все же состоит в том, что на фоне и в рамках концепции независимости и самостоятельности все более прослеживается реальная роль социалистического интернационализма во внешней политике Китая. Правда, эта роль проявляется по преимуществу в косвенных формах. Она отнюдь не стала официально признанной, принципиально значимой. И нет пока признаков того, что она станет таковой в обозримой перспективе. Впрочем, для надежности такого утверждения нужно глубже разобраться в ряде вопросов, а именно: что есть социалистический интернационализм в современных условиях, какие изменения в этот социально-политический феномен внесло время, насколько конструктивное взаимодействие социалистических стран с

противоположной системой способно заменять внутрисистемную солидарность в решении собственных проблем социализма?

При первом подходе к этим вопросам можно уверенно сказать, что, например, для ускорения роста производительных сил социализма, особенно в такой огромной, сравнительно слабо развитой стране, как Китай, значение сотрудничества с противоположной системой ныне чрезвычайно велико. Но если учесть характер наиболее приемлемых для Запада форм сотрудничества и его стремление с помощью этих форм способствовать размыванию коллективистских основ общественного строя в Китае, то логично предположить возрастание роли социалистического интернационализма как раз в гарантировании социалистической ориентации данной страны. Разумеется, речь идет исключительно о гарантиях, обеспечиваемых как совместными поисками наиболее эффективных путей именно социалистического развития, так и самым тесным взаимодействием по всем линиям, подкрепляющим успешное продвижение по этим путям. Взаимодействие такого рода не может не захватывать так или иначе сферу безопасности, понимаемую в широком смысле, включая ее экономические и политические аспекты. Что касается военной безопасности, то социалистическая солидарность призвана обеспечить ее как нечто абсолютное по крайней мере в отношениях между странами социалистической системы. Это — изначальное элементарное требование, вытекающее из сущности социализма. И невыполнение его невозможно оправдать никакими ссылками на специфику этапов развития социалистических обществ или на различия конкретных национально-государственных интересов стран, образующих социалистическую систему.

Многообразие путей строительства социализма и моделей социалистических обществ не отменяет объективную потребность в солидарности последних. Оно лишь диктует необходимость самого тщательного учета особенностей обстановки, в которых применяются, а также видоизменяются принципы социалистического интернационализма. Указанная необходимость, как представляется, получает свое новое конкретное отражение в политике, формирующейся и на базе нового мышления, и на базе «раскрепощения сознания». И здесь важно видеть и раскрывать как различия, так и в особенности принципиальную общность тенденций в процессе применения и приспособления коренных принципов социалистического интернационализма к условиям времени и места. Представляется, что вполне адекватным изменившейся обстановке в мире является толкование коренного смысла социалистического интернационализма, которое содержится в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается». В нем говорится: «Накопленный опыт позволяет лучше строить взаимоотношения между социалистическими странами на общепризнанных принципах. Это — безусловное и полное равенство. Это — ответственность правящей партии за дела в своем государстве, патриотическое служение своему народу. Это — забота об общем деле социализма. Это — уважение друг к другу, серьезное отношение к достигнутому и испробованному друзьями, добровольное многообразное сотрудничество. Это строгое соблюдение всеми принципов мирного сосуществования. На это и опирается практика социалистического интернационализма»¹.

Среди «старых» вопросов особую актуальность приобретает также вопрос о единстве социалистического мира. Никто ныне не будет отрицать, что тенденция развития многополярности современного мира имеет место и охватывает обе системы. И здесь важно не абсолютизировать роль этой тенденции, поскольку она все же набирает силу не только на фоне усиливающегося многопланового взаимодействия, но и соревнования двух социальных систем, каждая из которых объективно стремится не просто к сохранению, но и к расширению или по крайней мере к усилению своих позиций и влияния на мировое развитие. И в известном смысле можно даже утверждать, что многополярность выступает ныне как более сложная форма развития и функционирования социальной биполярности мира, а отнюдь не как способ ее преодоления.

Специфика нашего времени, порожденная угрозой самоуничтожения человечества, никак не отменяет эту биполярность, хотя и создает обширную зону сближения интересов классово противоположных социальных сил. Помимо всего прочего, различие последних ныне особенно четко фокусируется в их далеко неодинаковой способности выражать общечеловеческий интерес. Такая способность, как установлено теорией и подтверждено политической практикой, в большей мере присуща силам

социализма с их коллективистской идеологией, чем буржуазии с ее индивидуалистской идеологией.

Развивающийся с конца 70-х — начала 80-х годов процесс нового сближения и позитивного взаимодействия Китая с другими социалистическими странами по своему глубинному смыслу есть прежде всего следствие тех императивов, которые заложены в их социальной и идеологической общности. Реализуются эти императивы не так, как вчера, но изначальная суть дела от этого не меняется.

Значение нового мышления для общественных наук, изучающих современные международные проблемы и процесс, огромно не только потому, что оно подчеркнуло всю многосложность анализа социально-политического содержания этих проблем и процессов в наше время, необходимость более широкого взгляда на это содержание с учетом как объективных противоречий между социалистическими странами, так и растущей взаимосвязанности мира. Это значение велико и еще в одном отношении.

Известно, что, располагая примерно одинаковой совокупностью фактов, национальные научные школы, в частности школы исследователей-международников даже одного и того же идейно-политического направления могут по-разному интерпретировать ход исторического развития, по-разному определять место и роль тех или иных стран и событий в этом развитии. Дело в том, что в основе политики государств на международной арене лежат разные, нередко расходящиеся и сталкивающиеся, интересы. И обществоведческие науки, особенно политология, в процессе поиска объективной истины, испытывают колоссальное давление указанных интересов. Новое политическое мышление потому и становится мощным катализатором этого процесса, что оно отдало должное формирующемуся общечеловеческому интересу, признало его наивысшим приоритетом мировой политики. Имея такой общий ориентир, наука о международных отношениях, в том числе ее китаеведческая отрасль, теперь в состоянии более успешно преодолевать узконациональную и узкоклассовую трактовку процессов и событий в мире, которая так или иначе искажает объективную картину мирового развития и в отдельных ее частях, и в целом.

Отраженное новым мышлением представление о неизбежном многообразии прямых и косвенных проявлений социалистического интереса, о безусловном приоритете общечеловеческого интереса, о новой их взаимосвязи ярко высветило критерии, которые позволяют взвешенно оценивать, соотносить, оптимально взаимоувязывать внешнеполитические позиции и действия стран социализма как на внутрисистемном, так и межсистемном уровне.

Представляется, что наиболее общими критериями такого рода являются эффективность внешней политики в деле наращивания международного потенциала мира, снижения напряженности в международных отношениях, укрепления глобальной и региональной безопасности, формирования новой модели межсистемных отношений, отвечающей условиям ядерно-космического века и тенденции развития взаимозависимого, взаимосвязанного мира. Чрезвычайно важна и роль внешней политики как инструмента, содействующего ускорению экономического и научно-технического развития стран социализма. Логически со всем этим прямо связана и эффективность внешней политики в плане повышения притягательной силы научного социализма.

Формирующаяся новая марксистская концепция (философия) внешней политики социализма и международных отношений переосмыслила комплекс отправных точек для анализа и оценки внешнеполитического поведения стран социализма, внеся в этот комплекс новые элементы или подчеркнув изначальную значимость старых.

Наиважнейшие среди этих точек следующие:

— признание многообразия не только путей социалистической революции, но и моделей социалистических обществ;

— взгляд на этапы строительства социалистических обществ как один из важных объективных факторов, существенно влияющих на внешнеполитические интересы стран социализма;

— понимание объективно обусловленного единства социалистической системы как следствия сложного процесса согласования и совмещения национально-государственных интересов в каждый данный период;

— отношение к различиям и расхождениям в позиции социалистических стран по конкретным вопросам международных отношений как к неизбежному явлению,

порождаемому и объективными, и субъективными причинами, к явлению, которое соотносится с принципиально общими элементами в их позициях как второстепенное с главным.

В свете этих исходных точек и перечисленных выше критериев нынешняя внешняя политика КНР, продолжающая эволюционировать в концептуальном плане и наполняться конструктивным конкретным содержанием, достаточно органически вписывается в общую многоцветную картину курса социалистических стран на мировой арене.

Думается, что ориентиры и критерии, намеченные новым политическим мышлением, дают китаеведам-международникам надежнейший инструмент для подлинно научного анализа всех аспектов активности Китая на международной арене, для выявления подоплеки специфических моментов в его нынешнем внешнеполитическом поведении, а главное, для высококачественного прогнозирования дальнейшей эволюции позиции этой страны по проблемам мирового развития и мировой политики, и в первую очередь по проблемам китайско-советских отношений.

Успешное завершение процесса нормализации этих отношений в результате советско-китайской встречи на высшем уровне в мае 1989 г. не только создало новые условия и заложило новые основы для добрососедства советского и китайского государств, но и существенно изменило обстановку для проведения каждым из них внешнеполитического курса в духе девиза «Мир и развитие». Максимально полно выявляя позитивный потенциал изменившейся обстановки, китаеведам-международникам важно также видеть возможные негативные ее аспекты с тем, чтобы их можно было своевременно нейтрализовать соответствующими акциями двух стран.

В прошлом, сегодня и особенно в перспективе роль китайского опыта как крупного компонента общественной практики, на почве которой развиваются и совершенствуются социологические теории, чрезвычайно велика. Поэтому китаеведам, в том числе международникам, пора, всемерно повышая качество своих конкретных исследований по современному Китаю, более активно включаться в развитие теоретико-концептуального видения социализма в контексте капитальных характеристик современного мира. Это — императив времени, неременное условие совершенствования китаеведения как науки.

Потребность в глубоком осмыслении сложных явлений современного мира, в том числе такого непростого феномена, как внешняя политика КНР, ныне очевидна и чрезвычайно настоятельна. Успешной реализации этой потребности сегодня благоприятствует прежде всего та идеологическая атмосфера, которая сложилась в результате перестройки. В докладе М. С. Горбачева на февральском (1988) Пленуме ЦК КПСС с особой силой было подчеркнуто право ученых на ничем не ограниченный подлинно научный поиск. «Творческий марксизм-ленинизм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся действительности. Анализ критический, ни отчего не отворачивающийся, ничего не скрывающий, не боящийся никакой правды. Только такой анализ работает на социализм. Нет и не может быть никаких ограничений для подлинно научного поиска. Вопросы теории не могут и не должны решаться никакими декретами. Нужно свободное соревнование умов. От этого только выиграет наша общественная мысль, умножится ее прогностическая сила, а значит — способность служить надежной основой для выработки политики партии»⁵.

По сути здесь содержится призыв к советским ученым, в том числе и к китаеведам-международникам, смелее думать, смелее писать, но и всемерно повышать свою ответственность перед лицом объективной исторической истины.

¹ Чэнь Илин. Исследование некоторых вопросов советского нового мышления. — Шинце ицинци юй чжэнчжи. — 1988. — № 4.

² Цзо Синьминь. «Новое мышление» Советского Союза по вопросам международной политики. — Там же.

³ В 1948—1949 гг. по сути аналогичную роль сыграло большинство социалистических стран по отношению к Югославии, которая «значе» подошла к проблемам строительства социализма, развития внутрисистемных и межсистемных отношений.

⁴ М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. — С. 58.

⁵ Правда. — 1988. — 19 февраля.

Н. ХРУЩЕВ

Предлагаемые Вашему вниманию страницы воспоминаний Н. С. Хрущева — часть его объемной книги, вышедшей на Западе в начале 70-х годов. За рубежом мемуары Н. С. Хрущева выдержали несколько изданий на различных языках, в том числе и на китайском.

Конечно, повествование Хрущева носит весьма личный характер, но воспоминание личности, десять лет стоявшей у руля нашей партии и государства, дает возможность по-новому и более глубоко оценить всю остроту и трагичность конфликта между двумя крупнейшими социалистическими странами. Именно в период конца 50-х — первой половины 60-х годов отношения между СССР и КНР эволюционировали от «великой дружбы» до открытого отчуждения и конфронтации. Сегодня, когда в отношениях наших двух стран дан новый старт, важно разобраться в истоках и причинах того, что произошло, извлечь необходимые уроки на будущее.

Читая мемуары Н. С. Хрущева, следует иметь в виду, что они писались в конце 60-х годов — период наибольшего обострения советско-китайского конфликта. Это обстоятельство, несомненно, накладывает отпечаток на стиль и подачу материала, внося в него известную тенденциозность. Но в любом случае каждое новое свидетельство очевидца делает историю более полной, очищая ее во многом от белых пятен и домыслов.

Политика — это игра, и Мао Цзэдун всегда играл в нее с азиатским коварством, следуя своим правилам лести, предательства, беспощадной мстительности и лжи. Он обманывал нас многие годы, прежде чем мы поняли его трюки. Талейран как-то сказал, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. О политиках можно сказать то же самое, и Мао Цзэдун всегда мастерски утаивал свои подлинные мысли и намерения. Я помню, например, что после XX съезда КПСС Мао заявил: «Товарищ Хрущев открыл нам глаза и пролил свет, чтобы мы прозрели. Он сказал нам наконец правду. Мы будем перестраиваться». Но я всегда был с ним настороже. Когда он подольщался к нам, я неизменно чувствовал это.

Через несколько лет после моей отставки распространились слухи, будто именно я положил начало ссоре между СССР и Китаем. Я даже не считая нужным опровергать эту клевету. История уже показала беспочвенность этих пустых утверждений.

С тех пор как я впервые встретился с Мао Цзэдуном, я всегда знал и говорил моим товарищам, что Мао никогда не примирится с тем, чтобы какая-либо другая партия занимала в коммунистическом движении в каком-то отношении более высокое место, чем его партия. Он никогда не потерпит этого. Если бы Сталин прожил немного дольше, то наш конфликт с Китаем обнаружился бы еще раньше и, вероятнее всего, вылился бы в полный разрыв отношений.

Сталин всегда относился к Мао Цзэдуноу весьма критически. Он придумал для Мао прозвище, которое точно характеризовало его с чисто марксистской точки зрения. Сталин имел обыкновение говорить, что Мао — это «маргариновый марксист».

Когда победоносная революционная армия Мао подошла к Шанхаю, Мао остановил ее продвижение и не стал брать город. Сталин спросил его:

— Почему вы не взяли Шанхай?

— Там шесть миллионов жителей, — ответил Мао. — Если бы мы взяли этот город, нам пришлось бы кормить всех этих людей. А откуда нам взять столько продовольствия?

Позволительно спросить: разве пристало марксисту так говорить?

Мао Цзэдун всегда опирался на крестьян, а не на рабочий класс. Вот почему он не хотел брать Шанхай. Он не хотел взять на себя заботу о благополучии рабочих.

Сталин правильно критиковал его за этот отход от подлинного марксизма. И все же остается фактом, что Мао, опираясь на крестьян и игнорируя рабочий класс, одержал победу. Конечно, его победа не была чудом, но, несомненно, являлась новым искажением марксистской философии, ибо она была достигнута без пролетариата. Короче говоря, Мао Цзэдун — это мелкий буржуа, чьи интересы чужды — как теперь, так и в прошлом — интересам рабочего класса.

После прихода Мао к власти его отношения со Сталиным вскоре обострились как в торговом и экономическом сотрудничестве, так и в идеологических вопросах. Был, например, такой случай. Сталин заключил с Китаем соглашение о совместной разработке полезных ископаемых в Синьцзяне. Это было ошибкой со стороны Сталина. Я бы даже сказал, что это соглашение было оскорбительным для китайского народа. На протяжении веков французы, англичане и американцы эксплуатировали Китай, а теперь на тот же путь вставал и Советский Союз. Этот эксплуататорский акт был скверной штукой, но не единственной в своем роде: Сталин создал аналогичные «смешанные» компании в Польше, Германии, Болгарии, Чехословакии и Румынии. Впоследствии мы ликвидировали все эти компании.

Был и другой подобный инцидент. Однажды Сталин опросил каждого из нас по телефону, не знает ли кто-нибудь, где в Китае расположены золотые и алмазные копи. Конечно, никто из нас не знал этого, да и откуда нам было знать. Мы, бывало, шепотом шутили по этому поводу между собой. Берия говорил: «Знаете, кому это известно? Козловскому. Ведь он всегда поет: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...» Берия любил подзадоривать Сталина, рассказывая о несметных богатствах Китая, которые Мао Цзэдун скрывает от нас. Он говорил, что если предоставить Мао кредит, то можно получить кое-что взамен.

Как-то раз мы сидели у Сталина, выскивая способ удовлетворить потребности нашей резиновой промышленности в сырье так, чтобы обойтись без закупок каучука у капиталистов. Я предложил договориться с Мао, чтобы он разрешил нам создать в Китае каучуковую плантацию в обмен на кредиты и техническую помощь. Мы послали Мао Цзэдуну телеграмму с изложением этого плана. Китайцы ответили, что если мы предоставим им кредиты, то они разрешат нам разбить плантацию на острове Хайнань. Мы разработали проект соглашения, но тут оказалось, что предоставленный нам на Хайнане участок слишком мал, чтобы создать там достаточно крупную каучуковую плантацию, и от нашей идеи пришлось отказаться.

Потом Сталину вдруг почему-то понравились консервированные ананасы. Он немедленно продиктовал записку Маленкову, который всегда был у него мальчиком на побегушках: «Сообщите китайцам, что я хотел бы, чтобы они предоставили нам район, где бы мы могли построить завод для производства консервированных ананасов».

Я вмешался и сказал: «Товарищ Сталин, китайские коммунисты совсем недавно пришли к власти. В Китае и без того много иностранных предприятий, а теперь и Советский Союз, дружественная социалистическая страна, тоже собирается создать там свой завод! Это, несомненно, оскорбит Мао Цзэдуну».

Сталин сердито оборвал меня, и я должен был замолчать. Телеграмма была послана. День или два спустя мы получили от китайцев ответ. Мао Цзэдун писал: «Мы принимаем ваше предложение. Если вы заинтересованы в производстве консервированных ананасов, то предоставьте нам кредит, и мы сами построим консервный завод. Мы погасим заем продукцией этого предприятия». Я смолчал, когда Сталин выругался и задымил трубкой. Как я и предвидел, Сталин обидел Мао Цзэдуну.

В мое время ни я, ни наше правительство ни разу не обращались к Мао с подобными планами эксплуатации природных ресурсов Китая. Мы всячески старались никогда не оскорблять Китай. Так было вплоть до того времени, когда сами китайцы стали прямо-таки издеваться над нами. Но когда они начали так поступать — что ж, я ведь не Иисус Христос, и я не стал подставлять другую щеку.

Когда до меня начали доходить злобные слухи, будто я несу ответственность за раздор между Советским Союзом и Китаем, я был особенно удивлен, огорчен и раздосадован тем, что среди распространителей этих сказок, согласно которым именно из-за меня Мао стал таким, каков он сегодня, был Юдин. Конечно, будь Юдин здесь и скажи он мне все это лично, я бы смог документально доказать ему, что не кто иной, как он сам, первый дал толчок нашему конфликту с Мао Цзэдуну. Он был нашим послом в Китае, когда началась эта ссора. И раз уж Юдин втянул меня в столь неприглядную перепалку, я могу

с достаточным основанием заявить, что мы с таким же успехом рассорились бы с любой другой страной, в которую был бы назначен послом Юдин. Его послали в Югославию, и мы поссорились с Тито. Юдин поехал в Китай, и мы поссорились с Мао. Это не случайное совпадение.

Одно время я питал уважение к Юдину. Какова была главная причина его посылки в Китай? Произошло это примерно так. Мао Цзэдун прислал Сталину письмо с просьбой порекомендовать ему какого-нибудь советского философа-марксиста, который бы мог приехать в Китай для редактирования сочинений Мао. Мао хотел, чтобы сведущий человек помог ему должным образом подготовить его работы к изданию, исключив из них всякого рода погрешности против марксистской философии. Выбор пал на Юдина, и он был послан в Пекин.

В течение некоторого времени Юдин работал в тесном контакте с Мао. Мао посещал Юдина чаще, чем Юдин Мао. Сталин был даже несколько обеспокоен, не проявляет ли Юдин неуважение к Мао, допуская, чтобы тот приезжал к нему, вместо того чтобы самому посещать Мао Цзэдуна. Все шло прекрасно.

И вдруг будто гром грянул с ясного неба: мы получили от Юдина пространное зашифрованное сообщение с перечислением различных невероятных вещей, которые наговорил ему Мао Цзэдун о Советском Союзе, нашей партии и о нем, Юдине, самом. Теперь уже не приходилось более беспокоиться о том, что Мао слишком обхаживает Юдина. Стало ясно, что Мао несколько его не уважает. Мы решили, что лучше всего будет отозвать Юдина из Китая. Как посол Юдин зарекомендовал себя слабым администратором и плохим дипломатом, но он был полезен на этом месте, пока его личные отношения с Мао были дружескими. Нам было все равно, как он исполняет свои собственно посольские функции, ибо мы всегда могли поручить эти дела работникам нашего посольства в Пекине. Но после того, как Юдин рассорился с Мао на почве философских проблем, он упал в наших глазах и как посол, и как посредник в отношениях с Мао. Поэтому мы отозвали его из Китая.

И вот теперь этот философ пытается свалить вину на других.

Что же касается моих личных отношений с Мао Цзэдуном, то я, напротив, всегда старался быть с ним искренним и дружелюбным. В отличие от Сталина я никогда не пытался обмануть Мао. На деле случилось как раз обратное: китайцы намеревались обмануть нас. Например, во время моего пребывания в Пекине в 1954 году, когда наша страна еще не избавилась от голода и нищеты, порожденных войной, Чжоу Эньлай спросил меня:

— Не можете ли вы в виде дара построить для нас университет?

— Вы знаете, что мы сами бедны, — сказал я ему в ответ. — Возможно, мы побогаче вас, но после войны прошло не так много времени, и мы еще не успели по-настоящему встать на ноги.

Хотя у нас было немало своих трудностей, мы безвозмездно передали китайцам Порт-Артур и Дальний и предоставили Китаю огромные кредиты.

Мы также построили железную дорогу, соединившую Улан-Батор с Пекином. В связи с этим в 1957 году Мао заявил мне:

— Дорога из Улан-Батора не столь уж нам нужна. Что нам действительно необходимо, так это дорога из Пекина через горы в Казахстан.

Я ответил:

— Вы, конечно, лучше нас знаете свою территорию. Мы полагали, что дорога через Улан-Батор открывает более короткий путь к вам, но мы готовы также провести дорогу в Китай и через Казахстан. Почему бы вам не взять на себя ее строительство на своей территории, а мы бы построили свою часть и соединились с вами на границе.

Несколько позже Чжоу Эньлай вновь поднял вопрос об этой дороге:

— Может быть, вы смогли бы построить и ту часть дороги, которая пройдет по нашей территории? — спросил он.

Мы взглянули на карту и убедились, что нам пришлось бы пробиваться через горы и сооружать мосты над реками.

— Нет, — ответили мы, — пусть каждый самостоятельно строит свой участок дороги, согласно первоначальной договоренности.

Мы приступили к работам на своем участке. Они были в разгаре, когда китайцы снова обратились к нам с просьбой взять на себя строительство дороги и на их территории.

Когда же мы наконец довели дорогу до границы, китайских строителей там так и не увидели.

Помню, что, вернувшись в 1954 году из Китая, я заявил своим товарищам: «Конфликт с Китаем неизбежен». Я пришел к этому выводу на основании различных высказываний Мао. Во время моего визита в Пекин меня окружала типично восточная атмосфера. Каждый проявлял неимоверную учтивость и вкрадчивость, но я насквозь видел их притворство. Встретившись после моего приезда, мы с Мао тепло обнялись и расцеловали друг друга в обе щеки. В Пекине мы обычно подолгу лежали возле плавательного бассейна, беседуя, как лучшие друзья, обо всем на свете. Но все это казалось мне слишком приторным. Эта обстановка вызывала у меня тошнотворное чувство. К тому же некоторые высказывания Мао заставили меня насторожиться. Я никогда не был абсолютно уверен в том, что понимаю его подлинные мысли. Тогда я подумал, что это, должно быть, объясняется какими-то особыми чертами характера китайцев и китайским образом мышления. Одни заявления Мао поражали меня своим упрощенчеством, а другие — чрезмерной сложностью.

Припоминаю, например, что как-то Мао спросил меня:

— Товарищ Хрущев, что вы думаете о нашем лозунге «Пусть расцветают сто цветов»?

Я ответил:

— Товарищ Мао Цзэдун, мы попросту не понимаем, что означает этот ваш лозунг. Ведь есть всякого рода цветы — цветы прекрасные, цветы с одурманивающим запахом и даже смертельно ядовитые цветы.

Мао согласился, что для русских это, может быть, и неподходящий лозунг. Мы сочли нужным ничего не публиковать в своей печати об этом лозунге. Мао не дурак, и он отлично понял, что наше молчание означает несогласие с ним. На деле же я прекрасно знал, каков смысл лозунга «Пусть расцветают сто цветов». Он означал допущение разнородных течений в искусстве и культуре. Но теперь ясно, что этот лозунг был выдвинут с провокационной целью. Его провозгласили для того, чтобы побудить людей высказаться более откровенно, а потом вырвать и втоптать в грязь все цветы с дурным запахом или окраской.

Было у Мао еще один знаменитый лозунг: «Империализм — это бумажный тигр». Мне казалось просто невероятным, чтобы Мао мог считать американский империализм всего-навсего бумажным тигром, тогда как в действительности это опасный хищник. Этот лозунг был провозглашен еще в то время, когда у нас были хорошие отношения с Китаем, и нас несколько обескуражило, что такие вещи исходят от нашего друга Мао Цзэдуна, вождя китайского народа. Теперь же китайцы, похоже, уже не шумят о «бумажном тигре». Они уже не повторяют постоянно этот лозунг, как некогда.

Помню, однажды в Пекине мы с Мао лежали в купальных трусах у плавательного бассейна, обсуждая проблемы войны и мира. Мао Цзэдун сказал мне:

— Товарищ Хрущев, если мы сравним военную мощь капиталистического мира с мощью социалистического мира, то вы увидите, что преимущество явно на нашей стороне. Подумайте только, сколько дивизий могли бы выставить Китай, СССР и другие социалистические страны. Что вы думаете по этому поводу?

Я ответил:

— Товарищ Мао Цзэдун, теперь такой подход устарел. Нельзя уже оценивать соотношение сил на основе данных о численности населения. Давным-давно, когда споры разрешались с помощью кулаков или штыков, действительно имело значение, у какой из враждующих сторон больше солдат и штыков. Когда же появился пулемет, более многочисленная сторона уже не обязательно получала преимущество. А теперь, когда имеется атомное оружие, численность войск у противных сторон практически не отражается на реальном соотношении их военной мощи и не может определить исход войны. Чем больше войск будет у одной стороны, тем больше корма для бомб другой.

Возражая мне, Мао попытался уверить меня в том, что и атомная бомба сама по себе — это бумажный тигр! «Послушайте, товарищ Хрущев, — сказал он, — вам нужно только спровоцировать американцев на военные действия, и я дам вам столько дивизий, сколько потребуется, чтобы разгромить врага, — сто, двести, тысячу». Я пытался объяснить, что одна-две ракеты могли бы превратить в прах все китайские дивизии, но он и слушать не хотел, по-видимому считая меня трусом.

Конечно, Мао говорил совсем по-иному, когда в 1957 году приехал в Москву на Совещание коммунистических и рабочих партий. Он заявил тогда в ходе дружеского и откровенного разговора:

— Товарищ Хрущев, я видел в газете заявление вашего министра обороны Жукова о том, что если любая социалистическая страна подвергнется нападению со стороны какой-либо империалистической державы, то вы немедленно нанесете агрессору ответный удар. Это было бы ошибкой.

Я сказал ему:

— Товарищ Мао Цзэдун, Жуков говорил вовсе не от собственного имени. Он говорил от имени Центрального Комитета и огласил наше коллективное решение. Я и сам говорил то же самое.

Мы не ссорились, мы просто по-дружески беседовали.

Мао ответил:

— Я думаю, что, если империалисты нападут на Китай, вы не должны вмешиваться. Мы сами будем сражаться с ними. Ваша задача заключалась бы в том, чтобы выжить. А мы сами за себя постоим. Более того, если даже на вас нападут, я не думаю, что вам следует наносить ответный удар.

— А что же нам делать?

— Отступить.

— Куда?

— Вы же отступали во время прежних войн. Во время второй мировой войны вы отступали до самого Сталинграда, и, если на вас нападут теперь, вам следует отступить до Урала и продержаться там два-три года. За спиной у вас будет Китай.

— Товарищ Мао Цзэдун, — сказал я, — если сейчас начнется война, то, как вы думаете, сколько она будет длиться? Она не походила бы на последнюю войну. То была война авиации и танков. Теперь же в ход пошли бы ракеты и атомные бомбы. Почему вы думаете, что у нас было бы три года для отступления на Урал? Вероятно, в нашем распоряжении было бы несколько дней, а потом от нас остались бы только рожки да ножки. Если бы мы сказали противнику, что не будем наносить ответного удара, то тем самым мы пригласили бы его напасть на нас. Вот почему мы должны дать ему понять, что наше предупреждение призвано сыграть сдерживающую роль.

Несомненно, в этом заключалось одно из основных разногласий между нами. Но наш раскол с Китаем имел и более глубокие причины. Китайцы чувствовали, что после XX съезда КПСС их положение в мировом коммунистическом движении стало затруднительным. Они поняли, какое значение имело для них развенчание на XX съезде культа личности, единоличного правления и всех других антидемократических и антипартийных методов. Сталин был разоблачен и осужден на этом съезде за то, что по его вине были расстреляны сотни тысяч людей, и за то, что он злоупотреблял властью. А Мао Цзэдун шел по стопам Сталина.

Култ личности самого Мао — это сложное явление. Култ личности в чем-то подобен религии. Веками люди твердили: «Господи, помилуй нас, господи, помоги нам и спаси нас». А был ли толк от всех этих молитв? Конечно, нет. Но люди косны в своих привычках, и они продолжали верить в бога вопреки очевидным фактам.

Отголоски маоистского культа личности имели место даже в нашей стране. Примерно в 1962 году я узнал, что наши военные издали работы Мао Цзэдуна о войне. Я немедленно вызвал министра обороны и сказал ему: «Товарищ Малиновский, я узнал, что ваше издательство публикует сочинения Мао. Это же абсурд! Советская Армия разгромила первоклассные вооруженные силы Германии, а люди Мао Цзэдуна 20 или 25 лет только и делали, что обменивались друг с другом ударами ножей или штыков в спину. И вот теперь вы издаете труды Мао о войне! Для чего? Чтобы учиться, как воевать в будущем? Чем вы думали, когда принимали такое решение?» Малиновский и другие военные товарищи были умными людьми, но затеянное ими издание произведений Мао Цзэдуна о военном деле было пустой тратой времени. Я не знаю, какова судьба отпечатанных экземпляров этой книги. Вероятно, они валяются где-нибудь на складе, а может быть, их давно сожгли.

Хорошо помню, как в 1958 году Мао Цзэдун отклонил наши попытки наладить военное сотрудничество с Китаем. У нас с китайцами было соглашение, по которому наши самолеты имели право использовать ряд аэродромов в Китае для посадки и заправки горючим при транзитных перелетах. Когда же мы приняли на вооружение подводные лодки большого радиуса действия, нам понадобилось иметь в Китае радиостанцию для осуществления связи с нашим флотом. Китайцы, кстати говоря, еще ранее просили нас передать им соответствующую техническую документацию и научить их строить подводные лодки.

Мы чувствовали себя вправе просить их в свою очередь разрешить нам построить радиостанцию на их территории. Они ответили отказом. Это было вскоре после получения нами зашифрованного сообщения от Юдина относительно антисоветских настроений китайского руководства.

Тогда я сказал моим товарищам: «Согласно протоколу, теперь очередь Мао нанести нам государственный визит, а уж потом мы опять можем поехать к ним. Но в данных условиях, возможно, было бы лучше, если бы мы сами поехали, чтобы поговорить с ним. Было бы целесообразно встретиться с ним конфиденциально и выяснить наши отношения с китайскими товарищами».

Это была наша последняя поездка в Китай. Она состоялась в 1959 году. Наши беседы носили дружеский характер, но не дали никаких конкретных результатов. Между прочим, был обсужден и вопрос о радиостанции. Я сказал:

— Товарищ Мао Цзэдун, мы предоставим вам средства для сооружения этой станции. Для нас неважно, кому она будет принадлежать, лишь бы мы могли использовать ее для радиосвязи с нашими подводными лодками. Мы готовы даже передать эту станцию вам, но нам хотелось бы, чтобы она была построена как можно быстрее. Наш флот действует теперь в Тихом океане, и главная его база находится во Владивостоке. Товарищ Мао Цзэдун, не сможем ли мы прийти к какому-то соглашению, чтобы наши подводные лодки имели базу в вашей стране, где они могли бы заправиться горючим, произвести ремонт, дать отдохнуть экипажам и т. д.?

— В последний раз говорю вам нет,— сказал Мао,— и больше я ничего не хочу слышать об этом.

— Товарищ Мао Цзэдун, страны Атлантического пакта беспрепятственно сотрудничают между собой и обеспечивают друг друга всем необходимым, а мы с вами не можем договориться по такому простому вопросу!

— Нет!

Я не мог понять, почему он так разошелся, и попытался в последний раз урезонить его:

— Если хотите, мы можем позволить вам использовать Мурманск как базу для ваших подводных лодок.

— Нет,— ответил Мао,— нам нечего делать в Мурманске, и мы не хотим ваших баз у себя. До сих пор на нашей земле остаются англичане и другие иностранцы, и мы не собираемся разрешать кому-либо еще вновь использовать нашу территорию в собственных интересах.

Так мы и не получили разрешения на создание в Китае базы для наших подводных лодок.

Когда Мао стал носиться с идеей о том, что Китай может за пять лет догнать Америку, он занял по отношению к нам агрессивную позицию, причем не скрывал этого. Примерно в то же время он начал кампанию по организации народных коммун и строительству мелких доменных печей, похожих больше на самовары. Следуя указаниям Мао, китайцы стали утверждать, будто советский принцип распределения материальных благ по количеству и качеству затраченного труда — это буржуазный принцип. В Китае стали говорить, будто мы, то есть Советский Союз, плетемся в хвосте у буржуазии. Так возникли некоторые коренные, принципиальные вопросы относительно направления дальнейшего развития нашего движения, и мы достигли пункта, в котором наши пути с Китаем разошлись.

Мао Цзэдун заявил также, что мирное сосуществование — это буржуазная пацифистская концепция. С тех пор китайцы беспардонно клеветают на Коммунистическую партию Советского Союза за проводимую ею политику мирного сосуществования. Но, как я уже говорил, всегда трудно определить подлинные мысли китайцев. Трудно судить, выступает ли Китай на деле за или против мирного сосуществования. Помнится, уже будучи в отставке, я слышал по радио, что Мао дал интервью какому-то американскому писателю, который напрямик спросил его:

— Действительно ли вы хотите развязать мировую войну?

Мао ответил:

— Нет, китайцы не хотят войны. Мы будем воевать лишь в случае прямого нападения на нашу территорию.

Под давлением вопросов, с которыми обращались к нему буржуазные журналисты, Мао неоднократно повторял, что Китай выступает за мирное сосуществование. Мне кажется, что подлинным автором так называемого «Заявления» Мао Цзэдуна был Чжоу Эньлай.

Я никогда не мог с уверенностью судить о позиции Мао. На этих китайцев невозможно положиться.

В одном я совершенно убежден. Мао — националист и (по крайней мере так было в те времена, когда я знал его) жаждет установить свое господство над всем миром. Расчет его был в том, чтобы сначала подчинить своей власти Китай, потом Азию, а потом... что? В Китае насчитывается 700 миллионов человек, кроме того, в других странах, например в Малайзии, более половины населения составляют китайцы. Приведу здесь безобидный разговор, который мы как-то вели с Мао за чашкой чая. Этот разговор интересен тем, что он проливает свет на маоистскую разновидность китайского национализма.

Мао спросил меня: «Сколько завоевателей знает китайская история?» И сам ответил на этот вопрос: «Китай подвергался завоеванию много раз, но китайцы сумели ассимилировать всех своих покорителей».

Затем Мао обратил свои взоры в будущее. «Подумайте-ка,— сказал он.— У вас 200 миллионов человек, а у нас 700 миллионов».

Потом он принялся рассуждать о характерных особенностях Китая. В качестве примера он сослался на тот факт, что в китайском языке нет ни одного иностранного слова. «Народы всего мира употребляют слово «электричество»,— хвастливо говорил Мао.— Они позаимствовали это слово из английского языка. А у нас, китайцев, имеется свой собственный термин!» От этого шовинизма и высокомерия у меня прямо-таки мурашки по спине забегали.

Прошло несколько лет. Китайская печать под диктовку Мао стала утверждать, будто Владивосток стоит на китайской земле. Китайские газеты писали, что русские отняли эту землю у Китая. Это верно: когда-то в прошлом китайцы держали под своей властью эту часть Сибири, пока русские цари не захватили ее. Мы дали согласие обсудить с китайцами вопрос о наших границах. Они прислали нам карту с обозначением границ, которые бы их устраивали. Мы взглянули на карту, и нам представилось столь возмутительное зрелище, что мы с негодованием отбросили ее прочь.

Может быть, Мао Цзэдун и националист, но он не дурак. Когда Китай начал осуществлять свои мнимо эгалитарные реформы, литература по этим вопросам просочилась через границу и стала широко распространяться в советской Сибири. Узнав об этом,— я сказал своим товарищам: «Это нужно немедленно прекратить. Лозунги о китайских реформах звучат очень заманчиво. Вы заблуждаетесь, если думаете, что семена подобных идей не найдут подходящей почвы в нашей стране».

Нам пришлось ответить на притязания и предложения Мао Цзэдуна по существу. Мягко говоря, мы не согласились с его позицией. Фактически он уже совсем вывел меня из терпения. Если вы прочтете мой доклад на XXII съезде КПСС, то увидите, что я посвятил немало замечаний проблемам Китая, хотя и не упоминал этой страны. Именно на XXII съезде партии мы отвергли главные положения маоистской платформы.

Однако я должен рассказать об одной из «эгалитарных» реформ Мао Цзэдуна. Он был прав, отменив погоны в китайской армии. Я думаю, что это была разумная мера, и, кстати говоря, мне кажется, мы допустили в свое время ошибку, введя в нашей армии погоны и нашивки. Зачем нам это было нужно? Мы победили в гражданской войне, но, например, у меня не было ни погон, ни нашивок, хотя я и был комиссаром. Наши бойцы не нуждались в пестрых нашивках, чтобы разобраться, кто их комиссар, а кто командир. В те далекие времена мы сумели разгромить врагов без всяких эполет. Ныне же наши военные напоминают канареек.

На Совещании коммунистических и рабочих партий в Кремле в 1960 году китайская делегация, которую возглавлял Лю Шаоци, выступала против нас по всем вопросам, а албанцы, нападая на нас, поддерживали Китай. Особенно бессовестно вел себя Энвер Ходжа, этот маоцзэдуновский агент. Он огрызнулся на нас злее, чем сами китайцы. После его речи Долорес Ибаррури, старая революционерка, беззаветно преданная делу коммунизма, встала и с негодованием заявила, очень верно выразив суть дела, что Ходжа похож на собаку, которая кусает руку, протягивающую ей пищу.

Мы готовы были сделать все возможное, чтобы предотвратить раскол между нами и албанцами, но все наши усилия были тщетными. Наш конфликт с албанцами неуклонно углублялся, и тут мы постепенно стали понимать, что они тайно сговариваются против нас с китайцами. Мы убедились в их предательском поведении, когда одна албанская делегация оказалась в Москве проездом из Китая. Среди членов этой делегации была некая честная женщина, которая пришла к нам и рассказала, что происходит. Думаю, что

вскоре эту бедную женщину задушили. И ее палачами были отнюдь не гестаповцы. Нет, ими оказались ее «братья». А ведь они, как и она сама, были коммунистами. Они задушили ее за то, что она, коммунистка, пришла к нам, в Центральный Комитет КПСС, и рассказала нам о секретных встречах албанцев с китайцами.

Как мы были наивны! Как раз в это время Мехмет Шеху находился в Советском Союзе. Он лечился в одной из наших больниц. Когда мы представили ему доказательств, что мы знаем о переговорах между Албанией и Китаем, он покинул больницу и немедленно вылетел в Албанию.

Энвер Ходжа, Мехмет Шеху и Балуку захватили власть в Албании, организовав заговор и свергнув прежнего первого секретаря албанской партии, очень хорошего товарища, о котором всегда хорошо отзывался Тито и которого югославы всецело поддерживали. Он происходил из потомственных рабочих и был основателем Коммунистической партии Албании. Тито говорил мне, что Мехмет Шеху своими руками задушил этого человека. Эта тройца — Ходжа, Шеху и Балуку — имела обыкновение самолично судить людей и выносить им приговоры без всякого официального оформления; осудив кого-либо, они искали удобного случая, чтобы тайно расправиться со своей жертвой. Все это было очень похоже на методы Сталина и Берии.

Главной причиной усугубляющегося разлада между Советским Союзом и Албанией был страх албанского руководства перед демократизацией. В свое время я думал, что еще не все потеряно, но теперь я считаю, что этот разлад был неминуем. Окончательный разрыв с албанцами произошел в июле* 1960 года на съезде Румынской коммунистической партии в Бухаресте. Мы собрались там, чтобы обменяться мнениями по международным проблемам, в особенности по вопросам, связанным с отношениями между братскими коммунистическими партиями, с одной стороны, и Коммунистической партией Китая — с другой. Ныне, когда мы полностью порвали с албанцами, я еще более твердо стою за те принципы демократического руководства, которые так и не были приняты албанскими лидерами.

Демократия, конечно, хорошая вещь, но в условиях демократии руководителю, который не желает считаться с мнением руководимых, трудно удержаться у власти. Демократичный руководитель должен быть склонен и способен прислушиваться к мнению и советам других. Он должен сознавать, что его руководящее положение зависит от желания людей иметь его своим руководителем, а не от его собственного желания руководить людьми. И народ примет руководителя лишь в том случае, если тот покажет, что он плоть от плоти и кровь от крови партии. В своих действиях руководитель должен исходить из интересов народа, а не из корыстных побуждений или тщеславия. Руководитель должен быть знающим, скромным человеком и уметь жить в коллективе. Повторяю, он занимает руководящее положение по воле партии. Другими словами, он не стоит над партией, а является слугой партии и может сохранять свое положение лишь до тех пор, пока партия им довольна и поддерживает его.

Энвер Ходжа, Мехмет Шеху и Балуку как партийные деятели никогда не придерживались этих принципов. Не придерживался их и Мао Цзэдун.

Однако при всем том, что Мао Цзэдун злоупотребил властью и ввел в заблуждение свою партию, он вовсе не сумасшедший, как утверждают некоторые. В народе начались разговоры, что Мао Цзэдун — безумец, что он потерял рассудок. Это неправда. Мао очень умен и весьма хитер. Я помню, как несколько лет назад предрекали, что Мао Цзэдун никогда не выйдет победителем из борьбы за власть, которую он вел тогда внутри Китая. Я сказал тогда: «Чепуха. Наверняка победит Мао». И я оказался прав. Все говорит за то, что Мао одерживает теперь верх в Китае. Но какими средствами? Китайцы не признают другого закона, кроме закона силы и принуждения. Тому, кто не подчиняется, голову с плеч долой. И они проделывают это очень искусно: они устраивают казни на городских площадях при скоплении тысячных толп. Что это за «политика»? Ее даже нельзя назвать варварской. Это нечто худшее. Ведь мы как-никак живем в XX столетии!

Хотя Мао и одержал победу во внутренней борьбе, тем не менее Лю Шаоци не капитулировал. Он отвергает политический курс Мао и продолжает борьбу. Лю Шаоци — очень умный человек, и у него множество сторонников, но они не обладают никакой

* Съезд РКП проходил в июне 1960 г.— *Прим. ред.*

реальной властью. Лю Шаоци жив до сих пор лишь благодаря своей популярности. Для Мао не составило бы труда расправиться с ним. Но убийство Лю Шаоци вызвало бы ярость масс. Мао Цзэдун знает это, и он нападает на Лю Шаоци не как на личность, а как на воплощение определенной политической системы. Иначе говоря, Мао хотел бы сокрушить Лю Шаоци посредством его политической изоляции.

Конечно, одно дело — говорить о Мао Цзэдуне и совсем другое — о Китае в целом. Если бы мы стали оскорблять китайский народ, мы бы перешли грань, отделяющую объективный анализ от националистических предрассудков. Мы становимся националистами, когда позволяем себе предполагать, будто одна нация имеет особые права и преимущества перед другими нациями. С этого начинался нацизм.

Исходя из этого, мы должны сознавать, что китайцы — наши братья. Они такие же люди, как и мы. И если китайская молодежь нападает на наше посольство в Пекине, это не значит, что мы должны возненавидеть весь китайский народ. Молодежь страны — это еще не весь ее народ. Да и молодежь бывает разная. Ведь не все китайцы приходили на площадь перед посольством и забрасывали его камнями. И не каждый из тех, кто был на площади, выкрикивал лозунги в поддержку политической линии Мао Цзэдуна. Подумайте, как много китайцев, должно быть, горько сожалеет о том, что произошло в их стране. В Китае сейчас идет ожесточенная борьба и люди убивают друг друга.

Я считаю, что мы должны приложить все усилия, чтобы уладить нынешний конфликт между КПСС и другими коммунистическими партиями, с одной стороны, и Коммунистической партией Китая — с другой. Мы должны сделать все возможное, чтобы коммунистическое движение вновь стало единым и сплоченным. Этого необходимо добиться! Это отвечает интересам народов Советского Союза, это отвечает интересам китайского народа и всех миролюбивых народов земного шара. Да здравствует борьба за мир и мирное существование!

СИС: социум, информация, статистика

СССР — КНР: итоги торгово-экономического сотрудничества

80-е годы отмечены оживлением экономических и торговых отношений между КНР и СССР, отмечается в годовом обзоре агентства Синьхуа. В 1988 г. торговый оборот достиг 1,85 млрд. руб., увеличившись в 10 раз против 1981 г. В 1989 г. объем торговли между двумя странами, по предварительным подсчетам, превышает 3 млрд. долл. Доля Советского Союза в общем объеме внешней торговли КНР составляет 4 %. СССР стал пятым крупным торговым партнером Китая после Сянгана, США, Японии и ФРГ.

В минувшем году рассматривались возможности дальнейшего расширения сотрудничества в энергетике, транспорте, металлургической промышленности, медицине и здравоохранении. Заключена серия соглашений об открытии предприятий, основанных на смешанном китайско-советском капитале и о сотрудничестве в области трудовых услуг. Пекин и Внутренняя Монголия организовали межрегиональную группу по торговле с Советским Союзом, которая намечает экспорт шерстяных изделий, изделий легкой и электронной промышленности.

За рубеж за валютой

По сообщению газеты «Чайна дейли», в Пекине разработан трехлетний план, предусматривающий увеличение числа жителей столицы, направляемых на работу за границу. Такое увеличение, по словам газеты, объясняется необходимостью выплаты Китаем внешних долгов, размеры которых возросли в 1989 г. до 40 млрд. долл. За последние семь лет Пекин заключил контракты на сумму 69 млрд. долл., по которым около 6 тыс. китайцев будут трудиться в странах Европы, Северной Америки и Японии в качестве инженеров, сельскохозяйственных и строительных рабочих, поваров и т. д.

Думы

(предисловие В. Ф. Сорокина)

БА ЦЗИНЬ

Предисловие

Старейшине цеха китайских мастеров слова, замечательному художнику и гражданину Ба Цзиню исполнилось 85 лет. Его творческий путь, даже если начинать отсчет с его первой повести «Гибель», оставив в стороне юношеские стихотворения и публицистику, отмеченную юношеским же увлечением анархизмом, длится уже более шести десятилетий. Путь этот не был ни гладок, ни безоблачен. Но он был всегда устремлен к свободе, к правде, к свету. «Свет — это цель, к достижению которой я зову много лет во мраке ночи», — писал Ба Цзинь до победы народной революции. И после того, как над Китаем рассеялся мрак «революции культурной», он мог бы этими же словами охарактеризовать направленность своей новой книги «Думы», фрагменты из которой ныне предлагаются вниманию читателей.

Ба Цзинь пришел, можно даже сказать ворвался в большую литературу в 1928 году, когда ведущий литературный журнал «Сяошо юэбао» опубликовал «Гибель». В то время китайское общество глубоко переживало и осмысливало итоги и уроки великих революционных потрясений 1925—1927 годов. В лице Ду Дасиня, молодого революционера и поэта, Ба Цзинь создал образ противоречивый и впечатляющий, одновременно жизненный и романтический. Его отличают глубокая совесть и искренность, преданность правому делу и товарищам по борьбе, ради которых он жертвует своей любовью и идет на верную смерть. Прокламируя в стихах «ненависть к человечеству», он в действительности ненавидит лишь власть имущих, тиранов, и ту толпу, которая пресмыкается перед ними или закрывает глаза на их преступления. Ду Дасинь погибает во имя свободы и счастья братьев, но принесет ли его акт индивидуальной мести, к тому же неудавшийся, реальную пользу? Повесть не дает прямого ответа на этот вопрос. Последующие же произведения писателя, особенно повесть «Новая жизнь» и «Трилогия любви», все более отчетливо утверждают мысль о том, что лишь организованная, осознанная борьба трудящихся способна привести к успеху.

Круг тем, очерченный в первом произведении Ба Цзиня — человек и общество, любовь и революция, индивидуальный протест и борьба масс, — на разнообразном жизненном материале, под разными углами зрения раскрывается в необычайно богатом и в жанровом, и в количественном отношении творчестве Ба Цзиня 30-х годов. Рудокопы и крестьяне, студенты и молодые учителя, убежденные революционеры и мятущиеся, слабые натуры — в совокупности они образуют галерею типов, характерных для общества, переживающего период ломки старых отношений, поисков и обретения новых ориентиров и ценностей. Смелая, диалектическая постановка вопросов, стремление «дойти до самой сути», сочетание показа мрака и мерзостей жизни с пробивающимися несмотря ни на что, оптимизмом привлекали к творениям писателя широкое общественное внимание. Особенно он был популярен у молодых читателей — в первую очередь благодаря роману «Семья».

Это в определенной степени автобиографическое повествование о распаде и крушении богатой патриархальной семьи, развивающее и обогащающее антифеодальные традиции литературы, рожденной «движением 4 мая» 1919 года. Контрастное, психологически достоверное противопоставление представителей разных поколений семьи, с их разными характерами и стремлениями, позволило показать и неизбежность краха домостроевской системы, и сложность поисков новых путей в жизни. Но и нацупав эти пути, утвердиться на них и пойти вперед нелегко. Об этом рассказано в романах «Весна» и «Осень», созданных уже в начальный период войны сопротивления японской агрессии.

Ярким памятником патриотической литературы военной поры явился роман Ба Цзиня «Огонь», рассказывающий о том, как в ходе борьбы с захватчиками объединяются лучшие люди из различных слоев общества. Но главной темой творчества писателя в 40-е годы становится участь «маленького человека» в бездушном, жестоком мире. Проникнутые человечностью, написанные с большим реалистическим мастерством романы «Палата № 4», «Холодная ночь» и некоторые другие произведения тех лет принадлежат к числу явных достижений художника.

С присущим ему энтузиазмом включился Ба Цзинь после 1949 года в строительство новой культуры. Он писал рассказы и очерки о защитниках и строителях родины, выступал как литературовед и наставник молодежи, возглавлял Шанхайское отделение Союза китайских писателей (с 1981 года он является председателем Союза). Много сил отдавал развитию международных контактов, не раз бывал в нашей стране. Как много раз заявлял Ба Цзинь, с юных лет он испытывает глубокое уважение и любовь к великой русской литературе. И это чувство не осталось платоническим. Писателем переведены романы и повести Тургенева, рассказы Гаршина и Горького, частично «Былое и думы» Герцена и «Жизнь революционера» Кропоткина, ему принадлежат исследования творчества Чехова и Толстого.

Горькая чаша «культурной революции» не миновала Ба Цзиня, как и большинства его соратников. Но писатель, несмотря на пережитые страдания и утраты, не сломился. Более того, он нашел силы для нового творческого взлета. Свидетельство тому — пять сборников художественной публицистики, объединенных названием «Думы», как бы заимствованным у почитаемого писателя Герцена. Это полтора десятка свободных по форме, небольших по объему произведений, созданных в 1978—1985 годах. В них — воспоминания и предостережения, в них итоги мучительных раздумий и нелегких прозрений, в них боль души и свет надежды.

То, о чем здесь думает и пишет Ба Цзинь, важно и нужно для всех нас.

В. Ф. Сорокин

Отдай сердце читателю

Два дня назад ко мне зашел Хуан Шан, расспрашивал о моих «Думах». Его, видимо, беспокоило, не брошу ли я перо на полдороге. Я показал ему две готовые главки и сказал: «Я собираюсь писать дальше. Это будет моим завещанием». При слове «завещание» он как-то расстроился, решил, что я поддался мрачным мыслям или задумал что-то нехорошее, и с улыбкой принялся меня успокаивать: «Ну-ну, все будет хорошо». Но видно было, что он все еще обеспокоен, и я объяснил, что постараюсь написать восемьдесят главок — не одну, а несколько книжек «Дум». Мне хочется оставить читателю свои сокровенные мысли, слова, идущие от сердца. Я занимаюсь писательским трудом пятьдесят лет, написал, конечно, немало и плохих книг, но есть вещи, которые стоит прочитать целиком или хотя бы до середины — они имеют право на жизнь. Надо быть благодарным читателям за их доброжелательность и терпение. Оглядываясь на пройденный мною путь, я сегодня по-прежнему испытываю глубокую признательность к читателям. Можно даже говорить о моей дружбе с ними, длящейся уже более полувека.

Если уж пришла пора говорить последние слова о своем творчестве и литературных делах, то необходимо обратиться к читателю — и чем раньше, тем лучше.

Моя первая книга (повесть «Гибель») вышла в 1929 году в первых четырех номерах «Ежемесячника прозы», а в конце того же года — отдельным изданием. Я сейчас затрудняюсь сказать, когда я начал получать письма от читателей. Помню, в 1931 году в рассказе «Свет» я писал о молодом авторе, который получал много писем и очень мучился оттого, что не мог ответить на содержащиеся в них вопросы. В рассказе была такая фраза: «На столе молчаливо лежала горка писем, они горестно смотрели на него, и каждое хотело рассказать заключенную в нем печальную историю».

Ведь это были мои собственные мучения! Не я ли был этим молодым писателем?

В августе 1933 года я вернулся из Японии и подготовил для издательства «Культура и жизнь» несколько сборников. Тогда я снова стал получать много писем. Два-три года я отвечал почти на каждое письмо. Несколько читателей вели со мной переписку

ку и стали моими друзьями. Моя жена Сяо Шань тоже одна из моих давних читательниц. Чтение моих книг вызвало ее интерес ко мне, и у меня после знакомства с нею возникло взаимное чувство. Мы поженились после многих лет знакомства и за всю жизнь ни разу не поссорились. В 1936—1937 годах я писал и открытые письма читателям, одно из них было адресовано ей. Впоследствии эти письма составили небольшую книжку.

В то время я был холост, здоров, жил без забот, времени было вдоволь, я немало писал и еще хватало времени и сил отвечать на каждое письмо. А потом, особенно после освобождения, дел стало больше; часто приходилось ездить, и я поручил Сяо Шань разбирать письма и просматривать рукописи. Я глубоко сожалел об этом, но иного выхода не было.

Я сказал, что сожалел, и тут нет никакого лицемерия. Вспоминается один случай. В конце 1940 года я приехал из Чунцина в Цзянань и около недели прожил в семье Цао Юя. Он преподавал в театральном училище. Цзянань — маленький, тихий городок. Там сразу становилось известно, кто приехал, у кого остановился. Не прошло и двух дней, как я получил письмо от учеников средней школы с просьбой выступить перед ними. Я написал в ответ, что не мастер выступать да и не знаю, о чем говорить, и поэтому в школу к ним не приду. Однако я благодарен им за доверие, буду часто о них думать, ведь молодежь — надежда Китая, ее доверие придает мне силы. Чего я, писатель, буду стоить, если мои произведения не принесут молодым телла, не поддержат их стремлений к прогрессу? Я не обладаю такими способностями, писал я, чтобы быть вашим наставником, но я очень хотел бы стать вашим другом, мне, право же, нечем перед вами гордиться. Я буду очень рад, если мои произведения смогут стать крепким посохом на вашем трудном пути по зарослям и топям старого общества и хоть немного придадут вам силы. Я не помню текста письма дословно, но основной смысл не искажил.

Письмо я отослал, узнал, что ребята вывесили его на стене. Через два-три дня приехал с проверкой инспектор из провинции и увидел мое письмо. «Что это за «молодежь — надежда Китая»? Чье там «доверие придает силы»? Как это «мне нечем перед вами гордиться»? Такое заигрывание с молодежью только вводит ее в искушение. Сорвать! Письмо сняли, но вряд ли этим все кончилось. Вероятнее всего, вернувшись в провинциальную столицу, инспектор настроил донос, но большого дела не раздул. Так что я жил себе дальше и писал еще двадцать лет. Я, конечно, вычитаю те десять лет, когда некий Сюй запрещал мне писать!

Но вернемся к нашему разговору. В письме я выразил свои истинные чувства. Доверие читателей — это действительно стимул для моей работы. Если не стремиться отдать свои силы обществу, в котором живешь, не желать выразить добрые чувства своим современникам — исполнить обязательный для китайца долг, — то зачем тогда писать? Но желать — это одно, а что из этого получается — совсем другое. Сам я никак не могу этого оценить. Что я могу один, без читателей? Как могу знать, прав я или ошибаюсь? Отвечают ли мои книги чаяниям людей? Приносят ли пользу обществу? Только читатель имеет тут право голоса, и я должен уважать его мнение. Если мои сочинения вредны, читатель может выкинуть их на свалку, а мне лучше всего бросить писать. Вот поэтому я говорю: без читателей не было бы меня сегодняшнего; их письма — моя опора. Разумеется, я имею в виду не каких-то отдельных читателей, а большинство. И речь идет не о том, что я прислушиваюсь к каждому слову, отвечаю на каждое письмо. Я только хочу сказать, что по этим письмам проверяю эффект моих произведений, их воздействие. Проверяю постоянно, потом часто ругаю себя. Так что моя писательская жизнь нередко бывает мучительна.

До освобождения, особенно до войны сопротивления, читатели писали о будущем страны и народа, о своей тоске и желании или решимости посвятить этому будущему свою жизнь. Я не мог дать им конкретных советов, мучился этим и мог подбодрить их только так: старое погибнет, новое окрепнет; старому обществу приходит конец, на его месте возникнет новое; свет прогонит тьму.

Отвечая на письма, я не указывал какой-либо определенный путь, но в отличие от некоторых своих произведений предлагал по крайней мере направление, и отнюдь не двусмысленное, избегая при этом цветистых фраз. Часто вспоминаю свое письмо цзянаньским школьникам. Я и сейчас помню лица молодых читателей, которые можно было встретить в тридцатые годы, — сколько в них было благожелательности, такие взволнованные голоса, искренние слова! В тридцатые и в начале сороковых годов я встречал немало таких читателей, беседовал с ними и, казалось, видел их горячие сердца. В фев-

рале 1938 года в предисловии к роману «Весна» я писал: «Я часто думал об этих чистых молодых сердцах и не мог их забыть...» Эти слова я писал со слезами на глазах. А дальше такие слова: «Я не достоин быть их другом». Это означало, что я жаждал стать их другом! Потом, когда я отвечал цзянаньским школьникам, меня обуревали те же чувства. Я отдавал сердце читателям.

В письмах тридцатых и сороковых годов очень редко попадались вопросы о секретах писательского труда. С пятидесятых годов читателей, интересующихся этим, стало гораздо больше. Я не мог тогда ответить — не знал, в чем секрет. Теперь могу: в сердце, отданном читателям. Так я думал, когда начал писать, и сегодня, спустя пятьдесят два года, думаю так же. Я взялся за перо не ради того, чтобы стать писателем. Писать я начал весной 1927 года в Париже. Я жил в Латинском квартале, на тихой улице недалеко от Пантеона, у входа в который стоят две бронзовые скульптуры — Руссо и Вольтера. Из этих двух мыслителей эпохи французского Просвещения, двух великих писателей «гражданин Женева», «мечтавший уничтожить неравенство и гнет», производил на меня более глубокое впечатление. Проходя мимо Пантеона, я порой жаловался изваянию на свою тоску и одиночество на чужбине. О Вольтере я знал меньше, но мне было известно о его неистовой борьбе против несправедливых приговоров по делу Каласа, Сирвена, Лабарра и др., в результате которой он добился исправления судебных ошибок. Доброе имя безвинно погибших было восстановлено, а живые избежали смертной казни. Я знал о том, как он боролся за правду и справедливость, и восхищался им. В Пантеоне были похоронены еще два великих писателя — Гюго и Золя. Золя выступал в защиту Дрейфуса, с риском для жизни спасал жертву, добился в конце концов опровержения злостной клеветы и отмены приговора. Невинный человек был вызволен из ада, вновь увидел свет.

Так я учился у французских писателей в те годы. И хотя «их уроки на практике я не применял», сегодня, вспоминая то время, не могу не выразить признательность учителям. Во времена бедствий я не продал свою душу и находил опору в том, чему научило меня прошлое, научила жизнь, друзья, книги, учителя и читатели. Что же касается «уроков», которые преподавали мне французские писатели, то это ведь «вторжение в жизнь». А «вторжение писателей в жизнь» у нас когда-то заклеили как позицию правых, и поэтому некоторые вот уже двадцать лет голову поднять не решаются. Я тогда не проповедовал «вторжение писателя в жизнь», потому что мне некогда было об этом думать. Но когда меня загнали в «коровник» и я увидел, как некоторые мои знакомые разоблачали в дацзыбао «подлинное контрреволюционное лицо Ба Цзиня», я день и ночь мечтал, что вот придут писатели, «вторгнутся в жизнь», докажут мою невиновность. В моих грезах я видел Вольтера и Золя, но, пробуждаясь, еще сильнее ощущал пустоту вокруг себя, прекрасно понимая, что, если бы Вольтер и Золя жили в 1967 году в Шанхае, они бы тоже, вздыхая и горестно качая головой, сидели в «коровнике». Вот так получилось, что я тоже за «вторжение в жизнь».

После смерти Золя его прах был перенесен в Пантеон, как мне кажется, главным образом за вклад в дело реабилитации Дрейфуса. О Золя говорили: «Он спас честь Франции». И поныне никто еще не выбросил его останки из Пантеона. Так что и французским читателям тоже нравится, когда писатели «вторгаются в жизнь».

В заключение я хочу еще кое-что разъяснить, чтобы меня не сочли «двурушником».

В этом году, особенно с апреля—мая, писем читателей приходит все больше, они скапливаются у меня, как вода в водохранилище. Такую гору писем я даже прочесть не в состоянии. Я делаю переводы, пишу статьи, роман, перерабатываю старые сочинения, кроме того, помогаю людям в их делах, участвую в общественной деятельности, в международных контактах, да еще мне надо читать книги и газеты. Одним словом, дел полно, и работы хватает. Я же «единоличник», мне негде взять помощников, и, как ни крути, осталось всего несколько лет как-то продержаться. К тому же память слабеет. Прочту письмо, отложу и забуду, иногда с большим трудом отыскиваю. Поэтому я могу ответить лишь на немногие письма, и вовсе не потому, что изменилось мое отношение к читателям, — просто я постарел, рад бы отвечать, да сил нет. Если со здоровьем станет получше, я постараюсь побольше сделать для читателей, а сейчас мне остается лишь выразить им свое сожаление. Но в одном можете мне поверить: я всегда думаю о вас, постоянно желаю всем моим многочисленным читателям прекрасного и светлого будущего, этому будущему я хочу отдать свои последние силы.

Может быть, найдутся еще читатели, которые в своих письмах будут спрашивать о сек-

ретах писательской работы, думая, что у меня хранятся универсальные ключи к ним. А ведь я вначале уже все раскрыл. Если и существует в действительности так называемый секрет, то это лишь те же самые слова: отдай сердце читателю. 3 марта.

Перевела Т. Н. Сорокина

Самоанализ

Была давно опубликована 71-я главка «Дум», потом ее еще раз напечатали пекинские газеты. А несколько дней назад ко мне пришел один из приятелей, мы сидели, беседовали. Вдруг он вынул этот мой рассказ и начал говорить, что его участие в собрании критики и борьбы, которое там упомянуто, было чистым недоразумением, что текст выступления обсуждали и составляли три человека, два из них не захотели выступать и вынудили его подняться на трибуну. Он говорил также, что ему было очень тяжело видеть, что я плачу.

Приятель мой очень интеллигентный, порядочный человек. Когда я был на «трудовом перевоспитании» в школе кадровых работников, мне часто приходилось слышать, как цзаофани исподтишка обсуждают его, передразнивая его манеру речи. В университетские годы он писал стихи, после учебы в Европе вернулся на родину, занялся литературной критикой.

Во время «великой культурной революции» его положение было весьма скверным. Он был «отстранен от дел», потом на какое-то время его «реабилитировали» или «полуреабилитировали», а потом до меня дошли слухи, что его собираются «вливать в руководящее звено». Словом, перемены были столь стремительными, что легко было запутаться. Теперь все давно миновало, он мало изменился и для меня по-прежнему был все тем же интеллигентным, порядочным человеком.

Я никак не мог сообразить, о чем он говорит. Потом вспомнил: в том месте «Дум» я упоминал о собрании критики и борьбы, которое было организовано в Шанхайском цирке в октябре 1967 года, но упоминал очень вскользь. Там не было описания хода собрания и ни слова не говорилось о том, кто выступал с трибуны с обличительной речью, а кто первым выкрикивал лозунги. Не только тогда, но и теперь, сидя против него, я не мог представить себе, чтобы он подвергал меня критике и проработке, ну никак не мог. Я искренне сказал, что не следует возводить на себя напраслину. И еще сказал, что, хотя я в то время был крайне подавлен, с трудом мог говорить, я никогда не плакал.

Он моложе меня, память у него лучше, и вполне возможно, что он не поверил моим словам и поэтому продолжал растолковывать что-то. Я сочувствовал ему и потратил немало слов, успокаивая его. Я изо всех сил старался припомнить события того времени. Мне не раз доводилось присутствовать на митингах критики и борьбы в Шанхайском цирке, причем дважды — в качестве главной мишени, сначала — на первом общегородском митинге, а в следующий раз — на телевизионном, когда все имеющие к этому отношению учреждения и организации одновременно смотрели передачу, при этом работников, которым была отведена роль объектов борьбы, в знак наказания ставили по обеим сторонам от телевизора. И раз я до сих пор не могу сказать, на каком же из митингов выступал мой приятель, это говорит о том, что его слова не задели меня. Я был «нечистой», которая «закалилась в борьбе», каждый имел право вцепиться в меня и критиковать, не мог же я запоминать подряд «наставления» всех, кто выступал на этих митингах. Но те два митинга мне трудно забыть, поскольку все было впервой, у меня еще не было опыта, внутреннее напряжение было огромным.

Когда стоишь на середине круглой цирковой арены и со всех сторон на тебя направлены вскинутые кулаки и нет щели, в которую ты мог бы забиться, это довольно страшно. Каждый раз перед тем, как меня вытаскивали на арену, распорядитель объявлял митинг открытым, и в зале звучала мелодия «Алеет восток». Это была знакомая мелодия, она мне нравилась. Но тогда, как только раздавалась эта мелодия, дрожь пронизывала мое тело, поскольку стоило ей отзвучать, как дожие молодцы втаскивали тебя на арену, и это повторялось на протяжении нескольких лет. Когда я первый раз подвергся проработке, при всем волнении, которое я испытывал, был очень осмотрителен, прихватил с собой шариковую ручку и записную книжку, и, хотя стоял опустив голову и изогнувшись в полупоклоне, не забывал записывать главные моменты из каждого выступления,

готовясь «усвоить критические замечания и исправить ошибки». Один из распорядителей, увидев, что я иногда перестаю писать, обратился ко мне с наставлением: «Ты почему не записываешь?» И я продолжал писать. Не раз я делал записи критических выступлений, но не прошло и года, как цзаофани устроили обыск в «коровнике» и конфисковали мои записные книжки, а потом на одном из митингов использовали их в качестве доказательства, обвинив меня в том, что я готовил ответный удар, чтобы «свести счеты». Тогда же я был переведен в ранг «смертельных врагов пролетарской диктатуры».

Когда я на общегородском митинге впервые подвергся критике и проработке «революционных масс», два студента Фуданьского университета из группы по особым делам, которая мною занималась, конвоировали меня от Цзянваня (меня тогда держали в Фуданьском университете) к месту митинга, и перед тем, как ввести на арену, один из них несколько раз предупредил, что мне не разрешается во время митинга выступать с самозащитой и что какие бы обвинения против меня ни выдвигались, я должен признавать свою вину.

Я и без этого очень нервничал, а это легло на меня новым грузом. Я боялся, что, если признаю за собой вину, никогда уже не смогу потом от нее очиститься.

Когда меня выволакивали на арену, я почувствовал головокружение. Перед глазами все поплыло, мысли смешались, крик: «Покончить с Ба Цзинем!» — заставил меня вздрогнуть. Я стоял, думая про себя, как трудно пережить два-три часа, но я проникся решимостью заново стать человеком и перевоспитаться, руководствуясь полученными критическими замечаниями.

Два митинга в цирке оставили глубокий шрам в моей душе. Когда был организован телевизионный митинг, чтобы воздействовать на общественное мнение, и для большей важности вдоль всего пути от Шанхайского отделения Союза писателей до цирка было вывешено огромное количество лозунгов, написанных крупными иероглифами, и когда я увидел это множество призывов «покончить», у меня сердце замерло. Если бы не Сяо Шань и не дети, боюсь, я не смог бы выдержать. На этих двух митингах я стоя выслушивал критику и помню, что, когда на телевизионном митинге выступления критики закончились и распорядитель приказал меня увести, я не мог двинуться с места, ноги не слушались, и цзаофани кричали на меня, что я «притворяюсь». Потом уже всякий раз, когда мне приходилось подвергаться критике и проработке, если на арене была скамейка, я добивался права сидеть, постепенно обвыкался и приобретал опыт. Я начал понимать, что «самоперевоспитания», которого я ждал, не бывает.

То, что сказал приятель, побудило меня совершить пространный экскурс в прошлое. Один за другим я перебирал в памяти пережитые митинги критики и борьбы, побывав мысленно в бог знает скольких помещениях, где они проходили, но я не припомнил ни одного достаточно знакомого лица. Я не хочу сказать, что ни один из моих знакомых не выходил на трибуну и не выступал с обличениями, я имею в виду, что эти выступления не причинили мне боли. Я и тогда не таил обиды в сердце, а когда все кончилось, вообще забыл о них.

И когда я возвращаюсь к прошлому, чувствую, что поступал правильно. В конце концов, разве хватит места в душе на всякие большие и мелкие обиды?! Я в то время не поднимался на трибуну и не обличал других только потому, что у меня не было такой возможности, и, может быть, если бы у меня была возможность выйти на трибуну и показать себя, я усмотрел бы в этом великое везение. Я часто думаю и говорю о том, что если бы я был реабилитирован и восстановлен в правах в разгар увлечения «выполнением указаний», возможно, я тоже наделал бы много глупостей, а то и пакостей. В то время, когда все почитали за честь поступать «строго в соответствии», мне легко остаться незапятнанным, поскольку из-за того, что я не обладал таким качеством, как «беззаветная преданность», мое участие в движении было недолгим, меня вскоре отлучили от него. Что меня пугает, так это состояние собственных мыслей и духа в то время, и поистине счастливая случайность, что я не попал в омут. До сих пор содрогаюсь, задумываясь об этом.

Привычка к самоанализу — это результат того, что я многократно подвергался критике и проработке. Поняв себя, легче понять других. Не надо спрашивать с людей строже, чем с себя. Кто мог сохранить ясную голову, выслушивая «высочайшие указания», в которых «каждое слово стоит десяти тысяч слов», рьяно проповедовавшиеся теми, кто размахивал красным знаменем? А кто мог выдержать

проверку? Легко быть мудрым задним числом. Но мне повезло, что я вновь обрел утраченную на много лет способность «мыслить самостоятельно». Обретая ее, я уже не пойду по прежнему пути, не буду терпеть все то, что терпел в те годы. Десятилетний кошмар развеялся, он унес с собой личные обиды и неприятности, которые не высказать и не сосчитать, он показал нам, что прошлое не может повториться.

«Забудь обо всем, что должно быть забыто, не надо терзаться из-за таких мелочей, ведь в наших руках будущее» — с этими словами я пожал руку гостю и проводил его к выходу.

Во время болезни в Ханчжоу
Перевела Т. И. Никитина

Памяти Сяо Шань

Сегодня шестая годовщина со дня смерти Сяо Шань, но все происшедшее шесть лет назад я до сих пор вижу необыкновенно ясно. В тот день я вернулся из крематория, в доме царили беспорядок, потерянности. Спустил два-три дня, прийдя немножко в себя, я сел за стол, собираясь написать о Сяо Шань. Еще лет, пятьдесят назад вошло у меня в привычку: когда некому излить душу, зову на помощь перо и бумагу. Но в те августовские дни 1972 года я просиживал часами над чистым листом бумаги и не мог написать ни слова. Я с ужасом думал: неужели несколько лет отсидки в «коровнике» сделали меня «коровой», тупой скотиной. Голову будто сдавливал огромный камень, а мысли застыли, как на морозе. Я бросил перо, так ничего не написав.

Прошло шесть лет. Несмотря на все старания Линь Бяо, «четверки» и их приспешников замучить меня, я все же остался жив, как ни странно, сравнительно здоров, не оступел и иногда могу написать что-нибудь. В последнее время мне часто приходится бывать в крематории на церемониях захоронения праха старых друзей. В большом зале я вспоминаю о многом. Вот опять звучит траурная мелодия, и я мысленно переносусь из переполненного большого зала в средний, где нас было от силы двадцать-тридцать человек, плакавших в последнем прощании над телом Сяо Шань. Я вспоминаю слова Цзюэсиня из «Семьи»: «После смерти Жуйцзюэ словно бы превратилась в злого духа, приносящего несчастье». Кто бы мог подумать, что тогда, сорок семь лет назад, я написал эти слова о самом себе! Я не плачу, но, кажется, бесчисленные острые когти рвут мое сердце. Я стою у тела умершей, смотрю на ее бледное лицо, на губы, за которыми исчезло столько слов, столько мыслей, стискиваю зубы и повторяю в душе ее имя. Я старше ее на тринадцать лет, почему же не я умер раньше? Какая несправедливость! Чем же она провинилась? Ведь ее тоже загнали в «коровник», навесили бирку «вредная нечисть», заставили подметать улицы. Так за что же? Все очень просто: она была моей женой. Когда она заболела, ее не лечили, тоже потому, что она моя жена. Всякими правдами и неправдами уже за три недели до смерти удалось по знакомству положить ее в больницу. Но опухоль уже пустила метастазы и захватила печень.

Она не думала умирать, хотела жить, мечтала перестроить свое сознание, увидеть построенный социализм. И это были вовсе не химеры. Она на самом деле могла бы жить, если бы не была «вонючей бабой черного короля». Короче говоря, она пострадала из-за меня, я ее погубил.

Ей пришлось претерпеть все те душевные муки, которые выпали на мою долю в те годы, когда я был «отстранен». Но мне побоев не досталось, а ее избили ремнями с медными пряжками приехавшие из Пекина хунвэйбины; кровоподтек над левым глазом сошел только через много дней. Сяо Шань пострадала, защищая меня. При виде молодчиков, вломившихся к нам посреди ночи, она испугалась за меня, выскользнула за ворота и побежала за помощью в отделение милиции, что напротив нашего дома. Но там оказался лишь один дежурный, не посмевший вмешаться. И вот на глазах милиции ее зверски отстегали ремнями с медными пряжками, отволокли в дом и заперли нас обоих в уборной.

Она не только делила со мной страдания, но и успокаивала, подбадривала. Когда бушевала кампания против «четырех старых» в Шанхайском отделении Союза китайских писателей, я числился «преступником» и «предателем». Тяжелое было время. Нередко я возвращался домой лишь в десятом часу вечера. Входя в дом, я видел, как рассеивается мрачное облако тревоги на ее лице, и мог излить ей все свои обиды и горести. Одно время мы засыпали только после двух таблеток снотворного, но просы-

пались, едва занимался день. «Тяжелые времена», — жаловался я, и она откликлась тем же тоном: «Тяжелые времена», но тут же добавляла: «Но надо держаться» или «Выдержать — значит победить». Я говорил «Тяжелые времена», потому что тогда я изо дня в день работал в «коровнике», «учился», писал показания, самокритику, отчеты о своем перевоспитании. Каждый мог ругать и поучать меня, командовать мною. Приезжавшие в отделение Союза из других мест для «установления контактов» могли, когда им вздумается, выставить меня «на показ толпе» и требовать признания в совершении «преступлений». Рабочий день никак не ограничивался, его продолжительность устанавливала по своему усмотрению «группа контроля», ведавшая «коровником». Любой мог ворваться в мой дом и унести, что понравится. В то время еще не устраивали больших собраний массовой критики и борьбы и передач о них по телевидению, но до этого было уже недалеко.

Сяо Шань говорила «тяжелые времена» потому, что ее таскали по комиссиям, посылали на принудительные работы, то и дело прорабатывали на митингах. На стенде «большой критики» посреди улицы Хуайхай были расклеены дацзыбао с описанием моих «преступлений», мое имя было выставлено «на обозрение масс», уже не говоря о том, что имя «воющей бабы» красовалось на самом видном месте. Эти иероглифы, как черви, точили ее сердце. Как-то студенты Шанхайского театрального училища из группировки «неистовых» ворвались в наш дом и поволокли Сяо Шань в Отделение союза писателей, а на воротах дома повесили дацзыбао с разоблачениями ее мнимых преступлений. Хорошо еще, что сын ночью сорвал эти дацзыбао. Они могли стоить ей жизни!

Презрение, язвительные насмешки подтачивали душевные и физические силы Сяо Шань. Я замечал, что здоровье ее ухудшается. Внешнее спокойствие было обманчивым. Душевная боль — это же как кипящая вода в котле, каково было скрывать и умирять ее! Она постоянно тревожилась за меня и одновременно старалась успокоить, показать, что верит в меня. Конечно, она видела, что положение мое становится все серьезнее, давление — все сильнее, и это страшило ее. Одно время она провожала меня до работы и встречала вечером: шла до начала улицы Цзюйлу, на которой находилось Отделение союза, а потом выходила на Хунаньскую улицу недалеко от нашего дома и всю дорогу не поднимала головы. Я понимал Сяо Шань, болел за нее душой, боялся, что она не выдержит тяжелых ударов. Однажды, помню, после работы мы, как обычно, пришли домой. Особых неприятностей в тот день не испытали, и она в хорошем настроении пошла на кухню. Я развернул свежую газету и на третьей странице увидел статью «До конца разоблачим подлинное, контрреволюционное лицо Ба Цзинья», написанную двумя писателями-рабочими, которые тогда главенствовали в отделении Союза. Это был смертельный удар! Пробежав две-три строчки, я поспешно спрятал газету, боясь, как бы она не попала на глаза Сяо Шань. Она вошла с приготовленной едой, все еще улыбаясь. За ужином оживленно говорила, смеялась. Потом решила почитать газету. Я пытался отвлечь ее, но безуспешно. Она разыскала газету, и улыбка ее сразу погасла. В тот вечер Сяо Шань больше не промолвила ни слова. Ранним утром она вошла в комнату. Потом я узнал, что она всю ночь потихоньку проплакала. Спокойный вечер был испорчен. Сейчас, когда я вспоминаю то время, ее заплаканное лицо стоит у меня перед глазами. Как я хотел, чтобы высохли ее слезы и вновь засияла улыбка на ее измученном лице! Я бы с радостью отдал несколько лет своей жизни за один только спокойный, тихий вечер в семье.

Невестка Чжоу Синьфана рассказывала, что жену Чжоу незадолго до смерти мучители не раз принимались швырять туда-сюда, как мяч; на ней живого места не оставалось. Ее уговаривали бежать, скрыться, а она сказала: «Если я убегу, они вот так же возьмутся за моего дорогого Чжоу». Сяо Шань, правда, не довелось, испытать таких изощренных телесных пыток, но в духовном смысле ее тоже швыряли, как мяч. И она так же рассуждала: если ей достанется больше мучений, то, может быть, уменьшится давление на меня. Но это была чистойшей фантазия, в конце концов, страдала лишь она сама. Невыносимо больно было видеть, как она сохнет день ото дня, как постепенно в ней угасает пламень жизни. Я уговаривал ее, успокаивал, хотел помочь — все напрасно.

Сяо Шань часто спрашивала меня: «Когда же будет решено твое дело?» Я отвечал с горькой усмешкой: «Когда-нибудь, в конце концов, будет решено». Она вздыхала: «Боюсь, я не дождусь этого». Потом она заболела. Ее уговаривали вызвать меня

из «школы кадров седьмого мая». Не знаю, откуда у нее были сведения, но она отказалась: «Он как раз пишет самокритику, не надо его отрывать. Может быть, решится его дело». Когда я приехал на побывку из «школы», Сяо Шань уже не вставала с постели. Она спросила, как я писал самокритику и решено ли дело. Я тогда действительно писал самокритику, да ведь я делал это уже много раз. Меня заставляли писать только затем, чтобы вконец измотать. Но как она могла это знать?

До кончины Сяо Шань оставалось всего немногим больше двух месяцев. Раковые клетки пустили метастазы, но мы этого не знали. Хотели позвать доктора, чтобы осмотрел ее хорошенько, но ничего не вышло. Положено было записаться в больнице на амбулаторный прием, и после долгого ожидания вас принимал врач или практикант, выписывал какое-нибудь лекарство, и весь разговор. Если температура доходила до 39°, вы имели право записаться на внеочередной прием или можно было сидеть полдня в переполненном больными смотровом кабинете. Раздобыть какой-нибудь транспорт тогда было очень трудно. Чаще всего наш зять одалживал у кого-нибудь велосипед, усаживал Сяо Шань в седло и потихоньку вел велосипед. Однажды она наняла велорикшу, а на обратном пути никого найти не удалось. Поплелась пешком с приятельницей, которая сопровождала ее к врачу. Брели с передышками, остановками, на перекрестке она чуть не упала. Стали умолять прохожих сообщить домой. Там как раз оказался один из племянников Сяо Шань — пришел ее навестить. Он принес ее домой на спине. Она надеялась, что рентгеновский снимок поможет установить точный диагноз, но рентгена добиться не удалось. Наконец, с помощью одного из ее родственников, по знакомству, сделали два снимка. Диагноз — рак кишечника. Потом один из друзей, опять же, используя связи, устроил ее в больницу. Она так радовалась, надеялась, что в этом спасение. Она одна не знала об истинном своем состоянии. В больнице Сяо Шань пробыла всего три недели.

Отпуск мой кончился, я просил дать мне еще один, хотя бы на месяц, чтобы ухаживать за больной. Состояние ее с каждым днем ухудшалось, и я не хотел оставлять ее без внимания. Но когда я попросил о продлении отпуска, вожак «рабочего, пропагандистского отряда» в отделении Союза потребовал, чтобы я на следующий же день возвращался в «школу кадров». Пришел домой, Сяо Шань спросила, скрыть было невозможно. Она вздохнула: «Поезжай спокойно», — и отвернулась, чтобы я не видел ее лица. Дочь и зять, присутствовавшие при этом, ни о чем не спрашивая, побежали на улицу Цзюйлу объяснить ситуацию тому самому вожаку «рабочего пропагандистского отряда», надеясь, что он все же согласится оставить меня еще на какое-то время в городе ухаживать за больной. Но этот бонза, «строгий блюститель закона», заявил: он не врач, и незачем ему оставаться дома. «Это повредит его перевоспитанию». Они вернулись домой возмущенные, но сказали лишь, что не получили разрешения (потом уж они пересказали его «изречения»). Ну, что тут скажешь? Завтра снова отправлюсь в «школу»!

Всю ту ночь Сяо Шань плохо спала, да и я, конечно, тоже. На следующий день рано утром в доме совершенно неожиданно появился сын. Оказывается, он приехал глубокой ночью. Он жил и работал в деревне на поселении. Получив письмо из дому, выпросил отпуск, чтобы повидаться с матерью, но не думал, что она так плоха. Я только посмотрел на него, передал ему мать и поехал в «школу».

Настроение у меня было хуже некуда. Я все никак не мог понять, как это все могло случиться. Целых пять дней в «школе» я не получал вестей из дому. Сяо Шань была так тяжело больна, а мне не давали возможности даже узнавать о ее состоянии. Невыносимо тяжелы были эти пять дней! Вечером пятого дня главварь цзаофаней сообщил нам, что на следующий день утром мы все возвращаемся в город на собрание. Вот так я снова вернулся домой, увидел жену. Благодаря помощи друзей она могла лечь в больницу имени Сунь Ятсена, в палату для раковых больных. Все уже было подготовлено, на следующий день надо было ложиться. Сяо Шань так надеялась, что увидит меня до больницы, и вот я вернулся. Я даже не представлял себе, что болезнь будет прогрессировать так быстро. Мы увиделись, и я не мог вымолвить ни слова. Она сказала только: «Наконец-то, меня кладут в больницу». Я ответил: «Не волнуйся, лечись». Пришел ее отец; старик был совсем слеп, навещать ее в больнице ему было очень трудно, и он пришел проститься с дочерью.

После обеда я пошел на собрание, где прорабатывали людей, надевали на них колпаки контрреволюционеров. Среди них был и мой знакомый, Ван Жован², тоже писатель,

моложе меня. Мы некоторое время были вместе в «коровнике», его обвиняли как «правового со снятым ярлыком». Он не покорился, не проявил смирения, вывесил дацзыбао с призывом «освободи себя сам», и поэтому обвинения против него становились все серьезнее.

Мало того что его довольно долго держали в заключении, теперь еще надели колпак контрреволюционера и отправили на трудовое перевоспитание под усиленным надзором.

Собрание казалось мне каким-то нелепым сном. Наконец оно кончилось. Я пришел домой, увидел Сяо Шань, и меня охватила необъяснимая нежность и теплота. Ведь я вновь вернулся к людям. Но ей было плохо, она не могла говорить, лишь изредка произносила одно-два слова. Я помню, она два раза сказала: «Я не увижу». «Не увидишь чего?» — спросил я. Спустя немного она проговорила: «Не увижу твоего освобождения». Ну что я мог на это сказать?

Сын сидел рядом, горестно уронив голову; он упал духом, за ужином почти не ел, ему как будто нездоровилось. Вдруг Сяо Шань спросила шепотом: «Почему он не на работе?» Сын к тому времени уже пробыл три с половиной года в горной деревне провинции Аньхой. Он не находился под надзором, но прокормить себя не мог, а поскольку он к тому же был моим сыном, то был лишен многих гражданских прав. Сначала он научился молчать, потом — курить. Я глядел на него — меня мучили совесть и раскаяние: не надо было в свое время писать книги и уж тем более производить на свет сына и дочь. Я вспомнил, как два года назад, в невыносимо тяжелое время, Сяо Шань рассказала мне: «Дети говорят: отец натворил беды, навлек несчастье на семью». Меня будто ножом резануло по живому. Я не проронил ни слова, проглотил слезы.

Сяо Шань ненадолго заснула. Проснувшись, вдруг спросила: «Тебе завтра идти?» «Нет», — ответил я. Тот самый вожак «пропагандистского отряда» распорядился сегодня, чтобы я не возвращался в «школу кадров». Он еще спросил: «Ты знаешь, чем больна Сяо Шань?» «Знаю», — ответил я. На самом деле дома от меня скрывали правду, но из его вопроса мне все стало ясно.

На следующий день утром Сяо Шань отправлялась в больницу. Дочь, зять и один из друзей сопровождали нас. Она надела хорошее платье, ждала машину, волновалась. Я видел, как тяжело ей расставаться со всем, что ее окружало. Она непрерывно оглядывалась, может быть, думала, что всего этого больше не увидит. Я проводил ее, а на сердце лег еще один тяжелый камень.

В течение двадцати дней я ежедневно проводил в больнице большую часть дня, ухаживал, дежурил около ее постели, говорил с ней. Положение ухудшалось, она слабела с каждым днем, опухоль росла, двигаться становилось все труднее. В больнице в то время обслуживающего персонала не было. Кроме питания, все нужно было обеспечивать самим. Потом я услышал, как соседки по палате с похвалой называли ее «сильной», рассказывали, что она утром и вечером без единого стога, с мучительными усилиями спускалась с кровати и шла в туалет. Врач объяснил нам, что больная не выдержит операции, что самое страшное — это непроходимость кишечника и что, если она не возникнет, больная еще протянет некоторое время. После августа 1966 года эти полмесяца в больнице, последние наши с нею спокойные дни, были для меня и горькими, и счастливыми. Я до сих пор не могу забыть их. Но через полмесяца болезнь снова набрала темп, и однажды в обед меня позвал врач. Он сказал, что образовалась непроходимость кишечника и необходима операция. Уверенности в благополучном исходе нет, могут возникнуть осложнения. Но без операции последствия даже трудно себе представить. Он требовал моего согласия и просил уговорить Сяо Шань. Я уже принял решение и пошел к ней в палату. Я все ей объяснил, а она лишь сказала: «Видно, придется нам расстаться». Она смотрела на меня полными слез глазами. «Ну-ну, все обойдется...» — начал было я, но голос пресекал. Пришла старшая медсестра, стала ее успокаивать: «Ничего, ничего. Я буду при вас». «Вы со мной, вот и хорошо», — произнесла Сяо Шань. Времени оставалось мало, врач и старшая медсестра очень быстро все подготовили, Сяо Шань повели в операционную, ее племянник ввел ее туда, а мы остались ждать в коридоре. Через несколько часов ее вывезли, и сын отвез ее обратно в палату. Он дежурил около нее еще ночь, а через два дня сам заболел: у него обнаружили гепатит, который он привез из анхойской деревни. Мы хотели скрыть это от Сяо Шань, но как-то так получилось, что она узнала и все время спрашивала: «Как он себя чувствует?» А я и сам не знал о его состоянии и не мог ее успокоить. Вечером я вернулся домой, там было так пусто, глухо, тихо, что мне захотелось крик-

нуть: «Ну же, валитесь на мою голову все беды и несчастья, я все выдержу!»

Я был признателен сердечной и доброй старшей медсестре за ее сочувствие. Можно было полностью положиться на нее в заботах о сыне. Она все уладила: отвела его к врачу, на обследование, поместила в изолятор, обеспечила своевременное лечение и уход. В изоляторе он весь извелся беспокойством о матери, все ждал, когда ей станет лучше. А она, с трудом выговаривая каждое слово, то и дело спрашивала: «Что с Танта-ном?» По ее полным слез глазам я понимал, как ей хочется увидеть любимого сына, но у нее уже не оставалось сил.

Каждый день ей делали переливание крови, вливали физиологический раствор. Задыхаясь, прерывающимся голосом она спрашивала: «Так много крови перелили. как же быть?» Я ее успокаивал: «Не волнуйся, с этим все в порядке, главное — лечись». Несколько раз она проговорила: «Мучение тебе со мной». Почему же мучение? Я мог что-то делать для своего самого любимого человека, пусть хоть самую малость, и потому был рад! А потом ей стало совсем худо. Стали давать кислород, весь день она лежала с трубкой в носу. Несколько раз просила ее убрать, но мы уговаривали, и она терпеливо все переносила. После операции Сяо Шань прожила всего пять дней. Кто бы мог подумать, что она так быстро уйдет! Все эти пять дней я дежурил у ее постели, молча глядя на ее страдания (я представлял себя на ее месте, переживал ее муки). Она не жаловалась, не роптала, только два-три раза просила убрать кислородную трубку и беспокоилась, сможем ли мы оплатить такое количество перелитой крови. При виде знакомых у нее появлялось такое выражение, будто она просила извинить ее за причиненное беспокойство. Она была удивительно спокойна, но совсем не спала, лежала все время с широко открытыми глазами, такими большими, красивыми, ясными. А я смотрел, смотрел на нее, как на догорающую свечу. Как я хотел, чтобы всегда светились эти глаза! Как я боялся, что она покинет меня! Пусть будут искромсаны на мелкие кусочки все четырнадцать томов моих «зловредных книг». лишь бы она могла спокойно жить!

Как-то я перечитывал книгу Меринга «Карл Маркс. История его жизни». Там приводится отрывок из письма Маркса дочери, в котором он рассказывает о смерти своей жены. «Силы оставили ее вовремя... Болезнь приняла характер постепенного умирания, словно от старческой слабости. Даже в последние часы — никакой борьбы со смертью: медленное погружение в сон; ее глаза стали еще больше, красивее, лучистее». Я очень хорошо запомнил это место. Жена Маркса тоже умерла от рака. Глядя на большие, красивые, лучистые глаза Сяо Шань, я вспомнил строки из письма Маркса и немного успокоился. Мне сказали, что она тоже «не боролась со смертью», тоже «медленно погружалась в сон». Я так пишу потому, что в момент, когда она покинула этот мир, меня не было рядом. В тот день, воскресенье, к нам домой с утра должны были прийти из санитарно-эпидемиологической станции делать дезинфекцию, поскольку сын заболел гепатитом. Двоюродная сестра Сяо Шань была свободна и согласилась ухаживать за ней; мы договорились, что после обеда я ее сменю. Но только мы сели обедать, как дочь вызвали по телефону в больницу, сказали, что с мамой плохо. Это был гром среди ясного неба! Мы, дочь, зять и я, помчались в больницу. С кровати Сяо Шань уже и матрац сняли. Нам сказали, что она в покойнице. Мы поспешили вниз и у двери столкнулись с ее двоюродной сестрой. Она нашла кого-то, чтобы помогли отнести «переставшую дышать» больную.

Ее еще не успели положить в железный ящик, чтобы поместить в холодильную камеру. Она лежала на носилках, но уже плотно завернутая в белую простыню, лица не было видно, только имя на табличке. Я нагнулся, и несколько раз погладил белую ткань, еще сохранявшую немного форму человека, плакал и повторял ее имя. Всего несколько минут. Какое же это прощание?

Двоюродная сестра, по ее словам, тоже не уловила момента кончины Сяо Шань. Та попросила: «Позови врача». Врач пришел, но не нашел ничего необычного. Потом Сяо Шань стала медленно «погружаться в сон». Сестра подумала, что она уснула, и только когда пришла медсестра сделать укол, обнаружилось, что сердце Сяо Шань уже не бьется. Я не смог с нею проститься, не смог так много ей сказать. Она не могла покинуть меня, не сказав прощального слова! Я потом часто думал: она попросила свою сестру позвать доктора. Очень может быть, что она сказала не «позови врача», а «позови почтенного Ли»³ (обычно она так меня называла). Почему, почему именно в то утро я не сидел у ее постели? Никого из домашних не было около нее, она умерла совсем заброшенная!

Зять сразу же известил о смерти Сяо Шань немногих родственников. Жена ее младшего брата прибежала в больницу и упала в обморок. Через три дня в крематории Лунхуа состоялась церемония прощания. Никто из друзей Сяо Шань не пришел: мы никому не сообщили, и к тому же я уже семь лет находился под следствием. Не было траурных речей, толпы сочувствующих, слышался только надрывающий сердце плач. Я сердечно поблагодарил пришедших на похороны родственников и нескольких друзей и однокашников моей дочери, пришедших помочь. Я попрощался с телом Сяо Шань. Дочка, глядя на ее лицо, горько плакала. А сын в своем изоляторе даже и не знал, что мать, давшая ему жизнь, уже умерла. Стоит еще упомянуть о сыне одного нашего покойного друга, о котором Сяо Шань в течение многих лет заботилась, как о собственном ребенке. Он приехал из Пекина только для того, чтобы последний раз увидеть ее. У этого технаря, постоянно имеющего дело с железками, сердце оказалось не железное. Когда он получил телеграмму, жена сказала ему: «Поезжай, а то всю жизнь сердцу покоя не будет».

Я постоял немного около уже изменившейся Сяо Шань, нас сфотографировали. Я подумал с горечью: в последний раз. Пусть останется у меня этот образ; на него так больно смотреть, но все равно снимок будет для меня дороже любых сокровищ.

Все было кончено. Через несколько дней мы пришли в крематорий, получили урну с прахом и сдали на хранение. Через три года я забрал ее домой. Меня уговаривали захоронить прах, но я поставил урну у себя в спальне, чтобы мы всегда были вместе.

Кончились времена, похожие на кошмарный сон. Шесть лет промчались, как одно мгновение, и остались где-то далеко позади. Хотя какое там мгновение! Сколько крови и слез пролито за это время! И не только за эти шесть лет. В течение полугода, пока я писал это повествование, мне часто приходилось бывать в большом зале крематория, чтобы отдать последний долг и почтить память друзей, загубленных «четверкой». Горько и больно думать, что они не смогли отдать социалистической родине свой ум и талант. Каждый раз, повязывая траурную ленту и вдевая в петлицу бумажные цветы, я думаю о своем самом любимом друге. Она просто любила литературу, была не очень удачливым переводчиком, имела доброе сердце. Она часть моей жизни, и в ее прахе есть мои слезы и кровь.

Сяо Шань была одной из моих читательниц. Впервые я увидел ее в 1936 году в Шанхае. В 1938 и 1941 годах в Гуйлине мы жили вместе, а в сорок четвертом, в Гуйяне, поженились. Когда мы познакомились, ей не было двадцати, и я несую большую ответственность за ее взросление. Она читала мои книги, писала мне письма, а встретившись со мной, влюбилась. Еще до нашей встречи ее исключили из средней школы за участие в движении учащихся; она вернулась в деревню, а через некоторое время вновь уехала и поступила в другую школу. Если бы не встреча со мной, она наверняка поехала бы в тридцать седьмом или тридцать восьмом в Яньань.

Восемь лет она говорила мне о своей любви, и вот мы поехали в Гуйян и поженились; разослали извещение, но свадебного пиршества не устраивали. Из Гуйяна мы сначала поехали в Чунцин. Жили там в восьмиметровой комнатухе под лестницей на нижнем этаже дома на улице Республики, где размещалось отделение розничной продажи издательства «Культура и жизнь». Сяо Шань, купив четыре стакана, завела наше маленькое хозяйство. Она прожила со мной жизнь, полную невзгод. В разгар антияпонской войны нам пришлось бежать из Гуанчжоу: через десять часов туда вошли японские войска. Из Гуандуна в Гуанси, из Куньмина в Гуйлинь, из Цзиньхуа в Вэньчжоу; мы разлучались и соединялись вновь, а потом опять разлука. В мои двухтомные «Путевые заметки» частично вошла хроника этой жизни. Сорок лет назад один мой приятель ругал меня: «Ну что это за литература!» А после выхода в свет Собрания сочинений другой приятель говорил, что не следовало включать их в Собрание. И они оба были правы. В течение двух лет я неоднократно советовался с друзьями, читателями и решил не переиздавать Собрание. Но для самого себя я часто перечитывал томики «Заметок». В те годы каждый раз, когда я оказывался в беде, а друзьям, занятым своими делами, было не до меня, Сяо Шань всегда с теплотой и участием говорила: «Не горюй, я не оставлю тебя, всегда буду рядом». И только в последний раз, перед тем как отправиться в операционную, она произнесла те слова: «Нам придется расстаться».

Мы прожили вместе больше тридцати лет. Но я не помогал ей по-настоящему. Она была одареннее меня, только ей не хватало упорства и настойчивости. Мне очень нравились ее переводы прозы Пушкина и Тургенева, не вполне, правда, точные и не всегда

передававшие стиль этих писателей. Это были оригинальные литературные произведения, и мне доставляло наслаждение их читать. Она мечтала изменить свой образ жизни — ей не нравилось быть домашней хозяйкой, но опять-таки не хватило смелости, терпения. По совету одного из друзей она добилась согласия товарища Е Ицуня, тоже впоследствии замученного до смерти «четверкой», и пошла работать на общественных началах в журнал «Литература Шанхая». Но вскоре во время очередной кампании ее обвинили в том, что она специально подбирает материалы старых писателей, что она подосланный мною агент. Стремясь перестроиться, она решила пойти кратчайшим путем — участвовать в движении за «четыре чистки». Нашла кого-то, порекомендовавшего ее на работу в «рабочую группу» медеплавильного завода. Работа была довольно напряженная, горячая, но она этому радовалась. Однако к тому времени меня уже решили «отстранить», и ее тоже отозвали для участия в кампании, проводившейся в Отделении союза писателей. Она впервые попала в водоворот яростной и жестокой борьбы, да к тому же в качестве жены реакционного авторитета. Она не знала, как себя вести, растерялась, не находила себе места, волновалась за меня, тревожилась за будущее детей. Надеялась на чью-нибудь помощь, но друзья покинули ее, сослуживцы сделали мишенью нападок, а некоторые рассчитывали через нее расправиться со мной. Формально она не числилась работником отделения Союза писателей или редакции журнала, но все равно ее посылали на принудительные работы, вешали на грудь доску с позорной надписью, таскали на проработки. Через некоторое время, когда она, написав самокритику с признанием преступлений, вернулась домой, главарь цзаофаней отделения Союза писателей распорядился, чтобы уличный комитет заставил ее мести улицы. Она боялась, что люди ее увидят, вставала чуть свет, бралась за метлу, подметала улицу пока хватало сил, возвращалась домой, запирала ворота и переводила дух. Но иногда ее заставляли на улице шедшие в школу дети, обзывали ее «вонючей бабой Ба Цзиня». Иногда я видел, как она возвращается с метлой, и не смел поднять глаза. Я чувствовал себя виноватым. Для нее же это было непереносимым ударом. Через два месяца она заболела, а потом уже больше не ходила подметать (моя младшая сестра ходила вместо нее некоторое время). Полностью она тогда не поправилась. Сяо Шань прожила после этого еще четыре года, но умерла, так и не дождавшись восстановления моих прав. Это было ее последним желанием. Ее смерть — не окончательное исчезновение, оно наступит вместе с моей смертью.

Я настроен отнюдь не пессимистически, еще поживу, хочу работать для нашей социалистической родины до последнего вздоха, а когда иссякнут силы, пусть у моей постели положат рассказы, переведенные Сяо Шань. После того как глаза мои закроются навеки, пусть ее прах смешают с моим.

Перевела Т. Н. СОРОКИНА

¹ Этот Сюй, возможно, выступит с «протестом»: «Надо мной еще были «начальники», я действовал в соответствии с их указаниями. Я, мол, тоже только высказывался, критиковал, а исполняли другие, нижестоящие. Они действовали в духе моих высказываний». Одним словом, инспекторы 40-х годов в подметки не годятся этой команде.

² В 1957 году Ван Жован был ошибочно причислен к правым элементам (ярлык снят в 1962 г.); недавно он был полностью реабилитирован.— Прим. авт. (В 1987 г. Ван Жован был исключен из КПК.— Прим. пер.).

³ Слова «врач» (ишэн) и «почтенный Ли» (Ли сяньшэн) отчасти созвучны. Настоящее имя Ба Цзиня — Ли Фэйгань.— Прим. пер.

Зарисовки старого Харбина

Г. МЕЛИХОВ

Русский Харбин! Город, возникший почти сто лет назад, а сегодня навсегда канувший в Лету. Точнее говоря, не сам город как таковой, а его русскоязычное население. Оно исчезло, как когда-то исчезли загадочные этруски, рассеялось по свету, успев за несколько десятков лет своей жизни внести своеобразный вклад в историю русско-китайских отношений, оставшись яркой страницей дружеских связей двух народов.

Поэт-харбинец Арсений Несмелов, чье творчество сегодня возвращается к нам, как и многих других писателей и поэтов русского зарубежья, писал в 1938 году, словно бы провидя судьбу родного города:

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой,

Пусть удел подобный горек,—
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.

Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забегит турист.

Он возьмет с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать.

Вот почему сегодня, пока не поздно, важно запечатлеть эту страницу на бумаге в очерках и исследованиях, в воспоминаниях, и тем самым как бы откликнуться на призыв поэта к историкам.

Наш журнал уже опубликовал воспоминания Е. П. Таскиной о поэтах русского Харбина двадцатых — сороковых годов (№ 3—4, 1989). С этого номера мы начинаем новую публикацию, посвященную прошлому Харбина.

Очерки доктора исторических наук Г. В. Мелихова, харбинца по рождению, представляют интерес не только как малоизвестный исторический материал, но и тем, что окрашены личным моментом, являются свидетельством очевидца.

На широкой документальной основе они рассказывают о постройке русскими и китайскими строителями Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), о закладке города Харбина, жизни и быте первых русских поселенцев Маньчжурии, тесной их связи с отечественной культурой, о дружеском общении русского и китайского народов и взаимном обогащении в различных областях.

Мелихов Георгий Васильевич, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, доктор исторических наук.

Год рождения 1898-й

Для быстрейшей постройки Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) решено было создать крупный опорный пункт строительства непосредственно на самой территории Маньчжурии. Он должен был отвечать одному, но главному требованию: сюда с наименьшими затратами мог быть обеспечен подвоз того огромного количества строительных материалов, которые были необходимы для сооружения этого гигантского транспортно-предприятия. Этим пунктом было выбрано место пересечения железнодорожной магистрали реки Сунгари. И назван он был просто: Сунгари или железнодорожный поселок Сунгари. Был еще один важный довод для решения начать деятельность Строительного управления не во Владивостоке, а в глухом, необжитом, не нанесенном пока даже на географическую карту этом «поселке Сунгари». Довод этот принадлежал А. И. Юговичу и также был вполне в стиле его руководства. Он заключался в глубоком убеждении главного инженера в том, что дорога могла быть быстро и успешно построена только при дружественном отношении к ней местного населения и при максимально эффективном использовании всех местных сил и средств. Принятый строителями КВЖД принцип постройки Восточной и Западной (а позднее и Южной) линий дороги как бы с середины, из одного базового пункта, обеспечивал последующий быстрый рост этого «поселка Сунгари» — будущего города Харбина — как такого центра. Удачное географическое положение этого нового населенного пункта, находящегося к тому же в окружении богатейшего хлебородного района, поистине, сулило ему блестящее будущее. Так и произошло. Харбин уже через несколько лет превратился в крупнейший город Северной Маньчжурии.

Строительство железнодорожного моста через Сунгари, и самого «поселка Сунгари» были включены в состав 7, 8 и 9-го строительных участков КВЖД, причем первая дистанция 9-го участка проходила практически по всей современной территории города. Начальником станции был инженер князь С. Н. Хилков — личность весьма примечательная. Следует рассказать об этом человеке, — главном строителе Харбина; летом 1901 г. к нему перешла вся постройка города.

Хилков Степан Николаевич (1866, Курск — 1916, Петроград), среднее образование получил в Курске, где его отец работал обер-машинистом на железной дороге. Институт инженеров путей сообщения, затем — в Обществе Рязанско-Уральской железной дороги, где, несмотря на свою молодость, был под руководством будущего начальника Строительного управления КВЖД А. И. Юговича и другого крупного железнодорожного строителя Тимофеева-Ресовского, начальником строительных участков.

На Китайско-Восточной железной дороге: с 1 февраля 1897 г. — начальник изыскательских и центрального строительного участка; с 1 июля 1903 г. — начальник службы пути и сооружений; с 1 марта 1906 г. — помощник и первый заместитель управляющего дорогой. Оставил службу на КВЖД 15 мая 1915 г., будучи приглашен на должность директора-распорядителя Общества Черноморской ж. д. В преподнесенном ему по случаю отъезда адресе, в частности, говорилось: «Мы давно сжились с мыслью, что Китайская Восточная железная дорога и Степан Николаевич Хилков — это есть что-то единое, неделимое. Но действительность разрушила эту иллюзию».

Штрихи к портрету: среднего роста, плотного, крепкого телосложения, лицо квадратное, волосы и глаза светлые, взгляд пристальный и строгий. Носил пенсне. Исповедовал подлинный культ работы.

Характер сердечен и справедлив, поэтому многие правильно понимали те «крепкие словечки», которые срывались подчас с уст князя. А срывались они, надо признать, довольно часто. Харбин помнил Степана Николаевича и как знаменитого ругателя. Про него ходило много анекдотов, вроде такого, например. Сел он как-то на извозчика, тот его в лицо не знал. Что-то не заладилось. С. Н. стал ругаться. Извозчик обернулся к нему и укоризненно сказал: «Такой приличный господин, а ругаетесь — как князь Хилков!...» Об этой черте Степана Николаевича рассказывал нам с отцом и дед, который часто встречался с Хилковым в 1913—1914 гг.

Дядя С. Н. Хилкова — М. С. Хилков прошел практический стаж работы на железных дорогах США, начиная с кочевара. Инженер по образованию, он впоследствии стал министром путей сообщения в России.

С. Н. Хилков принимал самое активное участие в общественной жизни Харбина — в организации работы железнодорожного собрания, Харбинского отделения Российского

Общества Красного Креста, работе всевозможных комиссий. Не было, пожалуй, такой стороны общественной жизни, в которой не участвовал бы С. Н. Хилков — князь-инженер и большой труженик.

Вскоре, вопреки официальной номинации, горожане стали называть свой город Харбином. Это название возникло и относилось сперва только применительно к Старому городу. Но постепенно распространялось все шире и шире, на все его районы, и, наконец, стало общеобиходным.

Откуда же оно возникло, это название «Харбин»?

В исторической литературе до сих пор, к сожалению, нет ни одного исследования ни по истории Харбина, ни о происхождении его названия. Постараюсь исполнить этот пробел.

О происхождении названия «Харбин» можно выдвинуть несколько гипотез.

Высказывалось мнение (Н. Штейнфельд, Э. Э. Анерт), что слово «Харбин» произошло от названия китайского селения «Хаобин», которое можно якобы перевести как «Хороший берег» или даже «Веселая могила» (?). Это селение будто бы находилось где-то в окрестностях или на месте современного Харбина. Я лично такого названия ни в китайских исторических источниках, ни в архивных документах КВЖД никогда не встречал, иероглифов его не видел, и поэтому о переводе просто ничего сказать не могу; но в научной литературе на русском языке оно встречается.

Утверждение основывается только на небольшом звуковом сходстве обоих названий. Однако, если такое селение когда-либо и существовало (а в 1897—1898 г. ничего похожего здесь не было), то китайские (?) слова «хао» и «бин» отнюдь не образовали название «Харбин», как могли бы подумать люди, незнакомые с китайским языком. Название «Харбин», в отличие от Хаобин, передается по-китайски Ха-эр-бинь; при этом китайские иероглифы, которыми пишется это название, не связаны между собой какой-либо смысловой связью и не имеют никакого общего значения то есть являются транскрипцией, как и всякое другое иноязычное в китайском языке слово. Основываясь только на одном этом фонетическом анализе, совершенно определенно можно утверждать, что Харбин — слово не китайское, не взято из китайского языка и является заимствованным и позднее окитаенным названием этой местности (или города), которое установилось ранее. Это и совершенно понятно с исторической точки зрения, потому что до конца XIX века основным населением этих мест оставались маньчжуры и монголы — коренные жители края. Китайцы же (ханьцы) были здесь пришлым, да и к тому же еще и нежелательным и нелегальным элементом, тайно от властей селившимся на этих запретных для него маньчжурских землях, принадлежавших Восьми маньчжурским знаменам и маньчжурскому императорскому двору в Пекине. Таким образом, происхождение названия «Харбин» от «Хаобин» не является обоснованным.

От какого же слова произошло производное китайское «Хазрбинь»? От русского названия «Харбин», которым основатели города, первые русские поселенцы, назвали местность, в которой поселились, и город, который они создали. То есть, Харбин — слово русское.

От какого же основного корня (слово «Харбин», конечно, не русского происхождения) образовали первые харбинцы название своего города (тогда еще, поселка)? Тут возможны, по меньшей мере, два варианта.

Дело в том, что местность, где в 1898 г. был заложен Харбин, являлась как раз одним из тех районов Маньчжурии, где в ее территорию глубоким клином врезались кочевья монгольского переднего Корциньского аймака Внутренней Монголии. Эти монгольские земли простирались здесь далеко за г. Бодунэ, возникшим в 1692 г., и вплоть до современного г. Хуланьчэна (год основания — 1876). Монгольское влияние оставалось здесь по-прежнему сильным, несмотря на то, что в 1792 г. был создан местный административный маньчжурский центр — г. Альчука (более широко нам известно его китайское название — Ашихэ или Ачэн, неправильное — «Ажехэ»). Образование Альчуки было связано с переселением сюда, в эту дотеле пустынную местность, малоимущих маньчжурских семейств непосредственно из самого Пекина, где они были «лишними ртами». Здесь, в этом районе, смешивалась, таким образом монгольская и маньчжурская культура; к ним в конце XVIII — начале XIX в. стала понемногу добавляться и китайская.

И, надо сказать, что и в монгольском, и в маньчжурском языке есть слова, имеющие корень «харб», «хараб» и пр.

В монгольском языке слово «хараба», например, означает «кость (бараньей) лопатки»

или просто «лопатка» и вполне возможно предположить, что именно так по ее форме местные монголы могли называть возвышенность Нового Города — центральной части современного Харбина. И русское слово «Харбин» могло иметь именно этот монголоязычный корень.

У маньчжуров довольно широко распространены такие собственные имена, в которых тоже встречается корень «хар», или «харб», — например, Харба (биография его приводится в 222-й главе исторического сочинения «Циньдин бацзи тунчжи» («Высочайше утвержденное Всеобщее описание восьми знамен») Харби, Харку (главы 205, 222), Хархань (глава 220), Хархацзи (главы 205 и 213) и т. д. Это имена, как правило, представителей второстепенных маньчжурских родов и владельцев (князцов) и теоретически кто-нибудь из них мог быть правителем местности, которой он передал свое имя. Напомню обоснованное утверждение Е. Х. Нилуса, который писал: «Значение этого слова (Харбин.— Г. М.) несомненно маньчжурского корня, теряется во мраке более или менее отдаленных времен: возможно даже, что оно является уцелевшим именем какого-нибудь прежнего крупного владельца». Однако в маньчжурских источниках я пока не выявил ни одного знатного маньчжура, который бы проживал в XVIII—XIX вв. в этом районе по берегу Сунгари.

На мой взгляд, все же более вероятным является другое происхождение названия местности (а по ней и города), прилегающей к большой реке (Сунгари), — тоже маньчжурское, — от слова «харба» — означающего «брод», «переправа», «перевал».

Есть вполне достоверные исторические данные о том, что в период блестящего расцвета чжурчженских племен в конце XVI — начале XVII вв. и образовалась маньчжурская народность) именно здесь, на Западной дороге, ведущей от одной из цзиньских столиц — Верхней столицы (Шанцин), (а всего столиц было шесть), в 40 км от нее была переправа через Сунгари. В XIX в. на этом месте тоже была речная переправа. Таким образом, маньчжурское название «харба», применительно к району современного Харбина, вполне соответствует характеру этой местности.

Однако в маньчжурском языке нет суффикса, соответствующего «—ин» либо какого-нибудь близкого ему по звучанию. Это исконно русский суффикс принадлежности (сравни: сестрин, мамин). По такому принципу словообразования составились названия очень многих старинных русских городов, например, г. Калязин, на Волге. Кто помнит теперь значение корня этого названия, означавшего «грязный», «грязниться»? То же в полной мере относится и к названию «Харбин». В пользу этого толкования можно привести и тот дополнительный аргумент, что в разговорной речи харбинцев длительное время сохранялось ударение на первом слоге — Харбин.

Таково возможное происхождение названия города Харбина. Но вернусь к истории КВЖД, которой этот город обязан своим возникновением. Прибытие в Харбин помощника начальника Строительного управления КВЖД С. В. Игнациуса должно было состояться уже с самого начала навигации 1898 г. Однако предварительно, конечно, следовало предпринять какие-то подготовительные шаги с тем, чтобы Строительное управление с его многочисленными отделами и службами, прибыв сюда, не оказалось бы в буквальном смысле слова под открытым небом. Одним словом, сюда заблаговременно необходимо было выслать авангард армии строителей, ее разведку. Роль такого авангарда должен был выполнить отряд инженера Адама Ивановича Шидловского из партии С. Н. Хилкова, — изыскателя, работавшего как раз в этом районе Хуланьчан-Ашихэ осенью предшествующего года. 20 марта Шидловский с обозом в 30 телег выступил из Владивостока и 24 апреля прибыл в Ашихэ. В его партии были техники Высоцкий, Попов и Равенский, два артельщика, в том числе Леонов, фельдшер, человек 20 рабочих и метеоролог В. Н. Веселовзоров, оставивший интересные воспоминания об этом путешествии и первых днях истории Харбина. Строителей охраняла Кубанская полусотня, которой командовал есаул И. Ф. Павлевский.

С этой партией прибыли и первая харбинка, первая женщина-европейка, ступившая на почву Харбина, — жена артельщика Леонова. Весь путь от Никольска Уссурийского до места назначения она прошла по существу пешком, с грудным ребенком на руках, боясь доверить его жизнь тряской китайской арбе.

В Старом Харбине отряд соединился со своими товарищами, оставленными на зиму 1897/1898 г. в Маньчжурии. Встреча была исключительно теплой. А. И. Шидловский вполне резонно предполагал, что на берегу реки найдутся какие-либо постройки, либо отдельная

усадебна, которую он сможет купить для первоначальных нужд дороги. В действительности, ничего этого не оказалось.

Старожил Харбина Владимир Николаевич Веселовзоров, в своей статье «Как был заложен Харбин» писал: «На другой день по прибытии, заседлав лошадей, мы, в числе нескольких человек во главе с инж. Шидловским, отправились на разведку к берегу р. Сунгари. Подъехав к обрыву новгородней возвышенности, приблизительно в том месте, где сейчас пролегает Офицерская улица, мы остановились в недоумении. На значительном расстоянии от нас впереди виднелась река, вдоль нее тянулась сравнительно узкая возвышенность, на которой можно было рассмотреть небольшую импань (крепостцу.— Г.М.) в том месте, где сейчас находится сунгарийская мельница; там, где теперь Городской сад, заметна была деревушка из двух-трех фанз, такая же деревушка расположилась в центре площади, занятой теперешним Фуцзядяном».

Спустя 15 лет еще один известный строитель Харбина инженер Иван Иванович Обломиевский во введении к истории харбинского Железнодорожного собрания (находившегося на Большом проспекте Нового Города) напишет:

«Если можно было бы поставить на том месте, где теперь красуется здание этого собрания кинематографический аппарат, то он запечатлел бы на своей ленте картину того, как в теплый, весенний, апрельский день 1898 года группа всадников во главе с инженером Шидловским, окруженная конною охраною, впервые пробиралась среди чумызы и гаоляна по невысокому плато, на котором теперь стоят здания Управления дороги и Железнодорожного собрания. Это была первая поездка построечников из лагеря в Старом Харбине на Пристань, где имели в скором времени начать выгружаться транспорты с пароходов и барж, прибывавших по Сунгари; вряд ли кто-нибудь из этих всадников мог представить себе в то время, что проезжает по одному из важнейших в недалеком будущем кварталов оживленного и многолюдного города».

Тогда же все здесь было иным. «Между прибрежной возвышенностью и новгородней террасой,— продолжает В. Н. Веселовзоров,— было обширное водное пространство с островками, покрытыми пожелтевшей травой. Не было видно никаких признаков дороги к берегу. Пришлось через переводчика корейца Чупрова обратиться с расспросами к подошедшим с поля и с великим любопытством рассматривавшим нас земледельцам. Сельчане объяснили, что пробраться к реке можно только по дороге, которая имеется в конце новгородней возвышенности (было указано направление к позднему Новому кладбищу). Здесь мы действительно нашли спуск на низину, и хотя дорога тоже была залита водою, но все же это была дорога и по ней мы выбрались на более высокую полосу близ реки. Импань оказалась занятой отрядом таможенной заставы в количестве ста человек».

Здесь следует сказать несколько слов о характере заселенности территории будущего Харбина к моменту появления здесь первых русских строителей КВЖД. Совершенно очевидно, что вся сумма упоминаемых этими строителями разбросанных на значительном отдалении друг от друга, среди болот и озер, рыбацких и сельских фанз, здесь, в будущей полосе отчуждения Харбина, никак не может считаться какой-либо общей застройкой, которая не образовывала не только никакого «города», но даже и селения. Они ничем не были связаны между собой; это было всего несколько точек на плане крупного современного населенного пункта.

Нисколько не собираясь умалять того объективного факта, что на территории будущего Харбина перед появлением русских строителей уже кое-где жили маньчжуры и китайцы, тем не менее, следует со всей определенностью сказать, что город Харбин был спроектирован, заложен и превращен в современный город именно русскими инженерами, построен русскими и китайскими строителями, да и появился он на географической карте только в 1898 г. и именно в связи со строительством КВЖД, постройка которой была предусмотрена межправительственным договором о военном союзе между Россией и Китаем.

Поэтому на вопрос о том, сколько лет Харбину, можно ответить однозначно.— года его рождения 1898.

Вернусь снова к воспоминаниям В. Н. Веселовзорова. «Осмотр местности,— сообщает он,— в районе, ближайшем к реке, в этот день и последующие ничего утешительного не дал.

Положение создавалось затруднительное. В начале мая ожидалось прибытие пароходов с составом Главной конторы Строительного управления, между тем готовых помещений для

приема не отыскалось и не было времени, чтобы возможно было оборудовать что-либо, кроме каких-нибудь цинопочных барачков, которые не могли, конечно, укрыть ни от дождя, ни от ветра. Кто-то из китайцев указал на расположенный вблизи нашей стоянки прекративший из-за ограбления хунхузами производство ханшинный завод. Осмотр завода, называвшегося «Сянфан», дал сравнительно удовлетворительные результаты. Здесь оказалось тридцать две фанзы, некоторые из них кирпичные (то есть сложенные из местного серого крупного кирпича.— Г.М.). Правда, заводские фанзы начали уже приходить в ветхость, но были стены и крыши. Привести в порядок эти помещения не представлялось особенно затруднительным.

Хотя «Сянфан» и находился в восьми верстах от реки, что составляло, конечно, большое неудобство, но за неимением другого выхода инженер Шидловский решил предназначить это помещение под главную контору.

Переводчик Чупров, посланный в город Ашихэ, привез двух хозяев завода, которые, после длительных переговоров, согласились уступить дороге все имение за 8.000 лан.

Быстро закипела работа по приспособлению жилищ. Привезенный штат русских рабочих, усиленный партией китайцев из г. Ашихэ, в короткий срок привел фанзы в более или менее приличный вид».

Таким образом, основным пристанищем строителей дороги на первое время стали длинные, сырые и неуютные фанзы купленного ханшинного завода, с их решетчатыми, заклеенными бумагой окнами и земляными полами. Удобств, конечно, не было никаких. Помещений тоже было, совершенно очевидно, недостаточно. А. И. Шидловский стал интенсивно строить вокруг завода цинопочные бараки. Они представляли собой каркас из бревен, обтянутый маньчжурскими цинопочками — рогожками, сплетенными из лент расщепленных гаоляновых стеблей, расположенных примерно под углом в 45° друг к другу. Из таких же цинопочек, чаще всего, делалась и крыша. Практически, такая тонкая цинопочка представляла собой сплошные дырки, и временные ажурные жилища эти продувались насквозь всеми ветрами, а в дождь протекали как решето. Годились они, конечно, только на теплый период.

Одновременно, на наиболее высоком месте сунгарийского берега, у самой кромки воды, на месте будущего Мостового поселка, а также между будущими улицами Артиллерийской, Казачьей и Яхт-клуба, возводились палатки и такие же цинопочные бараки — для встречи и приема ожидаемых пароходов и грузов.

В Старом Харбине, сначала на бывшем постоялом дворе завода «Сянфан», а затем в специальном собственном, весьма оригинальном по конструкции здании в Общественном саду, с апреля 1898 г. стала действовать первая метеорологическая станция, открытая В. Н. Веселовзоровым. Первая метеосводка была получена на территории Харбина уже 8 мая 1898 г. С тех пор сбор и обработка метеоданных продолжались без перерыва в течение всей истории русского Харбина.

...В начале мая 1898 г. на пароходе «Благовещенск», арендованном у частного Амурского общества, руководители Строительного управления во главе с С. В. Игнациусом, в сопровождении рабочих, служащих и казаков Охранной стражи, отплыли из Хабаровска, держа курс на «поселок Сунгари».

9 июня 1898 г., наконец, показался слева по ходу русский флаг, шалаши — белые и желтые, и стоявший близ берега пароход. Это тремя днями раньше, проделав такой же путь из Хабаровска, сюда пришел пароход «Св. Иннокентий». «Благовещенск» причалил к берегу, Строительное управление КВЖД прибыло на место постройки будущей дороги. С прибытием пароходов сразу же закипела полнокровная интенсивная жизнь, приступили к первоочередным работам.

Главная контора разместилась в наиболее просторном цинопочном бараке. Тут же невдалеке, в саманных фанзах были отведены первые квартиры для А. И. Юговича и С. В. Игнациуса. В тот же день во временном бараке открыла свои двери и первая железнодорожная больница. Первыми представителями европейской медицины в Харбине были главный врач КВЖД М. И. Полетика и врач-хирург Свентицкий, оставшие о себе у строителей дороги добрую память. Они и практиковали в этой первой Железнодорожной больнице в Старом Харбине, на смену которой вскоре пришла капитальная, превосходно оборудованная Центральная больница КВЖД в Новом Городе. Внутри бывшего завода «Сянфан» в одной из фанз начала работать небольшая столовая для строителей, которой заведовал ресторатор Агрести, грузин по национальности, первый частный предприниматель в Харбине; позднее его сменил И. А. Приказчиков. Открылась и первая,

тоже частная, гостиница — «Номера для проезжих Гамартели» — маленькая грязноватая, с постоянно переполненными номерами, расположенная в одноэтажном низком здании с узкими подслеповатыми окнами. К июлю уже начало свои операции — также в одном из барачков — отделение Русско-Китайского банка во главе с С. Б. Габриелем. Начала торговлю популярная на Дальнем Востоке фирма И. Я. Чурина.

24 августа в Старом Харбине появилась вывеска первого парфюмерного и галантерейного (французского) магазина и парикмахерской Руссиаль (позднее — Бланш). Первым открытым в Харбине кафе-кондитерской было предприятие Ю. П. Набиевского. Оно славилось на весь город и даже получило в 1911 г. международную премию на выставке в Риме. Здесь же в 1898 г. функционировала «Мясная Баха».

Руководители постройки позаботились и о типографии. В 1899 г. в саманном доме были установлены 4 первые новенькие типографские машины КВЖД.

Администрация дороги не забыла и о том, чтобы дети рабочих и служащих, приехавшие вместе с родителями в Маньчжурию (хотя их было и немного), могли учиться. Открытие первого учебного заведения в Харбине (небольшой начальной школы) состоялось уже 6 декабря 1898 г. Учителем в ней стал И. С. Степанов.

Иван Степанович Степанов, старейший харбинский педагог, родился в 1861 г. В 1882 г. окончил Учительский институт в Поливановске Московской губернии. Решив, что его труд будет более всего нужен на Дальнем Востоке, в 1898 г. прибыл в Маньчжурию и прожил здесь всю свою жизнь.

Он и подал ходатайство об открытии в Старом Харбине школы. Это начинание горячо поддержала М. И. Югович, супруга главного инженера, ставшая добрым попечителем школы. Большой заслугой этих двух уважаемых людей было то, что они добились, чтобы обучение в школе было бесплатным. И не только обучение. Дорога отпускала средства на приобретение школой учебных пособий, книг и тетрадей. В то время лишнего школьного букваря нельзя было найти даже во Владивостоке. Иван Степанович сам составил букварь и немедленно бесплатно отпечатал его в типографии КВЖД.

В 1900 г. на нужды школы было отпущено сразу 5,5 тыс. рублей. На эти средства обзавелись двумя библиотеками — для учителей и для учеников (в них к 10-летию школы в 1908 г. было уже около 3 тыс. книг), приобрели т. н. волшебный фонарь с картинами по различным отраслям знаний и закупили учебные пособия.

В школе сначала училось 11 детей, затем 20. Считаю, что при такой нагрузке он работает не в полную силу, И. С. Степанов открыл еще занятия с приглашенными в школу китайцами. Это был первый опыт организованного обучения китайцев русскому языку в Маньчжурии. Только первый, но далеко не последний. Китайских учеников было 32 человека, и всех их педагог выпустил умеющими читать и немного писать по-русски.

Но уже в следующем году число русских учеников возросло до 70. Был приглашен второй учитель — Гликерия Николаевна Павлевская. В 1900 г., несмотря на события, связанные с движением ихетуаней в Маньчжурии, учащихся стало 93; в 1901 г. — 140; в 1902 г. — 207.

Жилых и производственных зданий остро не хватало. Работы по строительству и приспособлению имеющихся помещений для Строительного управления в Старом Харбине, были вскоре поручены специальному производителю работ — инженеру А. К. Левтееву. Его помощником был инженер В. К. Вельс.

«Мы строили, — рассказывал он, — обычным китайским способом с той лишь разницей, что ставились европейские печи, двери, окна, полы и т. д. Потолки оклеивались бумагой, рамы делались одиночные из-за необходимости экономить оконные стекла. Способ же постройки был такой: вкапывались в землю столбы с готовыми поперечными и потолочными балками в три сажени длиной; тут же на месте приготавлился «саман», представлявший собой смесь глины, рубленой соломы и даже обыкновенного навоза; из получавшейся таким образом смеси приготавливали нечто вроде кирпича полуторного размера. Работали главным образом китайцы, которых поставлял подрядчик Цай Линби. Потребность в помещениях, хотя бы таких примитивных, все возрастала, так как служащие продолжали съезжаться. Вскоре прибыла бухгалтерия, технический отдел и т. д.»

Отмечу, что некоторые из возведенных в то время саманных домов сохранялись в Старом Харбине в течение, по крайней мере, 50 последующих лет. В одном из них помещалась, например, до 1926 г. упоминавшаяся выше Типография дороги,

т. е. постройки эти делались добротнo и были очень прочными.

В Старом Харбине разместился и штаб постепенно прибывавшей в Маньчжурию с 1898 г. Охранной стражи КВЖД.

Поселок Старый Харбин быстро рос. В нем застраивались все новые и новые улицы, названия которых отражали специфику строительства и охраны дороги. Центральной была Военная улица (конечный отрезок будущего Старохарбинского шоссе); параллельные ей были: Ветеринарная, Офицерская, Армейская и Штабная улицы. На последней в одном из саманных домов помещался Штаб Охранной стражи. Между Штабной и Охранной улицами находился весьма популярный Городской сад. Между ними пролегли — Фуражная, Лагерная, Обозная, Солдатская улицы и многие другие.

Территория Старого Харбина и вокруг ханшинного завода «Тяньцзя» стала заселяться и китайцами, находившими здесь постоянную и выгодную для себя работу.

В первые месяцы с начала строительства дороги и Харбина, основная хозяйственная и культурная жизнь развивалась именно в Старом Харбине, который был тогда признанным центром, лишь до известной степени разделяя эту роль с другим городским районом — «пристанью Сунгари» — как он первое время назывался. Сообщение с этим будущим цветущим торговым центром города — Пристанью — осуществлялось по проселочной дороге, идущей вдоль берега реки, через китайскую деревушку Фуцзядянь к восточному краю Новогородней террасы; затем по ней к центру и через Ручей (как тогда называлась речка Модяговка) в Старый Харбин. Через Модяговку для этих целей был переброшен первый в этой местности мост, располагавшийся на продолжении позднейшей Стрелковой улицы. После распланировки и выпрямления эта последняя часть пути получила название Старохарбинское шоссе. На месте пересечения шоссе и Модяговки в 1904 г. был построен постоянный капитальный каменный мост. В 20-х годах все улицы, ведущие от вокзала до Старого Харбина, были переименованы в один Хорватовский проспект.

Существует традиционное представление, что первых русских и других представителей многонациональной Российской империи в Харбине в начальные годы его существования — в 1898—1903 гг. — было немного, — конечно, более, чем несколько сот человек, но едва ли даже две-три тысячи. Это совершенно неверно. Данных о населении Харбина и полосы отчуждения в 1898 г. у меня нет, но уже в 1899 г. в одном только Харбине насчитывалось около 14 тыс. чел. выходцев из Российской империи, причем, представителей самых различных ее национальностей — русских, поляков, евреев, армян, грузин — всего до 28. Первые представители этих различных национальностей приехали сюда еще в составе изыскательских партий; другие — с обозами строителей.

Самой многочисленной в Маньчжурии после русской была польская национальная группа. Очень много поляков работало непосредственно на КВЖД в качестве служащих и технического персонала разных рангов. Поляки объединялись вокруг своего клуба «Господа Польска». Н. Кравченко, автор книги «В Китай! Путевые наброски художника» (СПб, 1904 г.) писал: «Главный контингент служащих на дороге — поляки. Поляки кондуктора, поляки начальники станций, поляки — машинисты. Во всех затруднительных случаях идет объяснение на польском языке, очень скоро приводящем к обоюдному соглашению при всяком недоразумении».

Таким образом, Харбин сразу стал складываться как город многонациональный, и, надо сказать, что за всю его историю здесь не было каких-либо публичных проявлений национальных антагонизмов, сохранялась всегда исключительная национальная, расовая и религиозная терпимость. Это происходило, видимо, потому, что все выходцы из России в равной степени чувствовали себя пионерами этого сурового и пустынного края, разделяли друг с другом все трудности его освоения, все называли себя «россиянами», а еще, может быть, и потому, что всем находилось дело и никто никому не мешал.

Пример в «национальной политике» в Харбине опять же подавали руководители постройки. А. И. Юговичу, С. Н. Игнациусу, С. Н. Хилкову, а позднее первому управляющему КВЖД, генерал-лейтенанту Д. Л. Хорвату, — всем одинаково была чужда какая-либо национальная ограниченность. Хочется отметить, что несмотря на неудобства и лишения, жизнь первых харбинцев-железнодорожников протекала поистине в завидных условиях. Труд их хорошо оплачивался, они быстро обеспечивались благоустроенными казенными квартирами, пользовались многочисленными привилегиями и льготами. В богатой природными ресурсами Маньчжурии всего было в изобилии. Цены на основные продукты питания были дешевые. Вместе с тем не будем забывать и о том, что бурный

расцвет Харбина и Маньчжурии был обусловлен благотворным потоком лившегося на них русского золота. Именно в этот период в Южной Маньчжурии, например, русскими руками и на русские деньги были созданы города Порт-Артур и Дальний, Южная ветка КВЖД и т. д., которыми после 1905 г. в течение 40 лет пользовалась империалистическая Япония.

Мне приходилось слышать высказывание, что англичане, приезжая на новое место жительства, прежде всего устраивают здесь крокетную площадку и клуб, а русские — церковь и кабак. Не знаю, есть ли для такого обобщения какие-либо реальные основания. Но в Маньчжурии при постройке КВЖД так оно в сущности и было.

Первая на месте Харбина маленькая домовая церковь была открыта в доме Анпера в Старом Харбине уже в феврале 1898 г. Первым православным священником, пионером Маньчжурии, стал о. Александр Журавский, приехавший сюда еще в 1897 г. С прибывшими в Харбин в 1899 г. частями Охранной стражи дороги здесь оказался и о. Сергей Брадучан.

Позднее в Старом Харбине была уже построена трехглавая каменная церковь — на участке между улицами Офицерская и Армейская, — небольшая, но исключительно красивая.

Такое внимание храму вряд ли можно объяснить какой-то особой набожностью первых строителей КВЖД: причины лежали в другом. Русские люди, прибывшие в далекую Маньчжурию, всеми силами стремились сохранить привычный для них уклад и образ жизни, воссоздать его на своих новых местах жительства. Неотъемлемой же чертой русской жизни начала нашего века было посещение храмов, богослужений — с их торжественной и красивой обрядностью и непрменным хоровым пением. Я не раз слышал от старожилов Харбина, что желание петь в хоре было просто, ну скажем, чрезвычайной потребностью для русских людей, заброшенных волею судьбы в Маньчжурию. Этим, по-видимому, и объясняется, почему все праздники и атрибуты православной религии играли столь важную роль в жизни и быте строителей КВЖД, оторванных от своей родины. Церквей в одном Харбине к середине 40-х годов было 22, а на линии — 45.

Надо отдать должное Строительному управлению, — за кругом своих первоочередных забот оно не упускало из виду и культурные развлечения для строителей, всемерно поощряло их. С первых же дней прибытия строителей на место, на обширном пустыре с небольшой пригородной рощицей был заложен общественный Городской сад. В нем были устроены беседки, посыпанные песком дорожки, разбиты цветочные клумбы; в центре сада был устроен фонтан. Сад был таким образом прекрасно благоустроен и по вечерам освещался калильными фонарями. Все это было в диковинку местным китайцам, которые охотно посещали Сад. У меня есть старая фотография, на которой все скамейки у фонтана заняты нарядно одетыми китайцами — в их национальной, не европейской, одежде. Надо заметить, что для китайцев в Саду, действительно, имелась замечательная «приманка». Для привлечения в Харбин китайского ремесленного и рабочего люда администрация дороги считала нужным создать для него возможность пользоваться привычными развлечениями, а среди них первое место — в Маньчжурии, как и во всем Китае, равно как в городах, так и в деревнях, — занимал, конечно же, китайский театр. Такой театр и был здесь устроен.

У русских были свои развлечения. Администрация уделяла большое внимание культурному досугу русских построечников. Одним из таких досугов было посещение по вечерам открывшегося (6 января 1899 г. в Старом Харбине Железнодорожного собрания (Желсоб).

Общественное собрание (как оно тогда называлось) размещалось всего в двух комнатах одной из вновь построенных саманных фанз, напротив Старо-Харбинского сада. В одной из них располагалась столовая, другая служила залом. Позднее к ним была присоединена еще бильярдная. В те времена все это считалось большой роскошью. Первый бильярд и первое пианино были доставлены в Харбин к концу 1899 г. и составили событие в культурной жизни города. Как и все подобного рода учреждения дореволюционной России, собрание управлялось на коллегиальных началах комитетом выборных старшин.

В мае 1899 г. на его сцене состоялся один из первых на территории города концертов камерной музыки, который дало приехавшее сюда чешское семейство Эрмль.

Что было еще характерного в первом маленьком Железнодорожном собрании? Я уже говорил, что харбинцы очень любили хоры. Светские и церковные, они неизменно пользовались в Харбине и в последующий период широкой популярностью. Первый само-

деятельный хор пел и на маленькой сцене Хелсоба. Любители играли на разрозненных, привезенных с собой из России, музыкальных инструментах. Большим праздником были первые концерты профессиональных артистов. В начале 900-х годов в Харбин приехал знаменитый в России Костя Думчев (скрипка), чета Фигнер (дуэт и музыкальные номера); большое удовольствие любителям камерной музыки доставляли продолжавшиеся здесь отличные «домашние» концерты Эрмль.

Жизнь брала своё, и со временем наряду с такими «культурными» и благочинными видами отдыха как вечера с хоровым пением, концерты в Желсобе и отдых в Городском саду, по кипучей частной инициативе, самотеком, в Харбине быстро стали возникать и места отдыха и развлечений несколько иного типа, — как, например, кафешантан под громким названием «Бельвю».

Строительные учреждения КВЖД еще размещались во временных сооружениях и циночных бараках, а тем временем этот первый харбинский кафешантан работал уже с огромным успехом и притом в своем собственном помещении. Материалом для его возведения послужили ящики, горбыль, жестяные банки из-под керосина, — все, что имелось под рукой.

Хозяином этого заведения был упоминавшийся выше грузин Гамартели (Гомаретелли), бывший ссыльнопоселенец. (Пожалуй, большинство кавказцев, живших в этот период в Харбине, попадали на Дальний Восток не по собственной воле, а отбывая каторгу на Сахалине или в Нерчинске). Среди строителей — в большинстве молодых и холостых мужчин — «Бельвю» пользовался чрезвычайной популярностью. Для офицеров Охранной стражи, месяцами живших на пустынных полустанках и разъездах линии дороги, Харбин был притягательнейшим местом отдыха. При этом расстояние в 200 и далее в 300 верст до Харбина считалось пустяком и преодолевалось часто туда и обратно верхом.

Поэтому этот досчатый кафешантан был постоянно набит публикой и работал он всю ночь. Окутанные облаками табачного дыма, при свете керосиновых ламп и свечей на эстраде-помосте гремел «румынский» оркестр, выступали шансонетки-певички — «французенки», отплясывал кордебалет. Это была, так сказать, эстрада. А рядом, в стороне, за зелеными столами, между всегдатаями, случайными игроками и непременными участниками подобных компаний — шулерами шла азартная игра в девятку, железку, штосс и банчок. Стопки золотых монет переходили из рук в руки.

Возникавшие недоразумения иногда разрешались ссорами и драками, однако без стрельбы. Предпочитали орудовать не револьверами, а кулаками.

Такое времяпровождение тоже не всеобщим. Один из старожилов Харбина А. Петров писал в своих воспоминаниях: «Досуги первых харбинцев были незатейливы — охотились, резались в картишки, ходили друг к другу на журфиксы отдавали изрядную дань Бахусу».

Жизнь и быт первых русских жителей Харбина и Маньчжурии были в целом нелегкими, и объясняется это не столько трудностями с жильем, как с питанием. Отсутствовали основные, привычные для русской кухни продукты. До приезда русских в Маньчжурию китайцы не выращивали здесь картофеля, капусты и помидоров, не держали молочного скота, — то есть на рынке почти нельзя было найти ни говядины, ни молочных продуктов. Касаясь разных особенностей быта первых русских засельщиков Харбина, В. Н. Веселовзоров в своих воспоминаниях в газете «Русский Голос» писал: «Жители и служащие дороги страдали от отсутствия ржаного хлеба и гречневой каши. Дичь — фазаны, козулятина, изюбрия — была в изобилии, но приедалась, а обыкновенной говядины достать было почти невозможно, так как она тоже была привозная. Русская капуста, картофель были редкостью во времена постройки города. Их так же, как и сливочное масло, привозили из Сибири. Зато спиртных напитков было в изобилии благодаря беспопытной торговле и свободным портам Владивостоку и Порт-Артуру. Например, коньяк лучшей марки «Три звездочки» — Мартель стоил 1 рубль 20 копеек бутылка, а четверть водки стоила 30—40 копеек! За пустую бутылку крестьяне давали курицу, за сотню яиц брали четвертак (25 коп.), а за пару фазанов — 20 копеек!

В то же время побриться у парикмахера стоило 2 рубля золотом».

Продолжение в следующем номере

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИСТОРИИ

Встреча Сталина с японскими коммунистами

Мы много говорим о необходимости открыть архивы для того, чтобы ликвидировать «белые пятна» истории и узнать, «как это было». Но очень часто в архивах ответа не найти, документов просто нет. И здесь на первый план выходят воспоминания очевидцев. К таким моментам истории можно отнести и встречи Сталина с японскими коммунистами летом 1951 г.

Взаимоотношения КПЯ и КПСС в послевоенные годы нельзя назвать бесконфликтными. Но ретроспектива всех их перипетий позволяет сделать вывод о необходимости сотрудничества без драматизации прошлого. Представляется бесплодным возлагать ответственность за те или иные ошибки только лишь на субъектов политического процесса. Нужно учитывать объективную обусловленность позиций и поведения участников процесса. О последнем, на наш взгляд, свидетельствуют публикуемые ниже материалы.

* * *

Глазами очевидца...

Н. АДЫРХАЕВ,

В апреле 1951 г. меня с рядом товарищей вызвали в Международный отдел ЦК КПСС, где нам объявили, что «предстоит ответственная работа, связанная с японским языком». После длительных и обстоятельных бесед с ответственными работниками ЦК было отобрано четыре человека, в том числе и я. Только тогда мы узнали, что ожидается приезд представительной делегации японских коммунистов и встречи их со Сталиным. Моим направлением работы был определен устный перевод бесед на этих встречах. Прежде чем рассказать о некоторых эпизодах во время пребывания японской делегации в СССР, следует, видимо, кратко напомнить обстановку и причины, вызвавшие необходимость в этих встречах.

В 1945 г. пал военно-фашистский режим в Японии. Были освобождены из тюрем политические заключенные, в том числе коммунисты, возобновили свою деятельность политические партии и профсоюзы. Впервые за многие годы и коммунисты получили возможность действовать легально. Томившиеся по десять и более лет в тюремных застенках лидеры — коммунисты Кюити Токуда, Ёсио Сига, Кэндзи Миямото, Сатоми Хакамада и другие начали организационную деятельность по восстановлению партии. Фактически партию необходимо было воссоздавать заново, так как из прежнего ее состава в живых осталось всего около 100 человек.

В октябре 1945 г. в Токио состоялся первый легальный митинг коммунистов, на котором присутствовало всего несколько сот человек. Население знало КПЯ как единственную политическую силу в стране, которая постоянно, неизменно выступала

Адырхаев Николай Борисович, советский дипломат-японист. В настоящее время пенсионер.

против войны и агрессии. Именно это вызывало симпатии простых людей к КПЯ. Люди бескорыстно жертвовали партии средства. Один из участников митинга предложил даже свой дом для размещения штаба партии. И это несмотря на то, что почти весь Токио лежал в руинах после бомбардировок. Подобную картину я наблюдал и на многих других митингах компартии в то время. КПЯ быстро стала расти численно и организационно, набирать авторитет в массах.

Однако первоначальный «либерализм» американских оккупационных властей, штаба Макартура, по отношению к демократическим силам быстро улетучился. Началась «холодная война», и уже в конце 1948 г. оккупационные власти взяли откровенный курс на возрождение японского монополистического капитала и как следствие подавление и ограничение деятельности демократических сил в стране, особенно КПЯ.

В начале июня 1950 г., в канун возникновения военных действий на Корейском полуострове, видя в лице КПЯ основную антивоенную силу в Японии, главнокомандующий американскими оккупационными силами в Японии генерал Макартур издал меморандум, которым была запрещена всякая политическая деятельность всех членов ЦК КПЯ. Таким же образом Макартур поступил с членами редколлегии центрального органа КПЯ газеты «Акахата». Часть руководителей партии, опасаясь арестов, ушла в подполье, а позднее многие были вынуждены нелегально эмигрировать в КНР.

Тяжелое положение в КПЯ усугублялось расколом в ее руководстве. В этих сложных условиях сторонники Генерального секретаря ЦК КПЯ К. Токуда, образовавшие в Пекине свой заграничный центр руководства партией, приняли решение направить в Москву делегацию для консультаций с руководством КПСС, надеясь получить совет и помощь.

В состав делегации, прибывшей из Пекина в Москву, входили Генеральный секретарь К. Токуда, С. Носака, Р. Нисидзава, а также С. Хакамада, представлявший оппозиционную группу. Делегация прибыла в самом конце апреля 1951 г. и находилась в Советском Союзе примерно полтора месяца. За это время состоялось четыре встречи делегации со Сталиным. В промежутках между встречами японские товарищи имели возможность подлечиться и отдохнуть. Токуда, Носака и Нисидзава были размещены на даче под Москвой, а Хакамада жил на квартире в Москве.

Все встречи проходили на даче у Сталина в Кунцеве. С нашей стороны постоянно присутствовали В. Молотов и член ЦК В. Григорян, который занимался всеми делами, связанными с пребыванием японских товарищей в Москве.

Я постоянно находился с Токуда, Носака и Нисидзава. Можно отметить, что ни разу за все время пребывания их в Москве они не встречались с Хакамада. Практически мы неотлучно большую часть времени находились на даче в ожидании вызова к Сталину. В майские праздничные дни присутствовали на демонстрации и военном параде, совершили несколько поездок по ярко убранному по случаю 1 Мая и Дня Победы улицам города. В один из дней в разговоре я упомянул о Хакамада. Однако Токуда и Носака с некоторым пренебрежением заявили, что, хотя он и приехал в Москву, они не желают знать, где он находится, и тем более встречаться с ним.

Довольно томительное ожидание закончилось через несколько дней после Дня Победы. На дачу позвонил В. Григорян и спросил, готовы ли японские товарищи встретиться с руководством КПСС часа через два-три. Носака ответил, что они готовы встретиться в любое время, но без Хакамада. Насколько я понял, Носака и его товарищи опасались, что в ходе беседы могут начаться споры и Хакамада выскажет в их адрес критические замечания и аргументы в пользу позиции собственной группировки.

Нам подали правительственную машину, и мы приехали на дачу Сталина в Кунцеве. Встретил Сталин гостей довольно сухо, без приветствий, ограничился рукопожатиями. После знакомства сразу перешли к деловому разговору.

Начал Сталин с того, что раскрыл передо мной брошюру решений IV конференции КПЯ, указал абзац и сказал, чтобы я его перевел. Текст гласил, что в случае чрезвычайных обстоятельств Центральный Комитет может осуществлять руководство партией и без созыва съезда. Затем он спросил у Токуда, согласен ли тот с этим решением конференции. Токуда ответил, что он полностью согласен с этим, тем более что сам готовил проект этого решения.

Сталин одобрительно отнесся к такому ответу, сказав, что в истории нашей партии тоже бывали такие ситуации.

Затем Сталин спросил Токуда, почему не приехал Сига. Токуда ответил, что у Сига очень тяжелое положение в семье и что вместо него приехал его сторонник Хакамада. «Вы, кажется, хотели приехать раньше,— поинтересовался Сталин.— Вам что-нибудь помешало?» Гости немного замаялись, но потом Нисидзана (самый молодой в делегации) сказал: «Мы боялись, что товарищ Сталин будет нас ругать за положение в партии, но обстановка заставила нас приехать». Сталин усмехнулся и с недовольством сказал: «Вот, вот, я так и подумал. В Индии партию развалили, и у вас там что-то тоже происходит». «Я не знаю, что происходит в Индии,— сказал Токуда,— а в ЦК КПЯ образовалась группа, которая выступает против основного руководящего звена, и дело может кончиться расколом партии». Токуда разъяснил, что они приехали в Москву просить товарища Сталина помочь им разобраться в создавшейся ситуации. На это Сталин тут же заявил: «Мы не судьи и не будем решать, чья позиция правильная, чья неправильная. Это должны решить вы сами, ваша партия».

Следует сразу же отметить, что после этого заявления Сталина вопросы разногласий в ЦК КПЯ в беседах больше не затрагивались и не обсуждались.

Продолжая разговор, Сталин сказал: «Но если вам нужен наш совет, то мы можем рассказать, как в таких случаях дело решалось в нашей партии». В качестве примера он сослался на то, как Ленин настаивал на разработке конкретной программы действий партии и на ее основе сплавивал своих единомышленников. Может быть, посоветовал Сталин, и вам следует подумать над созданием такого документа с учетом реальной обстановки в Японии.

Токуда сказал, что это хорошая мысль и они подумают над этим сейчас же в Москве.

Атмосфера беседы становилась теплой и откровенной, тем более что Сталин ни в чем не упрекал гостей и вел с ними «равноправную» беседу. Японским товарищам это очень понравилось. Напряжение, которое ощущалось у них в начале беседы, спало. Если вначале разговор шел практически только между Сталиным и Токуда, то постепенно в него включились и другие члены японской делегации. Сталин пожелал японским товарищам успеха в работе над документами.

После первой встречи японские товарищи — втроем, без Хакамада,— занимались разработкой программного документа.

На второй встрече, кроме Молотова и Григоряна, присутствовал Маленков. К тому времени руководящие деятели КПЯ разработали проект своего программного документа. Он был переведен на русский язык и передан Сталину.

В начале беседы Сталин сказал, что он внимательно прочитал подготовленный документ и у него сложилось впечатление, что в нем много общих положений, а было бы лучше сделать его более конкретным. «Да и название звучит как газетный заголовок — «О революции». Вы же лучше, чем кто-либо другой, знаете реальную обстановку в стране, что больше всего беспокоит народ и какие задачи партии надо поставить на первое место. Поэтому по форме и содержанию документ должен иметь характер программы действий на ближайший период»,— посоветовал Сталин.

Токуда согласился с замечаниями Сталина и сказал, что в настоящее время самой важной задачей КПЯ является борьба против американской оккупации, которая продолжается уже шесть лет, борьба против японского реакционного правительства, которое сотрудничает с оккупантами, защищает интересы монополий и подавляет японский народ.

Затем японские товарищи спросили, как решались подобные вопросы в братских социалистических странах.

Маленков опередил Сталина и сказал: «Там война помогла и Красная Армия...» Сталин резко и грубо оборвал его: «Это к делу не относится!» (Мне было ясно, что это переводить на японский язык не следует.)

Маленков заерзал на стуле, съежился и стыдливо поглядывал на наших гостей. Возникла короткая, но очень неприятная пауза.

Отвечая на вопрос гостей, Сталин уже совершенно спокойным тоном сказал, что в европейских странах была совсем другая обстановка, чем в Японии, и там все решалось иначе.

Продолжая начатый разговор, Сталин отметил, что если японские товарищи считают главной задачей партии борьбу против американской оккупации, то это и нужно от-

разить в программном документе. Необходимо повсеместно создавать невыносимые условия для оккупантов, но для этого нужно подумать о создании единого фронта патриотических сил. Затем он порекомендовал японским товарищам еще немного доработать проект документа.

Между второй и третьей встречами Сталин с учетом того, что было написано японскими коммунистами, подготовил вариант программного документа. Его перевод на японский язык был передан гостям для рассмотрения, а копию русского текста направили послу КНР в Москве Ван Цзясяну, который был приглашен на третью встречу с переводчицей Ли Чули.

На третьей встрече в ходе беседы Ван Цзясян посоветовал заменить в одном пункте слово «реформа» на более «революционное». Молотов поддержал его замечание, сказав, что в предложенном контексте оно носит «оппортунистический оттенок». Сталин согласился с предложением и сказал: «Да, Ван Цзясян прав, надо исправить».

Подготовленный проект документа постатейно не рассматривался и не обсуждался в целом.

Между тем японские товарищи заявили, что в таком виде этот документ они принять не могут. Это вызвало общее удивление. На вопрос Сталина: «Почему?» — Токуда ответил, что в документе сказано все правильно, но он составлен таким высококвалифицированным языком и в таком стиле, что «нам могут не поверить, что это наша работа».

Тогда Сталин заметил: «Если вы согласны с содержанием документа, то пусть оно останется без всяких изменений. Дело не в словах, а в смысле сказанного». Это означало, что японским товарищам предлагалось изложить материал на своем языке так, как им это необходимо (что они сразу и сделали в Москве). В конце беседы Сталин предложил ознакомиться с программным документом Хакамада и пригласить его для конкретного обсуждения на заключительную встречу.

На заключительной встрече с советской стороны присутствовали Молотов и Григорян, а с японской — все четверо, то есть впервые присутствовал и Хакамада. Однако Хакамада сел отдельно от других членов японской делегации, в конце довольно длинного стола для заседаний.

Обратившись к Хакамада, Сталин сказал: «Ваши товарищи разработали проект программного документа, вы с ним, наверное, уже познакомились?» Хакамада ответил, что он получил и прочитал проект, но у него не было времени «переварить» его. Другие японские участники встречи проявили при его словах недовольство, выразившееся в насмешливых и даже язвительных репликах в адрес Хакамада. Сталин спросил далее: «Ну, а в ходе чтения у вас возникли какие-либо принципиальные возражения?» Хакамада ответил, что он пока ничего определенного сказать не может, так как вопрос серьезный и требуется время для его изучения.

Сталин стал разъяснять, что этот документ, как представляется, определяет главные задачи партии на ближайший период и рассчитан на укрепление единства партии, без которого она не может работать. Ради этого нужно отказаться от споров по второстепенным вопросам и от личных обид, если они есть. Затем Сталин сказал: «Вы же рабочий, токарь, неужели вы против единства вашей рабочей партии?»

Хакамада заметно разволновался и ответил: «Если товарищ Сталин считает составленный проект правильным, то это для меня самая высокая и убедительная оценка, и я клянусь, что буду бороться за единство партии и за выполнение намеченных целей».

Сталин был очень доволен результатом беседы. Японские товарищи как-то все сразу обрадовались и, как мне показалось, помирились, встали из-за стола, пожали друг другу руки и стали обсуждать свои дела.

Наблюдая эту сцену, Сталин сказал Токуда: «А все-таки нехорошо отречься от своих партийных товарищей». На что Токуда ответил: «От настоящих партийных товарищей я никогда не отрекаюсь».

В конце этой встречи Сталин обратился к японским товарищам с предложением: «Для того чтобы эта программа стала программой всей японской компартии, было бы хорошо обсудить этот документ на пленуме ЦК в Токио и в местных парторганизациях и только после этого утвердить ее окончательно».

Гости приняли это предложение.

По завершении переговоров Сталин в честь японских гостей дал обед, на котором

присутствовали Молотов, Маленков, Берия, Григорян, Ван Цзясян и несколько других товарищей, которых я не знаю. Сталин провозгласил тост в честь гостей, отметив, что японские политики всегда были мудрыми и дальновидными. Он пожелал японским товарищам больших успехов и здоровья. Затем последовали тосты за здоровье Ван Цзясяна, советских товарищей и даже «за здоровье товарища переводчика». Все это означало, что Сталин был удовлетворен общими итогами встреч с руководящими деятелями КПЯ.

В заключение следует сказать, что разработанный японскими коммунистами в Москве программный документ постигла большая неудача. Его острие было направлено против американской оккупации Японии, для скорейшего окончания которой предполагалось делать все возможное. Но предварительно проект программы должен был рассмотреть пленум ЦК в Токио и местные парторганизации, а на все это требовалось время. Делегация выехала из Москвы в Пекин летом, а уже в сентябре того же, 1951 г. в Сан-Франциско был подписан мирный договор с Японией. По японо-американскому «договору безопасности» США стали союзником Японии, а сама Япония получила статус независимого государства. Задачи, поставленные в программе, оказались практически бесполезными. Тем не менее V общенациональная конференция КПЯ, состоявшаяся в Токио в октябре 1951 г., в условиях продолжавшегося раскола, приняла программный документ «Ближайшие требования КПЯ», который явился основой ультралевого авантюристического курса, нанесшего немалый вред японским коммунистам. Это свидетельствует о том, что находившиеся в отрыве от родины — в Пекине — японские коммунисты плохо знали реальную обстановку в стране, вовремя не уловили направление американской политики в отношении Японии.

...и мнение историка

А. СЕНАТОВ

Описанная советским дипломатом Н. Б. Адырхаевым встреча Сталина с руководящими деятелями КПЯ в Москве летом 1951 г. относится к малоизвестной стороне отношений между КПСС и КПЯ того времени. Об этом эпизоде, видимо, знает, да и то только понаслышке, весьма узкий круг лиц в Советском Союзе. В исторической литературе нашей страны этот факт до настоящего времени не освещался, хотя имеется документальное признание причастности КПСС к выработке ошибочной политики японских коммунистов, нашедшей отражение в Программе КПЯ 1951 г.¹ Это — письмо ЦК КПСС в адрес ЦК Компартии Японии от 18 апреля 1964 г., которое было спустя несколько месяцев опубликовано в партийной печати. Письмо носило полемический характер. В связи с состоявшимся в Москве в феврале 1964 г. переговорами делегаций КПСС и КПЯ в нем указывалось:

«Наша делегация показала, что к «ультралевого, авантюристической», как ее охарактеризовал т. Хакамада, тактике КПЯ в период корейской войны КПСС не имеет никакого отношения. Эта тактика во многом представляла собой догматическое копирование опыта Компартии Китая (подготовка к развертыванию партизанской войны в горных районах, создание «опорных баз» и т. д.), и она как раз вызывала беспокойство у руководства КПСС. Мы сообщили делегации КПЯ, что опубликование в газете Информбюро от 6 января 1950 г. статьи обозревателя «К положению в Японии» было осуществлено по личной инициативе Сталина и что ЦК КПСС не только не одобряет подобные методы критики братской партии, но, как это хорошо известно, XX съезд КПСС подверг суровой критике культ личности Сталина, вызвавший отклонения от ленинских норм во взаимоотношениях между братскими партиями.

Сенаторов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.

Что касается Программы «Ближайшие требования Коммунистической партии Японии», то делегация КПСС обратила внимание ваших товарищей на то, что проект ее дорабатывался Сталиным по просьбе и при непосредственном участии руководителей КПЯ (тт. Токуда, Носака и др.) и встретил, как известно, полное одобрение вашей партии. Отдельно от проекта Программы японскими товарищами был разработан документ о тактике КПЯ, к составлению которого никто из КПСС не имел касательства. Поэтому совершенно необоснованны попытки возложить ответственность за происходившие в КПЯ события в 1950—51 годах на КПСС»².

Отсюда видно, что, помимо признания самого факта участия Сталина в «доработке» программного документа КПЯ, в письме оттенялись такие моменты, как обращение руководителей КПЯ с соответствующей просьбой к КПСС, непосредственное их участие в работе над документом и последующее его «полное одобрение» в КПЯ. В письме ЦК КПСС также отрицалась причастность к составлению еще одного документа, определявшего тактическую линию японских коммунистов. Не имея оснований подвергать сомнению отмеченные в ЦК КПСС обстоятельства, кроме «полного одобрения» в КПЯ (партия была в то время расколота на фракции и такого быть не могло), нельзя, однако, не обратить внимания на то, что о них было сказано, к сожалению, главным образом для того, чтобы снять с КПСС часть вины и сделать не согласующийся с здесь же признанными фактами вывод о «совершенной необоснованности» упреков японской стороны, считавшей, что КПСС несет ответственность за ошибки КПЯ в 1950—1951 гг.

В ошибках ультралевого, сектантского курса КПЯ начала 50-х годов просматриваются несомненные отголоски сталинских времен, тогдашнего догматического, а иногда и просто извращенного подхода к идеям основоположников научного социализма. Нет места и для какого-либо, пусть даже косвенного оправдания великодержавного вмешательства во внутренние дела КПЯ, распространявшегося на выработку ее стратегической линии, программных установок.

В Японии о поездке К. Токуда, С. Носака, С. Хакамада и Р. Нисидзава в Москву и их встречах со Сталиным знают значительно больше, чем у нас.

Сенсацию вызвали воспоминания очевидца, участника заключительной встречи С. Хакамада, опубликованные после его исключения из КПЯ первоначально в еженедельнике «Сюкан Асахи» (март—октябрь 1978 г.), а затем изданные отдельной книгой под названием «Моя послевоенная история» («Ватакуси сэнгоси». Токио, издательство «Асахи», 1978). Описанные в этих мемуарах события во многом перекликаются со свидетельствами Н. Б. Адырхаева. Вот кратко некоторые эпизоды из мемуаров С. Хакамада.

Выезд из Пекина на специальном поезде в Москву в апреле 1951 г., размещение в разных вагонах К. Токуда, С. Носака и Р. Нисидзава, с одной стороны, и С. Хакамада,— с другой. Отсутствие между ними каких-либо контактов и нежелание С. Хакамада встречаться со своими товарищами по партии, которые отвечают тем же. Важная деталь: одновременно с японскими коммунистами выезжают и сопровождают их в Москву заведующий Международным отделом ЦК КПК Ван Цзясян (так в книге Хакамада.— А. С.) и переводчица Ли Чули. Раздельное размещение в Москве. С. Хакамада живет на улице Горького, может пользоваться практически всем этажом одного из расположенных здесь зданий — пятью большими комнатами. Его обслуживают четыре человека. Визиты к врачам (Хакамада был тогда тяжело болен), иногда посещение Большого театра, чаще просмотр кинофильмов на дому по выбору гостя.

И при этом столь расточительном гостеприимстве очень долгое, томительное ожидание вызова на встречу с советскими руководителями.

Н. Б. Адырхаев пишет, что ожидание длилось примерно полтора месяца. С. Хакамада свой приезд в Москву также относит к концу апреля, но он пишет, что заключительная встреча со Сталиным состоялась лишь в августе.

По утверждению С. Хакамада, он не был согласен с К. Токуда по ряду принципиальных вопросов, в том числе критически относился к идее вооруженной борьбы, считал ошибкой перенесение на японскую почву китайского опыта «народной войны» и даже изложил в Москве и передал это свое мнение в письменной форме в ЦК ВКП (б). Вместе с тем вести дискуссию он не имел возможности. От участия в первых

трех встречах со Сталиным был отстранен, со своими коллегами по партии по-прежнему не встречался. А его участие в заключительной встрече было обусловлено предварительным согласием с проектом программного документа, готовившимся без него. Обстоятельства разработки этого документа С. Хакамада неизвестны, но он высказывает предположение, что К. Токуда, С. Носака и Р. Нисидзава «приезжали в Советский Союз только за тем, чтобы Москва одобрила выработанный в Китае военный курс».

С. Хакамада признает, что на встрече со Сталиным он не только не решился высказывать какие-либо сомнения по поводу будущей программы КПЯ, но, более того, согласился написать «самокритичное письмо», своего рода покаяние. Показательным для атмосферы в международном коммунистическом движении того времени звучит объяснение С. Хакамада своего практически беспринципного поведения. Отмечая необходимость не забывать существовавшую тогда обстановку, С. Хакамада пишет: «Для нас, коммунистов, величие Сталина было категорией абсолютной. В России была совершена победоносная революция и, несмотря на противодействие капиталистических стран, построено социалистическое государство — Советский Союз. Никому и в голову не приходило что-либо противопоставить этим весомым фактам... Возможность свободно говорить о Сталине появилась лишь через пять лет, когда Хрущев выступил с критикой его культа».

Более всесторонне оценить воздействие московских переговоров на политическую линию японских коммунистов в начале 50-х годов нельзя без ознакомления с нынешними взглядами на это событие внутри самой Компартии Японии. Провозгласив курс на последовательную самостоятельность и независимость в определении своей стратегии и тактики, в выборе форм и методов политической деятельности, КПЯ стремится возможно полнее выяснить обстоятельства истории отношений с коммунистическими партиями социалистических стран.

Нынешняя официальная позиция КПЯ по данному вопросу довольно подробно излагается в книге «65 лет Компартии Японии»:

«В октябре 1951 года сторонники Токуда провели V национальную конференцию, которая, как и IV конференция, проходила в условиях раскола и поэтому не могла считаться законной конференцией единой партии. На V конференции были приняты резолюция «Новая программа. Ближайшие требования КПЯ» (так называемая «Программа 1951 года»), а также определенный на ней ультралевый авантюристический курс. Это еще более усилило хаос внутри КПЯ. Программа и ультралевый авантюристический курс явились результатом выводов, сделанных на совещании в Москве в августе 1951 г. с участием Сталина. На этом совещании, куда, кроме Токуда, были вызваны находившиеся за рубежом руководители КПЯ, в том числе С. Хакамада, и в котором приняли участие представители КПК, Сталин «осудил» сторонников восстановления единства КПЯ как «фракционером» и высказал окончательную поддержку «Программе 1951 года». Хакамада согласился с другими участниками совещания и выступил с "самокритичным заявлением"³.

В другом месте этого же произведения, трактующего историю КПЯ, дается следующая оценка:

«Левацко-авантюристические ошибки этого периода, во-первых, коренились в «теории насильственной революции как единственно возможной», которая излагалась в «Программе 1951 года». Основной посылкой «Программы 1951 года», касающейся перспектив революции в Японии, был тезис об «ошибочности представления о том, что освобождение Японии и проведение демократических реформ в ней возможно мирным путем». Таким образом, полностью отрицалась возможность мирного развития революции. От ошибочного утверждения в начале послевоенного периода о возможности мирной революции в условиях оккупации КПЯ ударились в другую крайность, упустив из виду историческую, теоретическую возможность осуществления преобразований мирными средствами в обстановке, возникшей в Японии после подписания Сан-Францисского мирного договора.

Ошибки крайне левого, авантюристического толка были связаны, во-вторых, с механическим применением опыта «народной войны» в Китае. В тот период на фоне исторической победы китайской революции, которая была достигнута путем создания Народно-освободительной армии и строительства опорных баз, в результате длительной вооруженной борьбы, на международной арене распространилась тенденция рассматривать этот опыт как путь к освобождению народов всех колониальных и зависимых

стран. КПСС и КПК, вмешивавшиеся во внутренние дела Компартии Японии, отождествляли нашу высокоразвитую капиталистическую страну с отсталыми колониями Азии по той причине, что она находилась под господством американского империализма, и навязали применение у нас китайского курса «народной войны». Соответственно и «Программа 1951 года», игнорируя высокий уровень развития капитализма в Японии, рассматривала революцию в этой стране как революцию в колониальной, зависимой стране. Подобная точка зрения была связана и с ошибками «Программы 1951 года» в аграрном вопросе: во главу угла ставилась задача проведения антифеодалной земельной реформы без учета уже свершившейся перемены в деревне в результате послевоенной аграрной реформы. Крайне левый, авантюристический курс на формирование военных баз в горах, создание среди крестьян организаций самообороны и введение вооруженной оборонительной борьбы явились следствием преклонения перед зарубежными партиями, игнорировавшими ситуацию в Японии⁴.

Процитированные выше выдержки из книги по истории КПЯ, подготовленной и систематически через каждые пять лет обновляющейся под руководством Центрального Комитета этой партии, показывают, что сейчас японские коммунисты склонны видеть более широкий спектр факторов, оказывавших воздействие на формирование «Программы 1951 года». Среди них — внушительное воздействие китайского опыта вооруженной борьбы, непосредственное вмешательство не только КПСС, но и КПК во внутренние дела КПЯ. Отмечается, что во встречах Сталина с руководящими деятелями КПЯ, которые датируются так же, как и у Хакамада, августом 1951 г., принимали участие представители КПК.

Осмысление событий прошлых лет — дело необходимое. Оно помогает в данном случае выработать правильные нормы взаимоотношений между коммунистическими партиями. Появление воспоминаний Н. Б. Адырхаева — новый шаг в этом направлении. Их ценность повышается тем, что, по мнению их автора, шансов найти записи московских переговоров в августе 1951 г. и на этой основе установить полную их картину сравнительно мало.

¹ Перевод этого документа напечатан в журнале «Большевик», 1951, № 22. По тем временам публикация в печатном органе КПСС — важный показатель согласия и одобрения.

² Партийная жизнь. — 1964. — № 14. — С. 15—16.

³ Нихон кёсанто-но рокудзюго нэн — 65 лет Компартии Японии. — Токио, 1988. — Ч. I. — с. 140.

⁴ Там же. — С. 144—145.

Троцкий и Чан Кайши

Б. БОРОДИН

Их встреча состоялась в Москве 27 ноября 1923 г. Сорокачетырёхлетний член Политбюро ЦК РКП(б), народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР Лев Давидович Троцкий принял тридцатилетнего китайского генерала Чан Кайши, возглавлявшего посланную в Советский Союз Сунь Ятсеном делегацию Гоминьдана для ознакомления с опытом партии большевиков, Советов и Красной Армии. Ни в печати того времени, ни в более поздних советских публикациях об этой встрече ничего не сообщалось.

Документы, до сих пор не вводившиеся в научный оборот, хотя с ними и раньше были знакомы некоторые исследователи, позволяют приоткрыть малоизвестную страницу в истории взаимоотношений Советского Союза и Китая в 20-е годы. С их помощью можно приступить к реставрации политических портретов тогдашних деятелей революционного движения двух стран — Троцкого и Чан Кайши.

Сходство биографий

Будущие революционеры росли в разных условиях, получили разное воспитание, приобрели разный жизненный опыт. Но было у них и что-то общее. Их отцы были состоятельными и предприимчивы. Но сыновья еще в юные годы избрали свой собственный путь. Троцкий вступил в революционное движение семнадцати лет, Чан Кайши — двадцати. Оба активно участвовали в революциях начала нынешнего века: Троцкий — в русской революции 1905 г., Чан Кайши — в китайской революции 1911 г. До этих революций и после их поражения Троцкий и Чан Кайши находились в эмиграции: первый — в странах Западной Европы, второй — в Японии, где завершили свое образование, освоили иностранные языки, познакомились с жизнью других народов.

Важной вехой для обоих стал 1917 г., когда Троцкий возвратился в Россию, а Чан Кайши — в Китай.

До 1917 г. Троцкий был меньшевиком и подвергался резкой критике В. И. Ленина. Затем взгляды его меняются. На VI съезде РСДРП(б) Троцкого в составе группы «межрайонцев» принимают в большевистскую партию и избирают в ее руководство. Троцкий участвует в подготовке вооруженного восстания в Петрограде. После победы Октября входит в сформированное Лениным Советское правительство. Почти с первых дней создания Красной Армии до 1925 г. во главе нее стоял Троцкий, недаром о нем говорили как о «первом красноармейце».

С Троцким чаще, чем с кем-либо, в годы гражданской войны и после нее советовался Владимир Ильич, хотя, бывало, их взгляды существенно расходились. По-разному подходили Ленин и Троцкий к вопросу о Брестском мире, к дискуссии о профсоюзах, к сохранению единства партийных рядов. Сознывая сложность и противоречивость натуры Троцкого, видя как его плюсы, так и минусы, Ленин полагал, что Троцкий, «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»¹.

Чан Кайши находился в ближайшем окружении вождя китайской революции Сунь Ятсена, был одним из его секретарей. Стремясь породниться с лидером революционных демократов Китая, он, после того как оставил двух (по другим сведениям — трех) жен, женился на свояченице Сунь Ятсена Сун Мэйлин. Чан Кайши всегда изображал себя активным сторонником и последователем Сунь Ятсена.

Сунь Ятсен восхищался Октябрьской революцией в России, с глубоким уважением относился к Ленину. Он хотел ближе познакомиться с опытом послеоктябрьских преобразований, чтобы использовать из него то, что подходит для Китая.

Бородин Борис Александрович, кандидат исторических наук.

В письме В. И. Ленину от 8 декабря 1922 г. Сунь Ятсен писал:

«Дорогой Ленин,

Я пользуюсь случаем, чтобы вкратце написать Вам по важному поводу...

Ваше прежнее заявление относительно Китая (имелась в виду позиция Советского правительства относительно установления дружественных отношений с Китаем.— Б. Б.) внушило великие надежды моему народу и склонило его к тому, чтобы смотреть на Россию как на друга Китая, который обеспечит Китаю возможность национального освобождения от империалистических держав...

Я предполагаю послать полномочного представителя в Москву в недалеком будущем для совместного совещания с Вами и другими товарищами о совместном действии в законных интересах России и Китая»².

Возглавив в феврале 1923 г. созданное в результате успеха революционных сил южнокитайское правительство в Гуанчжоу и став главнокомандующим вооруженными силами Юга, Сунь Ятсен назначил Чан Кайши начальником своего штаба. Вскоре Сунь Ятсен направил его в Москву во главе делегации Гоминьдана (известной также как военная делегация) для встреч и бесед с советскими руководителями и военачальниками, а также для практического знакомства с партийным, государственным и военным строительством в СССР³. В августе делегация отбыла в Советский Союз.

1923 год

За день до начала этого года был образован Союз Советских Социалистических Республик. Гражданская война к тому времени закончилась. Страна приступила к мирному строительству, к осуществлению нэпа. Был тяжело болен Ленин.

Превозмогая страшный недуг, Ильич диктовал свои последние письма и статьи, ставшие политическим завещанием соратникам и последователям. Его заботили и волновали судьбы партии, страны, всего человечества. Среди многих затронутых им актуальнейших проблем были и перспективы революций в странах Востока. «Нашим европейским мешанам и не снится,— читаем мы в ленинской статье «О нашей революции», продиктованной в январе и опубликованной в мае 1923 г.,— что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»⁴.

В другой статье — «Лучше меньше, да лучше»,— датированной мартом 1923 г. Ленин подчеркивал, что исход мировой борьбы зависит в конечном счете от России, Индии и Китая, составляющих огромное большинство населения, которое с необычайной быстротой втягивалось в борьбу за свое освобождение⁵.

Интерес к революционному движению на Востоке, особенно в Китае, проявлял и Троцкий. Впоследствии он даже издал книгу «Проблемы китайской революции». Из-за болезни Троцкий смог принять китайскую делегацию, которая прибыла 2 сентября, только в конце ноября, за день до ее отъезда на родину.

До этого делегация встречалась с кандидатами в члены Политбюро ЦК РКП(б) председателем ЦИК СССР М. И. Калининым и секретарем ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутаком, с членами правительства — наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным и наркомом просвещения А. В. Луначарским, с представителями высшего военного командования — заместителем председателя Реввоенсовета СССР Э. М. Складским и главкомом С. С. Каменевым. Она посетила некоторые воинские части Красной Армии, корабли Балтийского флота, аэродромы, военные училища и академии. Члены делегации побывали на фабриках, заводах, электростанциях, приняли участие в торжественном заседании Моссовета, посвященном 6-й годовщине Октября, присутствовали на военном параде и демонстрации трудящихся на Красной площади.

Все увиденное в СССР произвело на китайскую делегацию сильное впечатление. Ей передались настроения советских людей и находившихся в Москве представителей коммунистов различных стран, которые были охвачены воодушевлением и энтузиазмом, верой в скорую победу мировой революции. Современные историки характеризуют отрезок времени от Октября 1917 до 1923 г. в нашей стране как «период революционного романтизма». Романтика захватила и гостей из Китая.

16 сентября делегация посетила в Московском военном округе 144-й пехотный полк. Гости беседовали с красноармейцами, осмотрели казармы, учебные помещения,

красные уголки, клуб, библиотеку, лазарет, хлебопекарню, кухню, пообедали в красноармейской столовой.

Затем состоялся митинг, на котором с речью выступил Чан Кайши. Возбужденный и взволнованный, он говорил о том, что Красная Армия — самая героическая и сильная армия в мире, что он счастлив быть в одном из ее славных полков и своими глазами видеть ее мощь. Китайский гость призвал бойцов и командиров Красной Армии, покончивших с капитализмом в собственной стране, готовиться к битве с мировым империализмом.

«Мы, — заявил Чан Кайши, — тоже готовы умереть в борьбе с империализмом и капитализмом. Мы приехали сюда учиться и объединиться с вами». Он обещал красноармейцам после победы над военными силами Северного Китая «протянуть... дружескую и союзническую руку, чтобы бороться вместе».

Речь Чан Кайши неоднократно прерывалась шквалом аплодисментов, во время нее полковой оркестр неоднократно исполнял «Интернационал» и все присутствовавшие, стоя, во весь голос пели его. Оратор закончил — и с новой силой зазвучал пролетарский гимн. Прокатывается громовое красноармейское «ура». Чан Кайши и других членов делегации подхватывают, начинают качать, на руках несут до автомашин. По свидетельству сопровождавших делегацию лиц, всю обратную дорогу из части в отведенную гостям резиденцию Чан Кайши восторгался революционным духом Красной Армии.

Любопытно, что Чан Кайши хотелось предстать перед красноармейцами в генеральских регалиях. И он было уже облачился в ладно сшитый парадный мундир. Но перед самой поездкой в полк представители Реввоенсовета отговорили его, предложив одеть гражданский костюм. Очевидно, в целях конспирации делегация была представлена как комсомольская. Сохранилась докладная записка о пребывании делегации в полку, в которой отмечается, что строгая выправка, манера держаться, задаваемые вопросы — все выдавало в гостях военных. Своим же выступлением Чан Кайши (имени его в полку, естественно, не называли) совсем «раскрыл карты».

Единственным настоящим комсомольцем в делегации был коммунист Чжан Тайлэй — один из организаторов и руководителей китайского комсомола, член Исполкома Коммунистического интернационала молодежи.

Коммунисты и гоминьдановцы

Руководимая Сунь Ятсеном партия Гоминьдан, в рядах которой находились представители либерально-демократической и мелкой буржуазии, военных, интеллигенции, рабочих и крестьян, играла в то время прогрессивную роль. Ее целью была борьба за национальную независимость Китая, демократизацию китайского общества, улучшение жизни народа. Решение этих задач соответствовало и интересам созданной в 1921 г. Компартии Китая. С 1922 г. коммунисты стали в индивидуальном порядке вступать в Гоминьдан, стремясь к совместному осуществлению общенациональных чаяний. Это была своеобразная форма единого национального фронта. Линия на сотрудничество коммунистов и гоминьдановцев поощрялась Коммунистическим Интернационалом.

Идя навстречу пожеланиям гоминьдановских деятелей, Президиум Исполкома Коминтерна на заседании 25 ноября 1923 г., проходившем под председательством Г. Е. Зиновьева, заслушал сообщение Чан Кайши о деятельности Гоминьдана. В сообщении Гоминьдан был представлен как «один из мировых революционных факторов», а его революционная работа — как «часть мировой революции». По утверждению Чан Кайши, в Гоминьдане в то время насчитывалось 600 тыс. человек, одну треть которых составляли рабочие и крестьяне. И хотя общая численность Гоминьдана была завышена по крайней мере в три раза, он, безусловно, представлял значительную политическую силу. Для сравнения заметим, что в компартии было тогда всего 420 человек.

«Коммунистический Интернационал, — заявил Чан Кайши, — представляет интересы пролетариата всего мира, и задача его — руководить революционным движением, особенно в тех странах, которые находятся под гнетом капитализма и империализма. Китай сильно угнетается капиталистами и империалистами, и Коминтерн должен был уделить особое внимание революции в Китае и должен помочь советом китайской революционной партии».

Разъясняя «три народных принципа» Сунь Ятсена, положенные в основу деятельности Гоминьдана, — национализм, народовластие, народное благосостояние, — Чан Кайши

подчеркнул, что третий принцип (у него он был сформулирован как «государственный социализм») гоминьдановцы считают «переходной ступенью к коммунизму». При этом он оговорился, что пока не может идти речь о пролетарской революции в Китае, во-первых, потому, что из-за почти поголовной неграмотности населения трудно вести пропаганду, а во-вторых, потому, что большинство китайского народа составляет мелкое крестьянство, которое не способно воспринимать коммунистические лозунги.

Посланец Сунь Ятсена тем не менее довольно оптимистически оценил перспективы китайской революции. «Возможно,— продолжал он,— иностранные товарищи думают, что китайская революция встретит большие затруднения, но в самом деле, если революционная работа будет вестись на основе трех принципов, будет очень легко обеспечить успех революции в Китае. Мы надеемся, что после 3—5 лет работы первая стадия китайской революции — национальная революция — будет успешно завершена и, как скоро это будет достигнуто, мы перейдем ко второй стадии — пропаганде коммунистических лозунгов. Тогда же будет легче для китайского народа провести в жизнь коммунизм».

Чан Кайши специально остановился на гоминьдановской «концепции мировой революции». «Мы мыслим себе Россию как фундаментальную базу мировой революции,— сказал он,— ...русские товарищи должны помочь немецкой революции и таким образом ее успешно завершить». От имени Гоминьдана Чан Кайши предложил заключить союз России, Германии и Китая после успешных революций в двух последних странах: «Гоминьдан предлагает союз этих трех великих держав с целью борьбы с капиталистическим строем во всем мире. С научными силами германского народа, с революционным успехом в Китае, революционным духом русских товарищей и сельскохозяйственными продуктами этой страны мы легко могли бы совершить мировую революцию, мы могли бы уничтожить капиталистическую систему в мире».

Чан Кайши выразил надежду, что Коминтерн пошлет ответственных товарищей для изучения положения в Китае и что они помогут Гоминьдану советами в революционной работе.

Подводя итоги обсуждения, в котором приняли участие Василь Коларов, Клара Цеткин и другие видные деятели коммунистического движения, Зиновьев констатировал пристальное внимание Коминтерна к освободительной борьбе в Китае. Он обратил внимание на то, что имя Сунь Ятсена довольно известно и популярно среди революционных рабочих во всех странах, и в частности в России. Зиновьев отметил, что Коминтерн рассматривает Гоминьдан как «народную партию, выражающую чаяния наши», и признает, что она является «революционной партией». В заключение председатель ИККИ просил делегацию «передать горячий, братский привет от Коминтерна Гоминьдану в Китае и особенно тов. Сунь Ятсену».

По итогам заслушивания делегации сторонников Сунь Ятсена 28 ноября 1923 г. Президиумом ИККИ была принята резолюция «О национально-освободительном движении в Китае и партии Гоминьдан», в которой указывалось на «необходимость всемерной поддержки Гоминьдана»⁶. Перед отъездом делегации резолюция была вручена Чан Кайши.

Советы Троцкого

Принимая китайскую делегацию во главе с Чан Кайши, Троцкий ничего не говорил ни о мировой революции, ни о ее подталкивании. Однако его взгляды на этот счет были хорошо известны. Он придерживался точки зрения, что революция может победить только во всемирном масштабе, что победивший в той или иной стране или группе стран пролетариат с помощью «революционно-агрессивной тактики» должен перенести революцию в другие страны. По Троцкому, следовало вызвать революцию в наиболее подготовленных для восприятия социализма развитых капиталистических странах, прежде всего в Германии. Подобным же образом Троцкий предлагал действовать и по отношению к колониальным и зависимым странам. Ему принадлежала, в частности, идея посланки конного корпуса через Афганистан в Индию для осуществления там революции.

Иначе представлял ход мирового развития В. И. Ленин. Правда, в 1917—1920 гг. ему, как и многим другим, казалось, что победа всемирной пролетарской революции близка. Но неудача похода Красной Армии на Варшаву в 1920 г., неоправдавшиеся надежды на революцию в Европе, сохранение капитализмом своих позиций повсюду, кроме России, подвели его к корректировке прежних оценок и подходов. В своих ра-

ботах начала 20-х годов Ленин убедительно показал, что революции не делаются по заказу, что они не могут быть предметом экспорта, что каждая революция вызревает в специфических условиях своей страны. Он не уставал предупреждать, что «революционное нетерпение», забегание вперед, искусственное подстегивание событий неоправданны и вредны. Ленин был решительным противником левачества в различных его проявлениях.

Тенденции «левизны» и революционные иллюзии оказались, однако, довольно живучими. Все еще следуя укоренившимся в первые послеоктябрьские годы представлениям о мировой революции, руководство Коминтерна, в котором ведущую роль играли Зиновьев, Сталин, Троцкий, Бухарин, в конце 1923 г. допустило неверную оценку ситуации в Германии как предреволюционной. 7 ноября 1923 г. «Правда» опубликовала статью Троцкого, в которой говорилось: «В этом, седьмом после Октября, году будут, по всей видимости, решаться судьбы Европы», «история готовится поставить вежу немецкой революции». В выдержанной в том же духе праздничной передовой «Правды» добавлялось, что «Азия протянет руку Европе». Находившаяся в это время в СССР китайская делегация впитывала такую информацию, делала из нее для себя соответствующие выводы.

Но вернемся к беседе Троцкого с Чан Кайши и сопровождавшими его лицами. Председатель Реввоенсовета, а именно туда были приглашены китайские гости, сказал, что «рад побеседовать с представителями друга СССР Сунь Ятсена». Выслушав пожелания Чан Кайши получить советы по работе Гоминьдана, он ответил, что затрудняется дать какие-либо советы делегации, но готов поделиться с ней некоторыми своими мыслями.

Троцкий особо выделил значение политической работы Гоминьдана. Пока Сунь Ятсен занимается исключительно военными операциями, рассуждал он, в глазах китайского рабочего, крестьянина, ремесленника и мелкого торговца он выглядит таким же милитаристом, как милитаристы Севера Чжан Цзолин и У Пэйфу. В таких условиях революционное движение не может быть успешным. «Нужна,— считал Троцкий,— прежде всего длительная и упорная политическая подготовка широких народных масс. Это значит, что наибольшая часть внимания Гоминьдана должна быть направлена на пропаганду. Хорошая газета лучше, чем плохая дивизия. Серьезная политическая программа в настоящих условиях имеет большее значение, чем плохой корпус». Троцкий высказался в том плане, что «военная работа не должна превышать одной двадцатой и ни в коем случае не более одной десятой политической деятельности», что «при настоящих условиях для Гоминьдана лучше иметь сторонников в рядах противника, нежели свою, плохо организованную армию».

Хотя Троцкий был одним из ревностных адептов мировой революции и иногда грешил скороспелыми и рискованными решениями, на этот раз он проявил трезвый и рациональный подход к представленному военной делегацией Гоминьдана в Реввоенсовет СССР плану действий войск Сунь Ятсена против северных милитаристов, предусматривавшему нанесение ударов как с Юга Китая, так и из Монголии. В последнем случае просматривался явный расчет, что через Монголию Красная Армия сможет помочь суньятсеновцам.

Троцкий пояснил, что при складывающемся стратегическом соотношении военных сил между Севером и Югом в Китае (он, вероятно, имел в виду военную слабость южан и их отдаленность от СССР) оказание непосредственной советской военной помощи войскам Сунь Ятсена не представляется возможным. «Подготовив политически широкие массы к освободительному движению,— заявил он,— Гоминьдан сможет начать военные действия не из Монголии, как об этом указывается в представленном Реввоенсовету меморандуме, а на территории своей собственной страны». Троцкий призвал Гоминьдана «стремиться на Север, ибо там имеются более удобные условия для совместных действий». Он обещал оказать содействие в обучении китайских революционеров военному делу.

«Нужна кропотливая, упорная, систематическая работа,— резюмировал сказанное Троцкий.— Если все эти условия будут исполняться партией, несомненно, за Гоминьданом огромное будущее. В этой борьбе народно-революционная партия Китая может надеяться на помощь СССР».

Расставаясь с Троцким, Чан Кайши солидаризировался с его высказываниями и заверил, что «партия постарается провести в жизнь мнение русских товарищей».

«Он выразил надежду, что в скором времени освобожденный Китай присоединится к Советским Социалистическим Республикам России и Германии.

Отношения осложняются

Во время пребывания в Советском Союзе проявилась известная противоречивость в поведении Чан Кайши. При встречах на различных уровнях он расточал похвалы советскому строю, Красной Армии, политике большевистской партии и Коминтерна. В кругу же делегации ее глава высказывал недовольство подходами советского руководства, в том числе и Троцкого, к оказанию поддержки революционерам Южного Китая. Чан Кайши с предубеждением относился к тому, что ему говорили в Москве. Его раздражало, что привезенные им предложения не принимались с ходу и безоговорочно.

Чан Кайши был недоволен заявлением Троцкого о том, что при отсутствии в Китае сильной революционной партии и ее целенаправленной политической и пропагандистской работы, «если мы даже дадим много денег, окажем военную поддержку, вы все равно ничего сделать не сможете». Отрицательную реакцию генерала вызвало и упоминание Троцким о независимости Монгольской Народной Республики. Не решившись возразить что-либо непосредственно одному из советских руководителей, Чан Кайши в разговоре с членами делегации говорил: «Если Монголия желает быть самостоятельной, то надо, чтобы мы ее признали, чтобы мы дали ей самостоятельность, а не она сама себя признала».

Не все в делегации соглашались с Чан Кайши. Внутри нее часто возникали острые споры. В Наркоминделе констатировали, что «в китайской делегации идет война». Страсти немного улеглись лишь после того, как делегацией была получена телеграмма Сунь Ятсена, в которой Россия называлась «единственным другом» Китая.

По возвращении в Китай Чан Кайши не удалось убедить лидера Гоминьдана в «неискренности русских». Наветы не подействовали на Сунь Ятсена, который продолжал твердо проводить курс на взаимодействие с русской революцией, на дружбу с СССР. Чан Кайши был вынужден с этим считаться, приспособливаться к обстановке. В октябре 1923 г., когда Чан Кайши находился в Советском Союзе, в Гуанчжоу прибыл большевик М. М. Бородин, которого Сунь Ятсен пригласил к себе в качестве советника. По просьбе Сунь Ятсена в Китай прибыли также советские военные специалисты. С их участием была создана военная школа Хуанпу, готовившая командные и политические кадры для Национально-революционной армии. В 1924 г. ее начальником был назначен Чан Кайши. Начальником политотдела школы стал коммунист Чжоу Эньлай.

В письмах Сунь Ятсена к Чан Кайши, относящихся к 1924 г., обращается внимание на необходимость усвоения революционного опыта России и опоры на этот опыт в деятельности Гоминьдана: «Дальнейшая революционная борьба нашей партии будет безрезультатной, если мы не будем учиться у России», «сейчас революция немыслима без изучения опыта России». Чан Кайши и сам понимал ценность советского опыта, а также значение конкретной советской помощи для обучения, оснащения и укрепления революционных войск. К тому же он извлекал из этой помощи и пользу для себя лично: в его подчинении оказывались наиболее компетентные военные кадры, наиболее боеспособные воинские части. Поэтому до поры до времени его отношения с советскими советниками и специалистами были деловыми и продуктивными.

Представляют интерес наблюдения советских военных специалистов, близко соприкасавшихся с Чан Кайши в бытность его начальником школы Хуанпу и главным инспектором НРА. Все сходилось на том, что человек он замкнутый, скрытный, непостоянный, капризный, мнительный. В то же время его действия и поступки не были лишены здравого смысла, хотя некоторые из них были продиктованы расчетом и корыстью. В подтверждение сказанного обратимся к документальным свидетельствам. Вот что писал один из советников:

«Как организатор Чан Кайши оказался энергичным исполнителем намеченных планов. Его пребывание в течение некоторого времени в Москве, знакомство с порядками в Красной Армии и ее вождями благотворно отразилось на нем. Он сравнительно с другим офицерством легко шел на нововведения в школе как с военной стороны, так и в деле политической подготовки курсантов...

Как военный работник Чан Кайши почти не выделяется из средних военачальников-

китайцев. Он так же, как и огромное большинство их, легко воодушевляется и легко опускает крылья, не зная середины и хладнокровной выдержки...

Как далеко пойдет с нами Чан Кайши? На этот вопрос, конечно, трудно ответить, хотя Чан Кайши и считается левым центристом»⁸.

А вот как характеризовал Чай Кайши другой советский советник: «Из военных работников стоит к нам ближе всех. Разбирается в политике. Страшно самолюбив. Изучает Наполеона, которого читает на японском языке... В своих решениях скор, но часто принимает решения необдуманно и тогда их меняет. Упрям, любит поставить на своем; в своей политической эволюции должен дойти до логического конца»⁹.

Судя по воспоминаниям работавшего военным советником в Китае А. И. Черепанова, «Чан Кайши был нашими людьми разгадан», они проявляли «чувство здравого недоверия к этой политической фигуре»¹⁰.

После смерти Сунь Ятсена в 1925 г. Чан Кайши постепенно захватывает важнейшие посты в Национально-революционной армии и Гоминьдане. Он участвует в национальной революции 1925—1927 гг. Однако рост влияния китайских коммунистов и советских советников все больше беспокоит его. Будучи начальником Гуанчжоуского гарнизона, Чан Кайши учиняет в марте 1926 г. антикоммунистическую провокацию.

Коммунист, исполнявший обязанности командира военного корабля «Чжуншань», получил приказ подвести корабль к школе Хуанпу якобы для ее охраны. Когда же он это сделал, Чан Кайши заявил о коммунистическом заговоре и 20 марта ввел в Гуанчжоу военное положение. Около 50 коммунистов были арестованы. Было окружено помещение, в котором жили и работали советские советники, среди которых находилась посланная из Москвы инспекционная группа во главе с членом Оргбюро ЦК ВКП(б), начальником Политуправления РККА А. С. Бубновым. Бубнов расценивал «события 20 марта» как «маленькое полувосстание, направленное против русских советников и китайских комиссаров»¹¹.

Чан Кайши постарался замазать случившийся инцидент. Он представил его как акцию, направленную исключительно против «нарушителей дисциплины». В конце концов коммунисты были освобождены из-под ареста, а советским советникам сказано, что блокирование их — всего лишь «досадное недоразумение». Чан Кайши продолжал заявлять о сотрудничестве с коммунистами и дружбе с Советским Союзом.

На собрании партиячейки в полпредстве СССР в Китае 19 мая 1926 г. отмечалось, что «Чан Кайши продолжает оставаться некоторым сфинксом» и что от его действий будут зависеть дальнейшие повороты событий. Подчеркивались возрастающие амбиции пробивающегося наверх военачальника. Указывалось, что как Чан Кайши, так и другие руководители Гоминьдана «считают себя вождями не только китайского национального движения, но чуть ли не вождями мировой революции».

Советский военный советник Степанов, выступая на собрании коммунистов южно-китайской группы советников, так отзывался о Чан Кайши: «Для меня и китайских товарищей Чан Кайши является яркой фигурой, с ярко выраженными личными качествами. Основное качество его — честолюбие, затем властолюбие».

Стать героем в общекайтайском масштабе — это его мечта. Он сам о себе говорит так, что он революционер не только Национальной китайской революции, но и мировой революции. Дело другое, как он понимает эту революцию, но говорит...

Кроме того, Чан Кайши довольно умен. Он с достаточной ясностью разбирается в вопросах не только китайских, но и мировой политики. Правда, у него и здесь наблюдается уклон в сторону личности. Он учитывает окружающую обстановку. Он, опираясь на массы, хочет и отчасти умеет их использовать для тех же честолюбивых целей. С этой же целью он использует и нас с вами, и китайских коммунистов, но только до тех пор, пока мы ему полезны».

В качестве главнокомандующего НРА Чан Кайши руководил знаменитым Северным походом, начатым в июле 1926 г. Первоначальный успех этого похода был связан с именем героя гражданской войны в России, народного полководца-самородка В. К. Блюхера, который был главным военным советником НРА, планировал боевые операции и участвовал в их практическом осуществлении. Отношения между Чан Кайши и Блюхером наладились не сразу. В них был период натянутости и «притирки». Затем внешне они стали выглядеть чуть ли не как «дружба». О создании такого впечатления у окружающих позаботился Чан Кайши. Что касается Блюхера, то, несмот-

ря на незаурядные актерские способности Чан Кайши, он уже тогда понимал его геополитическую игру.

Все еще играя роль революционера-интернационалиста, 7 ноября 1926 г. Чан Кайши послал Сталину поздравительную телеграмму по случаю 9-й годовщины Октября, вновь подтвердив, что он надеется на сохранение китайско-советского союза в интересах мировой революции. Чан Кайши клялся в верности мировой революции последний раз.

Пути расходятся

12 апреля 1927 г. Чан Кайши совершает контрреволюционный переворот, учиняет расправу над рабочими, громит профсоюзы и другие левые организации, обрушивает террор на коммунистов. Установленная Чан Кайши диктатура получила поддержку крупной буржуазии и держав Запада. Чан Кайши клеймят как предателя не только коммунисты и левые гоминьдановцы, но и его собственный сын, комсомолец Цзян Цзинго, учившийся в Советском Союзе.

Троцкий, к тому времени лишившийся поста наркома и выведенный из состава Политбюро, активизировал оппозиционную деятельность, в том числе и по китайскому вопросу. Он и его сторонники обвинили руководство ЦК ВКП(б) и Коминтерна, в первую очередь Сталина и Бухарина, в несостоятельности политики единого фронта и провале китайской революции. При этом троцкистами игнорировались подлинные причины поражения революции: слабость китайского пролетариата, неспособность Гоминьдана по-настоящему осуществить аграрную революцию, вмешательство западных держав в дела Китая и т. д. В письме Троцкому Н. К. Крупская осуждала его «фракционное выступление по вопросу о Китае» и подчеркивала, что «этого делать нельзя»¹².

В 1927 г. Троцкий был выведен из ЦК и исключен из партии. Однако на этом не заканчиваются его занятия проблемами китайской революции. В 1928 г. он пишет работы «Итоги и перспективы китайской революции» и «Китайский вопрос после VI конгресса Коммунистического Интернационала», а в 1929 г. составляет проект программы китайской оппозиции. Троцкий был далек от правильного понимания существа и особенностей китайской революции. Он был склонен рассматривать ее проблемы сквозь призму опыта и уроков революции в России.

Основатель троцкизма не видел разницы ни в целях, ни в способах борьбы трудящихся, скажем, Англии или Китая¹³. По Троцкому, после поражения революции 1925—1927 гг. революционное движение в Китае должно было вступить в этап социалистической революции. При этом отрицались организация вооруженной борьбы в сельской местности и создание на этой базе китайской Красной армии, подчеркивалась необходимость укрепления прежде всего пролетарских центров борьбы.

Встречались в работах Троцкого и некоторые верные суждения, касавшиеся, в частности, слабости китайской национальной буржуазии и ненадежности Чан Кайши. Попытки опереться на Чан Кайши он называл «политикой гнилых опор» или «хватанием за гнилые веревки»¹⁴.

После ссылки в Алма-Ату Троцкий в 1929 г. был выслан за границу. За рубежом он не только ведет борьбу против Сталина, но и становится на путь вражды к СССР, ВКП(б) и международному коммунистическому движению. Его подрывная деятельность затрагивает и Коммунистическую партию Китая.

В результате раскола китайского коммунистического движения возникают четыре троцкистские группировки, которые в 1931 г. объединяются в одну организацию, ставившую целью борьбу против Коминтерна и КПК. Троцкий поддерживал постоянную связь со своими китайскими сторонниками. Особенно тесные отношения были у него с генеральным секретарем китайской троцкистской организации Чэнь Дусю. Троцкий и Чэнь Дусю сохраняли идейную близость и после исключения последнего в 1932 г. из рядов троцкистов¹⁵. В 1938 и 1939 гг. Троцкий тщетно пытался вывезти Чэнь Дусю из Китая¹⁶.

В противовес Коммунистическому Интернационалу Троцкий создал в 1939 г. IV (троцкистский) Интернационал. Он стремился превратить его в инструмент борьбы против компартий. Троцкий скончался от смертельного ранения, полученного в 1940 г. в Мексике. Полагают, что главным виновником его гибели был Сталин.

Более долгой оказалась жизнь Чан Кайши. После 1927 г. в течение десяти лет он борется

с Компартией Китая и руководимой ею китайской Красной армией, блокирует и осаждают Советские районы Китая. Во время войны против японских захватчиков 1937—1945 гг. вновь сотрудничает с коммунистами, получает советскую помощь. В начале войны к нему возвращается сын, работавший на Уралмаше, ставший там членом ВКП(б) и привезший с собой русскую жену. В 1946 г. Чан Кайши развязывает новую гражданскую войну, но в 1949 г. терпит поражение от Народно-освободительной армии Китая. С остатками своих войск генералиссимус бежит на остров Тайвань, где и умирает, не изменив своих антикоммунистических убеждений, в 1975 г.

«Дон Кихот мирового революционного пожара», «демон революции» Троцкий и «генерал-хамелеон», «китайский Бонапарт» Чан Кайши проделали эволюцию от приверженности идеям мировой революции до разрыва и конфликта с революционными силами. Не будучи лишенными человеческих талантов и имевшие своих преданных поклонников, оба отличались гипертрофированным честолюбием и самомнением, проявляли склонность к интригам и авантюрам. Они явно переоценивали как свои собственные достоинства, так и возможности революционных сил, проявили неспособность считаться с реальной действительностью, витали в облаках красивых, но несбыточных мечтаний. Не случайно им импонировала оказавшаяся утопической идея мировой революции.

Троцкий и Чан Кайши не смогли объективно оценить обстановку, удержаться на поднявшей их революционной волне и в конечном итоге стали политическими банкротами. Троцкий был обречен на скитания вдаль от покинутой родины, которая в трудных условиях приступила к строительству социализма. Чан Кайши переметнулся на крайне правые позиции. Хотя и при совершенно разных обстоятельствах, тот и другой, по существу, кончили свою жизнь в изгнании.

Троцкий и Чан Кайши на поверку оказались не такими стойкими и последовательными революционерами, какими себя изображали. История с ними показывает, что критерием преданности революционному делу должны служить не только слова, но и дела.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 345.

² Сунь Ятсен 1866—1986. К 120-летию со дня рождения / Сборник статей, воспоминаний, документов и материалов.— М., 1987.— С. 285—286.

³ Первые в советской исторической литературе подробные описания пребывания Чан Кайши в Советском Союзе дала А. И. Картунова.— См.: Картунова А. И. Сунь Ятсен и русские советники. По документам 1923—1924 гг. // Сунь Ятсен 1866—1966. К столетию со дня рождения / Сборник статей, воспоминаний и материалов.— М., 1966.— С. 175—180; Картунова А. И. В. К. Блюхер в Китае 1924—1927 гг. / Документированный очерк. Документы.— М., 1979.— С. 20—28; Картунова А. И. Сунь Ятсен и советники из Советского Союза в 1923—1924 гг. (По документам и воспоминаниям) // Сунь Ятсен 1866—1986.— С. 177—180. Поездка Чан Кайши в СССР освещается также в кн.: Воронцов В. Б. Судьба китайского Бонапарта.— М., 1989.— С. 35—40.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 381.

⁵ См. там же.— С. 404.

⁶ См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция / Документы и материалы.— М., 1986.— С. 44.

⁷ См.: Сунь Ятсен 1866—1986.— С. 311.

⁸ Черепанов А. И. Северный поход Национально-революционной армии Китая. Записки военного советника.— М., 1968.— С. 78, 80.

⁹ Там же.— С. 80—81.

¹⁰ См. там же.— С. 82.

¹¹ Там же.— С. 83.

¹² См.: Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 2.— С. 208.

¹³ См.: Васецкий Н. А. Л. Д. Троцкий: политический портрет // Новая и новейшая история.— 1989.— № 3.— С. 153.

¹⁴ См.: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций // Вопросы истории.— 1989.— № 10.— С. 128, 130—132.

¹⁵ См.: Ли Сяньжун. Толоцызи пинчжуань — Биография Троцкого. Пекин, 1987.— С. 513—519.

¹⁶ Дойчер Исаак. Адски темная ночь. Глава из книги «Пророк в изгнании» // Иностранная литература.— 1989.— № 3.— С. 198.

М. ТАРТАКОВСКИЙ

Христианское вероучение, как и всякое иное, с самого начала искало для себя «государственную крышу» — и нашло наконец в лице античного «великого Рима». Однако подлинное его величие к тому времени давно было в прошлом. Христианство с его «непротивлением злу», во всяком случае в теории, с умением всякую беду объяснить «карой божьей, ниспосланной за грехи», еще и подтолкнуло, надо думать, империю к гибели, окончательно отняв у римлян энергию. И вот вместо имперского монолита Западная Европа превратилась в груды варварских королевств, часто с неопределенными границами и с еще более неопределенным будущим.

Церковный владыка сам обретает такое же (одно из многих) государство — Папскую область, — правда, с непомерными претензиями, объявленную «патримонией святого Петра».

Вне этой территориально незначительной «патримонии» церковь в качестве духовной власти повсюду вынуждена была соперничать со светской властью местных феодалов самого различного ранга — от баронишек до императоров. Опять возникла пестрота, в чем-то подобная той, которая помешала античным грекам прийти к идее абсолютной власти Бога-творца. Такой Бог всегда должен иметь аналог на земле — как это и произошло с государем Поднебесной. В Западной Европе таких претендентов всегда было слишком много, чтобы кто-нибудь мог получить решающее преимущество. Тогда как папа, «наместник Бога на земле», осуществлял светскую власть лишь в незначительной «патримонии». Вот отчего нигде в Западной Европе (за редчайшими исключениями) религия не стала в полной мере прислужницей государственной власти. Почти везде она была соперницей ей.

Соперничество властей, их взаимная борьба за людские сердца всегда служат отдушиной, где можно как-то глотнуть свежего воздуха; оно же, соперничество церкви и государства, послужило главной причиной ересей, западноевропейского свободомыслия, хотя бы и в религиозных рамках, а затем и расколов, выделения самостоятельных протестантских церквей: лютеранской, кальвинистской, англиканской, методистской... Человек здесь опять оказывался не наедине с обожествленной властью, абсолютной и непререкаемой, властительницей как тела, так и души его, а перед лицом многообразия общественных, а значит, и духовных условий, с возможностью выбора — словом, «в зеркалах».

Восточная Римская империя со столицей Константинополем волею исторических судеб стала единственным государством рождавшегося христианского мира, уцелевшим в эпоху великих варварских нашествий и гибели античности. И вот здесь церковь смогла обрести поистине «государственную крышу», как конфуцианство в Китае.

Кажется, что общего между Конфуцием и Христом, разделенными сотнями лет и тысячами километров, между рассудительным назиданием, обращенным к разуму и гражданственности, и мистической проповедью, страстно обращенной к душе. Конфуций представлял себе общественного человека, залог благополучия которого — прочное, рационально устроенное государство, Христос — индивидуума, способного отринути не только родину, но и отца с матерью ради «спасения» в нерассуждающей безоглядной вере: «...Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со

свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня... Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня обретет ее». Слова, совершенно немыслимые в устах Конфуция. Что и говорить: один — Сын Божий, посланный Отцом своим жизнь отдать во искупление людских грехов, распятый и воскресший, подающий сим пример прочим (и нас-де, кого распинает здесь нужда и горе, ждет посмертное воскресение); другой — всего лишь смертный человек, пусть и величайший из живших на земле, совершенно-мудрый, но без каких бы то ни было мистических качеств, даже подчеркнута скромный. Что тут общего?

Но общего много — и прежде всего то, что свойственно всем вероучениям на свете. Все они неизменно убеждены в собственной непогрешимости и, значит, требуют от человека безоговорочной веры, немыслимой без некоторой хотя бы доли энтузиазма, «подвига души», самоотречения, которое, однако, не оставляется без награды. В конфуцианстве она — пример для потомков и их благодарная память. Христос же никогда не забывает снабдить свои проповеди посулом, обращенным, по сути, не к душе вовсе, а к своеобразному «здоровому смыслу» верующего: обещанием загробной «вечной жизни».

Какое же государственное применение могли найти христианские добродетели, все нацеленные на загробное воздаяние?

В христианстве изначально было заложено все необходимое, чтобы стать государственной религией. Как замечает советский византист Г. Литаврин, церковный писатель IX века Петр Сицилиец «не хулит человека за его рабскую долю, ибо рабство не позорно (все — «рабы божьи»), а хулит за то, что раб вредит господину и убегает от него». К тому же как наднациональная религия («нет ни иудея, ни эллина») христианство было прямо-таки находкой для империи, где греки, державная нация, составляли едва ли половину всего населения, включавшего множество других народов — кавказских, славянских, семитских, тюркских. Французский историк прошлого века Альфред Рамбо писал, что православие в Восточной Римской империи заменило собой национальность, а сама она была «целиком искусственным формированием, управлявшим двадцатью различными национальностями и объединявшим их в формуле: «один повелитель — одна вера». И любой василевс, совершенно так же, как и государь Поднебесной, рассматривал себя как повелителя всего населенного мира. Иноземные послы формально рассматривались как данники, их дары, предписанные дипломатическим этикетом, — в качестве дани, даже если фактически Византия трепетала перед военной мощью этих своих «подданных». Это тоже было совершенно в духе традиций Поднебесной, о которой (стоит напомнить) держава на Босфоре имела самое смутное представление. И речи не может быть об исторической преемственности — лишь об исторических закономерностях, равно действующих повсюду.

Сугубо государственный характер христианского вероучения в Византии подчеркивался тем, что божьим избранником и помазанным считался император: его (и даже царственную его супругу) изображали с нимбом вокруг чела, как святых. Так что, само собой, император объявлялся автократом, то есть неограниченным властителем, самодержцем. Любые своды законов, кодексы, руководства к пользованию ими («Институции», перечни юридических прецедентов («Дигесты») — все это разом перекрывалось неизменным с самого основания державы принципом: «То, что угодно государю, имеет силу закона». И в то же время весь этот культ был совершенно безотносителен к личности василевса. Чтилось его положение, но не он сам как человек. Принцип самодержавной власти как таковой был возведен в самоцель всем классом, стоящим у ее кормила. Император рассматривался прежде всего как символ незыблемости традиций и существующего положения вещей. Власть его, как правило, даже не была наследственной: василевс обычно избирался синклитом, состоявшим из крупнейших сановников. Не была она и достаточно прочной: за немногим более чем тысячелетие византийской истории едва лишь треть из ста семи властителей трона почил собственной смертью; едва ли одному из десяти выпадала посмертная слава, а не обычные хула и поношение. На разжалованное божество, как на козла отпущения, возлагались все государственные грехи.

Что же это за сверхмогущественные силы, которые свергали самого автократора? Иногда это была армия, но чаще — чиновничество, чье влияние на

Босфоре было не меньшим, чем на берегах Желтой реки. Это ему была выгодна максимальная централизация власти, ей оно поклонялось. Византийский сановник, как и китайский, обычно достигал своего положения благодаря не знатности происхождения, а личным способностям, притом таким, которые позволяли приспособиться и втереться в доверие наилучшим образом. Холодно взвешивавший обстоятельства, он готов был скорее отказаться от себя как личности, чем от своей должности, поскольку все его благополучие обеспечивалось государственным жалованьем.

Здесь, как и в Поднебесной, характерной была фигура евнуха вблизи трона. Сам Константин Багрянородный жаловался, что во дворце их не меньше, чем мух в хлеву. Поневоле ограниченный в личных притязаниях, евнух всецело отдавался дворцовым интригам, целеустремленно делал карьеру и обычно преуспевал, поскольку самодержец не мог видеть в его лице соперника. Порой (особенно это относится к XI веку) поведение евнухов служило даже образцом для завистливого подражания: подчеркнутое личное ничтожество прекрасно служило вяшему преуспеянию. Сановники соперничали в пресмыкательстве перед троном, хотя специфичная бюрократическая солидарность вполне могла противостоять даже самодержавной власти. Совокупные усилия чиновников всегда были направлены к сохранению того порядка вещей, который способствовал их возвышению, — «древних традиций», как любили подчеркивать они сами, словно бы ссылаясь на неведомого им Конфуция. И это служило главным общественным тормозом.

«Отдельные императоры пытались осуществить некоторые реформы, но получали то прямой, то замаскированный отпор столичной бюрократии. — пишет Г. Литаврин. — Пытавшийся урезать жалованье чиновникам Исаак I Комнин через два года был вынужден отречься от престола, пренебрегший интересами высших гражданских сановников Роман IV Диоген был отстранен от власти и уничтожен физически. Даже половинчатые реформы государственной системы разбивались о молчаливое сопротивление аппарата власти, саботировались, глохли; оработанный в течение веков механизм функционировал зачастую уже независимо от воли насильца».

Одни и те же исторические причины вызывают сходные следствия. Холодный ход истории срабатывает со зловещей закономерностью. Держава на мировом перекрестке вопреки, казалось бы, всякой логике (на самом же деле строго следуя ей) инвертируется, как бы обращается вовнутрь, замыкаясь в себе. И прежде всего это обнаруживается в отношении к мореплаванию. «Вместо того чтобы искать нужные ей товары в других странах, Византия ожидала, чтобы они были привезены на берега Босфора. В глазах византийцев это было одним из способов укрепления престижа империи. По их мнению, заставляя весь мир являться в Константинополь, вынуждая иностранцев своими покупками вносить в императорское казначейство большую часть мирового золотого запаса, ослепляя приезжих блеском своей культуры, Византия укрепляла свой авторитет во всем мире», — пишет французский византист Шарль Диль.

Одним словом, экономика рассматривалась как задворки политики, экономическая деятельность государства имела целью не народное благосостояние, не хозяйственное процветание и даже не обогащение наиболее активных граждан, способствующих такому процветанию, а демонстрацию державного величия, ложный престиж. Такая самоубийственная политика была невозможна, если бы граждане располагали хотя бы экономическими свободами, не столь зависели бы от единоличных, часто противоречивых императорских эдиктов. Никакой предприниматель не чувствовал себя в безопасности, не раскидывал мозгами далее непосредственной купли-продажи; само имущество его не было в достаточной мере ограждено законом.

«Империя, ведшая «мировую» политику на пределе сил, сделала главной целью производства не экономическое процветание, а служение политической доктрине. Византия даже не торговала — она уделяла «варварам» свои «драгоценные» изделия и не заметила, как ее товары стали уступать по качеству западным», — пишет Г. Литаврин. Шарль Диль замечает: «Отказ от торговой деятельности (столь характерный и для Поднебесной. — М. Т.) был тяжелой ошибкой. Его следствием был захват иностранцами византийской торговли и пренебрежительное отношение византийцев (как и китайцев. — М. Т.) к развитию флота».

Уже знакомые нам парадоксы. Казалось бы, самое передовое судостроение, как и положено державе, раскинувшейся по берегам многих морей, самое передовое для

того времени вооружение, но, как и в Китае, то был только исторический миг. Морская слава византийцев испарилась без остатка.

Торговля — всего лишь одна из сторон хозяйственной деятельности, главным образом следствие продуктивного промышленного и сельскохозяйственного производства, не более того; но она же, в силу своей специфики, первое свидетельство энергии народа. Историк XIV века Никифор Григора сетует: «В то время как торговая прибыль и экономическая мощь латинян непрерывно росли, греки становились все слабее; и каждый день прибавлял новые бедствия к предыдущим... Латиняне овладели не только всеми богатствами Византии и доходами морской торговли, но и всеми ресурсами, обогащавшими императорскую казну». Византия, как сказали бы мы теперь, постепенно превращалась в полуколоннию.

Когда же полтора столетия спустя император Иоанн VI Кантакузин попытался хоть как-то восстановить византийский флот, генуэзцы, не колеблясь, а главное, практически не встречая сопротивления, атаковали столичные верфи и сожгли строившиеся корабли. Еще столетие спустя добровольческие отряды западных христиан попытаются защитить от турок уже обреченный «христианнейший город». У самих византийцев, казалось, была отнята вся их энергия.

Трудно даже представить, что это все тот же греческий народ, «универсальная одаренность и деятельность» которого заслужили, по словам классиков марксизма, высочайшее место в истории.

Подойдя под стены Константинополя (Византии) в 1204 году, крестоносцы сами опешили от своей дерзости. Их было немногим более десятка тысяч, перед ними же был величайший город тогдашнего западного мира, кварталы которого равнялись целым столицам европейских княжеств и королевств. «Каждый думал о предстоящей битве, полагая, что развернется такое сражение, равного которому еще никогда не происходило», — рассказывает очевидец Робер де Клари. «Казалось чудом, что столь великое дело (взятие города) совершено таким числом людей, меньше которого трудно и вообразить», — заключает другой свидетель, маршал Шампанский Жоффруа Виллардуэн.

Все это чрезвычайно похоже на то, как Кортес и Писсаро несколько столетий спустя уже и не с тысячами, а со считанными сотнями конкистадоров разгромят огромные империи ацтеков и инков. Возвратясь к истории Поднебесной империи, мы опять-таки встретимся с подобным же «чудом». В основе всех этих «чудес» лежали вполне реальные исторические закономерности.

* * *

Как две чаши, разнесенные в оба конца Старого Света, сосуществовали в веках, практически не соприкасаясь, две равновеликие силы — Китай и Европы. Словно бы история продлевала какой-то грандиозный эксперимент, взвешивала на своих весах два пути развития — личный и безличный. Разумеется, оба эти понятия, особенно второе, употреблены здесь лишь в сравнительном значении. Общечеловеческие тенденции не обошли, естественно, и Китай. И здесь, как и всюду, великие поэты, замечательные ученые расшатывали закостенелое сознание, раздвигали границы познанного. Но творческие усилия как бы увязали в тине предписаний, ограничений и традиций. Китайцы не только первыми изобрели бумагу в 868 году, с резных досок отпечатали первую в мире книгу за полтысячи лет до немца Гутенберга, но вскоре, в XI веке, изобрели и наборный шрифт.

Казалось бы, чего уж больше! Ведь открытия в области распространения информации, от наскальных рисунков до спутникового телевидения, напрямую связаны с магистральным движением человечества. Но оказалось, что бесконечно тиражировать цитаты «совершенноумудрых» куда производительнее с помощью гравировальных штампов, — так что в Китае в конце концов вернулись к прежнему способу.

Технология обогнала общественные потребности. Естественно как раз обратное: потребности общества обычно ставят на повестку дня изобретение новой технологии. В отношении старого Китая часто употребляется выражение, может быть, не совсем точное, но метафорически емкое: «Время потекло вспять». Тогда как само соперничество друг с другом народов Европы не давало им застыть на месте.

В сопоставлении явлений — подлинная душа всякого эксперимента, также и этого,

восставленного, можно сказать, «самой историей». Конечно, важно, чтобы явления были действительно сопоставимы. Китай и Европы представляют в этом смысле поистине уникальнейшую возможность, быть может, единственную во всей мировой истории по своей грандиозности. Равновеликость их — понятие — обнимающее собой соизмеримость территории и население, климатическое, почвенное и ландшафтное разнообразие (от Маньчжурии на севере до Гуандуна на юге в одном случае и от Скандинавии до Средиземноморья — в другом), содержание полезных ископаемых, наличие судоходных рек и протяженность морских побережий. (Меньшая их изрезанность искупается наличием в Китае огромных рек, связывающих самые глубинные районы с морем.)

Равновеликость, разумеется, вовсе не идентичность. Различия, напротив, слишком очевидны. Но если бы их не было, и сравнивать было бы нечего. Факторы, определившие характер китайской цивилизации, народа в целом и каждого человека как конкретного носителя специфических черт: географическое единство страны, ее огромные размеры, национальная компактность, общность иероглифической письменности (хотя устные диалекты значительно различаются), относительная непрерывность исторического развития при религиозной общности (чему не мешало, как мы видели, наличие трех религий), все охватывающая государственность при ограниченной частнохозяйственной инициативе.

Факторы, определившие характер европейской цивилизации, «европейца»: территориальная раздробленность, национальная и политическая мозаичность и в силу этого открытость внешним воздействиям, взаимопроникновениям, борьба всякого рода идей, включая религиозные ереси, решительное преобладание частнособственных интересов, прелюдия буржуазного общественного строя. Именно развитие буржуазных отношений знаменовало выход Европы из «темных веков» засилья религии. «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль... Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений»¹.

Понятие «буржуа», заимствованное из французского и звучащее для нас ныне столь привычно, поначалу (как и немецкое «бюргер») означало городского жителя, горожанина. Возродился социум, общественный строй, почти исчезнувший со времен античности. Европа, прежде всего северная и центральная Италия, обстраивалась городами вместо прежних надменных рыцарских замков, противостоявших убогим деревням. И те и другие были замкнутыми общинами, хоть и несравнимыми друг с другом; жизнь и там и здесь регламентировалась вековыми установлениями.

Город же стремился уравнивать всех. Сам воздух его, утверждала пословица на латыни, ученом языке того времени, веял свободой.

Вправе ли мы возвращаться для сравнения на тысячи лет назад? Допустимы ли вообще здесь сравнения, если большинство западных историков (историк + философ) сходятся на том, что всякое историческое событие уникально, принципиально неповторимо, ибо принадлежит своему времени и никакому другому?

Но если это так, то немислимы и какие бы то ни было общие закономерности, само единство исторического процесса.

Арнольд Тойнби, автор многолетнего труда «Исследование истории» пишет: «Когда мы говорим об «истории», мы обычно имеем в виду коллективный опыт человечества». И еще: «Опыт — лишь другое название истории». То есть опыт одной цивилизации все-таки служит другой, так или иначе ей наследующей хотя бы в использовании уже нажитого опыта. Мир предстает в развитии: накапливается опыт, усложняются общественные отношения, появляется возможность избежать прошлых ошибок.

Но признание за историей лишь последовательного накопления опыта не может удовлетворить нас; нам необходимо понять внутренние механизмы движения, объективные исторические законы. Опыт, разумеется, важен, но лишь в том случае, если он введом новым поколениям. Но как часто народы либо совершенно не знали собственной истории, либо — еще чаще — попросту заблуждались в отношении своего прошлого. Кроме того, опыт действителен тогда лишь, когда движение направляется непосредственно разумом, способным на основании накопленных знаний выбирать из предлагаемых жизнью обстоятельств, рассчитывать и планировать

наперед. Как часто, однако, поток истории выносит людей вовсе не туда, куда они предполагали попасть.

И наконец, можно ли говорить о каком-нибудь общем историческом опыте человеческих обществ, напроочь изолированных друг от друга, как это случилось с обитателями Старого и Нового Света? О сколько-нибудь серьезных практических контактах и речи быть не может, однако жители «по ту» сторону океана отчего-то упорно шли по тому же пути, что и «по эту» его сторону и уже создали раннеклассовое общество с его «азиатским» способом производства и неизбежным, по-видимому, атрибутами этого способа: обожествлением верховной власти, следствием чего является и соответствующий культ, и строительство пирамид (в Центральной Америке, как и независимо от этого — в Южной). Словно перенимая «заокеанский опыт», бесспорно неведомый им, народы изолированного континента последовательно переходили от собирательства даров природы и охоты к земледелию, создавали жилища, затем — города, от обработки камня, перешли к обработке металла, одухотворили природу — придумали богов. И уже возник Бог — творец всего сущего, верный признак перехода к единобожию. Все это, правда, с огромным запозданием при сравнении со Старым Светом (что опять-таки напроочь исключает заимствование — через тысячелетия!), но тем нагляднее подчеркиваются какие-то общие объективные законы истории.

Вот если бы в эпоху Колумба, Кортеса, Писсаро в Америку каким-то образом (нарушив незабываемый ход времени) приплыли египтяне, подданные фараона, или «граждане» Поднебесной, им было гораздо понятнее то, что они встретили бы: устройство великих империй ацтеков и инков показалось бы им естественным и целесообразным. Они смогли бы, вероятно, почерпнуть что-то полезное для себя. Для европейцев Нового времени все это было уже давно забытым анахронизмом, «варварством». Абсолютная асинхронность, несогласованность во времени, эволюции Старого Света (действительно, как видим, опережавшего «по всем статьям») и Нового доказывает, что никакой случайный опыт (возможные плавания через океаны) никак не нарушает налаженного движения какого-то мощного «маховика истории».

Спору нет, исторические закономерности куда менее точны и определены, чем математические, физические, даже биологические. В основе природных закономерностей — неизбежная повторяемость явлений, тогда как в основе исторических — нечто менее абсолютное — возникновение подобий. Во всяком историческом явлении нетрудно увидеть уникальный прецедент (как это делает любой «исторический» писатель), труднее, порывшись в памяти или книгах, выстроить ряд подобий, идущий из глубины веков. И наконец, самое сложное — но и важное! — понять закономерность возникновения подобий, их принципиальное сходство и неизбежные отличия друг от друга.

В природе прецедент вполне можно рассматривать как проявление некоей закономерности. Землетрясение — конечно же, неожиданность, прецедент. Но несомненно, что оно — следствие хоть и неведомых нам, но совершенно естественных процессов, наблюдая которые мы могли бы надежно предсказать событие.

В отношении истории такой абсолютной уверенности нет. При нашем способе мышления, вероятно еще довольно примитивном, трудно не счесть случайностью такие немаловажные факторы истории, как характер правителя, талант (или бездарность) военачальника, — словом, индивидуальное поведение исторического лица. Но выстроив ряд аналогичных прецедентов, мы догадываемся, что столкнулись с некоей закономерностью, поняв которую можно попытаться даже заглянуть в будущее. И А. Тойнби абсолютно прав, когда пишет: «Мы должны заглянуть в прошлое, если хотим пролить свет в будущее».

Можно также сказать, что, изучая историю, мы пополняем собственный жизненный опыт, учимся ориентироваться в обстоятельствах, у которых, так или иначе, имелись аналоги в прошлом. Собственно, все это первейшая (если не единственная) задача всякого познания, вообще — разума. Первоначально ученым движет любознательность; но дело этим не ограничивается. Свойства вещества изучаются для того, чтобы предвидеть, как оно себя поведет в конкретных процессах. Изучение истории, как ни увлекательно оно само по себе, также преследует вполне определенную цель: осмысляя пройденный путь, мы хотим понять, что же нас ждет.

При этом ясно, что экстаполяция в будущее одиночного факта, рассматриваемого

качестве прецедента, бессмысленна. Нам следует по меньшей мере выстроить ряд сходных фактов, выявить если не связи, то четкие аналогии, что с известной долей риска может рассматриваться нами как найденная закономерность.

Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» проследживает закономерность, сравнивая условия существования и уровень развития современных ему североамериканских индейцев и древних германцев, находя общее в их жизни, верованиях, психике, быте. Конечно, речь в данном случае идет о чистой аналогии, о явлениях, настолько изолированных друг от друга, что и огромная разница во времени (примерно две тысячи лет) может не приниматься в расчет. Подобие обнаруживает здесь лишь самые общие законы истории, неизбежные ступени общественного развития.

Представим, что мы сравниваем исторические явления, связанные определенными причинно-следственными отношениями, пусть даже весьма отдаленными и опосредствованными, со многими промежуточными звеньями. Сходство между ними выявит уже тенденцию, обозначит само движение истории, но лишь в том случае, если, помимо сходства, обозначатся также закономерные и неизбежные различия. Полное совпадение значило бы, что история либо остановилась, либо «пробуксовывает» на месте. В действительности же мы наблюдаем обычно, по словам В. И. Ленина, «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе... развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии»² — тогда как именно на «прямой линии» настаивал, скажем, Гегель, в глазах которого все развитие бесповоротно устремлялось к заданной цели, к общественному «идеалу». Очевидно, что на этом пути сам идеал успевает неоднократно трансформироваться, усложняясь с каждым «витком спирали».

Вот и в истории Китая вполне прослеживается «спиральная» цикличность: воцарение очередного победоносного вождя восстания либо иное укрепление самодержавного начала тут же освящалось конфуцианской догмой; при этом личность, ее хозяйственная инициатива подавлялись, что вело к неуклонному обнищанию, даже к голоду. Наконец очередной самодержец поневоле вынужден был вводить послабления, реформы, в результате чего опять крепла частная инициатива в противовес державной власти. Идея державности в конце концов настолько расшатывалась, что всякая попытка вновь укрепить ее, отобрав у народа его скудные права, могла уже привести к очередному восстанию. Если конфуцианская власть руководствуется принципом «государство сильно, когда народ слаб», то справедлив, надо думать, и принцип, в котором плюс и минус попросту переставлены местами: народ сильнее, когда слабеет власть над ним. В старой истории Китая это как бы две разнесенные точки каждого из витков спирали.

Общественное бытие определяет сознание людей. Но если это так, то сходные формы бытия определяют и сходство, хотя бы относительное, общественного сознания. Мыслит всегда конкретный индивид; так что понятие, определяемое здесь как общественное сознание, говорит о некоторой усредненности сознания, стереотипы которого присущи в данном обществе большинству — от обывателя до гения, — об определенной интеллектуальной характеристике.

Не называя пока ни рассматриваемой ниже эпохи, ни страны, перечислю лишь наиболее характерные стороны общественного бытия. Прежде всего бросается в глаза вострый калейдоскоп мелких государств (города-республики, демократии, плутократии, теократии монархии), мозаичность социальных структур. Так сказать, мир в миниатюре. Города как средоточие административной власти, подчиненность сельских округов. Частное землевладение, по преимуществу мелкое. Власть сельских господ сильно ущемлена державным городом, да они и предпочитают жить там, а не в поместьях. Ремесло горожанина уже четко выделилось как противовес сельскому хозяйству; предметы, изготовленные в мастерских, становятся эквивалентом съестных продуктов, получаемых на фермах. Но обмен, естественно, не прямой, а рыночный, с помощью денег. Вообще чрезвычайно развиты отношения купли-продажи, торговые, посреднические.

Протяженные морские побережья — открытые ворота в большой мир; чрезвычайное развитие мореплавания, которое, как мы уже видели, является как бы проверочным тестом на открытость общества, определенную его демократичность. Уже сама возможность в любое время уплыть за море и вернуться обратно предполагает хотя бы

минимум личных свобод. И наоборот, ущемление их всегда характеризуется сокращением внешних связей, сворачиванием мореплавания.

Так вот эпоха и место на Земле, о которых идет речь, отличаются необычайным расцветом человеческого самосознания, личности.

Что же это, мы опять в классической Элладе? Нет, эпоха иная и страна тоже — Италия XIV—XV веков. Но срабатывает закон подобия — и человеческая личность словно возникает вновь, точно из небытия. А так как всякая эпоха характеризуется в конечном счете тем или иным уровнем развития личностных свойств индивида, уверенно можно говорить о закате средневековья и о заре новой эры, которую очень скоро ее же современники назовут Возрождением.

Возрождением чего? Дело в том, что люди этой замечательной эпохи осмыслили свое бытие (не все, конечно, и не сразу) как некое отражение (в иное время, на ином витке истории) чего-то такого, что уже было. Вот тогда-то, словами Энгельса, в извлекаемых из земли статуях предстала классическая древность, а итальянцы Нового времени (как это мы теперь понимаем) вдруг почувствовали себя причастными к прошлой эпохе, отдаленной от них даже не веками — тысячелетиями. «Юристы забыли Юстиниана, медики — Эскулапа. Их ошеломили имена Гомера и Вергилия. Плотники и крестьяне бросили свое дело и толкуют о музах и Аполлоне». Так в недоумении и с восторгом писал Петрарка, которого назовут вскоре первым гуманистом, человеком, распахнувшим двери новой эпохе в человеческом самосознании. Сам он мечтает изучить греческий язык, чтобы читать в подлиннике Гомера. Увы, это ему не удалось, и он пишет в Константинополь тому, кто прислал ему греческую рукопись: «Ваш Гомер нем для меня, вернее, я глух к нему. И все же я восхищаюсь одним его видом и, часто сжимая в объятиях, вздыхаю и восклицаю: «О великий человек! Как был бы я рад послушать тебя!»

Поистине то было упоение античностью, которое кому-то постороннему могло бы показаться игрой. Переодевались в подобие туники, прежде чем раскрыть классическую рукопись. Речь сознательно строилась так, чтобы цитата древнего автора не выглядела в ней чужеродно. Трапезы обставлялись по возможности на античный лад. Приобретение предметов старины порой вконец разоряло коллекционера, который, однако, чувствовал себя вполне счастливым, заслужив у друзей вполне искренний комплимент, звучавший отнюдь не иронично, как кажется нам сейчас: «Истинное удовольствие общаться с ним, такой он весь античный!»

Таков был общественный авторитет давно ушедшей эпохи. Можно сказать, что античность — по преимуществу греческая, разумеется, чрезвычайно идеализированная, «засахаренная» — стала идеологией итальянского Возрождения, для которого, по словам Энгельса, было характерно «питавшееся новооткрытой греческой философией жизне-радостное свободомыслие»³. Возникла на манер Афинской Флорентийская академия. Участники ученых бесед так же предпочитали собираться в саду на чьей-либо загородной вилле, подражавшей своим убранством «садам Академа». Опять, как это порой случается в истории, человек словно бы вынырнул на мгновение к солнцу и воздуху и спешил надышаться властью. Резко возросла ценность человеческой личности, и, как всегда, «спрос родил предложение»: гуманисты культивировали в себе индивидуальные качества, переходившие порой в чудачества, гордились ими. Субъективное осознание своей причастности к интеллектуальной элите, к гуманистам ставилось выше столь весомых еще недавно феодальных титулов и званий. «Слава и благородство измеряются не чужими, а собственными заслугами», — писал гуманист Поджо Браччолини в трактате «О благородстве». Оно усматривалось гуманистами прежде всего в неустанности умственных трудов. Так впервые в мировой истории заявила о себе интеллигенция, еще отнюдь нерассматривавшая себя как профессиональную прослойку, а именно как интеллектуальную, мыслящую, независимо от способов добывания средств к существованию. Наше сегодняшнее априорное почтение к самому понятию «личность» (как и к «свободе», «демократии») идет отсюда, из Возрождения.

Самосознание индивида и демократичность общества идут рука об руку. Перед таким союзом отступают любые догмы, возведенные в сан государственной религии. «Свободу церкви надлежит соблюдать так, чтобы это не нанесло ущерба естественной свободе народов». Слова эти, бесспорно, немислимые в устах Конфуция, вполне могли произнести и Перикл (конечно, без термина «церковь»), и Монтескье в своем

эфористичном «Духе законов», хоть их и разделяет более двух тысячелетий... Слова эти и впрямь принадлежат «Периклу», только флорентийскому, как называли современники Колюччо Салютати, канцлера республики на протяжении тридцати одного года, да самой своей смерти. Он произнес их во время войны Флоренции с папой, отлучившим ее от церкви. Для Салютати его город и впрямь был Афинами Нового времени, столицей итальянского гуманизма. Он называет его «цветком Тосканы и зеркалом Италии», борющимся за ее спасение и «свободу всех».

Ученик Салютати и его преемник на посту канцлера Флорентийской республики, автор ее «Истории в 12 книгах» Леонардо Бруни скажет еще определеннее: «Ни в каком другом городе нет такой свободы, равно положения людей высокого и низкого звания». То же говорил об Афинах и Перикл. В словах же Бруни: «Только в равенстве коренится подлинная свобода» — уже весь знаменитый девиз грядущей Великой французской революции: «Свобода, равенство и братство!»

Салютати, как и прочие государственные мужи итальянских городов-республик, отлично сознает, чему они обязаны как демократией, так и процветанием. Благодаря ремесленным цехам, развитию промышленности «мы стали тем, чем являемся»; без заморской торговли, связывающей небольшой, в сущности, город с огромным миром, «мы не можем существовать»... Свобода мореплавания и торговли, равно как и свобода личности, необходимые условия хозяйственного прогресса; отсутствие этих свобод означает застой в экономике.

Еще средневековый немецкий хронист Оттон Фрейзингенский, свидетель образования в Италии ранних свободных городов-коммун, отмечал: «Итальянцы управляются консулами, а не господами» и «намного превосходят другие государства богатствами и могуществом». Горожане, борясь с окрестными рыцарскими замками, угрожавшими их свободе, попутно освобождали крестьян от феодальной зависимости. В Болонье XIII века такое официальное дарование свобод было чрезвычайно характерно названо — «Райским актом». Так образовывались тогда первые свободные общины, выгодно отличавшиеся от греческих полисов тем, что в них не было рабства. Это были первые подлинные ростки демократии в мировой истории. Тем характернее, что знаменем новой демократии стала античность, эпоха, казалось, бесследно канувшая в небытие, погребенная землей и прахом забытых архивов.

«Заряд» сработал вовремя и во всю свою мощь. Понстине то был взрыв информации, как любим мы сейчас говорить. Ведь и прежде находили и статуи в земле, и рукописи в пыли, но взрывчатая сила прошлого обнаруживает себя лишь тогда, когда наступает сквозная ему эпоха, резонансная, если применить физический термин.

То был отнюдь не педантичный поиск древностей, а буквально азартная охота за ними. Восторг перед открывающимися сокровищами античного искусства и литературы был столь велик, отчаяние при неудачах столь беспредельно, а стремление заполучить сокровища столь всепоглощающе, что я бы ничуть не удивился, если бы многое из того, что представляется нам сегодня греческой или римской классикой, оказалось бы куда более позднего происхождения... Если проникнуться духом эпохи, пусть и давно прошедшей, если неподдельно ощутить себя ее наследником, то имитация даже гениальности требует всего лишь ремесленного мастерства. И можно ли сомневаться в том, что эллада, взрастившая величайших художников, могла иметь также и величайших в истории имитаторов. Имитация античности попросту могла мыслиться гуманистом как слогвиг благочестия. В эпоху, когда, словами современного историка, «восстановление какого-нибудь трактата Цицерона или Квинтиллиана считалось подвигом, уступавшим разве что его созданию», «высоконравственная цель» вполне оправдывала такое неслишком нравственное средство, каким является имитация древности. Конечно, средположение о том, что, скажем, какая-нибудь «классическая греческая скульптура» возникла где-нибудь в мастерских флорентийских или иных ваятелей, способно хоть кого привести в замешательство. Но я бы не отбросил напрочь такое предположение.

Казалось, вся милость Фортуны сосредоточилась тогда на Италии. Сама трагедия Византийской империи, завершившаяся падением Константинополя, способствовала расцвету Возрождения. Православие и тяжелая ритуальная обрядность сродни китайской в полной мере достались Москве, тут же объявившей себя «третьим Римом» («Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быть»), классическая же ученость — Италии. Из Малой Азии и греческой оконечности Балкан вывозились шельмы библиотеки. Философы, писатели, ученые гибнущей Византии предпочли ин-

теллектуальную солидарность религиозной и в массе своей переселились не на север, в Московию, к единоверцам, а на Запад, к еретикам-латинянам. Кривой турецкий ятаган подвел черту под прошлым, но уже занималась заря Нового времени.

«Величайшим прогрессивным переворотом из всех пережитых до того времени человечеством»⁴ называли Возрождение классики марксизма. Стихийными, неосознанными в этой интеллектуальной революции были разве что самые подспудные механизмы. Гуманисты сознательно — и это следует подчеркнуть — стремились сформулировать свои эстетические и этические идеалы, с тем чтобы немедленно претворить их в жизнь. Тот же неистовый собиратель древностей Поджо Браччолини в письме к такому же одержимому Николло Николли довольно трезво замечает, что «постоянное собирание кусков дерева, камней, обломков может показаться глупейшим занятием, если из них ничего не будет построено». Но и само собирание осколков прежнего, открытие античной культуры, ее «возрождение» сравнимо с наступавшей по пятам эпохой Великих географических открытий. Вот что говорит американский «книжный археолог» Лео Дойель об «открытиях манускриптов», хлынувших волной информации: «Радость находок была окрашена чувством безбрежных просторов мира, открывшихся в эпоху Возрождения. Нечто подобное испытывали мореходы, пускавшиеся в плавание по морям, которые не были еще обозначены на карте. Охотники за рукописями, восстанавливающие из небытия погибшие или затерянные континенты человеческого самовыражения, отправлявшиеся в свои экспедиции по всей Европе, от Испании до Скандинавии и еще далее — на Ближний Восток, могут рассматриваться как истинные предшественники да Гамы, Колумба, Америго и Кэбота точно так же, как идеи гуманизма способствовали интеллектуальной готовности мореплавателей к их открытиям. Нам не следует забывать, что и Колумб и Коперник, в своих исканиях отталкивающиеся от классических текстов, сами были истинными гуманистами».

Открытию Нового Света сопутствовало наступление Нового времени. Знаменательны уже имена, упоминаемые здесь Дойелем. Колумб — генуэзец, Америго Веспуччи — флорентинец на испанской службе; итальянцы Джованни Кэбот (на английской службе) и сын его Себастьян (на испанской службе) — виднейшие исследователи обеих Америк. Мир сразу сделался почти в десять раз больше; вместо четвертой части полушария теперь весь земной шар лежал перед взором европейцев, которые спешили завладеть остальными семью восьмыми. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт.

Гуманист Франческо Филльерфо, ярый пропагандист эллинской словесности и философии, утверждал: «Греция не исчезла. Она переселилась в Италию, страну, которая еще с древних времен гордо носила имя Великая Греция». Процесс «переселения культуры», точнее же — ее революционного развития, все ширился. Вот когда сыграла прогрессивнейшую роль политическая мозаичность Европы (противовес в наших размышлениях китайскому монолиту): Пламя Возрождения, затухая в одном месте, тут же вспыхивало в другом. В орбиту эпохи включаются все новые города-коммуны — ганзейские, фламандские, фландрские. Порыв Возрождения охватывает уже целые страны. Отныне это общее русло всей европейской истории. «Вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу, развивалась теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей от древности унаследованной цивилизации, продолжала еще стоять во главе»⁵.

Классическая Греция воистину стала семенем, из которого проросла европейская цивилизация.

«Как изумился бы Вазари, первый, кто в XVI веке назвал эпоху гуманизма в Италии словом «возрождение» (имея в виду именно возрождение древности), если бы узнал, что за много веков до него таким же словом и в таком же смысле была обозначена одна эпоха гуманистического движения в далеком Китае», — пишет академик-востоковед Н. Конрад в статье «Хань Юй и начало китайского Ренессанса», определив в самом названии важнейшего представителя этой эпохи, «первого из «Восьми великих». Сходство на первый взгляд действительно велико. Хань Юй, как и положено «ренессансному человеку», чрезвычайно многогранен: публицист, философ, историк, общественный деятель. Бесспорен его гуманизм; важнейший трактат Хань Юя «О пути» начинается со слов: «Любовь ко всем — это человеческое в человеке». Он гневно обрушивается на современные ему порядки, указывает, что назначение чиновников — «быть слугами народа». А что делает хозяин с нерадивым

службой, да еще обкрадывающим его? Прогоняет прочь! И Хань Юй призывает чиновников различительно относиться к своим обязанностям. Обязанности же заключаются в том, «чтобы следить за порядком и спокойствием». Ибо благоустроенное государство, по Хань Юю, «организовано с точки зрения точного распределения общественных функций и, соответственно этому, общественных обязанностей».

Человеческое благо, как видим, выводится только из государственного и само по себе вообще не рассматривается. Индивидуум — лишь частица чего-то неизмеримо большего, элемент структуры.

Не кажется ли нам, что мы уже это слышали? В самом деле, размышления такого рода трудно отличить от рассуждений Конфуция, да Хань Юй ничуть и не скрывает этого. Для него «фу гу», возрождение древности, — возврат на «путь древних царей» в том прямом смысле, какой только возможен. Образец для Хань Юя — Конфуций, мудрец древности, так же как и для последнего — «совершенно мудрые», жившие в незапамятные времена. В этом смысле, в идейном устремлении назад, к осиянному розовой дымкой прошлому, чуть ли не вся история старого Китая является «возрождением» или хотя бы попыткой «возрождения былого». Уже за тысячу лет до Хань Юя, во II—III веках до н. э., при объединителе Поднебесной Цинь Ши-хуане, которого (учитывая шаткость любых исторических аналогий) можно сравнить с нашим Иваном Грозным, специально подчеркивалось, что древность ценна лишь постольку, поскольку она укрепляет современность, оправдывает ее. Первый советник императора доносил: «Ныне ученые изучают древность не для того, чтобы лучше служить современности, а для того, чтобы отрицать нынешнюю эпоху и смущать черноголовых» (смирненных подданных).

И тогда указом Цинь Ши-хуана худшее из наказаний назначалось тем, кто «с помощью древности отрицает современность»: истреблялся весь род провинившегося. Тогда-то и были сожжены конфуцианские книги, а сами ученые-конфуцианцы живыми закопаны в землю. «Государственный интерес», столь превозносимый доктриной, оказался превыше ее самой. Так, в иной стране, в иное время русское самодержавие решительно возобладало над православием, которому обязано было самой своей идеей, а вптало его себе под ноги.

Итак, отнюдь не всякая попытка «воскрешения прошлого», а их немало в истории человечества, хоть сколько-нибудь сравнима с эпохой европейского Возрождения. Все дело в том, какое прошлое «возрождается».

На знамени итальянского Возрождения, которое стало затем явлением всевропейским, первое из начертанных слов — это «Человек». Не случайно полное совпадение не только мысли, но и слов у крупнейших философов этой эпохи: у Джованни Пико делла Мирандола — «великое чудо — человек»; у Марсилио Фичино — «человек — великое чудо». Их отношение к этому «чуду», к личности, попросту не имеет аналогий в китайской истории. Делла Мирандола: «В конце дней творения создал бог человека, чтобы он познал законы вселенной, научился любить ее красоту, дивиться ее величию. О, дивное и возвышенное назначение человека, которому дано достигнуть того, к чему он стремится, и быть тем, чем он хочет!»

Функция творца лишь в том, что он создал человека. Создал — и отступился. В сущности, это функция природы. Она предоставила человека самому себе, его естеству. Но естество это — безгранично. Самое человеческое в человеке — это свобода выбора, открытость судьбы (не исключая трагичности), максимум возможностей. В числе их — и способность заблуждаться как высокая прерогатива только человеческого существа: растения и животные никогда не заблуждаются, но зато и не ведомы собственным разумом. (Блез Паскаль скажет полтора века спустя: «Величие человека настолько очевидно, что вытекает даже из его ничтожества».)

Безграничность природы человека — это совершенно новое ее качество. Как ни удивительно бессмертные небесных звезд, оно предопределено изначально; лишь человек достигает всего сам, бессмертия — тоже. Ибо (и это уже мысль Марсилио Фичино, современника Мирандолы «кто станет отрицать, что гений человека почти такой же, как у самого творца небесных светил, и что человек мог сам создать эти светила, если бы имел орудия и небесный материал». Могущество человека-творца едва ли не превышает возможности самого бога, тоже рассматриваемого в качестве творца, и только. Ибо «человек не допускает, чтобы существовало над ним что-нибудь, не зависящее от его власти». Тогда как человек в восточных деспотиях несоизмеримо

мал в сравнении с государственной громадой. Он — один из многих миллионов, всего лишь. И такое соотношение оказывается уже не просто количеством, но и определенным качеством. «Управление большим числом людей,— говорил Мао Цзэдун,— должно опираться на усвоенные обычаи». Развязывая кровавый террор под флагом «культурной революции», он использовал тысячелетние традиции послушания и почтения властям, каковы бы они ни были. Здесь как раз тот случай, отнюдь не редкий в истории, когда эксплуатировались добродетели народа: терпеливость, чувство долга, верность, уважение к писаному слову. Только «слово» в данном случае было «красным цитатником» Мао.

Если люди сведены до уровня «винтиков», кто-то непременно возвышается надо всеми. Когда-то в нашей печати иронически упоминалась образная самохарактеристика Мао: «Одинокий монах, бредущий под дырявым зонтиком». Более чем уничижительно на первый взгляд. Однако именно так величали себя некогда всевластные государи Поднебесной: «гуа-жэнь» — одинокий человек, «гу-цзя» — осиротелый господин. (Примерно так же называл себя и Инка.) Этим они лишь подчеркивали собственную неповторимость и величие перед массой неразумных муравьев.

Такое обожевление верховной власти, приоритет государственности над гражданственностью, вынужденная готовность народа к ужасным лишениям и жертвам обычно оправдывались китайскими историками тем, что страна с ее высокой культурой была отовсюду окружена «варварами», находилась, так сказать, на осадном положении. Только благодаря величайшему самопожертвованию народа, утверждают такие историки, Поднебесная смогла сохранить свой статус великой империи, стать образцом для невежественных соседей.

В действительности же преодоление самой человеческой сущности — стремления выделиться, утвердить свое «я», проявить личные качества, творчески реализоваться — сделало старый Китай чрезвычайно уязвимым для любых врагов. Даже трехтысячекилометровая Великая стена не спасала страну от систематических нашествий и разорений. В сущности, это был грандиознейший символ беспомощности империи. Единственное сооружение человека, которое нетрудно заметить невооруженным глазом даже с Луны, оказывалось чаще всего лишь механическим препятствием для завоевателей они переваливали через стену, как через невысокий хребет, а иногда даже с Луны, оказывалось чаще всего лишь механическим препятствием для завоевателей они переваливали через стену, как через невысокий хребет, а иногда даже пользовались ею как удобной дорогой, поскольку на ней можно было разъехаться не только конным, но и на колесницах.

Поднебесная требовала от своих солдат не столько личного бесстрашия, сколько беспрекословного выполнения приказа, умения умирать в строю. Армия всегда отличалась поистине выдающейся дисциплиной. То, что борьба безнадежна, еще не могло служить основанием к отступлению. Стояли насмерть — ведь страна способна была выставить поистине бесчисленную армию. Те, кто попадал в плен даже в беспомощном состоянии, рассматривались неизменно как государственные преступники, погрешившие против трех по меньшей мере классических добродетелей: долга, верности и этикета. Воинский устав восхвалял императора У Цзэ (684—705 гг. н. э.), казнившего хабрца, добывшего головы двух врагов, но нарушившего при этом строй. «Небу угодно, чтобы погибло мое царство! — восклицает благородный герой классической трагедии полководец Сян Юй. — А ведь я давал сражения по всем правилам ритуала!» Правверные конфуцианцы в течение веков умилялись такой нравственной стойкости.

Завоевателей — а они регулярно захватывали Китай — тоже вполне устраивала преданность ритуалу, догме. Конфуцианская идея освящала государственную власть в принципе — и чужеземные династии, сменяя одна другую в императорском дворце, сами тут же обращались в конфуцианство. Деспотизм, таким образом, узаконивался. Между тем казалось, будто торжествует традиция, цивилизация незыблема. Порабощенный многомиллионный Китай как бы покорял в свою очередь многочисленных в сравнении с ним насильников, приобщал их к истинным ценностям. И это на протяжении веков было предметом грустного торжества победленных. Поднебесная-де, даже обращенная в руины, все же остается Поднебесной, Срединной и, само собой, Великой, способной цивилизовать даже поправших ее варваров.

«Из примера Китая видно, что можно знать порох и не создать сильной армии, знать компас и не создать мореплавания, знать книгопечатание и не создать обществен-

своего мнения», — писал выдающийся советский востоковед В. Бартольд.

А когда Марко Поло первым из европейцев добрался до владений богдыхна, монгольского императора на ханском троне, он, объездивший полсвета, вплоть до самых убогих, «богом забытых» земель, все же поразился нищете китайцев: «Народ здесь чрезвычайно непритязателен... Кормится почти только рисом, гречихой и просом». И вместе с тем Марко Поло отмечал неслыханное в Европе богатство и могущество государя. «Экономическое бессилие порождает политически сильную власть», — заметил по этому поводу академик Ю. Островитянов.

Что это за государство — противопоставленное народу, человеку! Как ни ужасна бывала порой европейская история, такого абсолютного противопоставления она все же не знала. Не вдруг, да и не очень последовательно, со срывами и возвратами в прошлое, здесь кристаллизовалась все же человеческая личность. Европейец на протяжении своей истории самостоятельно решал встававшие перед ним задачи, индивидуально, а не артельно, скопом, тогда как китаец скорее доверялся традиции, устоявшейся культуре, общественной структуре; любая задача в этом случае распределялась в известной степени между всеми, решалась «коллегиально», с учетом готовых образцов и правил. Тогда как у Европы «многих отечеств» никогда не было общих традиций, единой культуры, надежной структуры, на которые можно было бы положиться, индивидууму приходилось рассчитывать только (во всяком случае, прежде всего) на себя самого. Это его историческое бремя и вместе с тем историческая удача; это единственная возможность стать личностью — индивидом, критически осмысливающим свое бытие.

История как бы развела оба края величайшего материка по разным дорогам. Но они должны были наконец пересечься. Величайший эксперимент, поставленный самой историей, завершился чрезвычайно наглядно: примерно в одно и то же время европейцы открыли Америку, прибыв туда с востока, и Китай — прибыв с запада. Мы уже знаем, что второе «открытие» было лишь относительным, что правильнее было бы сказать как-то так: великие цивилизации Старого Света, дотоле знакомые лишь заочно, наконец встретились!

Как же странно, однако, выглядела эта встреча. Как если бы чья-то чужеловкая рука коснулась нежных рожек улитки, которая при этом тут же сжалась и укрывалась в раковину. Один за другим последовали императорские указы, категорически запрещающие встречи с иноземцами, этими «заморскими дьяволами». Они и изображались какими-то потусторонними чудовищами: белолыцые, светлоглазые, желтоволосые, несусветно огромные. Какой-либо контакт с ними черноголовых — верноподданных Поднебесной — был совершенно немислим; во всяком случае, за это были предусмотрены самые суровые кары.

В более поздних патристических сочинениях, прославлявших целомудрие черноголовых, их преданность трону, можно прочесть о наглости португальцев, жадности испанцев, бесцеремонности голландцев, высокомерии британцев. И бесспорно, в этом много правды. Но речь ведь идет не о каком-то заброшенном дикарском островке, перед которым вдруг появился многопушечный галеон. В огромную империю, несоизмеримую по территории и населению сразу со всей Западной Европой, раздробленной к тому же на десятки всевозможных государственных образований, прибывали порознь друг от друга корабли или самое большее немногочисленные эскадры (совершенно несравнимые, скажем, с недавними массированными экспедициями Чжэн Хэ). Надо думать, они ощущали себя совершенно беззащитными: за тысячи километров от дома, безо всякой тыловой поддержки, в чужом огромном мире. Они (во всяком случае, пока что) стремились лишь к одному: торговать и обогащаться. Что могло быть выгоднее для обеих сторон? Тем паче для самого Китая, от которого не требовалось даже никаких усилий: это другие прибывали сюда из-за морей за китайскими товарами, прорываясь сквозь мусульманские — турецкие и арабские — кордоны, сражаясь и рискуя.

И было из-за чего! Китайские фарфор, шелк, бумага, изделия искусных ремесленников ценились в далекой Европе подчас дороже самого золота. Иначе говоря, за тончайший сервиз, украшенный глазурью, кружевным узором, давали золота больше, чем сам он весил. Повторялась ситуация, знакомая нам уже с времен древнего Рима: европейское золото уплывало на восток.

Но золота было много. Оно текло в Европу с запада, из-за Атлантики, из ограблен-

ного Нового Света. Конечно, историческая правда сурова; европейцы там, где могли, выступали бесцеремонными, жестокими завоевателями. Но и китайские завоевания, когда они случались, были ведь не мягче. История, увы, не церемонится с побежденными. Новый Свет, даже в лице его наиболее исторически передовых многомиллионных империй ацтеков и инков, вышел лишь на рубеж, по-видимому, древних держав Давурчэя и Нила и не способен был противостоять натиску Старого Света с его колоссальным общественным да и промышленным опытом.

Но Китай, казалось бы, совершенно иное дело. В важнейших промышленных открытиях он решительно опережал Европу: в изобретении нагнетательного насоса — на 18 столетий, а цепного — на 15, ветряного колеса, веялки, поршневых воздушных мехов для металлургических целей, шлюзовых ворот — на 14, дробильной мельницы, применяемой в горной промышленности, машин для обработки тканей, висячих мостов — на 13, в получении чугуна — на 12, в применении воздуходувных мехов, приводимых в движение водой, в глубоком бурении — на 11, в изобретении тачки, а также аппарата для проекции «движущихся рисунков» (предтечи кинематографа) — на 10, водяной дробильной мельницы — на 9, карданной подвески — на 8, многоарочных мостов — на 7, пороха — на 6, цепного ткацкого станка, колесчатого вала, часового механизма и многого другого — на 3—5 столетий. Словом, Китай мог бы, не открывая Америки, получать ее богатства, мог в тот момент выступить в роли великой индустриальной державы, стать пионером назревавшей промышленной революции с куда большим на то «историческим правом», чем крохотная в сравнении с ним Англия.

Фантастическое допущение? Вовсе нет. Япония, во всей своей истории следовавшая в «культурном фарватере» Китая, не сравнимая с ним ни по численности населения, ни тем паче по величине территории; Япония на своих зыбких, подверженных землетрясениям островах без всяких природных ископаемых (кроме угля); Япония, проигравшая свою главную войну, — сегодня третья промышленная держава мира, нагоняющая к тому же своего первого конкурента, Соединенные Штаты, и все более опережающая следующие за ней ФРГ с ее традиционной культурой производства и Великобритании — родину промышленной революции.

И все это за какое-нибудь столетие своей Новой истории. В 1868 году побеждает Мэйдзи исин — фактически бескровная буржуазная революция. Спадает «бамбуковый занавес». Отсталая феодальная страна раскрывает двери перед мировой культурой, идеями, но прежде всего — техникой и наукой. Результаты феноменальны. Спустя немногим более четверти века Япония без видимых усилий побеждает в войне с Китаем, еще через десять лет — в русско-японской войне. Уже ставится вопрос об объединении всей юго-восточной Азии и Южных морей под «японской крышей» — и это, бесспорно, было бы лишь началом в развитии идей бусидо, воинствующего японизма, если бы поражение в Тихоокеанской войне 1941—1945 годов не положило конец военной экспансии Японии, сменившейся, впрочем, активнейшим торгово-экономическим наступлением.

А теперь увеличим население Японии в 9 раз, ее территорию — более чем в 25 раз, снабдим ее всеми необходимыми природными ресурсами — и лишь тогда представим себе масштабы Китая. А если вспомним об упущенных столетиях — 400 лет, по меньшей мере с момента соприкосновения с Западом, — то пойдем реальные потери Поднебесной. Огромная, практически однопациональная, монолитная страна, всегда засасывавшая в себя, точно в болото, любых завоевателей, присовокупив к своей неизбежной в тысячелетиях государственности и культуре социальный стимул Запада, его ориентацию на индивидуальную активность, личность, Поднебесная могла бы на столетия стать державой вне конкуренции — на манер Рима, но уже не в масштабах клочка суши, как последний, а всей планеты. История Нового времени могла бы пойти иначе. Вместо этого Китай прячется в свою раковину, закрывает границы, точно захлопывает ее створки, воспрещает въезд иностранцев, словно свято оберегая какую-то свою тайну. Какую?

Ища ответа, я смог наконец разрешить для себя столь долго мучившую меня загадку китайского заморского мореплавания: его могучего взлета и внезапного исчезновения. Я забирался в дебри специальных работ, рассчитанных на самых узких специалистов, тиражом в сотню-другую экземпляров наподобие тезисов и докладов научных конференций, листал более популярные, доступные работы. Всюду говорилось

либо о могуществе китайского мореплавания, либо лишь о судоходстве по рекам, из чего можно было заключить, что в море навигаторы Поднебесной вовсе не выходили. Что-то совершенно незначительное по масштабам китайской истории выпадало.

А когда последовала разгадка, она, не скрою, даже разочаровала меня. Так была проста и понятна. Казалось странным, что сам я не смог догадаться. Как просто заарчик открывался! Но — слово автору исследования, посвященного Китаю начала XV века (как раз накануне пересечения двух исторических судеб) А. Бокшанину: «В начале XV века существовал запрет на частный выезд китайцев за границы империи. Начало этой политики было положено еще при (императоре) Чжу Юань-чжане. Она вошла в историю под названием политики «морского запрета», однако распространилась и на сухопутные границы. В «Да Мин люй» («Законах великой Минской империи») была включена статья «Об уходе за границу частным образом и запрете выходить в море», грозившая китайским торговцам, покидающим пределы империи, конфискацией их товаров, транспортных средств и наказанием батогами. Запрет был в 1401 году подтвержден и правительством Чжу Юньвэня. Правительство Чжу-ди также подтвердило его в первые же дни после своего прихода к власти — 30 июля 1402 года. Однако в еще более резкой форме он был выражен 29 февраля 1404 года: «Последовал приказ запретить народу (иметь) морские корабли. Все имеющиеся (у него) морские корабли переделать в «тупоносые». Местным властям принять предупредительные (меры против) выхода (людей в море) и прихода (их обратно)».

Иначе говоря, прогресс — исторический, общественный, научный — был попросту запрещен государственным указом. В Китае, с его культивировавшимся тысячелетиями верноподданничеством масс, как нигде более это оказалось возможным. Движение остановилось.

Чем руководствовалась империя, «закрывая Западный (Индийский) океан, как, впрочем, и Восточный (Тихий)? Именно в это время хронологически совпадающее примерно с экспедициями Чжэн Хэ, открывавшими, казалось, эпоху Великих географических открытий, в Поднебесной особенно активно изымаются из книг всякие географические сведения, даже упоминания о заморских странах, точно их и не было вовсе. Поднебесная решительно превращалась не только в «Пуп Вселенной», но и вообще в единственное место, стоящее хоть какого-то доброго слова. Верноподданному империи нечего было куда-либо стремиться: Китай, по официальной версии, со всех сторон обступал мрак, варварство, чуть ли не безлюдье.

Куда проще, чем частную предприимчивость (купцы обманом все-таки выбирались за пределы отечества, объявленного благословенным), было окоротить указами государственные инициативы. Предложения о новых имперских экспедициях даже не рассматривались, а документы, относившиеся к плаваниям Чжэн Хэ, попросту были сожжены как «бессмыслица, не поддающаяся проверке». Католические короли могли наложить оковы на Колумба, но не в их власти было закрыть только что открытую Америку, даже если бы они это пожелали. Заморские плавания, конкуренция разных стран в заморских экспансиях были в Европе конца XV века исторической необходимостью. Открытия подчинялись закону своеобразной цепной реакции, которая действовала непрерывно и с нарастающей силой. Ни о какой цепной реакции в монолитном и самодержавном Китае и речи быть не могло. Эпоху, попросту говоря, можно было «запретить указом». И запретили.

Европейские купцы, путешественники, авантюристы пытаются заглянуть за «бамбуковый занавес», один за другим пробуют «распечатать» Китай. Капитаны судов действуют, как правило, на свой страх и риск, скорее пиратствуя при случае, чем стремясь к территориальному захвату, тут же терпя поражения при всяком мало-мальски серьезном китайском сопротивлении и только удивляясь тому, что эта огромная страна упорно стремится «свернуться в клубок», спрятаться, укрыться от посторонних глаз, уклоняется даже от очевидных для себя выгод. Упадок морской торговли резко отражается на ремесленном и мануфактурном производстве империи. Скудеют ее производственные ресурсы, нищает, сколь это еще было возможно, население.

Но что-то куда более важное заставляет власти держаться своей — самоубийственной в исторической перспективе — политики, не раскрывать замкнутых створок. Защита национальной самобытности? Но такой идеальный мотив сам по себе никогда не определяет государственной политики. Конечно, помимо торговых интересов, европейцы не гнушались также идейными. Вместе с купцами в страну проникали христианские

миссионеры. Но их-то как раз Китай и не опасался. Европа вступала в эпоху религиозных войн, тогда как Китай был вполне веротерпим. Лишь бы религия не подрывала идею центральной власти. Вот и мусульмане на службе богдыхана ничуть не ущемлялись. И даже тогда, когда Поднебесная захлопнула свои двери перед европейской торговлей, христианские миссионеры не лишились права разъезжать по стране, проповедуя свое учение. Они-то и вывели первые важнейшую тайну империи.

Представим обратное: китайские купеческие корабли подошли к берегам Европы. Все страны стали бы вдруг соперничать между собой лишь бы заманить их к себе, воспользоваться столь выгодным приоритетом. А если бы выяснились, допустим, грабительские цели пришельцев, с ними расправились бы, не мешкая. Бесспорно, так поступило бы даже самое захудалое немецкое княжество, попросту несравнимое с великой империей Востока. Однако, когда уже в 1793 году английский король Георг III предложил императору маньчжурской династии Цяньлуну направить постоянного посла в Пекин, тот ответил: «Содержащаяся в Вашем послании просьба, о Король, направить одного из Ваших подданных Небесному двору с целью позаботиться о торговле Вашей страны с Китаем не гармонирует с государственной системой нашей династии, и Мы ее не одобряем... Небесный двор установил мир, порядок и контроль над территорией между четырьмя морями. Его единственная цель — сделать все возможное для достижения хорошего управления и свершения политических дел, не придавая особой важности чужеземным перлам и ценностям... Между прочим, слух о добродетели и престиже Небесной династии разнесся так далеко и широко, что короли мириада народов пришли морем и сушей, принеся с собой всякого рода дары. В результате у нас есть все, чего можно пожелать, и никогда мы не полагались на товары варваров для удовлетворения своих потребностей».

Передо мной портрет императора Цяньлуна, прощавшего ни много ни мало шестьдесят лет; загадочная усмешка на непроницаемом жестком лице с тяжелыми веками.

...Во время второй мировой войны американцы, очищая от японцев остров за островом на Тихом океане, всячески обходили крошечный островок в Микронезии, оберегаемый какой-то тайной. Особая секретность, нагнетаемая японцами вокруг островка, заставляла американское командование подозревать здесь какие-то необычайные укрепления, чуть ли не новое секретное оружие врага и опасаться возможных ненужных жертв при взятии этого клочка суши. Когда же рискнули наконец захватить загадочный объект, выяснилось, что обороняла его рота почти безоружных инвалидов. Враг, не имея возможности укрепиться здесь, нагнал чрезвычайной таинственности, запугал неизвестностью. Тайна состояла, как оказалось, в чрезмерной слабости.

Так вот, когда другие державы раскусили наконец «загадку Китая», против него в середине XIX века началась агрессия капиталистических стран, в результате которой стране были навязаны кабальные договоры. Но это уже Новейшая история — результат, впрочем, всей предшествующей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 4.— С. 426—427.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 21.— С. 38.

³ Маркс К., Энгельс Ф.— Соч.— Т. 20.— С. 346.

⁴ Там же.— С. 501.

⁵ Там же.— С. 501.

Караван на перевале

(неизвестная хроника

30-х годов)

Ю. ГРАДОВ

Редакция журнала начинает публикацию материалов, касающихся «белых пятен» военного сотрудничества СССР и Китая в 30-е годы, желая привлечь внимание общественности нашей страны и КНР к тому, что участники этих операций, несшие службу, по существу, в боевых условиях, десятилетиями оставались неизвестными. К тому же их труд, зачастую равный подвигу, ничем не отмечен. Мы предполагаем, что и Совету ветеранов, и Министерству обороны СССР пора обратить внимание на это обстоятельство, о чем пишут и участники событий, наши читатели. Они спрашивают: может быть, стоит учредить почетные знаки — свидетельства заслуг воинов-интернационалистов разных лет, подумать о распространении на них соответствующих льгот? Как бы нам и здесь не опоздать.

2 мая 1988 г. в «Правде» были напечатаны мои материалы о делах 50-летней давности, о службе советских бойцов-интернационалистов, возивших на грузовиках ЗИС-5 оружие и боеприпасы со знаменитой ныне станции Сарьозек на Турксибе в Китай. Оружие предназначалось для освободительной борьбы китайского народа против японских захватчиков. Перевозки осуществлялись по перевалам Тянь-Шаня и пустыням Центральной Азии до Ланьчжоу на великой реке Хуанхэ. Параллельно действовала авиалиния. Сама эта миссия была тогда под секретом. Хотелось бы, чтобы эти долго замалчиваемые события стали известны в наши дни.

Понятие «воин-интернационалист» стало широко распространенным в последнее время, однако родилось оно значительно раньше, вместе с делами, которые можно определить как интернациональную военную помощь. Роль бойцов-интернационалистов той, как ее тогда называли, «экспедиции» в целом неизвестна, они не приравнены к участникам Великой Отечественной войны, хотя таковыми признаны участники некоторых других подобных событий и почти все они награждены медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», а некоторые подразделения той самой «экспедиции» принимали непосредственное участие в войне с Японией в 1945 г. Но не будем сосредоточиваться на этом. Гораздо важнее просто узнать «вещи и дела» тех времен, запечатлеть их в памяти людей нашего времени, оставить для потомков, с тем чтобы они могли стать частицами истории, страдающей, как сейчас всем понятно, недостатками, имеющей свои «белые пятна». Василь Быков писал: «Обелиски, кресты, струхлевшие пеньки на могилах лучших сыновей Отечества рассыпались по всему необъятному пространству страны и за ее пределами... Что же, мы привыкли: это наша судьба и наша история, к сожалению еще не воплощенная в нашу объективную историографию»¹. Однако у нас в руках такой «архив», как воспоминания очевидцев, и было бы неразумно не использовать его, пренебречь им, ведь люди уходят...

М. С. Горбачев сказал на встрече с деятелями науки и культуры 6 января 1989 г.: «Культурный слой перестройки создается не в вакууме, не на пустом месте. Он как бы вбирает в себя все то, чего достигли наши народы, наше общество за всю многолетнюю историю, за последние 70 лет после революции. В этой связи нам нужно разворачивать широким фронтом исследования, относящиеся к нашей собственной истории. Не вижу ничего, кроме позитивного, в обращении к истории для того, чтобы воспринять все лучшие достижения народа и вместе с тем осознать горький опыт, чтобы избегать ошибок в будущем... Наш народ никогда не согласит-

ся — в этом я глубоко убежден — и с нигилистическим отношением к прошлому, ко всему, что пережито, сделано, к жизни предшествующих поколений. Такой подход с философской точки зрения — не что иное, как голое отрицание всего предшествующего опыта и достигнутого народом, непонимание смысла истории, неприятие диалектики развития, в ходе которого всегда используется из прошлого все то, что может служить строительству нового здания, и отрицается все то, что сковывает историческую деятельность народа»².

После упомянутой публикации в «Правде» ко мне стали приходиться письма. Некоторые ветераны сами посетили меня. Их взволновало одно лишь краткое упоминание в печати об их делах, ибо полвека они носили все это в себе и уже смирились с мыслью о том, что дела эти никогда не станут известными.

Для начала достаточно, может быть, прочесть малую толику имеющегося материала — некоторые из писем, которые приводятся ниже.

Самый первый караван

Письма бывшего сослуживца Минки Ивана Георгиевича.

24 ноября 1988 г.

...Мне довелось быть первооткрывателем трассы, которую вы описали. С октября 1937 по октябрь 1940 г. я служил там в должности красноармейца-водителя автомашин ЗИС-5, ЗИС-6, командира отделения. Командиром полка был майор Шаршин. Водил наш караван ст. лейтенант Вольнов, комиссаром был мл. политрук Хвостов. Моим первым командиром отделения был Спирихин Дмитрий. Младшие командиры в роте: Гурилев, Жуков, Петренко, К. Нефедов, В. В. Суханов, И. Силки, Д. Добровольский, Гавриш. В тяжелейших условиях мы с честью выполняли поставленные перед нами Родины задачи. Юрий Николаевич, вы так точно все описали в статье, как будто сидели рядом со мной в кабине ЗИС-5 с правой стороны и все наблюдали от Сарыозека до Ланьчжоу: что мы возили, по каким дорогам труднейшим — по пескам, горам, в жару и холод, не зная отдыха, регулярного питания, да и еще при нападении всевозможных банд и разведок. А жили мы в Сарыозеке в палатках, в кабинах машин. Когда телевидение в марте показало, что в Сарыозеке размещаются ракеты для их уничтожения, то просто не верилось, что такое событие может происходить в тех местах, где я начинал службу в армии.

...В 1937 г. я жил в городе Шахты Ростовской обл., работал на железной дороге шофером. 5 октября шахтинским РВК был призван в Красную Армию. Вечером нас, 5 человек призванных, поездом отправили в Ростов. Спешно, в течение полутора суток, сформировалась специальная воинская часть, и уже на вторую ночь нас, шоферов, погрузили в товарный поезд — по 40 человек в вагон, и отправились мы в неизвестном направлении. В пути ночью сделали остановку, помыли на станции личный состав и двинулись дальше. Всю дорогу, а ехали долго, питались сухим пайком — галеты, консервы, иногда колбаса. К нам в вагон приходили командиры для знакомства и бесед. Мы познакомились с командованием роты, с командиром полка и другими. После старших командиров мы не видели. В конце октября 1937 г. к вечеру поезд остановился на станции Сарыозек. Вокзал — один товарный вагон и два железнодорожных пути — главный и тупик. Весь личный состав выгрузился, построился, и мы отправились... Шли по песчаному полю; не понимали, где находимся, не видели ничего далее 10 метров вокруг, так как сильный ветер нес лесок, забивало глаза, уши. Настроение у каждого понизилось. Пройдя метров 800, остановились. Нас построили в круг — на митинг. Что говорил оратор — командир части, — я ни одного слова не понял: трудно было рядом стоящего услышать. В общем, с первой минуты неласково принял нас Сарыозек.

После митинга командир роты скомандовал: «Напра-во, к машинам!» Пройдя 50 метров, мы буквально наткнулись на машины. По готовности — выезд. Приняли новые ЗИС-5, все засыпанные песком. После докладов о готовности, уже ночью, двинулись в путь. Остановились на ночлег возле какого-то ручейка, покормились сухим пайком — черные галеты, тушенка, крабы. Однако спать нам не дали. Всю ночь проверяли крепление автомашин, заправлялись. Затем меняли обмундирование военное на гражд-

данское — получили черные костюмы, серые рубашки, кепки, кирзовые сапоги, теплое белье, подолушки, серые валенки, по четыре пары перчаток, краги, теплые носки, палатку. Вещей получилось — целый матрас. После приема пищи, часов в 5, построили роту. Командир роты первым долгом приказал на всем гражданском обмундировании этикетки сорвать и уничтожить; на спичечных коробках — сорвать наклейки, закрасить на автомашинах клеймо «ЗИС-5». Командир роты, а за ним комиссар объяснили, что будем ездить в Китай — нам первыми доверили особое задание, а мы должны оправдать доверие; предстоят нам в этом деле большие трудности, мы должны их преодолеть. С китайцами не разговаривать.

Принесли журнал, и мы при свете «летучей мыши» расписались о неразглашении военной тайны. После сбора на каждую автомашину выдали сухой паек: банку свиной тушенки на двоих, пачку черных галет и банку крабов, тоже на двоих. Выдали оружие — одну винтовку и четыре

Спирихин Дмитрий, 1938

ручные гранаты на автомашину, некоторым — пулемет. Командирам выдали наганы. Впервые я увидел боевое оружие. Нас строго предупредили: при погрузке и в движении в машине не курить, металлическими предметами не стучать, в ямы не влезать. В горах, на подъемах, напарник, сидящий рядом с водителем, должен идти за машиной с деревянной колодкой. Если машина не тянет, останавливается — подкладывать под задние колеса колодку. (Это оказалось очень нужным, так пришлось делать почти на всех подъемах.) Сейчас поедем на погрузку, будем грузить авиабомбы, быть осторожными!

Наш караван вышел на погрузку первым. Мы возвратились в Сарыозек, переехали железнодорожный переезд, в тупике стоял грузовой эшелон, в вагонах были авиабомбы. Когда мы открыли вагон и увидели бомбы, перепугались. Однако стали грузить. По три бомбы на машину, каждая по тонне. Погрузив, привязали веревками, укрыли брезентом. Взяли в запас по канистре с бензином, воду, шанцевый инструмент. Караван возвратился на место, где провели первую ночь. Ветер прекратился, стало тихо, я смог рассмотреть местность. Насколько хватало глаз — нигде ни селения, ни людей, везде пустыня, а среди нее одинокий вагон — «станция», пустые вагоны на путях и сотни выстроившихся автомашин вдали, охраняемые военными. Очевидно, ожидали своих хозяев, таких как мы. Переночевав вторую ночь близ Сарыозека, у ручейка, в машинах, мы взяли курс на Джаркент. Вечером прибыли в Джаркент, в городок погранотряда. В столовой нас покормили, в казарме пограничников мы хорошо поспали, наутро опять побывали в их столовой. Перед выездом нас построили и присвоили нам новые «звания». С этих пор солдата полагалось именовать «господином», а командира — «мистер». Предупредили, что, если в Китае кто-либо назовет настоящее звание, будет отдан под трибунал, а если в СССР назовет на китайский лад, будет строго наказан.

Из Джаркента отправились в Китай — к Кульдже. На границе наши пограничники часа три проверяли караван, что именно — мне неясно и теперь. После проверки пересекли границу, переехав через мостик на китайскую сторону. Китайские пограничники проверяли также долго и машины, и нас. Поскольку караван шел самым первым, китайцы дали нам проводника. Километров через двадцать начался подъем, моторы машины стали перегреваться, пошли вынужденные остановки, но до места назначения доехали без происшествий. После проверки материальной части и заправки нас позвали на первый китайский ужин. В маленькой столовой кормили повара, владеющие русским языком. Блюда были — картофельный соус, яичница, чай. После ужина «мистеры» расположились на отдых в маленькой комнате, а «господа» — в кабинках машин. Мне не повезло: командир отделения назначил меня в наряд. Дежурил без смены всю

ночь исправно, до самого выезда, без завтрака. И когда первые машины вытягивались на дорогу, в том числе и моя (ее вел мой напарник), кто-то из «господ» вручил мне железную тарелку с горячей пшенной кашей. Я на бегу стал есть кашу, но в это время откуда ни возьмись — «мистер». Увидев, что я завтракаю таким образом, он обложил меня нецензурными словами. Я тогда еще подумал: «Какой-то пьяный или дурной командир». Путь до Шихо предстоял труднее, дорога шла на подъем, а затем был затяжной спуск. После спуска, не смотря на новую технику (мы получили ЗИСы, прошедшие всего по 20—40 км), машины стали выходить из строя из-за перегрева моторов. Спускали камеры, рвались покрышки. Прибыли в Шихо; после ремонта машин пошли кушать в юрты. Сидели на полу, подали рисовый плов и дали палочки вместо вилок. Для нас это было диковинкой, но деваться некуда, надо подчиняться их порядку и обычаям. Следующий путь — до Урумчи. Этот путь прошли успешнее: накапливался опыт.

Гурилев, Жуков

Прибыли на какой-то постоянный двор, обнесенный глиняной стеной. Внутри — маленькая мехмастерская и столовая человек на сто. Первая задача — ужин. Вошли в столовую — не поверили глазам. В столовой чисто, занавески, стоят столы на четырех человек каждый, возле них по четыре стула. За перегородкой — столы для «мистеров». Порядок полный. На столах — холодные закуски: селедка, грибы, консервы, колбаса. По пол-литру московской водки и бутылке вина на столе, несколько сортов конфет, плитки шоколада и по пачке папирос «Казбек» каждому. Сели за столы. Подошли китайские официанты в белых халатах и на ломаном русском языке спросили, что желаете кушать, пожалуйста, заказывайте. Мы не терялись, заказывали. Они исполняли без задержки. Вся пища была приготовлена на русский вкус. Один наш товарищ по столу сходил к командирам спросить, что делать с водкой на столе. Ему ответили: «Пейте для аппетита, но чтобы пьяных не было». Один из нас выпил рюмочку, остальные не притронулись. После вкусного ужина нас построили и повели по городу (метров за 500) в большой дом чисто китайского вида. В нем, в двух больших комнатах, мы расположились на ночлег. По стенам комнат — сплошные нары в полметра высотой, накрыты войлоком, а сверху тонкими коврами, подушки набиты хлопком. Отдохнули первый раз за несколько дней без сна. Утром завтрак опять по заказу, так же — обед, ужин.

Такое питание было во всех городах все три года, только водка в мелких пунктах исключалась. Готовили по-нашему все блюда, в том числе холодные закуски. Давали фрукты. Папиросы всегда были высшего сорта, наши. Летом 1940 г. в столовой Урумчи я встретил родного брата, старшего лейтенанта, штурмана ТБ-3, летавшего бомбить остров Формоза, ныне Тайвань. В 1938 и 1939 гг. возили в Хами самолеты на машинах ЗИС-6 (трехоски). В 1939 г. наш караван вывозил наших красноармейцев в китайской форме, сменявшихся из Хами.

Итак, мы в Урумчи на дневке. Ремонтируем и заправляем технику, моемся в бане. Ночевать идем строем на прежнюю квартиру. Когда мы проходили по городу с песнями, на улицах, даже залезши на заборы, нас с ликованием, с плачем встречали местные русские люди, очевидно эмигранты, что-то кричали и махали руками, но мы ничего не могли слышать.

И вот отправляемся в длинный, неизведанный, богом забытый в те годы путь: Турфан, Хаами, Юймынь, Цзяюйгуань, Чжанье, Ланьчжоу, Внутренняя Монголия. В первый год до Ланьчжоу мы двигались три и более месяца, обратно — столько же. В последующие годы — быстрее, китайские строители-дорожники заметно улучшили дороги, сделали объезды, мосты, срезали крутые места в горах. Мы дорогами не занимались. Проезжая как-то по узеньким улочкам Урумчи, несколько машин не одолели поворот, завалились в арык, поломали несколько китайских лавок, что вызвало негодование китайцев и задержало караван на несколько часов. Возник конфликт, который был разрешен с вмешательством работников консульства. Путь от Урумчи до Турфана проходил по бездорожью, по сути — по верблюжьим тропам, почти сплошные бугры от полметра до полутора метров высотой, двигались на низких скоростях по горам, в песках, с ветрами. В горах, если машина не брала подъем на первой скорости, собирались «господа» (шоферы) и толкали машину до верхней точки перевала. Длинные спуски с гор, особенно с крутых, были не менее трудны и опасны. От Урумчи до Турфана — это еще цветики, а ягодки ждали впереди. Ад, дороги нет, вокруг никаких признаков жизни. На дорогу мы получали сухой паек — проклятые сухие черные галеты, варобы (вспомню — тошнит), яички. Брели в дорогу шоколад — сколько угодно, сухую колбасу, рисовые булочки, свиную тушенку. Обязательно каждому выдавали лимонную кислоту в стеклянной трубочке. Набирали в жестяные банки и в бочки кипяченой воды, только кипяченую разрешали пить, да еще следили, чтобы всегда были полные аптечки с медикаментами и бинтами. Как правило, в пути продуктов не хватало. Тогда, разгрузив одну из машин, посылали ее в близлежащие населенные пункты. Привозили, что доставнут. Если и это не получалось, организовывали бригаду охотников с винтовками, автомашинами, и они охотились за всевозможной дичью. Так выходили из труднейших положений много-много раз в первый же наш рейс.

...Продолжаем ползти по пескам и верблюжьим тропам. От жары задыхаешься, голова болит. Автомашины тянули слабо, часто в дороге приходилось чистить масляный фильтр, карбюратор, доливать или заливать вновь водой радиатор после перегрева мотора, очищать мотор от пыли, соскабливать ее. Было опасно и сопротивление ветра и движение машины — качка от бури, особенно когда в кузове самолет. Если бы была нормальная дорога, можно было бы доезжать от пункта до пункта за день, а мы двигались десятками дней. Не помню точно, на каком участке, мы проезжали по солончаковой местности до 100 километров, преодолевали этот участок дней семь, двигались на первой скорости. Думали, останемся без кишок и голов. Сняжки на руках, опухшие плечи. Скаты и рессоры меняли бесчисленно. Выбивались из сил, отдыхали в кабинках машин, когда ели, во рту все горько от соли. Был участок в 3—5 километров — узкое ущелье в горах глубиной до километра, еле просматривалось небо. На многих участках дороги машины не могли повернуть на крутых узких поворотах. Тогда приходилось кувалдами, ломами, кирками, зубилами рубить выступы скал и пропускать по одной машине с высоким грузом, особенно тяжело было с самолетами. Чтобы срубить выступы скал на высоте груза, разгружали машину, строили на ней деревянный мостик или лестницу высотой до 10 метров и рубили наверху...

Прошли как-то горы, пошел крутой, с крутыми же поворотами затяжной спуск. Загружены были в тот раз 200-литровыми бочками с авиабензином. На спусках категорически запрещалось выключать скорость, но мой напарник, нарушив приказание, выключил скорость, а я в это время спал. Объяснял он потом выключение скорости перегревом двигателя... Вдруг в один миг наша машина стала кувыряться. Мы ничего не понимаем, нас в кабине бросает и бьет об углы, ушибы, ссадины, а машина, перевернувшись два раза, уперлась бочками с бензином в землю и остановилась. Кое-как вылезли через окна дверец, осмотрелись. Выше по дороге стояли другие машины, внизу, метрах в восьмистах, — селение. Пришла помощь, бочки развязали, они рассыпались. Часть из них укатилась вниз, другие мы спустили на веревках. Затем подняли на колеса и спустили туда же вниз машину. Там отремонтировали ее, погрузили снова бочки и поехали по маршруту.

Где-то у поселка Цзяюйгуань есть место, издавна именуемое китайцами «Долина смерти». Мы убедились в правильности этого названия на своем горбу. Меж гор — впадина на 90 метров ниже уровня моря и длиной километров пятьдесят, покрытая потрескавшейся коркой красной глины, изрытая через каждые 200—300 метров бездон-

ными, бездействующими колодцами*. Долина усыпана костями животных. Летом жара до 50°. Положишь сырое яйцо — вмиг получишь печеное. Мертвая тишина, никакого дыхания ветра, задыхаешься от зноя, без движения долго не устоишь. Ноги печет сквозь сапоги. Движение автомашин по этой местности опасно и, по существу, невозможно. Не знаю, почему наше командование избрало эту трассу. Двигаться можно только по следу первой машины. Но первая машина пройдет, проломит корку, а там — красная глиняная пыль. Начинают машины буксовать — садятся, проваливаются до самого кузова. Поднимается в воздух стоячая туча красной пыли, безветрие, ничего не видно, так как пыль не развевается. Дышать нечем. Приходится двигаться, сцепив 3—4 машины вместе, каждая на расстоянии 10 метров от другой, вести машины на трогах втяжку. Если такой порядок нарушается, машины оседают по кузов. Тогда

спасение — сбор верблюжьих, ишачьих и других костей... Прокладываем дорогу костями до тех пор, пока машина не наберет некоторую скорость; тогда старайся уж не останавливаться, а то видимость ограничена, снова встанешь. Свернуть с колен опасно, можно попасть в колодец. Пыль, песок губительно сказывались на технике, заклинивало цилиндры двигателей, летели подшипники, лопались скаты, забивался бензопровод.

Сложно было ехать зимой: холодные ветры и морозы, снег, гололед. Продувало и полушубки, и валенки, ноги мерзли. Чтобы радиаторы не замерзли, моторы работали все время, кроме остановок на дневку. Плотные затяжные туманы осложняли движение, создавали угрозу столкновения. А весной — сильные разливы рек, горное течение. При переездах через реки заливало моторы, вода проникала и в кабины. Форсировать речки мы научились неплохо, в этом деле нам помогали китайцы — давали плоты, на которые мы ставили оси машин, указывали, где объехать или найти брод. Опасность и мучение было, когда вода заливала мотор, и машина останавливалась среди бурного потока, ее затягивало песком. Но выходили и из этого положения.

Перед Ланьчжоу прошли мы горы нормально, хотя на подъем ташили четыре груженные, не идущие своим ходом машины с помощью других, груженных же машин. На спуске цепляли эти четыре поврежденные машины за задок и так спускали их по дороге. Съехали с гор, увидели Хуанхэ и город, переехали по шаткому деревянному мосту и оказались в городе Ланьчжоу. Ночью проследовали дальше еще километров на 100.

Петренко

* Насчет «бездонных, бездействующих» колодцев в «Долине смерти» И. Г. Минка не совсем прав. Колодцы эти («карезы» или «карыси»), и донные, и действующие, — это отверстия над подземными каналами, по которым через пустыни идет вода с гор к оазисам. Местами они так глубоки, что не видно и не слышно текущей внизу воды. (Примеч. автора).

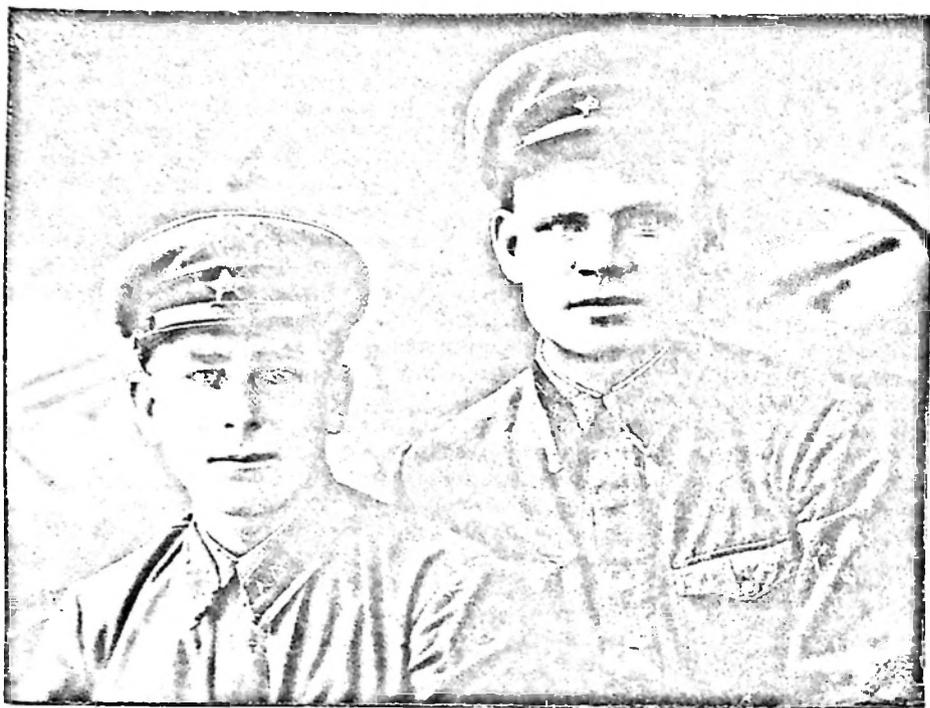
Исправные машины и груз, бомбы, передали китайцам. Личный состав каравана расположился в Ланьчжоу на бывшей китайской военной базе. Приступили к капитальному ремонту вышедших из строя четырех машин, оставленных нами для обратного пути. В Ланьчжоу находились долго, около месяца, даже надоело. Хорошо отдыхали в казармах на привычных нарах, ходили в баню и понемногу знакомились с большим городом, с жизнью горожан. Жизнь бедная, темная. Единственный транспорт в городе — рикши. Жалко было смотреть, как оборванный китаец-рикша с трудом везет двух господ, а его еще подгоняют какой-то тряпкой. Нам на рикших ездить категорически запрещалось. Дома терпимости — почти на каждом шагу, освещены красными фонарями круглоосуточно. В городе кустарная, легкая промышленность, выпускали всевозможную мелкую продукцию, причем так искусно, криво сделанную, что залюбуешься любой вещью: туфли и кастрюли, чашки, тарелки, чайные наборы, всевозможные часы, даже на поясах, из женских кофточках, на мужских костюмах. Особенно гордились китайцы детской одеждой, а мы — восхищались.

Перед выездом нам выдали зарплату китайскими долларами (юанями). Поехали в магазины за покупками. Прилавки, полки битком забиты всевозможными товарами, даже заграничными. Японскую продукцию покупать нам запрещалось. Остальное покупали по потребности и по деньгам. Часы квадратной формы, костюмы, отрезы на женские платья, обувь, кожаные пальто-реглан и т. д. А некоторые командиры приобрели даже заграничные легковые автомашины. Питание было отличным, как в Урумчи: конечно, папиросы высший сорт — «Северная Пальмира», «Казбек», «Борцы». Я не курю, отдавал папиросы друзьям. В Ланьчжоу мы встретили новый, 1938 год. Получили от Наркома обороны СССР именные посылки: печенье, шоколад, зубной порошок и щетки, туалетное мыло, маленькие полотенца, по поллитра водки, бутылке вина, папиросы, общий вес — 10 килограммов. И так было все три года — получали посылки от НКВД к праздникам с таким же содержимым. Нам платили двойной оклад — в СССР и в Китае. В СССР мой оклад был $9+9=18$ рублей, а в Китае — неизвестно, так как в Ланьчжоу платили долларами, их можно было посчитать, а в Урумчи — урланами, которые посчитать было невозможно. Нам с напарником выплатили несколько тысяч урланов, а мы их с трудом в матрас зачихнули и еле донесли.

Итак, возвращение на Родину, в Сарыозек. Теперь уже без техники. На четырех машинах разместили всю роту и двинулись по известному адскому маршруту. С грузом туда все ехали в кабинах автомашин, а теперь свободные от вождения тряслись в кузовах, глотали пыль. Думали, из нас все вытряхнет, пока доедем, — рвота, боль в голове, черные лица. В Урумчи задержались на несколько дней (покупка нужных вещей в магазинах на урланы). Деньги в Союз везти не разрешалось. Где-то впереди по маршруту очаги трахомы, мы прошли нужные прививки, из-за них стояли.

Затем путь до границы. Детальная проверка обеими сторонами наших чемоданов и машин. Когда приехали в Джаркент, радостный был день. Разместились в тех же казармах пограничников, питались в их столовой, стояли три дня, пока из Сарыозека не сообщили о прибытии туда нового груза. Прибыли в Сарыозек в конце февраля; у нас там была постоянная палатка, мы шутя называли ее «штаб», и еще палатка — вещевой склад, где было 5 человек охраны во главе со старшиной. Раскинули еще палатки на две ночи, питались со своей кухни. Затем снова в рейс, с таким же грузом, по тому же маршруту, но на новых машинах.

В 1939 или 1940 г., точно не помню, получили мы приказ двумя взводами доставить оружие — винтовки, пулеметы, патроны, ручные гранаты — и авиационный бензин во Внутреннюю Монголию, в китайскую Красную армию. Где-то от Юймыня без карт и компаса свернули с трассы, не имея никакого представления, куда ехать. Повел нас один из командиров строго на восток, навстречу черным бурям, к песчаным горам. Двигались наугад, пытались спрашивать встречающиеся китайские верблюжьи караваны только о населенных пунктах, хотя и это нам запрещалось. Но они нас не понимали, а мы их; переводчика не было. Машины буксовали, песок бил в лобовые стекла, в кабине течно от мелкой пыли. Если долго стоять на одном месте, машину может доверху занести песком. Двигались на низших скоростях. Когда буксовали, старались найти саксаул, чтобы подложить под колеса для спасения машины, конечно и себя. Ночью песок кишел скорпионами, фалангами, а днем бегали большие ящерицы. Прибыли в неизвестное селение, были беспрельдно рады, настроение сразу поднялось. Увидели китайских солдат; оказывается, они должны были нас встретить. Проводил нас в свою

Суханов В. В., Минка И. Г. Алма-Ата, 1940 г.

воинскую часть, где разгрузили автомашины, а нас позвали в маленькую фанзу. Там мы были приняты, очевидно, большим военным начальником. Он поздоровался со всеми за руку, пригласил покушать хороший рисовый плов. Снова дали палочки. Во время обеда тепло беседовал с нами. Мы рассказали о трудностях и незнании пути. Он попросил нас не задерживаться и дал проводника, поэтому обратно двигались более сносным путем. По возвращении, доложив о выполнении приказа, спросили, кто был этот начальник. Нам ответили, что это был командующий китайской Красной армией Чжу Дэ*.

В период нашей службы-работы в Китае бывали и вооруженные нападения на наши караваны со стороны японской разведки и местных банд. Они избирали для нападения время, когда караван двигался в гору, вечером или ночью, или же на стоянке в степи, в населенных пунктах. Мы вели с ними бои, жертв не было, раненые были. Были случаи поджога машин с грузом авиабомб. Горевшие машины мы оставляли до их полного сгорания, бомбы не взрывались от огня, мы их потом закапывали.

За добросовестное выполнение правительственного задания многие командиры и красноармейцы были награждены орденами Красного Знамени, ценными подарками НКО СССР. В 1938 г. я получил от наркома обороны СССР именные серебряные часы. В роте четверем младшим командирам было присвоено воинское звание «лейтенант».

В 1940 г. между рейсами рота совершила марш из Сарыозека в Алма-Ату (туда же на двух машинах отправили в штаб надоевшие нам крабовые консервы). Впервые ездили в своей военной форме, а когда демобилизовались, тоже одели эту форму. В Алма-Ате мы сфотографировались, фото многих сохранились у меня до сих пор. В июле того же года меня приняли в члены ВКП(б), из Ланьчжоу летал самолетом на парткомиссию в Алма-Ату.

* Поездка с небольшим караваном в войска Чжу Дэ была, конечно, весьма деликатной по отношению к гоминьдановскому правительству Китая, но тем не менее это все же делалось.— Прим. авт.

Одно время мы работали на машинах ГАЗ-АА (полуторка), горючее у них — деревянные чурки. С горем пополам еле довозили на них груз из Сарыозека до Ланьчжоу, а там оставляли их китайцам. Долго работали на ЗИС-6 (трехоски), на них возили в Хами чаще всего самолеты, а оттуда — сменяемых солдат-кавалеристов. В конце службы работали на машинах ЗИС-5 с трехтонным прицепом. Когда готовились к демобилизации, я уже увидел в Сарыозеке двухэтажный саманный дом и саманную казарму. А мы так и дослужили, живя в палатках.

После демобилизации связи ни с кем из сарыозекцев не имел, а потом новые были впечатления и переживания во время Великой Отечественной войны.

Когда расставались с командирами и товарищами по службе в Китае, бесконечно трудно было прощаться. Мы обнимались и по-детски плакали и целовались. Нас, двоих младших командиров, направили в горьковское военное училище, окончить не успели, в июне 1942 г. меня направили на формирование танковой части в Загорск в звании лейтенанта командиром взвода.

Трудная служба в Китае очень помогла мне на фронтах Великой Отечественной войны. Воевал на Воронежском, 3-м Прибалтийском, 4-м и 1-м Украинских фронтах, в 4-й гвардейской танковой армии (командующий — генерал-полковник Лелюшенко). Штурмовал Берлин, рейхстаг, освобождал Прагу. Командовал танковой ротой, батальоном — капитан. Демобилизовался из Туркестанского ВО, город Мары, в 1946 г. Инвалид Отечественной войны II группы (4 ранения)...

Но это было продолжением того, что началось в Китае. Хорошо бы описать нашу интернациональную помощь китайскому народу, оказанную нашими воинами-автомобилистами, авиаторами, кавалеристами, инструкторами, советниками. Ведь в невыносимо трудных условиях приходилось работать. Хорошо, что мы были молодые, здоровые, все смогли перенести. Мы были как бы первооткрывателями, выполнили с честью свой долг перед Родиной.

Продолжение следует

¹ Литературная газета.— 1989.— 18 января.

² Правда.— 1989.— 8 января.

СИС: социум, информация, статистика

Успехи японской полиции

Каждые 2 минуты 22 секунды в японской столице совершается преступление, констатируется в докладе Токийского полицейского управления. Общее число преступлений за 11 месяцев 1989 года достигло 203.541. Подавляющее большинство составляют случаи воровства, убийства в Токио совершаются раз в 3 дня, вооруженные ограбления — один раз в день.

Особенностью действий токийской полиции в 1989 г. стало сокращение числа производимых ею арестов, что объясняется перенесением основного внимания с мелких преступлений на раскрытие тяжких, в чем токийская полиция добилась значительных успехов. В 1988 г. было раскрыто 96,9 % убийств, 72,2 % вооруженных ограблений, 74,3 % изнасилований, 78 % квартирных краж. С скромнее успехи в борьбе с воровством: из 180.346 случаев воровства раскрыто лишь 42 %.

А. КОБЗЕВ,
В. СЕРБИНЕНКО

Сын великого русского историка Сергея Михайловича Соловьева Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) был крупнейшим религиозным мыслителем и одним из наиболее выдающихся философов в истории России. Его оригинальное и чрезвычайно многообразное творчество — от науки до поэзии, от рациональной философии до религиозной мистики — ярко и целостно запечатлело самые характерные черты русской духовной традиции и благодаря этому может быть названо «энциклопедией русской духовной жизни»¹.

До конца 60-х годов в советской литературе в отношении творчества Вл. Соловьева упорно применялась фигура неприязненного умолчания. Позднее начали появляться отдельные статьи о нем. Этапной вехой на этом долгом и трудном пути стала книга «Вл. Соловьев», написанная замечательным историком философии и философом А. Ф. Loseвым (серия «Мыслители прошлого», М., 1983). В 80-е годы были сделаны попытки взвешенной оценки и адекватного осмысления некоторых аспектов творчества выдающегося мыслителя², но главное — открылась возможность публиковать на родине его собственные труды, давным-давно уже превратившиеся в библиографические раритеты³.

В обширном наследии Вл. Соловьева достойное место занимает ориенталистическая проблематика, связанная в том числе с историей и культурой Дальнего Востока, и прежде всего Китая и Японии. При этом в осмыслении китайско-японской темы многогранный талант Вл. Соловьева проявился с особой яркостью, ибо тут он выступал и как ученый-культуролог, и как философ, и как политический писатель, и как религиозный пророк⁴.

Несмотря на то что в 80—90 гг. XIX в. отечественное востоковедение не было определяющим в формировании в русском обществе представлений о дальневосточной культуре, оно, тем не менее, приносило свои плоды. На этот период времени пришелся последний и творчески наиболее насыщенный этап жизни Вл. Соловьева. В 1888 г. увидел свет труд выдающегося русского китаеведа С. М. Георгиевского «Принципы жизни Китая». Высоко оценивая значение этого произведения для развития русского китаеведения, П. Е. Скачков писал: «С. М. Георгиевский в «Принципах жизни Китая» рассматривает главным образом конфуцианство, культ предков, даосизм, но ни один из современных ему критиков не коснулся этих проблем, ограничиваясь общими замечаниями и останавливаясь лишь на частностях»⁵. В данном случае он не совсем точен. В 1890 г. Вл. Соловьев в статье «Китай и Европа», положительно оценивая работу С. М. Георгиевского, акцентировал свое внимание именно на этих аспектах жизни китайского общества. Интерес культурного деятеля и мыслителя такого масштаба, как Вл. Соловьев, к малопопулярному в то время в русском обществе дальневосточному региону (в этом же году он опубликовал статью «Япония») — уже само по себе явление симптоматичное, немаловажное и потому заслуживающее внимания. Следует также отметить, что размышления русского философа о специфике китайской и японской культур отразили существенные особенности развития философских воззрений как самого Соловьева, так и русской философской культурологии в целом.

Важную роль в формировании убеждения философа в необходимости специального рассмотрения дальневосточной культуры сыграла его полемика с Н. Я. Данилевским, создателем теории «культурно-исторических типов», а в дальнейшем с его последователями: Н. Страховым, К. Леонтьевым и др. Начало спору положил сам Данилевский в статье, увидевшей свет в последний год его жизни (1885), «Г. Вл. Соловьев о православии и ка-

Кобзев Артем Игоревич — ведущий научный сотрудник ИВ АН СССР, доктор философских наук;

Сербиненко Вячеслав Владимирович — доцент МИСИ, кандидат философских наук.

голлицизме», где Соловьев критикуется за то, что в работе «Великий спор и христианская социалтика» (1883) он строит обоснование универсализма мировой истории на умозрительно-схематичном противопоставлении Запада и Востока. При этом западной культуре Вл. Соловьевым отводилась активная роль, формирующая принцип «самодетельности» человека. Знание же Востока определялось особым, созерцательно-пассивным восприятием сверхъестественного. Находя такое различие западной и восточной культур слишком общим, Данилевский замечает, что оно ничего не дает для понимания своеобразия китайской культуры: «Ни один народ в мире не заботился менее о сверхъестественной силе, как та треть человечества, которая живет в Китае, как раз на самом настоящем Востоке. Следовательно, эту неудобную и неподатливую на схемы треть человечества приходится выкинуть из истории... Выключение его мотивируется тем, что Китай уже чересчур восточен по своей замкнутости и неподвижности. Замкнутость его происходила от чисто внешних географических причин, но по духу же и направлению не менее его были замкнуты Индия и Египет. Что же касается до неподвижности, то очевидно, что народ, сделавший большую часть основных культурородных изобретений, не мог быть неподвижным»⁶.

Такая оценка Китая не была для Данилевского чем-то новым. В своем главном труде «Россия и Европа» он неоднократно обращался к Китаю, этому символу «застоя и коснеия» для европейской историографии, чтобы подчеркнуть: «Везде... где только гражданственность и культура могли развиваться, они имели тот же прогрессивный характер, как и в Европе»⁷. Чуждость же Китая европейской культуре определяется его принадлежностью к иному культурно-историческому типу, что, однако, не может служить основанием для «умаления» достижений китайской культуры: «Китайцы имеют громадную литературу, своеобразную философию, весьма, правда, несовершенную в космологическом отношении, но представляющую... здравую и возвышенную систему этики... Наука и знание нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием, как в Китае»⁸. Социальную отсталость современного ему Китая Данилевский объясняет, следуя своей общей методологии, не конкретно-историческими причинами, а неизбежным, по его мнению, для всякого оригинального культурного образования историческим регрессом⁹.

Уже после смерти Данилевского в ряде статей (1888—1890) Вл. Соловьев продолжил критику его теории. Он как создатель «философии всеединства» был убежден, что учение со культурно-исторических типах в целом не соответствует реальному характеру истории и ограничивался преимущественно аргументами, подтверждающими, по его мнению, такое несоответствие: историческая универсальность христианства, распространение буддизма в Азии, генетическая связь иудаизма и христианства и т. п. Практически единственным отклонением в эволюционном подходе к истории Вл. Соловьев признавал развитие истории Китая. Более того, он даже сделал вывод, что только Китай может служить доказательством правильности теории Данилевского, поскольку он действительно «чужд» общему ходу развития цивилизации.

В пылу полемики Вл. Соловьев был готов объявить феномен китайской культуры просто «историческим недоразумением» и иронизировал относительно взглядов Данилевского по этому вопросу: «Остается только ввести китайский язык и литературу в основу классического образования»¹⁰. Однако, будучи на редкость последовательным мыслителем, Вл. Соловьев не мог довольствоваться подобными аргументами и не попытаться разрешить проблему специфики китайской культуры. Его работа «Китай и Европа» стала этапной в данном направлении. Вл. Соловьев опирается в ней в первую очередь на конкретные исследования С. М. Георгиевского, а также на зарубежные синологические работы и переводы, но главная его цель — определение сущности китайской культуры. Статья «Китай и Европа» далека от какого бы то ни было академизма. Вл. Соловьев ясно определяет свою позицию как позицию христианского мыслителя: христианская истина имеет абсолютный, вселенский смысл и все прочие явления культуры рассматриваются в соотношении с ней.

Китайская культура, считает русский философ, глубоко чужда «христианской» европейской культуре. Он утверждает: «Наши антипатии и опасения может возбуждать не сам китайский народ с его своеобразным характером, а только то, что разобщает этот народ с прочим человечеством, что делает его жизненный строй исключительным и в этой исключительности ложным»¹¹.

Основание этой исключительности Вл. Соловьев ищет в сфере религии и философии, которым, по его мнению, принадлежала решающая роль в формировании специфического идеала нации («китайского идеала»). И характерной определяющей особенностью китайской культуры оказывается, по Соловьеву, «безусловная власть прошедшего над настоя-

щим»¹². В целом этот «китайский идеал» оценивается им отрицательно. Необходимо, однако, учесть следующее. Вл. Соловьев критикует, прежде всего, тот аспект китайской духовной жизни, который сам рассматривает в качестве крайней и предельной ее тенденции. Отношение его к социальному опыту народа отнюдь не однозначно. Так, он пишет: «Перенося центр своей тяжести в прошедшее, в область абсолютного факта, неизменного и неподвижного, китайская семья сама приобрела крепость незыблемого факта, над которым бессильно время»¹³. По Соловьеву, «привязанность к прошедшему, служение предкам, составляют истину китайского мировоззрения»¹⁴, и, таким образом, непосредственно в «китайском идеале» содержится истина, хотя и неполная. Кроме того, цель статьи «Китай и Европа» не сводилась лишь к критическому рассмотрению культуры «чуждого» Китая.

Вл. Соловьева беспокоило положение дел не только на Востоке, но и в самой Европе. Идея прогресса — вот то, что, по его мнению, европейская культура может противопоставить китайской: «Противоположность двух культур — китайской и европейской — сводится в сущности к противоположению двух общих идей: порядка, с одной стороны, и прогресса — с другой. С точки зрения порядка важнее всего прочность социальных отношений, идея прогресса требует их идеального совершенства... Что Китай достиг прочного порядка — это несомненно; насколько европейский прогресс ведет к социальному совершенству — вот вопрос»¹⁵.

При всей своей приверженности идее прогресса (в данный период творческой деятельности) Соловьев далек от безусловной уверенности в реальной возможности его осуществления европейской цивилизацией.

Признавая исторический факт культурной разобщенности и серьезность проблемы взаимоотношения различных культурных традиций в своих статьях о Китае и Японии, Вл. Соловьев тем самым признает, хотя и косвенно, определенную реалистичность концепции культурно-исторических типов Н. Данилевского. Но в главном его позиция оставалась неизменной: во взгляде на исторический процесс как смену органически не связанных между собою культур он отказывается видеть закон, выражающий общий смысл человеческой истории. Первоначально Соловьев противопоставляет такому пониманию апелляцию к другому закону человеческого развития — закону прогресса (с оговорками по поводу возможности «подлинного» и «мнимого» понимания прогресса, эта позиция содержится и в работе «Китай и Европа»). Но в дальнейшем (наиболее последовательно в «Трех разговорах», 1900)¹⁶ он вообще отказывается от прямой связи исторической судьбы человечества с какой-либо исторической детерминированностью.

Концепция прогрессивного развития всей истории (а не только отдельных ее культурных «фрагментов», как у Данилевского) сохраняет определенное значение в философии Вл. Соловьева и в «Трех разговорах». Вл. Соловьев отнюдь не превращается в исторического релятивиста: смысл и абсолютная ценность культурно-исторического опыта человечества, безусловно, признается религиозным мыслителем. Напротив, он не желает ставить под сомнение смысл и ценность вне зависимости от того, каковы будут фактические результаты истории и какая из двух моделей — культурного прогресса или культурного циклизма — окажется более точной.

Способность Вл. Соловьева к духовному синтезу плодов самых различных областей человеческой культуры, на наш взгляд, довольно ярко проявилась и в его эсхатологических построениях, оригинально сочетающих теологические и историософские спекуляции с рациональным анализом международного положения в конце XIX в. Пророчество о светопредставлении соединено у него с весьма популярной в то время проблемой так называемой «желтой опасности», интерес к которой был вызван прежде всего обострением политической ситуации на Дальнем Востоке.

Свои эсхатологические воззрения Вл. Соловьев выразил главным образом в беллетристической форме и в этой связи был охарактеризован Д. С. Мережковским как «безумный и безмолвный пророк»¹⁷. Отсюда художественно оправданная неоднозначность и даже противоречивость его позиции. Так, апокалиптическое «желтое нашествие», с одной стороны, представляется ужасной карой, с другой — торжеством божественной справедливости, а имя «панмонголизм», хотя и «дико», все же «ласкает слух» философа-поэта. При этом остается не вполне понятным: роковые народы, могильщики мира, суть исчадия ада или посланцы бога? Но, даже не вдаваясь в столь сложную теологическую проблему, имеет смысл точно установить, о каких, собственно, народах пророчествовал Вл. Соловьев.

Для ответа на этот вопрос необходимо прояснить один момент, связанный с пониманием его знаменитого ниже процитированного стихотворения «Панмонголизм», в котором

связи философа-пророка выражена в поэтически-концентрированном виде. Указанная тема развивается в 5—7-й строфах стихотворения:

Ну, что ж? Орудий Божьей кары
 Запас еще не истощен...
 Готовит новые удары
 Рой пробудившихся племен.
 От вод малайских до Алтая
 Вожди с восточных островов
 У стен восставшего Китая
 Собрали тьмы своих полков.
 Как саранча, неисчислимы
 И ненасытны, как она,
 Нездешней силою хранимы
 Идут на север племена¹⁶.

Если пересказать эти поэтические откровения прозаическим языком, не прибегая ни к каким последующим интерпретациям и комментариям, то вырисовывается следующая картина. Пробужденные, движимые и хранимые «нездешней силою» (характер которой вполне ясен) многочисленные монголоидные народы, стянув свои полки к «стенам Китая» (вероятно, к Великой китайской стене, то есть к северной границе Срединной империи), оттуда и, логично предположить, под водительством «восставшего» (то есть воспрянувшего, ожившего, поднявшегося на борьбу) Китая ринутся на север, дабы, подобно гуннам и туркам, низвергнувшим первый и второй Рим, обратить во прах третий Рим, «а уж четвертому не быть».

В процитированном нами издании, вышедшем под редакцией Э. Л. Радлова, зафиксированы два варианта первой строки 3-й строфы — основной и дополнительной соответственно: «Тогда поднялся от Востока» и «Тогда Он поднял от Востока // Народ безвестный и чуждый». Это различие, очевидно, связано с отмеченной выше проблемой дьявольски-самодвижной (в первом случае) или богоданной (во втором случае) природы того импульса, который приводит в движение «безвестные и чужие народы». «Божественная орудийность» этих движения отнюдь не разрешает эту проблему, поскольку используемое орудие может быть как специально изготовленным пользователем, так и случайно попавшимся или даже подсунутым (в данном случае — дьяволом), ему под руку. Орудием Провидения во втором смысле является, например, антихрист, описанный Вл. Соловьевым в «Краткой словести об антихристе», завершающей «Три разговора» (см. ниже).

Иной вид имеет «Панмонголизм» в более поздних изданиях¹⁹, где, во-первых, предпочтение отдано второму варианту начала 3-й строфы, усиленному заменой в третьей строке неопределенного «удара» рока на его «орудье», отчетливо соотносимое с «орудьем Божьей кары» в 5-й строфе; во-вторых, что еще интереснее, говорится уже не о «восставшем», а наоборот, о «поникшем» Китае. Таким образом, картина решительно меняется: из главного «орудья Божьей кары» Китай превращается в ее жертву (каковой мыслится и Россия), собравшиеся у его стен полки оказываются окружившими страну врагами.

Для объяснения этой странной, на первый взгляд, метаморфозы следует вспомнить о некоторых исторических событиях, происходивших в период создания стихотворения. Согласно датировке «Писем», соответствующей авторскому указанию в письме «По поводу последних событий» (см. ниже), оно было написано 1 октября 1894 г., то есть в разгар японо-китайской войны 1894—1895 гг., когда до победы Японии было еще далеко и обе стороны выступали в одинаковой роли агрессора. Вынужденное участие в войне принимала и Корея. Находящемуся за тысячи километров наблюдателю-неспециалисту столь грозное пробуждение дотоле «спавшего» Востока могло показаться пробой сил или борьбой среди «своих» за главенство в грядущем походе на Запад. Ведь подобная борьба происходила там же и перед татаро-монгольским нашествием. Естественно, лидером «поднявшихся орд» в то время представлялся Китай. Отсюда первая редакция стихотворения.

Но гигант оказался стоящим на глиняных ногах. Разгром Китая, с одной стороны, показал, что главной силой в дальневосточном регионе является не он, а Япония, одна из стран «восточных островов», с другой — укрепил (у тех, кто его имел) страх перед «желтой опасностью», поскольку обнаружил посылку на мировой арене нового хорошо вооруженного и коварного хищника. Отсюда понятна смена эпитета «восставший» на его антоним «поникший» применительно к Китаю в новой редакции стихотворения, в целом сохранившей

старую концепцию и после японской победы. Сменился лидер «пробудившихся племен».

Реконструированная на поэтическом материале трансформация представлений Вл. Соловьева о потенциальном лидере апокалиптического нашествия с Дальнего Востока полностью соответствует эволюции его теоретических рассуждений на эту тему. Если в 1890 г. в статье «Китай и Европа» роль «бича божьего» он отводил только Китаю, соглашаясь с мнением А. Ревилля, что Япония «решительно перешла на сторону» Европы²⁰, то уже в 1900 г. в «Трех разговорах», напротив, именно японцы изображаются творцами идеи панмонголизма, покорившими и Китай, и Европу. Кардинальным событием разделяющего две работы десятилетия была на Дальнем Востоке как раз японо-китайская война.

Показательно также, что развивавшее тему «Панмонголизма» стихотворение В. Брюсова «Грядущие гунны» (1904—1905) явилось уже прямым откликом на военные успехи Японии в русско-японской войне²¹.

В связи с различием двух редакций «Панмонголизма», к сожалению, не проведенным в последнем издании стихотворений Вл. Соловьева²², отметим неточность, допущенную известным исследователем творчества А. Блока В. Орловым. Комментируя эпиграф к блоковским «Скифам»:

«Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно»,— представляющий

собой начальные строки «Панмонголизма», В. Орлов утверждал, что А. Блок ошибся при цитировании, поставив вместо «слово» — «имя»²³. В действительности же ошибся сам В. Орлов, поскольку А. Блок точно цитировал первую редакцию этого стихотворения²⁴, в которой его начальную строфу со словами «Панмонголизм! Хоть имя дико» Вл. Соловьев сделал также эпиграфом своей знаменитой «Краткой повести об антихристе».

Как политический мыслитель-рационалист Вл. Соловьев в своих произведениях не мог не отразить очевидное изменение соотношения сил на Дальнем Востоке. Но Вл. Соловьев был прежде всего религиозным философом, и доминированием именно этой его ипостаси может быть объяснен тот на первый взгляд странный факт, что в своей последней прижизненной публикации, комментирующей «Три разговора» и озаглавленной «По поводу последних событий» (1990), он, вопреки детально разработанной версии «Краткой повести», завершителем мировой истории вновь признал Китай. Полагая, что «историческая драма сыграна и остается еще один эпилог», Вл. Соловьев с пафосом утверждал, что в этом последнем акте конец истории сойдется с ее началом, поскольку главную роль тут сыграет «сам дедушка — Кронос в лице ветхого деньми китайца»²⁵. Это эсхатологическое рассуждение о завершающемся круге человеческой истории само завершает исторический круг рассуждений Вл. Соловьева о Китае, будучи возвращением к его первоначальной точке зрения. Подобный взгляд на Китай, хотя в целом и расходится с концепцией «Краткой повести», все же имеет в ней некоторую предпосылку: грядущий завоеватель мира, японский богдыхан — «по матери китаец, соединявший в себе китайскую хитрость и упругость с японской энергией, подвижностью и предприимчивостью»²⁶.

Итак, Вл. Соловьев в своей последней публикации пренебрег политической реальностью во имя историософской и в значительной мере эстетизированной симметрии. Действительно, Китай — носитель самой древней из живых цивилизаций и потому с эсхатологической точки зрения наиболее пригоден быть «закруглителем» мировой истории. Весьма примечательно, что эту идею Вл. Соловьев максимально усилил метафорическим отождествлением Китая не с расхожим Гогом и Магогом, а с высшими и древнейшими божествами греко-иудейской ойкумены — Кроносом и «Ветхим деньми», то есть Яхве²⁷, победителем Гога и Магога²⁸.

Публикуемая ниже подборка высказываний Вл. Соловьева о Китае дает достаточно полное (насколько это возможно в данном объеме) представление об общей духовной направленности и жанровом разнообразии его оригинального осмысления синологической проблематики в трех основных работах: статье «Китай и Европа» (1890), «Краткой повести об антихристе» (1900) и письме в редакцию журнала «Вопросы философии и психологии» «По поводу последних событий» (1900). Большая и содержательная статья «Китай и Европа»²⁹ здесь представлена относительно небольшими фрагментами из начальной и заключительной части³⁰. Из «Краткой повести об антихристе», также достаточно пространной³¹, взята историософско-геополитическая экспозиция³². А лапидарное письмо «По поводу последних событий» воспроизведено полностью³³.

Примечания

- ¹ В. С. Соловьев. Собрание сочинений.— Т. 1—12.— Брюссель, 1966—1970; он же. Письма.— Т. 1—4.— Брюссель, 1970; он же. Русская идея.— Брюссель, 1964; он же. Духовные основы жизни.— Брюссель, 1982; он же. Стихотворения и шуточные пьесы.— Л., 1974.
- ² См., например: Е. Б. Рашковский. Владимир Соловьев: учение о природе философского знания // Вопросы философии.— 1982.— № 6; он же. Вл. Соловьев о судьбах и смысле философии // там же.— 1988.— № 8.; В. А. Кувакин. Философия Вл. Соловьева.— М., 1988.
- ³ В. С. Соловьев. Сочинения в двух томах.— Т. 1, 2.— М., 1988; он же. Сочинения в двух томах.— Т. 1, 2.— М., 1989; он же. Исторические дела философии // Вопросы философии.— 1988.— № 8; Речь В. С. Соловьева, сказанная на Высших Женских Курсах 30 января 1881 года по поводу смерти Ф. М. Достоевского // Литературная учеба.— 1989.— № 5.
- ⁴ Подробно см.: А. И. Кобзев. О противоречивом образе Китая у В. С. Соловьева // Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае».— Ч. 1.— М., 1984; он же. Еще раз о противоречивом образе Китая у В. С. Соловьева // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы.— Т. 1. История, источниковедение, историография.— М., 1986; он же. Политическая реальность и ее художественное отражение: к истории одной проблемы // Социально-культурный контекст искусства. Историко-эстетический анализ.— М., 1987; В. С. Сербиненко. В. С. Соловьев о Китае // Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае».— Ч. 1.— М., 1982; он же. Проблема соотношения китайской и японской культур в творчестве В. С. Соловьева // Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае».— Ч. 1.— М., 1984; он же. Образ дальневосточной культуры в русской философии истории (80—90-е гг. XIX в.) // Дальний Восток и Центральная Азия.— М., 1985.
- ⁵ П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения.— М., 1977.— С. 233.
- ⁶ Н. Я. Данилевский. Сборник политических и экономических статей.— СПб., 1890.— С. 275—276.
- ⁷ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа.— СПб., 1871.— С. 73.
- ⁸ Там же.— С. 74—75.
- ⁹ Подробно см.: В. С. Сербиненко. Место Китая в концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае».— Ч. 2.— М., 1983.
- ¹⁰ В. С. Соловьев. Собрание сочинений. 2-е изд.— СПб., [1911—1913].— Т. 5.— С. 337.
- ¹¹ В. С. Соловьев. Собрание сочинений. 1-е изд.— СПб., [1901—1903].— Т. 6.— С. 88.
- ¹² Там же.— С. 93.
- ¹³ Там же.— С. 97.
- ¹⁴ Там же.— С. 133.
- ¹⁵ Там же.— С. 134.
- ¹⁶ См.: В. С. Соловьев. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // В. С. Соловьев. Сочинения в двух томах.— Т. 2.— М., 1988.
- ¹⁷ Д. С. Мережковский. Тихий омут.— М., 1908.— С. 135.
- ¹⁸ Письма В. С. Соловьева / Ред. Э. Л. Радлов. Т. 3.— СПб., 1911.— С. 336—337.
- ¹⁹ См., например, авторитетное издание серии «Библиотека поэта»: В. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы / Ред. З. Г. Минц.— Л., 1974.— С. 104—105.— воспроизводящее «Панмонголизм» по книге «Стихотворения В. Соловьева» (М., 1915), вышедшей под редакцией племянника поэта — В. М. Соловьева.
- ²⁰ Согласно известному тогда религиоведу, с энтузиазмом цитируемому Вл. Соловьевым, Альберту Ревилу, «можно сказать без преувеличения, что в настоящее время в мире существуют только две цивилизации — наша и китайская» (A. Réville. La Religion Chinoise.— P., 1889.— P. 2.— Цит. по: В. С. Соловьев. Собр. соч. 1-е изд.— Т. 6.— С. 85).
- ²¹ В. Брюсов. Собрание сочинений.— Т. 1.— М., 1973.— С. 433.
- ²² В. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы.
- ²³ См. комментарии В. Орлова в изданиях: А. Блок. Сочинения.— Т. 1.— М., 1955.— С. 761; А. Блок. Собрание сочинений.— Т. 3.— М.; Л., 1960.— С. 631.
- ²⁴ Письма В. С. Соловьева.— Т. 3.— С. 336.
- ²⁵ В. С. Соловьев. Собр. соч. 2-е изд.— Т. 10.— С. 226.
- ²⁶ Там же.— С. 195.
- ²⁷ См.: Книга Пророка Даниила. VII, 9, 13, 22.
- ²⁸ Книга Пророка Иезекииля. XXXVIII—XXXIX.
- ²⁹ В. С. Соловьев. Собр. соч. 1-е изд.— Т. 6.— С. 84—137.
- ³⁰ Там же.— С. 88—89, 132—137.
- ³¹ В. С. Соловьев. Собр. соч. 2-е изд.— Т. 10.— С. 193—220. См. также ее последнюю публикацию: В. С. Соловьев. Сочинения.— Т. 2.— М., 1988.— С. 736—761.
- ³² В. С. Соловьев. Собр. соч. 2-е изд.— Т. 10.— С. 193—197. См. то же: В. С. Соловьев. Сочинения.— Т. 2.— М., 1988.— С. 736—740.
- ³³ В. С. Соловьев. Собр. соч. 2-е изд.— Т. 10.— С. 222—224.

Китай и Европа,

/.../

С христианской точки зрения нам непозволительно видеть в каком бы то ни было народе, следовательно и в китайцах, врагов, против которых нужно употреблять лишь средства насилья. Наши антипатии и опасения может возбуждать не сам китайский народ с его своеобразным характером, а только то, что разобщает этот народ с прочим человечеством, что делает его жизненный строй исключительным и в этой исключительности ложным. Внешняя победа европейской культуры над Китаем может быть прочною и желательною лишь под условием внутреннего преодоления к и т а й щ и н ы, т. е. того исторического начала, на котором основан ограниченный и исключительный строй китайской жизни. А для такого внутреннего преодоления прежде всего необходимо знать Китай не в одних только подробностях его исторического прошлого и его современного быта, а в той вековой нравственно-социальной основе, которая составляет и его силу и ограниченность...

И частный быт, и государственный строй, и религия, и нравственное миросозерцание китайцев, все это выросло и развилось из одного общего корня, из семейного начала, или точнее из а б с о л ю т и з м а о т е ч е с к о й в л а с т и...

Оценивая по существу этот китайский идеал, мы находим его и с т и н н ы м в его исходной точке, именно в признании прав прошедшего (или говоря конкретно — предков) над настоящим (над нами), — в признании нашей обязанности служить предкам, утверждать и укреплять в себе привязанность к ним. Но любовь к предкам подлежит тому же закону, как и всякая другая любовь. Закон любви требует от нас, чтобы мы делали добро любому предмету. Какое же добро мы можем делать предкам, чем действительно можем послужить им? В состоянии духовного младенчества люди очень просто отвечают на этот вопрос: они к о р м я т умерших предков, стараются доставить им возможность продолжать и за гробом прежнюю материальную жизнь. Но с развитием религиозного сознания такое простое отношение становится невозможным. Является сомнение в том, что материальное существование есть само по себе благо, является вопрос об и с т и н н о й ж и з н и. Что предки не обладали истинной жизнью, это ясно уже из того, что они умерли; ибо истинная жизнь должна быть вечною, должна в себе самой заключать силу своего бесконечного продолжения, а не роковую необходимость своего прекращения. Зачем же тогда мы будем стараться тенью предков возвращать искусственно тень земной жизни, когда даже реальная полнота этой земной жизни не имеет в себе истины, не может быть признана за достойное бытие? Если бы даже сохранялась уверенность в том, что можно действительно поддерживать загробное существование предков посредством жертвенного кормления, то все-таки пришлось бы признать, что этого недостаточно для сообщения им истинного блага жизни. Точно так же, хотя естественная привязанность к предкам и побуждает нас сохранять неизменно тот порядок жизни, который был при них, но очевидно и этого недостаточно для настоящего исполнения нашей обязанности. Какая польза нашим предкам от того, что мы живем и умираем так, как они жили и умерли? Тот бытовой порядок, тот строй общества, который не мог спасти их, когда они жили, как спасет он их после смерти? А дело именно в том, чтобы спасти их, доставить им ту истинную жизнь, которой они не имели, которой не имеем и мы, если только повторяем без изменения их неистинную и потому погибшую жизнь.

Не находясь ни в прошедшем, ни в настоящем, истинная жизнь предстоит нам как будущее, как задача, над которою мы должны работать. Ибо это будущее не может прийти само собою, помимо нас — в таком случае не было бы причины, почему оно уже давно не наступило, — оно должно быть д о б ы т о при деятельных усилиях самого человечества. Если привязанность к прошедшему, служение предкам, составляет истину китайского мировоззрения, то своего исполнения эта истина достигает только в христианской, европейской идее всемирного прогресса как пути для достижения истинной жизни. Если мы действительно привязаны к прошедшему, если мы глубоко любим предков, то мы должны стараться не о том, чтобы сохранять неизменно те старые формы жизни, при которых погибло то, что нам дорого, а напротив, чтобы постоянно изменять к лучшему, совершенствовать

нашу жизнь, пока не достигнем той полноты бытия, которая все совместит в себе и воскресит минувшее для вечной и истинно-неизменной жизни!

Мы, европейцы, должны предложить Китаю не отрицание, а исполнение его жизненного начала. Неустанный прогресс как средство действительного служения предкам, непрерывное стремление к идеальному будущему как настоящий путь для воскресения минувшего — вот истинное, внутреннее примирение двух крайних культур. Но для того, чтобы мы могли обратиться к язычеству Дальнего Востока с благою вестью об исполнении его заветных дум, как некогда первые христианские проповедники обращались к язычеству греко-римскому, нужно, чтобы мы сами были верны той полной истине, которую нам открыло христианство. В противном случае Китай будет для нас не приобретением, а грозною опасностью, — такую же, какую мусульманский мир был для средневековой Европы...

Противоположность двух культур — китайской и европейской — сводится в сущности к противоположению двух общих идей: порядка, с одной стороны, и прогресса — с другой. С точки зрения порядка важнее всего прочность социальных отношений, идея прогресса требует их идеального совершенства. Прочный порядок есть состояние, которое держится силой прошедшего, прогрессивное совершенствование есть длительность, определяемая идеалом будущего. Что Китай достиг прочного порядка — это несомненно; насколько европейский прогресс ведет к социальному совершенству — вот вопрос.

Истинный прогресс не может иметь исключительно критического разрушительного характера, не может быть только противоположностью порядка; истинный прогресс есть прогресс порядка.

С прошлого столетия получило значение в Европе представление о прогрессе как основном на безусловно отрицательном отношении к прошедшему, к традиционному порядку. Такое представление не только далеко от истины, но в нем прямо упразднены существенные признаки самой идеи поступательного развития, или прогресса...

Теоретическая несостоятельность этой ложной идеи прогресса ясна для философской мысли. Практические ее последствия, обнаружившиеся во французской революции и в завещанном ею прямолинейном радикализме, напугали известную часть европейского общества. Но реакционное направление в Европе, вместо того чтобы ложной идее беспорядочного и бессмысленного прогресса противопоставить идею истинного христианского прогресса, заключающего в себе и положительные принципы порядка, идею такого жизненного строя, который обладает и глубокими реальными корнями в исторической почве, и идеальной вершиной, достигающей неба, — одним словом, вместо того, чтобы обратиться к полноте христианской истины, реакционное направление, само того не замечая, стало искать спасения для Европы в принципах китаизма, в безусловном культе прошедшего, в исключительных заботах о поддержании подкопанного со всех сторон традиционного порядка с его случайными формами, утратившими всякую внутреннюю силу. Сознательная или бессознательная китаизация Европы не может быть успешна, но она может быть пагубна. Ее пагубные последствия уже начинают обнаруживаться. Во имя чисто китайского утверждения, что нужно любить только свое, дорожить только своим, уже отрицается идеал вселенского христианства как праздная утопия. Во имя чисто китайского практического материализма и культа фактической силы прямо отвергаются христианские идеи справедливости и универсальной любви. Обе крайности стоят друг друга и по своей теоретической неистинности, и по своей практической опасности. И та и другая одинаково отнимают у нас внутреннюю силу в предстоящем столкновении двух культурных миров — Европы и Китая.

Если в европейском мире возобладает начало ложного саморазрушающегося прогресса, то стройно-объединенной и в себе уверенной китайской силе мы противопоставим только хаос субъективных стремлений и дробных эгоистических интересов без веры и без идеала. Не лучше будет и в том случае, если возобладает у нас самих китайский идеал. Во-первых, полного успеха он иметь не может, китайцами по духу мы все равно не сделаемся и только к существующим уже раздорам прибавится новое раздвоение. А во-вторых, если бы даже это и было возможно, то вышло бы еще хуже. Китайский идеал для китайцев есть принцип силы, для европейцев он был бы началом слабости и разрушения. Усвоение этого идеала было бы для нас самоотрицанием в дурном смысле этого слова, то есть отречением от своего хорошего, — отречением от христианства. Но такое отречение было бы равносильно полной утрате самой причины нашего исторического существования. Ведь в христианстве не только идеал нашего будущего, но и духовные

корни нашего прошедшего, — в нем вера наших предков. Усвоив себе языческий идеал, отрекаясь от вселенского христианства, мы окажемся прежде всего нечестивыми относительно наших предков, то есть, изменяя полной христианской истине мы не удержим и той доли истины, которую сильно китайское язычество. Наш ложный консерватизм также распадется от внутреннего противоречия, как и ложный прогрессизм. И пред тем и пред другим китайцы окажутся не только сильнее, но и правее нас. Они верны себе. Если мы, европейский христианский мир, будем также верны себе, то есть верны вселенскому христианству, то Китай не будет нам страшен, мы же завоюем и Дальний Восток, не силою оружия, а тою силою духовного притяжения, которая присуща исповеданию полной истины и которая действует на души человеческие, к какому бы племени они ни принадлежали.

Примечание

1. Идея истинной жизни не чужда буддизму (позднейшему) и даже даосизму. Но истинная жизнь представляется последователям Будды и Лао-цзы как состояние отдельных просвещенных душ, а не как собирательная задача всего человечества; идею мирового прогресса и царства Божия мы находим только на иудейско-христианской почве.

Краткая повесть об Антихристе

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно...

/ ... /

Двадцатый век по Рождестве Христове был эпохою последних великих войн, междоусобий и переворотов. Самая большая из нынешних войн имела своею отдаленною причиною возникшее еще в конце девятнадцатого века в Японии умственное движение панмонголизма. Подражательные японцы, с удивительною быстротою и успешностью перенявши вещественные формы европейской культуры, усвоили также и некоторые европейские идеи низшего порядка. Узнав из газет и из исторических учебников о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили великую идею панмонголизма, то есть собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, то есть европейцев. Воспользовавшись тем, что Европа была занята последнею решительною борьбою с мусульманским миром в начале двадцатого века, они приступили к осуществлению великого плана — сперва занятием Кореи, а затем и Пекина, где они с помощью прогрессивной китайской партии низвергли старую маньчжурскую династию и посадили на ее место японскую. С этим скоро примирились и китайские консерваторы. Они поняли, что из двух зол лучше выбрать меньшее и что свой своему поневоле брат. Государственная самостоятельность старого Китая, все равно, была не в силах держаться, и неизбежно было подчиниться или европейцам или японцам. Но ясно было, что владычество японцев, упраздняя внешние формы китайской государственности, оказавшиеся при том, очевидно, никуда негодными, не касалось внутренних начал национальной жизни, тогда как преобладание европейских держав, поддерживавших, ради политики, христианских миссионеров, грозило глубочайшим духовным устоям Китая. Прежняя национальная ненависть китайцев к японцам выросла тогда, когда ни те ни другие не знали европейцев, перед лицом которых эта вражда двух сродных наций становилась междоусобием, теряла смысл. Европейцы были вполне чужие, только враги, и их преобладание ничем не могло льстить пламенному самолюбию, тогда как в руках Японии китайцы видели сладкую приманку панмонголизма, который вместе с тем оправдывал в их глазах и печальную неизбежность внешней европеизации. «Поймите, упрямые братья, — твердили японцы, — что мы берем у западных собак их ору-

жие не из пристрастия к ним, а для того, чтобы бить их этим же оружием. Если вы соединитесь с нами и примете наше практическое руководство, то мы скоро не только изгоним белых дьяволов из нашей Азии, но завоюем и их собственные страны и оснуем настоящее срединное царство надо всею вселенною. Вы правы в своей народной гордости и в своем презрении к европейцам, но вы напрасно питаете эти чувства одними мечтаниями, а не разумною деятельностью. В ней мы вас опередили и должны вам показывать пути общей пользы. А не то, смотрите сами, что вам дала ваша политика самоуверенности и недоверия к нам — вашим естественным друзьям и защитникам: Россия и Англия, Германия и Франция чуть не поделили вас между собою без остатка, и все ваши тигровые затеи показали только бессильный кончик змеиного хвоста». Рассудительные китайцы находили это основательным, и японская династия прочно утвердилась. Первою ее заботою было, разумеется, создание могучей армии и флота. Большая часть военных сил Японии была переведена в Китай, где составила кадры новой огромной армии. Японские офицеры, говорившие по-китайски, действовали как инструкторы гораздо успешнее отстраненных европейцев, а в бесчисленном населении Китая с Маньчжурией, Монголией и Тибетом нашлось достаточно пригодного боевого материала. Уже первый богдыхан из японской династии мог сделать удачную пробу оружия обновленной империи, вытеснив французов из Тонкина и Сиамы, а англичан из Бирмы и включивши в Срединную Империю весь Индокитай. Преемник его, по матери китаец, соединявший в себе китайскую хитрость и упругость с японскою энергией, подвижностью и предприимчивостью, мобилизует в китайском Туркестане четырехмиллионную армию, и в то время как Цзунлиамэнь (Главное управление по иностранным делам.— А. К.) конфиденциально сообщил русскому послу, что эта армия предназначена для завоевания Индии,— богдыхан вторгается в нашу Среднюю Азию и, поднявши здесь все население, быстро движется через Урал и наводняет своими войсками всю Восточную и Центральную Россию, тогда как насколько мобилизуемые русские войска частями спешат из Польши и Литвы, Киева и Волыни, Петербурга и Финляндии. При отсутствии предварительного плана войны и при огромном численном перевесе неприятеля, боевые достоинства русских войск позволяют им только гибнуть с честью. Быстрота нашествия не оставляет времени для должной концентрации, и корпуса истребляются один за другим в ожесточенных и безнадежных боях. И монголам это достается не дешево, но они легко пополняют свою убыль, завладевши всеми азиатскими железными дорогами, в то время как двухсоттысячная русская армия, давно собранная у границ Маньчжурии, делает неудачную попытку вторжения в хорошо защищенный Китай. Оставив часть своих сил в России, чтобы мешать формированию новых войск, а также для преследования размножившихся партизанских отрядов, богдыхан тремя армиями переходит границы Германии. Здесь успели подготовиться, и одна из монгольских армий разбита наголову. Но в это время во Франции берет верх партия запоздалого реванша, и скоро в тылу у немцев оказывается миллион вражеских штыков. Попав между молотом и наковальней, германская армия принуждена принять почетные условия разоружения, предложенные богдыханом. Ликующие французы, братаясь с желтолицыми, рассыпаются по Германии и скоро теряют всякое представление о военной дисциплине. Богдыхан приказывает своим войскам перерезать ненужных более союзников, что исполняется с китайской аккуратностью. В Париже происходит восстание рабочих *sans patrie* (эмигрантов.— А. К.), и столица западной культуры радостно отворяет ворота владыке Востока. Удовлетворив своему любопытству, богдыхан отправляется в приморскую Булонь, где, под прикрытием флота, подошедшего из Тихого океана, готовятся транспортные суда, чтобы переправить его войска в Великобританию. Но ему нужны деньги, и англичане откупаются миллиардом фунтов. Через год все европейские государства признают свою вассальную зависимость от богдыхана, и, оставив в Европе достаточно оккупационное войско, он возвращается на Восток и предпринимает морские походы в Америку и Австралию. Полвека длится новое монгольское иго над Европой. Со стороны внутренней эта эпоха знаменуется повсюдным смешением и глубоким взаимопроникновением европейских и восточных идей, повторением древнего александрийского синкретизма; а в практических областях жизни наиболее характерными становятся три явления: широкий наплыв в Европу китайских и японских рабочих и сильное обострение, вследствие этого, социально-экономического вопроса; продолжающийся со стороны правящих классов ряд паллиативных опытов решения этого вопроса и усиленная международная деятельность тайных общественных организаций, образующих обширный всеевропейский заговор с целью изгнания монголов и восстановления европейской независимости. Этот колоссальный заговор, в котором принимали участие и местные

национальные правительства, насколько это было возможно при контроле богдыханских наместников, мастерски подготовлен и удастся блестящим образом. В назначенный срок начинается резня монгольских солдат, избиение и изгнание азиатских рабочих. По всем местам открываются тайные кадры европейских войск, и по задолго составленному подробнейшему плану происходит всеобщая мобилизация. Новый богдыхан, внук великого завоевателя, спешает из Китая в Россию, но здесь его несметные полчища наголову разбиты всеевропейскою армией. Их рассеянные остатки возвращаются в глубь Азии, и Европа становится свободною. Если полувековое подчинение азиатским варварам произошло вследствие разъединения государств, думавших только о своих отдельных национальных интересах, то великое и славное освобождение достигнуто международной организацией соединенных сил всего европейского населения. Естественным следствием этого очевидного факта оказывается то, что старый традиционный строй отдельных наций повсюду теряет значение и почти везде исчезают последние остатки старых монархических учреждений. Европа в двадцать первом веке представляет союз более или менее демократических государств — европейские соединенные штаты. Успехи внешней культуры, несколько задержанные монгольским нашествием и освободительною борьбою, снова пошли ускоренным ходом. А предметы внутреннего сознания — вопросы о жизни и смерти, об окончательной судьбе мира и человека, осложненные и запутанные множеством новых физиологических и психологических исследований и открытий, остаются по-прежнему без разрешения. Выясняется только один важный отрицательный результат: решительное падение теоретического материализма. Представление о вселенной как о системе пляшущих атомов и о жизни как результате механического накопления мельчайших изменений вещества — таким представлением не удовлетворяется более ни один мыслящий ум. Человечество навсегда переросло эту ступень философского младенчества. Но ясно становится, с другой стороны, что оно также переросло и младенческую способность наивной, безотчетной веры. Таким понятиям, как «Бог, сделавший мир из ничего», и т. д., перестают уже учить и в начальных школах. Выработан некоторый общий повышенный уровень представления о таких предметах, ниже которого не может опускаться никакой догматизм. И если огромное большинство мыслящих людей остается вовсе не верующими, то немногие верующие все по необходимости становятся и мыслящими, исполняя предписание апостола (Павла.— А. К.): будьте младенцами по сердцу, но не по уму (Первое послание к Коринфянам. XIV, 20.— А. К.)...

По поводу последних событий

Письмо в редакцию

В недавно вышедшем (май-июньском) номере журнала «Вопросы философии и психологии», в рецензии кн. С. Н. Трубецкого на мои «Три разговора» я считаю нужным поправить одну хронологическую ошибку. Уважаемый рецензент как строгий ученый, конечно, дорожит фактической точностью своих указаний и потому, надеюсь, должным образом отнесется к моей маленькой поправке.

На стр. 363 читаем: «В. С. согласится, что эсхатология отца Пансофия, при всей своей фантастичности, отлична от эсхатологии первого века. Почтенный монах знает кое-что о Ницше, о Толстом, о государственном социализме, о франкмасонах и даже о последних событиях в Китае». В общем это замечание мне не совсем понятно. Ведь вымышленный автор моей «повести об антихристе», монах Пансофий, представлен мною как наш современник, и, следовательно, его «эсхатология», при всей своей фантастичности, как выражается кн. Трубецкой, или при всей своей верности положительным христианским началам, как сказал бы я, никак не может во всех своих внешних фактических частностях совпадать с эсхатологией первого века. Каким образом, на каком основании, да и по какому поводу стал бы я представлять современного образованного монаха, кончившего курс в духовной

академии, ничего не знающим о Ницше, Толстом, государственном социализме и франк-масонах? Но если автору моей повести невозможно было не знать об этих предметах, то о «последних событиях в Китае» он, напротив, решительно ничего не мог знать. Ведь это было бы такое же точно знание, какое один ревностный градоправитель предполагал в подчиненной ему полиции, требуя, чтобы она извещала его обо всяком пожаре за полчаса до того, как покажется огонь.

Говоря о последних событиях в Китае, кн. Трубецкой, очевидно, разумел то вооруженное движение китайской нации против европейцев, которое стало проявляться в половине мая настоящего года и приняло грозные размеры с начала июня (5-го июня — убийство германского посланника). А то указание на предстоящую грозу из Китая, что находится в «Краткой повести об антихристе», было мною публично прочитано в зале петербургской Думы 26-го февраля этого года и на другой же день сполна появилось в печати, именно в февральской книжке «Недели»¹. Знать в феврале о майских и июньских событиях в Китае можно было бы только путем ясновидения; но если бы я обладал этим даром, то мое изложение будущей истории было бы, я думаю, более точным и подробным.

Никакого знания, ни естественного, ни сверхъестественного, о последних событиях в Китае я, конечно, не имел, пока, вместе со всеми, не прочел о них в газетах. Но предвидение и предчувствие этих событий и всего, чем они грозят далее, действительно у меня было и высказывалось мною еще гораздо раньше нынешнего февраля, например, в появившейся десять лет тому назад статье: «Китай и Европа» («Русское обозрение» 1890 г.). Особенно сильное предчувствие наступающей монгольской грозы испытал мною осенью 1894 г. (если не обманывает память, 1-го октября) на финляндском озере Сайме. Вызванное этим стихотворение «Панмонголизм» было записано мною некоторым друзьям, а первые четыре стиха его послужили эпиграфом к «повести об антихристе»:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно.

В этом ожидании исторической катастрофы на Дальнем Востоке я не был, конечно, одинок. Такой взгляд разделяется в последнее время разными лицами, как и указано в предисловии к «Трем разговорам»². И если многие говорили о приближении грозы, то за мною остается лишь печальное преимущество последнего и кричащего указания на грозу уже совсем приблизившуюся, готовую разразиться и, однако же, не замечаемую огромным большинством¹.

Да и теперь, когда все заметили, многие ли по первым ударам оценили весь объем и всю силу уже наступившей, уже разразившейся беды? После нескольких дней напряженного испуга, опять все — по-старому. Кто, в самом деле, уразумел, что старого нет больше и не помянется, что прежняя история взаправду кончилась, хотя и продолжается в силу косности какая-то игра марионеток на исторической сцене? Кто понял, что наступившая историческая эпоха настолько же, — нет, гораздо больше удаляется от всех наших вчерашних исторических забот и вопросов, как время великой революции и Наполеоновских войн было по существу интересов далеко от эпохи войн за испанское наследство или как у нас в России Петровский и Екатерининский век неизмеримо перерос дни московских великих князей? Что сцена всеобщей истории страшно выросла за последнее время и теперь совпала с целым земным шаром — это очевидный факт. Что этому соответствует возрастающая жизненная важность происходящих на этой сцене событий и решаемых вопросов — это хотя не всеми одинаково ясно сознается, но вообще также не подвергается сомнению. Но к чему идет человечество, какой конец этого исторического развития, охватившего ныне все наличные силы нашего земного населения? Ходячие теории прогресса — в смысле возрастания всеобщего благополучия при условиях теперешней земной жизни — кн. С. Н. Трубецкой справедливо называет пошлостью. Со стороны идеала это есть пошлость, или надоедливая сказка про белого бычка; а со стороны предполагаемых исторических факторов — это бессмыслица, прямая невозможность. Говорите усталому, разочарованному и разбитому параличом паряку, что ему еще предстоит бесконечный процесс его теперешней жизни и земного благополучия... «Уж какое тут, батюшка, благополучие, какая жизнь! Лишь бы прочее время живота непостыдно да без лишних страданий дотянуть до близкого конца».

Что современное человечество есть больной старик и что всемирная история внутренне

кончилась — это была любимая мысль моего отца, и когда я, по молодости лет, ее оспаривал, говоря о новых исторических силах, которые могут еще выступить на всемирную сцену, то отец обыкновенно с жаром подхватывал: «Да в этом-то и дело, говорят тебе: когда умирал древний мир, было кому его сменить, было кому продолжать делать историю: германцы, славяне. А теперь где ты новые народы отыщешь? Те, островитяне что ли, которые Кука съели? Так они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как и краснокожие американцы. Или негры нас обновят? Так их хотя от легального рабства можно было освободить, но переменить их тупые головы так же невозможно, как отмыть их черноту». А когда я, с увлечением читавший тогда Лассалья, стал говорить, что человечество может обновиться лучшим экономическим строем, что вместо новых народов могут выступить новые общественные классы, четвертое сословие и т. д., то мой отец возражал с особым движением носа, как бы ощутив какое-то крайнее зловоние. Слова его по этому предмету стерлись в моей памяти, но, очевидно, они соответствовали этому жесту, который вижу как сейчас. Какое яркое подтверждение своему продуманному и проверенному взгляду нашел бы покойный историк теперь, когда вместо воображаемых новых, молодых народов нежданно занял историческую сцену сам дедушка-Кронос в лице ветхого деньми китайца и конец истории сошелся с ее началом!

Историческая драма сыграна, и остался еще один эпилог, который, впрочем, как у Ибсена, может сам растянуться на пять актов. Но содержание их в существе дела заранее известно.

Примечания

1. В отдельном издании «Трех разговоров», вышедшем в мае, «Краткая повесть об антихристе» с указанием на панмонголизм и китайское движение напечатана без существенных изменений сравнительно с февральской книжкой «Недели».

2. Я слышал, что в одной русской газете указывалось по этому поводу мнение известного географа Реклю. Если это указание верно, — мне не приходилось читать Реклю, — то я рад, что истина имеет еще одного и такого серьезного свидетеля.

3. Эта невнимательность к самому важному вызывает во мне одно воспоминание из давнего времени. В конце 70-х и начале 80-х годов я нередко видался с покойным Катковым, у которого в «Русском вестнике» напечаталась моя докторская диссертация. В марте 1881 г. мне случилось передать ему один достоверный случай из петербургской жизни, которым он и воспользовался по-своему в одной передовой статье, где между прочим говорилось: «Мы слышали, что на другой день после страшной катастрофы 1 марта Петр Иванович Бобчинский переговорил о ней с Петром Ивановичем Добчинским и они сообща порешили не придавать особенного значения этому происшествию». — Подобным же образом нынешние гоголевские герои хотели бы отнестись и к китайскому «происшествию». Однако, господа! Настоящий-то ревизор уж, кажется, приехал, и я вижу на вашем пороге жандарма, который сейчас пригласит вас пожаловать.

М. БАНЬКОВСКАЯ

Свой последний отчет о занятиях в Китае Алексеев начал так: «Истекший третий год моего пребывания в Китае, как и предыдущий, я посвятил чтению замечательных литературных образцов». В дневнике перечислены 11 пунктов, среди которых, например:

«Стихи Ли Тайбо. Закончена первая сотня и из второй уже 25 стихов. «Поэма о поэте» (Сыкун Ту) продолжается быстро и решительно. На днях закончу». Затем следуют сборники, антологии — целокупно (!) «Японская хрестоматия китайской литературы по прочтении главных образцов оставлена за легкостью». «Время. Где взять время? Занятия по-прежнему составляют вместе со школой [КВЖД] почтенное количество 11,5 рабочих часов, не считая отдыха».

В это время у Алексеева появляется новый сяньшэн, которого он всегда будет вспоминать с особой теплотой, — Лю Дабэнь: «Лю Дабэнь — интересный, прелесть! и полезный! (...) Отличный малый — положительный, энергичный, веселый и пр.».

С Лю Дабэнем и учеником из школы КВЖД Ван Аньланем Алексеев занялся любопытным экспериментом: переводом на китайский литературный язык (вэньянь) лермонтовских «Трех пальм». Для такого эксперимента требовалась высокая степень владения классическим языком. В отчете Алексеев именно так и определял поставленную перед собой задачу: воспитать в себе умение излагать свою мысль на китайском литературном языке, «добиться совершенства». Добиться можно лишь при постоянном и четком видении недостатков, стоящих на пути к совершенству. Показательны недостатки, которые находит у себя Алексеев: невыдержанность параллельного счета слов, ритма, «духа» и крепости фразы и т. п.

Совершенство, к которому стремился Алексеев, было действительно таковым, без скидок на некайское происхождение. В дневнике он записывает с удовлетворением: «Литературные упражнения оказались, по отзывам обоих сяньшэнов, очень удачными — пахнет китайским духом». А на соседней странице пишет с отчаянием: «Вот я сейчас сижу, читаю и не понимаю тех же «Восемь великих Тан и Сун», из которых прочел более ста образцов. Как я ненавижу и презираю себя в эти минуты!»

Страдания были неизбежны, ибо «язык не есть только механика звуков и слов, он и механика идей и культурных сплетений». Прочтение текста требует овладения этой высшей механикой, а как добиться его европейцу, чем может он заместить «недостающую силу знания туземца, для которого только и был писан изучаемый текст?»

«Лю [Дабэнь] говорит, что главный мой недостаток — это то, что я не помню классиков». «Не помню» — подразумевается наизусть. Дневники и отчеты Алексеева полны этих тревожных размышлений, он упорно ищет какие-то компасы и маяки, которые помогли бы ему, европейцу, ориентироваться в необъятном океане китайской литературы, помогли бы полному пониманию текста. «Скоро ли откроются мои глаза?» — восклицает он после каждого трагического затора в понимании какого-нибудь текста. Стремление к полноте понимания действительно не дало ему покоя. «Объяснениями Лю [Дабэня] я также недоволен: натянуто, поверхностно, не то, не то, чего я искал бы. Но то, что он просиживает, работая для меня, до 2 часов ночи и все остальное «свободное» время, меня прямо-таки поражает».

Эрудиция сяньшэнов, даже таких, как Лю Дабэнь, не решала всей проблемы, в этом Алексеев убеждался много раз, так же как и в том, что китайские комментарии к текстам тоже часто подменяют понимание парафразом. Из этих наблюде-

ний сложилось отношение Алексеева к живой традиции, устной и письменной, как к «обоюдоострому оружию»: «Китаец, носитель живой традиции, в чем суть конфуцианства не знает, а повторяет заученное (...) Соль гениальности Конфуция скрыта от него, ибо и в 500-х годах до нашей эры она была выше его. Он переложил ее следы на уровень своего обывательского интеллекта и выдает за подлинное».

Обывательский интеллект, как понимал его Алексеев, — это не отсутствие интеллигентного осмысления, а другое, ограниченное и ввиду ограниченности особо стойкое осмысление, — шаблон, стереотип. Интересно сопоставить: Алексеев в своем докладе о В. П. Васильеве (1950), говоря о его переводах китайской классики, небрежных, упрощенных до карикатур, склонен был объяснить это тем, что в то время, когда Васильев жил в Пекине («в углу Пекина», где находилась русская миссия), ему, очевидно, попались «сяньшэны такого типа, что антиконфуцианство его имело полное основание». Но «сяньшэны такого типа» попадались и Алексееву, однако он не перенес, не распространил свое отношение к их ограниченности на «все китайское» и всегда видел причину непонимания в недостаточности своего знания, а не в том, что тут и понимать нечего. Непонимание для Алексеева было его личной трагедией, для Васильева — «мудреной китайщиной». Занятия со старыми сяньшэнами при всей «старомодности» последних, доказали Алексееву необходимость традиционной китайской науки для европейской синологии. Взамен васильевскому «китайцы говорят» Алексеев будет всегда во всех своих исследованиях прислушиваться к оценкам китайской науки, всегда будет настаивать на вовлечении китайской синологии в мировую науку.

В китайскую синологию Алексеев включал и всю китайскую справочную литературу. Он первым из европейских сиологов не только активно пользовался китайскими энциклопедиями, но и начал думать о составлении к ним специальных индексов, которые сделали бы удобным пользование этими кладями знаний, необходимых для всякого полного изучения текста, но сокрытых от исследователя архаическим устройством энциклопедий — без индексов, только по предметному признаку. Уже в годы стажерства в Китае Алексеев начал вынашивать планы преобразований с целью создания того, что он объединял в понятии «синологическая лаборатория».

Алексеев никогда не был тем, кого принято называть «кабинетным ученым» (хотя больше всего любил часы сосредоточенных занятий в своем кабинете, среди своей библиотеки). С увлечением собирая и обрабатывая фольклорные материалы для диссертационной работы, он радовался тому, что сам дух такого исследования сулит ему «благодарное и плодотворное возрождение в дотоле схоластической университетской подготовке». К живым наблюдениям и контактам его тянуло не только во время странствий. Характерна запись в дневнике летом 1909 г., когда Алексеев вместе с сяньшэном Чжан Итином удалось на несколько дней перенести «кабинетные занятия» из жаркого Пекина за город, в кумирню Фаньшань саньгуань на горе Мяо'итай.

«21 июня. Вид чудесный, ничем не задерживаемый: горы, равнины в самых нежных тонах — прелесть. Воздух напоен кипарисовымдыханием и ароматом цветов, разросшихся в дерево (от старости, по уверению Чжан Итина!). Окруженный компанией хэшанов из Шифанпина, я был подвергнут расспросам и скрытым насмешкам. Понимаю я их разговоры плохо. (...) Кумирня имеет то преимущество, что сюда приходят разные люди: шахтеры из соседних копей, башмачники, актеры, женщины с приношениями и даже миссионер-китаец. Практика разговора немалая. Жара небольшая, заниматься можно охотно и свободно, так и смотрю, как бы урвать лишней часочек на работу. Чжан Итин, наоборот, не проявляет ни малейшего желания лишней раз потрудиться».

Чувствую себя отлично. Вот если бы ночью спать без клопов, комаров! Вся комната, книги, платье, сами стены — все сплошь усеяно клопами. Стоит взять в руки книгу, чтобы уже был слышен этот отвратительнейший из запахов.

Жажда занятий, нападшая на меня, объясняется чистым воздухом и проникновенным убеждением, что знание, и только оно одно, — моя сила. Чжан говорит, что я слишком жаден. Правильно!

Забавный Лао-ван, отличный собеседник, все как есть мне рассказывает. Читал ему Ляо Чжая. Не так просто было объяснить мою карьеру. Понял ли он об-

разное «Мешок знаний», в котором опростил я «Лес кистей» и к которому отнес свои стремления?»

В этой легкой небрежной записи, как на любительском снимке, можно рассмотреть многое. «Мешок знаний», которым Алексеев скромно заменил Ханьлинь — «Лес кистей» (собрание кистей ученых, то есть академию и вообще ученость), как нельзя точнее передает жадность и широту в собирании знаний. Разбросанность, за которую Алексеев всегда был готов корить себя, становилась принципиальной широтой. Об этом несколько позже, а сейчас обратим внимание на другое — «был подвергнут распросам и скрытым насмешкам». Замечено просто, как бы в порядке вещей, такое и бывало постоянно. Однако иногда он чувствовал себя при этом скверно, как было, например, в битком набитой чайной в Шанхае, когда все вокруг «чурались и дико глазели», а он не смел заговорить на своем северном диалекте. В дневнике же записал: «Я ни в чем не виню китайцев, даже напротив. Ведь если бы китаец, не понимающий по-русски, зашел в нашу чайную, ему пришлось бы вовсе плохо».

Алексеев воспитывал в себе умение смотреть на все — и на себя самого — со стороны китайской. «Перерождение» его заключалось прежде всего в возникшем тогда же упорном желании увидеть Китай глазами китайцев: глазами эрудита-сяньшэна прочесть литературный текст, глазами монаха — религиозный, глазами ремесленника-художника оценить лубочную картину, глазами неграмотного возчика «прочесть» иероглифическую надпись. И может быть, важнее всего было справедливое, идущее из воспитанного в себе настроенно-критического к себе отношения, желание честно и оголенно видеть свои европейские особенности глазами окружающих китайцев, прочувствовать собственной кожей все трудности взаимовосприятия людей, воспитанных в разных культурах, на разных устоях и условиях.

Всюду Алексеев мог наблюдать своим, как он сам писал в дневнике, сознательным оком абсурды, возникающие при «сожительстве двух рас, несколько друг другом не интересующихся и не желающих интересоваться». В Ханькоу он видел колонию русских купцов, *teastoster*. «Буржуа низкой культуры, сплетники и сплетницы, без всяких духовных запросов и без всякого, конечно, интереса к стране, в которой живут». Положим, это «буржуа низкой культуры», однако и встретившийся Алексееву на Юге русский консул оказался человеком «непримиримым к китайцам, а сам — китаист!». В Ханчжоу радушный *ахун* в мечети «говорит по-пекински, а здешних людей считает за варваров: к ним применяться и по-ихнему говорить не желает». На Севере и на Юге Алексеев, заходя в католические миссии, слушал и удивлялся речам патеров, «выговаривающих китайцам за их суеверия, мешающие обратиться в католичество».

Встречая европейцев, живущих в Китае, ничего не понимающих, но взалхлеб все хулящих, Алексеев в сердцах называл их «смердными душами». Однако ему приходилось слышать и рассказы китайцев о европейцах, приводившие его в «исступленный хохот». Хохот и ужас, ибо он слишком хорошо понимал, что «чудовищная ненормальность» взаимного непонимания не может пройти безнаказанно.

Но ведь было и другое, тут же, рядом! Был тот разговор с попутчиком в ночном поезде на Ханькоу, оставивший в Алексееве непреходящее ощущение истинно человеческой близости, были каждодневно разговоры мимоходом, пусть не столь содержательные, но также оставлявшие на душе радость доброго общения. Этой радостью проникнута вся книга Алексеева о путешествии, из которой мы привели выше лишь несколько эпизодов. Всюду постоянно убеждался Алексеев в интересе встречных к его рассказам о далекой стране.

«Разговариваю с кучером. Рассказываю ему о наших обычаях. Его удивленные реплики до смешного напоминают те, которые слышишь, рассказывая о Китае в России или Европе. Взаимность полная!» Взаимность — и в желании узнать и в невозможности понять. Почему? Ведь при всей своей внешней несхожести люди так удивительно, так глубоко схожи. «Слуги на их медленном языке, с паузами и выразительными жестами рассказывают о своих домашних делах. Все то же, что и везде... О, сколько сданы люди Земли в своих стремлениях и интересах!»

Это вырвавшееся из глубины души восклицание как некий рефрен повторяется на протяжении всех путевых заметок по самым различным поводам. Видение чужого всегда вызывало у Алексеева честное сопоставление с таковым же «в своем доме» и вывод:

«и здесь Китай — не исключение», «те же люди, те же люди», «типично ли это только для китайцев?».

Люди едины.

— Так в чем же дело? — спрашивает Алексеев и настойчиво убеждает: В условиях, которые каждый принимает за абсолютную норму, все несовместимое с его привычками кажется странным до дикости, глупым и смешным (...) Взаимное невежество, незнание и непонимание. Забыта старая истина, что для того, чтобы с человеком жить, надо его понимать. «Мало видел — многому дивишься. Видишь верблюда — и думаешь, что у лошади вспухла спина».

«Верблюжий горб» — условности, невоспринимаемые людьми, воспитанными в других, но столь же условных обычаях. Китайская поговорка о лошади и верблюде не раз встречается в статьях Алексеева и... у В. Маяковского. Как отрадны совпадения такого рода, такие неслучайные случайности: вряд ли Маяковский мог быть начитан в китайском фольклоре, но —

Лошадь сказала, взглянув на верблюда:

«Какая гигантская лошадь-ублюдок».

Верблюд же вскричал: «Да лошадь разве ты?!

Ты просто-напросто — верблюд недоразвитый».

И знал лишь бог седобородый,

Что это животные разной породы.

«Стихи о разнице вкусов»

Роль «бога седобородого» Алексеев всегда отводил науке.

«Только наука, стремящаяся познать народ и все его особенности, независимо от личного вкуса, только наука в лице ученых и их книг может привести к взаимному пониманию. Даже одна хорошая книга об искусстве, литературе, истории, обычаях и т. д. данного народа, и та может поселить в читателе отражение великого мира, живущего в данном народе как части человечества, фазисе человечества. Тогда многое станет понятным и жизнь каждого народа представится такою же сложною, как и наша собственная. Условности чужой жизни получают не большее значение, чем наши; вкусы, обстановка и вся культура также».

Алексеев доверял дневнику свои заветные мечтания (не без иронии, конечно): «Все фантазирую на тему о моей будущей общественной деятельности, о внесении моего кипучего интеллекта на службу прогрессивному русскому обществу». В этих мечтах он видел себя читающим лекции о культуре и жизни Китая, в которых он наконец сможет свести старые счеты с окружавшим его с пеленок невежеством обывателя, уверенного, что Китай («Кит-кит-кит-Китай...») — это «китайский фарфор, китайские пытки, китайский чай, китайская грамота, китайские церемонии, китайские косы и т. п.», и с врагами пострашнее обывателя, преследовавшими его со студенческих лет, — «Садом пыток» Мирбо и «Курильщиками опиума» Фарера, написанными на рубеже столетия и восторженно принятыми обывателями и в Европе, и в России. При одном упоминании этих произведений у Алексеева начинала дергаться щека, и он шел в бой — разить «претенциозную и гнусную обывательщину» рапирой знания.

Нет ничего проще, как давно уже убедился Алексеев, чем потакать пошлому любопытству обывателя, и нет ничего труднее, чем заставить его отрешиться от «норм», которыми он начинен, как колбаса фаршем, с детства и на всю жизнь. «Чуждый нашему воспитанию материал является нам в виде причудливой карикатуры и для научной трезвости суждений требует борьбы с устоями нашего мировоззрения».

Бороться с «устоями нашего мировоззрения» приходится и ученому. Наука была для Алексеева полем главных сражений с экзотикой — непониманием: из всякого неверно или не до конца понятого явления, текста, слова неминуемо встает призрак экзотики-китайщины, «китайской бессмыслицы». Непонимание и недопонимание подстерегают китаиста на каждом шагу. Алексеев знал это на собственном опыте, и сражения с экзотикой в науке он начал в самом себе. Один из примеров такой борьбы — отношение Алексеева к китайскому театру, особенно музыке: и через 40 лет он укорял себя за то, что не смог преодолеть своей нелюбви к этому виду искусства. «Ошибкой было не углубиться в постижение китайского театра. Мне он был противен, и

я пошел по линии наименьшего сопротивления. Ходил «по обязанности», кое-что, может быть, понимал, но не принимал».

Принятию китайского театра мешали свои, европейские критерии, однако заметки, а затем статьи и лекции Алексеева полны интересных и ярких наблюдений о китайском театре, актере, драме и их отражении на китайской народной картине. И все же до конца жизни Алексеев продолжал каяться: «Я начал (только еще начал!) понимать тайну китайского театра (именно тайну!). Читаю лекции, но полного понимания и очарования нет... *Еще нет!*»

Так выглядели *de visu* максимализм и искренность ученого.

Однако и там, где собственный вкус не мешал ему,— в чтении образцов классической поэзии, вызывавших восторг, а не сопротивление,— и там, как мы видели, непонимание причиняло прямо-таки физические мучения. Видимо, в одну из хороших, победных минут Алексеев нашел неожиданную и о многом говорящую метафору для передачи процесса постепенного понимания: «Так человек неизвестный все ближе и ближе поворачивает к вам голову и наконец прямо смотрит в глаза. Я смотрю теперь в глаза тексту». А через 40 лет слова «смотреть прямо» звучали в вводной лекции, которой Алексеев встречал очередное пополнение студентов Ленинградского университета: «Надо на мир людей смотреть прямо, а не через очки и рассказы других людей». Этим призывом академик Алексеев хотел влить будущим ученым некую вакцину из собственной крови, обновленной и перерожденной ценой великих трудов и честных борений с «устоями нашего мировоззрения». В Китае Алексеев научился смотреть прямо в глаза тексту, в глаза окружающим, в глаза «чужому, но не чуждому нам миру».

В одной из самых последних своих работ, «Опыте научной библиографической автохарактеристики», начатой в 1949 г., Алексеев, стремясь к строжайшей точности в своих самооценках, писал о том повороте его научного пути, который открылся ему в Китае: «К культуроведению я пришел в результате борьбы с трудностями китайского языка. Понял, что язык нужен для познания культуры и что в свою очередь без культуры никакого знания языка нет. Отсюда видимая разбросанность, в которой меня нередко неосновательно упрекали. (...) На самом деле все приспособлено для постижения языка и для его пропаганды вместе с китайской культурой. Скромно и просто, чтобы как следует понимать китайский текст, не только из словаря и не только из комментатора».

Нередко упрекали... Прежде всех он сам: «В Китае не умел сосредоточиться, и, накопив массу материала по амулетам, соединив их и классифицировав (...), я не обрабатывал их до конца, все ожидая еще дальнейшего накопления с углублением знания и умения работать. Предпочитал, погоняемый жадой к знанию, хвататься за новое и новое и рассматривал процесс письма диссертации как вредительский, ибо он останавливает накопление знаний и материалов».

Конечно, жаль амулетов — этого воза материалов и труда, оставшегося стоять у обочины научного пути Алексеева. Это был первый такой «воз», но не последний. Оставленных «возов», каждый из которых мог стать делом жизни, впереди еще немало. Хотя, конечно, всегда был и оставался большой соблазн выбрать из всей лавины наблюдений и знаний что-то одно, одну какую-то область, осесть в ней на всю жизнь, увековечив имя в капитальном исследовании. Да, он мог спрямить свой путь... Но это был бы другой, не его путь.

Нельзя объять необъятное, но в какие-то моменты развития науки стремление к этому неизбежно. Настала пора нового всеохватного подхода к изучению китайской культуры, надо было покончить с набором случайных и разрозненных исследований и писаний, чтобы увидеть наконец единство великой культуры. Широта Алексеева не была самоцелью, хотя ее, несомненно, поддерживала широта его натуры. Она была продиктована самим временем. Алексеев приехал в Китай готовить себя к профессорскому званию, Китай заставил его понять, что надо готовить себя к синологии вообще, надо перестраивать не только преподавание, но менять старую науку в целом. Алексеев стал первым китаистом-культуроведом, изучающим весь комплекс китайской традиционной культуры на аргументах собственных наблюдений и коллекций, на своем собственном материале. Поэтому в поле зрения Алексеева оказались и те слабые стороны китайской культуры, которые до него оставались незамеченными, как китайская народная картина, либо непонятными, как религиозный синкретизм.

Однако «Мешок знаний», как назвал Алексеев свою культуроведческую широту, был

открыт не только для сюжетов традиционной культуры. Алексеев жил в Китае в предреволюционные годы и наблюдал сложную современность. В первом же письме С. Ф. Ольденбургу он писал: «Китай неузнаваем или будет таковым вскоре. Реформы ошеломляют народ, но быстро и поканчивают с рутинной, в один миг». За реформами Алексеев следил все годы в Китае и, вернувшись в Петербург, предложил газете свой перевод письма одного из лидеров реформ, Лян Цичао, предпослав его своим введением, но, очевидно, материал показался слишком «далеким».

Особый интерес Алексеева вызвали реформы образования, он следил за ними по газетам, посещал школы в Пекине, привлекал и сяньшэнов, задавал им целый ряд вопросов, касающихся современной постановки образования, на которые они должны были дать письменные ответы (по специально составленной Алексеевым анкете). «Современная реформа китайского образования» стала темой вступительной лекции, которую в январе 1910 г. прочел на факультете приступивший к преподаванию приват-доцент Алексеев.

Несомненно, материал для размышлений о проблемах образования давало и продолжавшееся до самого отъезда преподавание в школе КВЖД. Хотя оно отнимало много времени и сил («после школы в голове свинец», «какой ужас преподавать взрослому китайцу русский язык»), но было богатейшим источником для фонетических наблюдений. Особенно для опытов, начатых еще в Париже и выясняющих восприятие китайским ухом иностранных звуков. Эти опыты увлекали: «Школа не утруждает, а развлекает меня». Увлекало и само преподавание. Энтузиазм учителя был оценен учениками, перед отъездом Алексеева они поднесли ему пышную грамоту.

«Мешок знаний» был открыт для всех приобретенных, элементов старого и нового Китая. Собирая коллекцию традиционных лубочных картин, Алексеев не отбросил как отходящие от традиции образцы антиимпериалистической и антихристианской пропаганды, хотя эти листы грубой выделки и походят больше на плакат. Но в них было отражено то, что постоянно видел Алексеев. Колониальный мир предстал перед ним в виде европейских концессий и китайского города в Шанхае, отделенного воюющей канавой. китайских и европейских отделений на пароходе, насилия христианских миссий, насаждавших чуждые китайцами идеи и устои.

Алексеев застал в Китае стык эпох: Китай древний — в текстах и памятниках. Китай старый — в культурных традициях и быту, Китай новый — сложный, противоречивый, в котором новое наслаивалось на старое, создавая сложные проблемы. Что будет дальше с этим огромным миром, Китаем? Через много лет Алексеев скажет, как всегда, прямо и искренне: «Изучая Китай, я научился быть и судьей над ним. Я живу и жил в эпоху крушения старого Китая и приветствую новый. Но так как я знаю старый со всеми его достоинствами, я новый принимаю не без оговорок, не слепо. Этому меня научило знание истории Китая».

Такое отношение Алексеева к новому Китаю — все тот же его прямой взгляд. Предшественник и учитель Алексева В. П. Васильев также обладал прямоотой, но она была неотделима от скептицизма. В прямом видении Алексева Китай перестал быть экзотическим объектом изучения и предстал как субъект — страна, равноправная всем другим. Алексеев имел основания противопоставлять свою идейную платформу васильевской, с которой он сам начал свой путь в науку, точнее — поиск этого своего пути: «Я (...) почувствовал решительный поворот в своем уме и развитии, став в медленном процессе накопления знаний судьей целого нового мира. Я испугался этого своего «подсудимого» и отучился смотреть на него как на «мудреного» и неполноценного».

«Искрами исторического оптимизма» назвал этот духовный настрой Алексева, которым проникнута книга «В старом Китае» (1958), один из ее рецензентов. Оптимизм Алексева, новизна его взглядов, его пути, несомненно, были диктуемы временем и вместе с тем неотделимы от свойств самой личности. В дневнике Алексева на разные лады записано одно желание — «быть вне эфемерности, т. е. развивать мою живучесть вне условий повседневности». Он ценил в себе эту свою живучесть, свой энтузиазм, отличающий его от многих других. «Я больше других заботился о самоусовершенствовании, посему имею право считать себя лучше». «И через 40 лет подтвердил это, подводя итог сурово-критическому рассказу о годах своей аспирантуры». «Я себя воспитывал сам: меня не надо было ни хвалить, ни ругать; ни поощрять, ни заставлять; ни высмеивать, ни жалеть. Но я всегда был благодарен своим учителям, старался больше от них брать».

Нашей задачей было показать становление личности ученого, и мы надеемся, что читатель на примере Алексеева смог еще раз убедиться в том, как сложен, как труден этот процесс, даже при столь счастливом сочетании одаренности учащегося и разнообразии и даровитости учащихся. Выбранный нами рубеж становления — 1910 г., конечно, условен, становление продолжалось и дальше. Однако можно считать, что здесь не только кончалась формальная «подготовка к профессорскому званию», но и, по существу, завершался период, в котором главным было приобретение, аккумуляция, и начинался, чтобы окончиться только со смертью, период отдачи, в котором так же до конца присутствовали и приобретения, и перестройки.

Фантазируя на тему своей будущей деятельности, молодой Алексей писал в дневнике: «Когда узнаю столько вещей, уже ранее обдуманных, постигаю суть счастливого сознания. Это подготовительные работы. А когда мне представится возможность обобщить уже добытые результаты и бодрою рукой направить в окружающую меня жизнь потоки знания, то вот то будет счастье!»

Алексееву были суждены на этом пути и высшее счастье плодотворной самоотдачи, и неминуемая горечь непонимающего неприятия.

Литература о пребывании В. М. Алексева в Китае

- Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г.— М., 1958.
 Alekseev V. M. China im Jahre 1907: Ein Reisetagebuch. Mit 17 Farbholzschnitten und 66 historischen Photos. Gustav Kiepenheuer Verlag.— Leipzig, 1989.
- Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях.— М., 1966.
 Alekseev V. M. The Chinese Gods of Wealth.— London, 1928; то же, Singapore, 1983.
 Chinese Popular Prints. Aurora Art Publishers. Leningrad, 1988. The book is based on the pictorial and textual material collected by Academician Vasily Alexeyev in China and now preserved in the Hermitage in Leningrad.
- Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы.— М., 1982.
- Меньшиков Л. Н. Китайские коллекции акад. В. М. Алексева (лубок, эстампаж, почтовая бумага и художественный конверт) // Страны и народы Востока.— М., 1959.— вып. 2.— С. 302—313.
- Рифтин Б. Л. В. М. Алексеев как собиратель китайского фольклора // Литература и культура Китая. Сб. статей к 90-летию со дня рождения акад. В. М. Алексева.— М., 1972.— С. 82—93.
- Васильев Л. С. В. М. Алексеев о религиозном синкретизме в Китае // Там же.— С. 94—102.
- Меньшиков Л. Н. В. М. Алексеев как коллекционер // Там же.— С. 120—128.
- Рифтин Б. Л. Китайская народная мифология в трудах В. М. Алексева // Традиционная культура Китая. Сб. статей к 100-летию со дня рождения акад. В. М. Алексева.— М., 1983.— С. 68—74.
- Поршнева Е. Б. В. М. Алексеев о народной культуре Китая // Там же.— С. 75—80.
- Решетов А. М. Этнография в кругу научных интересов В. М. Алексева // Там же.— С. 81—91.
- Баньковская М. В. «Я — рабочий энтузиаст» (По автобиографическим материалам из архива В. М. Алексева) // Там же.— С. 127—162.

А. ДОЛИН

При всех различиях школ, течений и направлений большинство будзюцу сходятся в Единой системе психофизического тренинга, воплощающего жизненную философию Дзэн-буддизма. Дзэн называют религией самураев. Правильнее было бы назвать его способом достижения Пути, духовной опорой *Бусидо*.

Со времени своего утверждения на японских островах (XII—XIII вв.) Дзэн был тесно связан с жизнью самурайства, повседневно предоставляя воинам моральную и философскую поддержку. В плане моральном *буси* ценили Дзэн как религию, которая призывает не оглядываться назад, ступив на избранный путь. В философском плане преимущества Дзэн сказывались в отрицании различия между жизнью и смертью, бытием и небытием. Решимость, которую воины черпали в Дзэн, фактически, проистекает из рационального убеждения, но оно же, это убеждение, апеллировало непосредственно к духу. В области философии Дзэн противопоставляет интуицию интеллекту, полагая интуицию кратчайшим путем к постижению истины. Суровые воины, превыше всего ставившие простоту и не склонные к праздному умствованиям, находили мотивировку своих устремлений в доктрине Дзэн. Аскетическая направленность Дзэн-буддизма всегда прекрасно сочеталась с воинственностью. Не случайно колыбелью *ишу* в Китае стали дзэнские монастыри. Формируя целостную и целеустремленную личность, Дзэн призывал полагаться в жизни только на себя и черпать силы из гармонического слияния с природой.

Философия Дзэн, утверждающая непознаваемость Единой Вселенной, отрицает доминанту объективной реальности, которая провозглашается иллюзорным плодом человеческого воображения. Отрицает она и Бога, требующего послушания и распределяющего души смертных между раем и адом. В учении Дзэн человек предстает манифестацией жизненной силы мироздания — силы, дающей почти неограниченные возможности. Участвуя в бесконечном цикле метаморфоз, человек должен сам конструировать свой микрокосм — всемерно развивать заложенные в нем способности: углублять мудрость, наращивать силу, культивировать мужество и любовь к ближнему. Важным моментом в практике Дзэн является «снятие дуальности», осознание взаимосвязи и взаимозависимости всех частиц мироздания, в том числе духа и тела, ментального и физического начал. Отсюда следует возможность достижения физического совершенства путем улучшения собственных морально-этических качеств и наоборот.

В отличие от ортодоксального буддизма, Дзэн не требовал от человека полного забвения мирских страстей и влечений во имя достижения нирваны. Утверждая, что каждому под силу стать буддой, мастера Дзэн учили, что нирвану следует искать посреди сансары (мира страстей), а не вдали от него. Доктрина Дзэн апеллировала к духу и разуму обычного человека, подталкивая его к интуитивному познанию Пути, к мобилизации всех своих внутренних ресурсов из сферы сознательного и подсознательного для приобщения к высшей иррациональной мудрости.

Специфической особенностью Дзэн стала концепция Просветления (*сатори*) — конечной цели всех духовных и физических упражнений. Просветление означало реализацию в сознании индивидуума высшей, абсолютной, вневременной Истины бытия. Однако, если в большинстве буддистских сект подобное состояние предшествовало «вхождению в нирвану», то Дзэн предполагал лишь очищение духа для дальнейшего следования по жизненной стезе. Удостоившийся благодаря своему радению *сатори* вступал в перманентно длящееся состояние просветленности (*саммай*, или *самадхи*). У человека, по образному выражению дзэнских мастеров, открывался «третий глаз», и он начинал видеть действи-

тельность как бы со стороны, за счет обостренной восприимчивости всех пяти чувств. Сатори с последующим вхождением в саммай, ощущение в себе великой космической пустотности считалось необходимым в системе Дзэн для любого занятия, будь то поэзия, каллиграфия или борьба. Не навязывать природе свои желания, но мгновенно откликаться на ее зов — такова высшая мудрость Дзэн.

«Все на свете требует в исполнении спонтанности и не должно делаться предумышленно. То, что обдумывается заранее, не соответствует реальности. Нет в мире ничего такого, к чему Пустота не могла бы приспособиться — неважно, длинное оно или короткое, квадратное или круглое. Только дух, проникнутый пустотностью, может совладать с любым препятствием», — писал дзэнский патриарх Такуан (1573—1645), внесший неоценимый вклад в разработку философской базы будзюцу.

Подвижники дзэнского учения в Японии, тесно связанные с интересами самурайства, и сами, как правило, выходя из самурайского сословия, ревностно углубляли прикладные аспекты Дзэн, приспособляя их к нуждам профессиональных воинов. Одним из таких подвижников был патриарх Хакуин (1686—1769), придававший большое значение физической подготовке адептов и «динамической» практике Дзэн. В автобиографии Хакуин приводит любопытный эпизод. Как-то раз, когда он, слабый и болезненный подросток, принимал ванну, сидя в бочке с водой, служанка подбросила слишком много дров, и вода стала нестерпимо горяча. Представив себе мучения грешников в аду, мальчик с воплем выскочил из бочки. С той поры он утвердился в намерении стать буддийским монахом и дал обет: «Пока я не достигну такого могущества, что ни огонь, ни вода не будут страшны моему телу, я не оставлю стараний, пусть даже это будет стоить мне жизни». Прошло много лет, и Хакуин достиг почти всего, о чем мечтал в детстве. Вот, что писал он в старости вассалу даймё Набэсима:

«Сейчас мне семьдесят, но я ощущаю в себе в десять раз больше сил по сравнению с тем, что было в возрасте тридцати или сорока лет. Я крепок телом и духом: могу даже подолгу не спать. Мне случается проводить по два, три, а то и по семь дней без сна, но на работе ума это никак не отражается... Если заботиться о здоровье тела и предаваться дзэнскому самозерцанию, будешь часто обретать просветление, не стремясь к тому сознательно. Не следует проводить различия между активным и пассивным, медитативным Дзэн... Человек, увлекающийся лишь дзэнской медитацией, никогда не достигнет успеха в активной практике Дзэн. Если ему придется очутиться в суете мирской, все жизненные силы, ранее приобретенные, бесследно испарятся, и он будет уступать даже человеку, который вовсе не практиковал Дзэн. Любой пустяк сможет его огорчить, заставить нервничать и поступать как пристало лишь трусу...»

Ранее мы уже говорили о различных путях достижения сатори — сидячей медитации *дза-дзэн*, парадоксальных диалогов, стимулирующих физических акциях и т. п. В школах будзюцу превалировал медитативный аспект, связанный с постановкой правильного дыхания и достижением перед тренировкой стадии *мусин* — «растворения духа» в великой Пустоте. Действия в бою (учебном или реальном) становились как бы прямым продолжением медитации. Выходя на поединок и ощущая себя проникнутым пустотой Вселенной, боец должен был воплощать непоколебимую мощь мироздания (*будосин*).

Одним из важнейших классических трактатов, касающихся мастерства *кэндзюцу* и прочих «дзэнских» воинских искусств, считается знаменитое послание Такуана (XVI—XVII вв.), настоятеля храма Токай-дзи, легендарному мастеру, наставнику фехтования при дворе сёгуна, Ягю Тадзима-но kami. Такуан вошел в историю как ревностный проповедник мудрости Дзэн, а также как изобретатель оригинальной приправы из редьки. Сам он фехтованием не занимался, однако с теорией воинских искусств был хорошо знаком. Не случайно к его советам прислушивались и Ягю, и прославленный Миямото Мусаси.

В трактате — послании к Ягю говорилось: «Практикуя концентрацию в течение многих лет, вы должны достичь состояния, при котором вы будете свободны от объекта, к которому направлен дух-разум».

Высшей ступенью совершенства будет этап, в котором дух-разум действует, ни на чем не фиксируясь... Не позволяйте своему духу-разуму задерживаться на чем-либо в попытке высчитать, как лучше нанести удар, — забудьте об этом и рубите, не обращая дух-разум на противника. Противник ваш проникнут Пустотой, и вы сами проникнуты Пустотой — представьте, что ваши руки в ударе и меч также проникнуты Пустотой, но при этом не фиксируйте дух-разум и на самой идее Пустоты».

Трактат Такуана так и называется «О непоколебимом духе-разуме». Весь его пафос направлен на достижение состояния отрешенности (*мусин*), при котором человек действует по принципу «бессознательного сознания», подсознательно.

В буддизме, отмечает Такуан, существует пятьдесят две ступени духовного восхождения. Одна из них называется «остановка». Это свойство духа-разума фиксироваться на чем-то одном так, что трудно оторваться. В фехтовании подобная остановка смерти подобна. Постоянная напряженная готовность хороша для новичка, для мастера же подходит лишь состояние полной расслабленности.

Говоря о непоколебимости духа, Такуан ссылается на буддийское божество *Фудо-мёо* (бог Непоколебимого духа), которое воплощает идею вечного покоя и внутренней готовности к борьбе. Только такое состояние дает возможность действовать согласно заповеди Дзэн: «Перехватив меч противника, обратись клинок против него самого». Избавившись от фиксации духа-разума на одном объекте, мастер может уверенно сражаться со многими: «Когда вы окружены со всех сторон и каждый из противников пытается поразить вас мечом, вы должны парировать, переходя без «остановки» от одного меча к другому. Тогда ваши шансы будут равны. Если же ваше внимание задержится на одном мече и не успеет переключиться на другой, вы окажетесь во власти врага. Дух-разум ни в коем случае не должен задерживаться на одном, дабы сохранить свою природную подвижность».

Дух должен постоянно пребывать в состоянии мячика, плывущего по течению реки. Это состояние культивируется не только в *будзюцу*, но и в других видах дзэнской практики. Избавление от «остановки» (*бонно*), паузы при реакции на любое действие и есть конечная цель дзэнского психотренинга.

В начале занятий неопит *кэндзюцу* совершенно свободен от стопоров — они появляются по мере овладения техникой и ее комбинациями. Лишь многолетние усердные занятия могут привести к конечному состоянию «естественности», гармоническому слиянию тела и духа, к обладанию «экстремальным разумом».

«Нефиксация духа-разума дает непоколебимость, — пишет Такуан, — поскольку не позволяет вещам относительно отвлекать дух-разум. Это и есть высший смысл бытия. Бог, Будда, суть Дзэн, величайшее таинство».

При этом Такуан справедливо отмечает сходство между понятиями «Единство духа», «Пустотность», «Состояние просветленности Будды», «Благородство духа» и т. д. в буддизме, синтоизме, даосизме и конфуцианстве, где все они служат для обозначения абсолюта. Путь от «наличия духа» (*юсин*) к «отсутствию духа» (*мусин*) — вот тот путь, который должен пройти самурай в процессе военной подготовки. Сердце мастера должно быть свободно от рационального расчета, от власти интеллекта, воплощая буддийский идеал «зеркала великого совершенства».

Эти соображения патриарха приложимы фактически к любой школе *будзюцу*, оперирующей с оружием или без оного. Их исповедовали все без исключения наставники воинских искусств — мастера копья и меча, лука и секиры, палицы и серпа.

Невозмутимость духа должна была накладывать отпечаток и на внешний облик самурая, проявляясь в достойной манере поведения, выдержанности, лаконичности, полном отсутствии амбициозности и ажиотажа. Ни при каких обстоятельствах истинный самурай не обнаруживал своих эмоций — ни голосом, ни взглядом, ни выражением лица. Нормой общения был принцип «ничего не давать понять по лицу» (*као-ни араварэну*). В нем мы видим физическое отражение психической способности тренированного по системе Дзэн мастера адаптироваться в любой экстремальной ситуации.

Идеальное состояние для встречи с противником в традиции *будо* определяется двумя понятиями: «Дух, подобный воде» и «Дух, подобный луне». Что они означают?

«Дух, подобный воде» (*мидзу-но кокоро*) предполагает спокойствие водной глади, способной дать точное зеркальное отражение любого предмета. Однако стоит подуть ветру, и мелкая рябь уничтожит отражение, неузнаваемо исказит его. Стоит человеку поддаться чувству страха, волнения, гнева — и дух-разум утратит возможность фиксировать и предвидеть действия противника, окажется беззащитным перед лицом опасности.

«Дух, подобный луне» (*цуки-но кокоро*) уподобляется лунному сиянию, которое освещает все вокруг и выявляет малейшее поползновение противника, малейшую брешь в его обороне. Но стоит тучам закрыть небосвод — и свет луны потускнеет.

Излишняя эмоциональность приводит к потере хладнокровия и самоконтроля, заставляет делать ненужные движения, типичные для человека, который бредет на ощупь впотьмах. Между тем, сохраняя *цуки-но кокоро*, можно добиться победы, даже будучи поставленным в заведомо невыгодные условия.

Знаменитый фехтовальщик Камиидзуми Исэноками имел много завистников. Однажды поздно ночью он шел по темной улице города. Вдруг предчувствие надвигающейся опасности подсказало ему о близкой засаде. Не останавливаясь, Камиидзуми мгновенно обнажил меч и стремительным движением очертил круг. Четверо злоумышленников упало к его ногам. Тот же Камиидзуми учил, что в бою дух должен, сохраняя полную незамутненность, предоставить все действия телу, и тогда естественность, достигнутая в слиянии с природой, станет залогом успеха: человек сможет спокойно встретить любую неожиданность.

Камиидзуми, живший в XVI в., считается основателем знаменитой школы фехтования *Синкагэ-рю*. Сам он утверждал, что получил свои познания непосредственно из рук бога Касима. Будучи человеком незаурядным и ревностным сторонником доктрины Дзэн, Камиидзуми выдавал своим ученикам любопытные «аттестаты зрелости», в которых ничего не говорилось об искусстве меча. Как правило, эти документы, скрепленные личной печатью главы школы, содержали проникновенные пятистишия пейзажного и философского характера. Сертификат, удостоверявший высшую степень мастерства, представлял собой рисунок круга — и больше ничего. Круг символизировал идею «незамутненного зеркала», «озерной глади» или «луны в воде», то есть служил аллегорией чистого, несокрушимого, непобедимого, непоколебимого, всеотражающего духа.

Как и многие его собратья по ремеслу, Камиидзуми оттачивал мастерство и закалял волю в рыцарских странствиях (*муся сюгё*). Кстати, такие странствия привились в среде воинов с легкой руки дзэнских монахов, для которых путешествия пешком считались дополнительной схимой и средством постижения Пути. Поучительный эпизод из биографии прославленного фехтовальщика использовал в своем фильме «Семь самураев» Акира Куросава. Однажды в горной деревушке Камиидзуми увидел толпу вокруг запертой хижины. Крестьяне объяснили, что разбойник забаррикадировался в доме, взяв заложником маленького мальчика. Разбойник требовал свободного прохода и выкупа, угрожая в противном случае убить ребенка. Камиидзуми попросил у проходившего мимо дзэнского монаха его ясу, побрил голову и с двумя пакетами риса в руках подошел к хижине. Он бросил в окно первый пакет, сказав, что родители ребенка прислали ему пропитание и второй пакет, большего размера он не может бросить в окно. Когда алчный разбойник приоткрыл дверь и протянул руку, мастер в мгновение ока схватил его за руку, вытащил наружу и скрутил. Дзэнский монах, наблюдавший всю сцену, склонился перед ним и вручил отважному самураю *кара* — священный талисман, означающий принадлежность к секте Дзэн.

Знаменательно, что многие мастера воинских искусств в Китае и Японии не только носили монашескую одежду, но и назывались *осё*, что буквально означает «буддийский монах или священник». Объяснение этой связи можно найти в истории Шаолиня и его филиалов, служивших военной академией равно для монахов и мирян. Такано Хиромаса в книге о *кэндо* возводит происхождение понятия *осё* к одному из монахов храма Кофукудзи в Нара, мастеру владения копьем, оставившему множество учеников. Но такая версия представляется слишком узкой и односторонней. Тесная связь между наставниками Дзэн и мастерами воинских искусств прослеживается буквально на каждом шагу, так что профессионалы *будзюцу* вполне заслуживали звания *осё*.

При том, что *Бусидо* всячески поощряет самоотверженную храбрость и долг чести ставит во главу угла, для истинного мастера воинских искусств важнейшими свойствами считались миролюбие и сдержанность — качества, соответствующие заветам древних даосов и дзэнских патриархов. В этом смысле поучительна забавная легенда о знаменитом фехтовальщике XVI в. Цукахара Бокудэн.

Однажды, когда Бокудэн плыл с попутчиками на большой лодке по озеру Бива, молодой задиристый самурай вызвал его на поединок. «Какая же у вас школа?» — заносчиво спросил юный фанфарон? — «Школа побеждающих не прикладая рук», — спокойно ответил Бокудэн. Решено было драться на маленьком островке посреди озера, чтобы не причинить вреда другим пассажирам. Когда лодка подошла к островку, любитель дуэлей первым прыгнул на берег. Тогда Бокудэн взял весло и оттолкнулся от камня. Лодка поплыла прочь от острова, где остался незадачливый драчун. «Такова

школа побеждающих не прикладая рук», — резюмировал Бокудэн, не пожелавший напрасно проливать кровь молокососа.

Старые мастера учили, что единственным средством достижения состояния *мусин* служит медитация с сосредоточением на точке *тандэн* и правильное, глубокое дыхание животом. Нарушение ритма дыхания (*коко-хо*) во время схватки чревато смертельной опасностью, ибо выводит бойца из состояния душевного равновесия.

Как известно, глаза — это зеркало души, и по ним можно определить намерения противника. Вот почему классики *будзюцу* всегда старались максимально использовать силу взгляда как в защите, так и в нападении. Дистанция в поединке, парирование атаки, перехват инициативы и нанесение решающего удара — все зависит от интенсивности зрения. Крупнейший мастер меча эпохи Токугава, Миямото Мусаси писал в своей книге «О пяти связях»: «С древних времен наставники воинских искусств по-разному обучали, куда именно направлять взор, но сейчас принято смотреть в лицо противнику так: сузить глаза больше обычного и сохранять невозмутимость взгляда. При этом глаза не должны бегать по сторонам. Противника, находящегося рядом, нужно видеть как бы на некотором расстоянии. Такой взгляд позволяет, разумеется, контролировать все действия противника и в то же время — видеть, что происходит справа и слева от тебя. Боец всегда должен видеть предметы удаленные, как если бы они были совсем близко, а предметы, находящиеся вблизи, — как если бы они были удалены. Меч противника нужно ощущать, не глядя на него».

Развивая такое своеобразное зрение, самураи порой проводили часы и дни в созерцании какого-нибудь листика на ветке, крутящегося веретена или песчаного узора в дзэнском «сухом» саду. Боковое зрение разрабатывали, подолгу глядя только в одну сторону на мелкий предмет, общую обзорность — вращением глаз.

Заветы Такуана, Миямото, Камиидзуми свято чтит все мастера *будзюцу*, независимо от их узкой специализации в конкретном виде оружия, независимо от принадлежности к той или иной школе. Следование заветам должно было дать главное — внутреннее видение, постижение противника на парапсихологическом уровне, сокровенное «шестое чувство», или «экстремальный разум» (*гокуи*). Об истинной значимости *гокуи* повествует следующий исторический эпизод. Однажды Миямото Мусаси странствовал по дорогам центральной Японии. Завидев в отдалении фигуру самурая среднего роста и крепкого сложения, он по осанке сразу же определил крупного мастера *будзюцу*. Подойдя ближе и оценив «духовную наполненность» (*коку*) неизвестного самурая, Мусаси решил про себя, что навстречу ему идет не кто иной, как знаменитый мастер меча Ягю Дзюбэй, глава прославленной школы Ягю *синкагэ-рю*. Путники поравнялись и молча разошлись, обменявшись взглядами. Пройдя еще несколько шагов, оба одновременно оглянулись, и неизвестный спросил: «Простите, уважаемый, не вы ли будете Миямото Мусаси?» — «Да, — ответил Мусаси, — а вы, конечно, Ягю Дзюбэй?». Обменявшись краткими приветствиями, они направились в придорожную корчму и заказали по чашке чая. Пили не торопясь, время от времени поглядывая друг на друга. Потом попросили принести им облавные шашки (*го*) и принялись за игру. Стиль игры был у каждого свой, но решающего перевеса ни один из партнеров не мог добиться. Молча они признали ничью, встали, раскланялись и разошлись. Обоим не понадобилось ни единого слова, ни единого жеста для того, чтобы убедиться в равенстве сил, полном ментальном паритете.

Этот хрестоматийный случай свидетельствует о том, что у мастеров экстракласса, достигших глубины *гокуи*, не было нужды в поединке, чтобы выявить первенство. Шашек оказалось более чем достаточно для раскрытия способностей человека. Но колоритный пример из средневековой истории покажется нам менее экзотичным и более правдоподобным, если принять во внимание, что везде в сфере распространения эзотерических традиций *будзюцу* действительно существовал обычай игры в облавные шашки между посвященными. Обычай сохранился до наших дней, и подобные «игры» еще можно наблюдать на Востоке. Шашки наделяются вполне конкретным смыслом, символизируя определенные комбинации приемов и этапы духовного «восхождения» или «нисхождения» по некоей априори заданной схеме. К такой-то степени мастерства и должен был стремиться *табудзин* в непрерывном процессе самосовершенствования, отрешившись от земных забот и соблазнов.

Хотя тренинг самураев в школах *будзюцу* был строго засекречен и взору изумленных зрителей представляли порой лишь его результаты — тела, разрубленные от плеча до

пояса, отбитые голыми руками стрелы, вспоротые животы, — нет никаких сомнений, что этот тренинг имел много общего с подготовкой мастеров в континентальных школах воинских искусств. Подтверждением тому служат и дошедшие до нас легенды о виртуозах меча, стремившихся выработать в себе «шестое чувство».

Вот текст, извлеченный М. Рандомом из классического *макимоно*. В нем, как в капле воды, отражена вековая мудрость воинских искусств, их философия и логика, психология и космогония. Подобные откровения существовали в традиции многих школ. Их заучивали наизусть и повторяли как заклинание перед началом тренировок и перед боем:

- У меня нет родителей —
моими родителями стали Небо и Земля.
- У меня нет очага —
Единое Средостение (*сайка тандэн*) станет моим очагом.
- У меня нет божественного могущества —
честность станет моим могуществом.
- У меня нет средств к существованию —
покорность (природе) станет моим средством к существованию.
- У меня нет волшебной силы —
внутренняя энергия (*ки*) — моя магия.
- У меня нет ни жизни, ни смерти —
вечность для меня жизнь и смерть.
- У меня нет тела —
смелость станет моим телом.
- У меня нет глаз —
вспышка молнии — мои глаза.
- У меня нет ушей —
пять чувств — мои уши.
- У меня нет членов —
мгновенное движение — мои члены.
- У меня нет закона —
самосохранение станет моим законом.
- У меня нет стратегии —
свобода убивать и свобода даровать жизнь (*саккацу дзидзай*) —
вот моя стратегия.
- У меня нет замыслов —
случай — мой замысел.
- У меня нет чудесных свойств —
праведное учение придаст мне чудесные свойства.
- У меня нет принципов —
приспособляемость ко всему (*ринкёкэн*) — вот мой принцип.
- У меня нет тактики —
пустота и наполненность (*кёдзицу*) — вот моя тактика.
- У меня нет талантов —
быстрота духа-разума (*тои сокумё*) — вот мой талант.
- У меня нет оружия —
доброжелательство и правота — мое оружие.
- У меня нет крепостей —
невозмутимый дух (*фудосин*) — моя крепость.
- У меня нет меча —
растворение духа в Пустоте (*мусин*) — вот мой меч.

Подавляющее большинство знаменитых мастеров воинских искусств и дзэнских наставников в средние века обращали свои поучения к владельцам меча, и это отнюдь не случайно. Ни одна область будзюцу в Японии не могла существовать независимо от кэндзюцу. В стране, где меч почитался «душой самурая», святыней и фамильной драгоценностью, все воинские искусства развивались в связи с фехтованием и под непосредственным влиянием законов фехтования. В любой школе, обучающей технике владения шестом или дубинкой, серпом или кинжалом, багром или цепью в качестве реального противника всегда выступал человек с мечом: не зная основ фехтования, нечего было и надеяться на победу в поединке. Вот почему среди многочисленных школ

дзюдзюцу, которые в нашем представлении культивировали борьбу без оружия, мы почти не встречаем *кэмпо* в чистом виде — наподобие китайских, корейских или окинавских школ. *дзюдзюцу* получило распространение в среде самураев и с самого начала носило характер комбинированного рукопашного боя — с использованием различных видов оружия и лишь в самом крайнем случае без него.

Изначально, согласно буддийским установлениям, меч почитался как орудие мира, справедливости и человеколюбия. Буддийское божество Мондзю (бодхисаттва Манчжушри) держит в правой руке меч, а в левой свиток с сутрой. Ее меч предназначен для уничтожения алчности, гнева и глупости. Воинственный *Фудо-мёо* (воплощение будды Вайрочаны), окруженный языками пламени, сжимает меч истинной веры. Меч для самурая олицетворяет прежде всего религиозную убежденность, прямодушие, честь и верность долгу. К этому буддийскому толкованию сути меча, одобренному также элементами конфуцианской морали, следует добавить и синтоистское, языческое толкование. Ведь в синтоизме меч наделялся магической силой. Считалось, что каждый меч, подобно волшебному мечу Зигфрида, способен вершить чудеса в борьбе со Злом. Меч самурая клали у ложа мертвого и у колыбели младенца — для отращения злых духов. Мастер-оружейник, изготавливающий меч, призывал на помощь синтоистских богов-покровителей, развешивая по кузнице бумажные веревки-талисманы и совершая церемонию очищения. Перед началом работы он облачался в парадную одежду и работал с величайшим тщанием, вкладывая всю душу в кусок металла.

Поскольку качество клинка зависело от количества слоев разноуглеродной стали, проковка повторялась десятки и даже сотни раз, так что изготовление одного меча порой занимало долгие месяцы, годы.

Оружейники, мастера по ковке мечей, были выходцами из самурайского сословия и пользовались огромным уважением. Неувядаемой славой окружены имена двух талантливых оружейников XIV в. Мурамаса и Масамунэ. Эти имена послужили основой для поэтической легенды, в которой передана идея Меча в двух его ипостасях — меч разящий и меч, способный предотвратить столкновение. Для того чтобы сравнить мечи работы Масамунэ и Мурамаса, оба клинка вонзили в дно ручья. По течению плыли опавшие листья. Все листья, что прикасались к мечу Мурамаса, оказывались рассеченными на две части. Когда же листья приближались к мечу Масамунэ, они огибали лезвие и уплывали невредимыми. Итак, сила меча, как и сила всякого воинского искусства, одухотворившего человека, может быть направлена на разрушение, но истинное ее предназначение — сохранение мира. Таковы идеалы. В действительности, как показывает опыт истории, в руках самураев чаще всего оказывался «меч Мурамаса».

Отношение к мечу и этика *кэндзюцу* (впоследствии *кэндо*) составляли неотъемлемую часть кодекса *Буси-до*. Своеобразный язык меча позволял объясняться без слов с предельной откровенностью, подчас дерзостью. Так, при нанесении визита полагалось вынимать большой меч (*о-дати*) из-за пояса и класть, становясь на колени для обычного приветствия, по правую сторону от себя. Тем самым демонстрировалось доверие к хозяину и доброжелательность, ибо меч трудно было вытащить из ножен с необходимой быстротой. Если же, например, хозяин держал свой меч на полу слева, это говорило о его явном недружелюбии к незваному гостю.

При дружеском общении с хозяином гость мог оставить свой большой меч в соседней комнате или отдать его слуге, который принимал сокровище с величайшим пиететом и на вытянутых руках в шелковом платке относил к стойке. На горизонтальной стойке для мечей хранился и меч хозяина (иногда несколько вместе). Как правило, мечи были положены так, что рукоятки смотрели на владельца, а клинок в ножнах на собеседника. Короткий меч чаще всего оставался за поясом. При официальной встрече положить меч рукоятю к собеседнику означало нанести ему страшное оскорбление — усомниться в его способностях фехтовальщика и выказать полное пренебрежение к его «могущественному удару». Еще большим оскорблением была попытка притронуться к мечу без разрешения хозяина, а тем паче — наступить на меч или отбросить его ногой. В то же время похвалить меч, рассматривая наполовину вынутый из ножен клинок, означало доставить ему величайшее удовольствие.

В напряженной обстановке притронувшись к мечу, можно было спровоцировать инцидент. Если самурай видел, что сосед поглаживает или поворачивает рукоять своего меча, он немедленно обнажал клинок. То же самое происходило, если в тесноте сосед невежливо отпихивал мешающие ему ножны, то есть допускал неподобающее обращение

со святыней. Прямым вызовом на поединок служило бряцание гардой о ножны, для чего надо было слегка выдвинуть лезвие и затем отпустить. Человек рассеянный, пропустивший подобный жест в минуту задумчивости, рисковал быть разрубленным на две половинки без всякого предупреждения.

Самурайское искусство фехтования, зародившееся приблизительно в X—XI вв., весьма существенно отличается как от всех европейских методов употребления меча, сабли, шашки, палаша, рапиры, шпаги, эспадрона, так и от китайского дадао-шу. В *кэн-дзюцу* сравнительно мало чисто «фехтовальных» элементов в европейском смысле слова. Как правило, боец, заняв исходную позицию с поднятым мечом, выжидал пока у противника сдадут нервы и он «откроется». Тут следовал решающий удар (или серия), чаще всего ведущий к летальному исходу. Эта схема в поединке оставалась в основном неизменной для всех 1700 школ *кэндзюцу* и *кэндо*. Меч принято было держать двумя руками, но вес его допускал и манипулирование одной рукой. Многие школы практиковали фехтование двумя мечами, большим и малым одновременно (*рюто-дзюкаи*). К числу таких специалистов относился и прославленный Миямото Мусаси (1584—1645).

Школы *кэндзюцу* различались между собой стойками (*камэзэ*), которых насчитывалось свыше трехсот, и приемами, которых насчитывалось несколько тысяч, но в каждой *рю* стоек, ударов и блоков предусматривалось очень мало — в среднем от семи до пятнадцати. Считалось, что при твердом усвоении этого вполне достаточно, чтобы выйти победителем из любой схватки. Некоторые школы предпочитали вертикальное положение меча и рубящие удары, другие — горизонтальное положение меча и тычковые удары. Одни наставники (*кэнси*) учили поражать врага в голову, другие советовали подрезать сухожилия на ногах, третьи делали упор на «коронном» ударе по диагонали от левого плеча к правому бедру, рассекающем человека способом «монашеского плаща» (*кэса-гири*).

Значительный вклад в *кэндзюцу* внес Идзаса Изнао, основавший в XV в. школу *Тэнсин сёдэн Катори синто-рю*, которая долгое время занимала ведущее положение в стране. Легендой овеяно имя Миямото Мусаси, одержавшего победу в шестидесяти серьезных поединках и умершего своей смертью, что считалось большой редкостью для профессионала. Мусаси одним из первых начал активно применять *боккэн* — точную копию настоящего меча из твердой древесины. Впоследствии *боккэн* был принят на вооружение многими мастерами *дзюдзюцу*, *дзюдо* и *айкидо*, которые использовали его как учебный инструмент. В эпоху Токугава, с прекращением кровавых феодальных междоусобиц, *кэндзюцу* получило глубокое духовное содержание и превратилось в наиболее типичный прикладной аспект дзэн-буддизма. Вслед за Миямото Мусаси крупнейший эдоский мастер Одагири Сэкиэй призывал к изменению агрессивной направленности *кэндзюцу* в сторону духовного самосовершенствования и углубленной медитации. В начале XVIII в. школа *Абэ-татэ-рю* впервые ввела в употребление термин *кэндо*, вложив в него осознание высшего Пути, предначертанного для изучающего искусство меча, — пути морального и ментального восхождения, пути освобождения от суетных земных забот и соблазнов и слияния с Великой Пустотой.

На протяжении многих веков обучение *кэндзюцу* шло с максимальным приближением к реальным условиям, то есть на стальных мечах и чаще всего без доспехов. Только в XVII в. Тораниси Кансин и Оно Тадакэ позволили своим ученикам надевать шлем, забрало, нагрудник и защитные пластины на предплечья для предотвращения частых травм, от которых не спасал и деревянный меч (*боккэн*). Тот же Оно Тадакэ изобрел облегченный бамбуковый меч, а его преемник Наканиси Тjuta в 1750-х годах усовершенствовал изобретение учителя и превратил его в *синаи* — легкий, удобный меч из плотно перевязанного в нескольких местах пучка бамбуковых полос. До сей поры *синаи* используется как основное небоевое оружие *кэндо*. Его вес 1,36 кг, а длина колеблется от 96 до 99 см. В своей школе Итто-рю Наканиси также ввел защитную латную рукавицу. Он требовал от учеников полной отдачи в ударе и предельной концентрации.

После революции Мэйдзи (1868), когда самураи лишились права на ношение меча, *кэндо* временно заглохло, но вскоре возродилось с новой силой и было принято как обязательный предмет в средних школах. Всеяпонская федерация *Кэндо* возникла в 1928 г. и с тех пор благоденствует, несмотря на тяжкие испытания военных лет и строгие меры американских оккупационных властей в первые послевоенные годы.

В матчах *кэндо* победа присуждается выигравшему два очка из трех возможных. Очки присуждаются за поражение трех опасных участков головы, а также правого или

левого запястий, находящихся не ниже уровня плеча, горла и двух определенных участков корпуса.

Техника *кэндо* включает стойки (*камаэ*), синхронизацию движений рук и ног (*субури*), атаку (*какари*), защиту (*укэ*), уходы и некоторые другие элементы. В процессе обучения боец обязательно должен спарринговать с равным по силе партнером (*гокакукэйко*) и с сильнейшим (*хикитатэкэйко*). Большое внимание уделяется формальным упражнениям (*ката*) и тестам на эффективность удара с настоящим мечом (*тамэсигири*). Мастера высокого класса в *тамэсигири* демонстрировали чудеса, перерубая толстый сноп соломы, молодое деревце, подброшенный волос, летящую стрекозу. В среде *кэнси* ценилось умение нанести почти «не отрывая пера», несколько ударов на одном или разных уровнях — например, разрубить стоящую палку на четыре части или обрубить с четырех углов сосновую дощечку. Предания гласят, что иные мастера проделывали такие трюки с завязанными глазами, используя свое «внутреннее видение» (*гокуи*). В наши дни это искусство утрачено.

В схватке *кэнси* следует атаковать одновременно меч противника и его психику. Острые меча, согласно канону, служило точкой приложения энергии *ки*. В поединке борьба сводится главным образом к установлению контроля меча одного из партнеров над жизненно важными центрами другого. Отвлекающие пассы и удары направлены исключительно на то, чтобы лишить противника такого преимущества, а при случае — поразить его в уязвимую точку. Далее необходимо выявить излюбленные приемы противника и общий характер его действий, обусловленный школой. Крупные мастера прошлого могли по исходной стойке точно определить все поведение противника в схватке, чтобы затем использовать его движения в своих интересах. Наконец, основной предпосылкой успеха было умение вывести противника из душевного равновесия, нарушить его уверенность в своих силах, смутить его взглядом, жестом или мощным боевым кличем (*киаи*). И наоборот, залогом успеха в обороне было умение сохранять в любой ситуации хладнокровие и непоколебимое спокойствие за счет полной «отрешенности» (*мусин*). Достижение *мусин* гарантировало бойцу победу и в столкновении с несколькими противниками, нападающими с разных сторон. — все они оказывались в поле зрения некоего биорадара, воспринимающего малейший сигнал опасности.

Родственным *кэндзюцу* по сути (но не по форме) было искусство мобилизации «разума — воли» (*иаидзюцу*), продукт чисто японской, самурайской воинской культуры. *Иайдзюцу* воспитывало навыки мгновенной концентрации при переходе от пассивного, расслабленного состояния в сидячей (на коленях) позе к стремительной атаке, от Инь к Ян. Легенда приписывает изобретение *иаидзюцу* жившему в XVII в. Ходзэ Дзинсукуэ, основателю школы *Син Мусо Хаясидзакэ-рю*. Мечтая отомстить убийце своего отца, Ходзэ долго бился над решением вопроса, как застать противника врасплох, не прибегая, однако, к подлому убийству из-за угла. В конце концов он понял, что необходимо научиться в мгновение ока обнажать клинок и разить врага из самого невыгодного положения. Замысел удался, и отец Ходзэ был отомщен, а сокровищница будзюцу обогатилась новым ценным приобретением.

С течением времени более четырехсот школ *иаидзюцу* вносили свои модификации в теорию и практику вопроса. Можно предположить, что и до XVII в. существовали аналогичные дисциплины в рамках фехтовальных школ. Тем не менее все они объединялись общими требованиями: быстрота, неожиданность, четкость исполнения. В *иаидзюцу* весь расчет строится на одном, от силы двух ударах. Сидя на коленях боец должен молниеносным, почти невидимым движением выхватить меч и атаковать. При этом он может привстать на одно колено либо резко подпрыгнуть с колен вверх и нанести удар в прыжке. Скорость должна быть такая, чтобы противник не успел опомниться и уклониться в сторону. Соответственно, соревнование между мастерами *иаидзюцу* шло на упреждение — кто первый — и напоминало классические эпизоды из ковбойских фильмов, где побеждает тот, кто раньше успел рвануть кольт из кобуры. Разумеется, такого рода искусство требовало высокой физической, психической и духовной подготовки. Хотя большинство наставников подчеркивало оборонительный характер *иаидзюцу* и уделяло много внимания ментальному тренингу, в ряде школ оттачивались изощренные приемы нападения. Такие мастера, как Масакацу Мидзуно открыто заявляли, что цель их искусства — нанесение первого, упреждающего удара, который не оставляет шансов противнику. «Разить прежде, чем поразят тебя» (*утарэру маз-ни уцу*) — таков был их лозунг, может быть, больше отвечавший насущным потребностям самурая, чем благие призывы дзэнских патриархов.

В сотнях и тысячах школ мастера снова и снова обращались к учению древних о Пустоте, о борьбе двух мировых начал Инь и Ян, о превращениях в природе, о животворной энергии и силе человеческого духа.

Все *рю*, вне зависимости от направления и стилей, включали в программу начала анатомии, почерпнутые из китайских учебников, с выделением уязвимых мест на теле человека (*кюсё*). Знание этих точек, тридцати шести важнейших и семидесяти двух дополнительных, было особенно полезно при освоении такого раздела *дзюдзюцу*, как удары (*атэми*). Сверхзадачей всех школ была выработка настоящих бойцовских качеств: феноменальной реакции, силы, мужества и уверенности в себе, основанных на знании человеческой природы и законов природы. Остановимся на некоторых любопытных дисциплинах, без которых представление о японском искусстве рукопашного боя было бы неполным.

В жизни самурая нередко были случаи, когда ему приходилось расставаться с мечом, копьем или алебардой, создавая по крайней мере видимость полной безвредности. В эпоху междоусобных войн многие феодальные властители запрещали всем, кроме стражи, носить оружие во внутренних покоях замка. Наиболее подозрительные не допускали к себе вражеских посланцев при мече, зная, что хорошего мастера не удержит даже усиленная охрана. Тем не менее до унижительного личного досмотра дело никогда не доходило, и каждый, опасаящийся за свою жизнь, имел шанс утаить за пазухой, в рукаве или под широкими полами кимоно один из популярных видов малого, подручного оружия. Этим шансом пользовались не только парламентарии во вражеском лагере, разведчики и полководцы, которым не подобало вдали от передовой расхаживать вооруженным до зубов, но также и сотрудники токугавской полиции (*мэцукэ*), желавшие замаскироваться под простого обывателя.

Например, излюбленным оружием военачальников в полевой ставке был железный веер (*тэссэн*). Состоящий из массивных стальных пластин веер подвешивался к руке и в обычное время служил своего рода указующим «маршальским жезлом». Однако при необходимости его можно было использовать для парирования ударов меча, особенно вкпе с кинжалом (*кодзюка*), для оглушения, в качестве короткой дубинки, и, наконец, для отвлекающих маневров путем мгновенного раскрытия перед глазами противника. Кроме складного веера, часто употреблялась и другая разновидность — круглая стальная пластина на рукоятке (*гумбайугиwa*), внешне напоминающая шестопер и вполне равная ему по эффективности.

Классическим оружием *мэцукэ* был обоюдоострый стилет около 30 см в длину с отходящей от рукоятки крючкообразной гардой (*дзюттэ*, или *дзиттэ*). Иногда два таких стилета использовались одновременно. Преимущество *дзюттэ* заключалось в том, что меч противника можно было при известном навыке поймать в щель между гардой и клинком, а затем сломать пополам или выбить из рук. К рукояти *дзюттэ* крепился темяк с цветной кистью, по окраске которой можно было судить о ранге полицейского.

Неплохой репутацией пользовалась в полиции длинная (около 4 м) тонкая цепь с маленьким грузилом на одном конце (*кусари*). На континенте цепь испокон веков входила в арсенал рыцаря — упоминание о воинах с цепями встречаются в «Троецарствии», «Речных заводах» и многих других памятниках. В сложенном виде цепь представляла собой безобидный маленький комочек, но, брошенная умелой рукой, она обезоруживала и сбивала с ног противника. Заменителем цепи могла послужить веревка с грузилом (*горинава*). Любопытно, что такое простое приспособление, как аркан, в среде самурайства не прижилось и было знакомо лишь редким специалистам. Зато цепь неоднократно подвергалась изменениям, приобретая новые формы. В XVII в. появилась укороченная модификация с гирьками по обоим концам, достигавшая в длину около 1 м. Изобретение этой цепи приписывается Масаки Тосимицу, начальнику охраны центральных ворот Эдо. По преданию, Масаки, назвавший свое детище *манрики-гусари* («Всесильная цепь»), стремился исключить возможность вооруженного конфликта в таком ответственном месте. Одного взмаха *манрики-гусари* было достаточно для того, чтобы подлежащая задержанию жертва, оглушенная и полузадушенная, упала в руки часовых.

Сходной разновидностью малого оружия был кистень (*кусари-тигирики*) — цепь с металлическим шаром, укрепленная на короткой рукояти. Иногда на рукояти присутствовала и крючкообразная односторонняя гарда для захвата меча.

Срок овладения приемами рукопашного боя с применением того или иного вида малого оружия варьировался от трех до пяти лет после обязательного курса *дзюдзюцу* и *кэндзюцу*, пройденного в одной из самурайских школ воинских искусств.

В Японии, как и во всех странах Дальнего Востока, каждый уважающий себя мужчина, а тем более самурай, должен был уметь обращаться с палкой. Шест и дубина всегда занимали почетное место в списке семнадцати классических видов оружия. В Китае, Корее, Вьетнаме и Бирме фехтование на палках приравнивалось к искусству владения копьем и алебардой. Прародителем *бодзюцу* и тотемным покровителем мастеров «палочного дела» считался, как известно, легендарный царь обезьян Сунь У-кун, герой знаменитого средневекового китайского романа «Путешествие на Запад». Своим исполинским железным посохом задиристая обезьяна наводила страх не только на злых волшебников и великанов-людоедов, но и на сонмы мирных небожителей. Крестьяне-повстанцы, сражавшиеся под знаменами Белого лотоса, и «Красные повязки», стоявшие насмерть в боях против монгольских полчищ, сделали шест основным оружием пехотинца. Среди самураев также находились любители, предпочитавшие палку всем прочим видам оружия, так как использование палки для нападения или для защиты всегда содержало в себе элемент неожиданности.

В эпоху Токугава на японских островах насчитывалось не менее трехсот школ *бодзюцу*, причем качество палок и техника самурайских школ существенно отличались от *бодзюцу*, проникшего с континента на архипелаг Рюкю и вошедшего в комплекс вспомогательных дисциплин *каратэ*. Как правило, шест (*бо*) вырезался из дуба, бука, граба и других твердых пород древесины, но при необходимости мог сойти и обычный кусок бамбука, подобранный у дороги. Каноническая длина *бо* варьировалась в зависимости от школы и колебалась от 160 до 282 мм. Толщина подбиралась по вкусу и по физическим возможностям исполнителя.

В целом упражнения с шестом напоминают классические упражнения с копьем и алебардой и содержат тот же набор движений — колющих, рубящих и блокирующих. Разумеется, комплексы этих упражнений (*ката*) различны, но общность принципов несомненна.

С какого времени шест вошел в число самурайских *бодзюцу*, вопрос неясный. Как считают авторы «Лекций по каратэ», шест стал завоевывать популярность в среде буси уже после окончания «эпохи враждующих княжеств», к концу XVI в.

Одним из самых ревностных пропагандистов *бодзюцу* был талантливый фехтовальщик на мече школы *Синкагэ* по имени Нагахару Огасавара. В течение нескольких лет Огасавара жил в Пекине, столице империи Мин, где зарабатывал на жизнь преподаванием *кэндзюцу*. Там он познакомился с техникой владения шестом и многие ее элементы ввел в свою систему фехтования. Вернувшись на родину в начале XVII в., Огасавара основал новую школу «Истинная Синкагэ» (*Син-Синкагэ-рю*), где наряду с мечом был принят на вооружение *бо*. Как гласит историческая легенда, заносчивый Огасавара вызвал на поединок своего давнего соперника и главу основной ветви школы *Синкагэ*, придворного наставника фехтования Ягю Мусэтори, но проиграл бой и был убит.

По традиции техника владения шестом (посохом) получила развитие и в стенах крупных монастырей, где ею дружно овладевали многочисленные дружины монахов-воителей (*сохэй*), начиная с эпохи Хэйан. Те же монахи наряду с алебардой (*нагината*) и шестом порой использовали железный посох (*тэцубо*), по форме ничем не отличающийся от деревянного, но обладающий пробивной силой лома. Став боевым оружием самураев, *тэцубо* несколько изменился внешне — его стали делать граненым и ребристым по продольной поверхности.

В эпоху Токугава шест получил распространение во всех слоях общества. Особо славилась приемами боя с длинным шестом (282 мм) школа *Катори*, где обучали не только ударам и блокам, но также всевозможным прыжкам с шестом, падениям и переворотам в воздухе. Шест величиной с человеческий рост носили с собой слуги государственных чиновников, странствующие монахи, привратники в домах и тюремные надзиратели. До недавнего времени резервные отряды управления полиции устраивали ежегодный парад и показательные выступления с шестом.

Действительно, эффективность *бо* в руках мастера достойна изумления. Шест выныривает в воздухе замысловатые фигуры, скользит по вертикали, по горизонтали, по окружности вокруг тела, являющегося как бы подвижной осью. Удары наносятся с предельной точностью и концентрацией. Колющий удар шестом легко раскалывает кирпич и протыкает насквозь грудную клетку. Прочный шест не боится меча и топора. Его длина позволяет атаковать ноги, проведя вначале серию отвлекающих маневров. Взлетая то вверх, то вниз, шест словно изменяется в размере. Он неожиданно выныривает из-за спины,

бьет от ноги, от пояса, пока наконец противник, ошеломленный каскадом движения, не допустит промах.

Не менее древнюю историю, чем шест, имеет и короткая дубинка (*дзё*), естественное подспорье безоружного во все времена. Железная дубинка постепенно превратилась в палицу и в булаву. Однако в Японии вплоть до XVII в. дубина и кол оставались оружием простонародья. Канонизация приемов боя с обычной палкой приписывается некоему самураю Гонносэ Мусо. Много лет Мусо изучал технику владения шестом в школах Катори и Касима. Освоив все секреты *бодзюцу*, он отправился странствовать из провинции в провинцию со своей жердью. В поединках с противниками, вооруженными алебардами и мечами, он не знал поражений. Возгордившись, Мусо послал вызов самому Мусаси Миямото, величайшему фехтовальщику эпохи. Схватку он позорно проиграл, но великодушный Мусаси подарил побежденному жизнь. Вне себя от горя, Мусо удалился на южный остров Кюсю и там жил долгие годы отшельником в глубине гор до той самой ночи, когда к нему, как и следовало ожидать, снизошло *сатори*. Наутро Мусо, следуя божественным рекомендациям, вырезал палку из бука и стал разучивать движения, представлявшие нечто среднее между *бодзюцу* и *кэндзюцу*. Он разработал двенадцать базисных упражнений (по числу знаков зодиака) и назвал свое изобретение *дзёдзюцу*, то есть искусство дубины. С помощью *дзё* было удобно наносить тычковые удары по болевым точкам. К тому же, размеры палки давали больше простора для жонглерских манипуляций. Новым оружием Мусо сумел-таки одолеть непобедимого Мусаси. Сделав ответный жест, он тоже сохранил противнику жизнь.

С тех пор школы *дзёдзюцу* стали плодиться во множестве, но все они носили эзотерический характер, а в новое и новейшее время существовали при Федерации *кэндо*. В 1955 г. возникла независимая федерация *дзюдо*, но и поныне многое в технике *дзё* остается загадкой, как, например, 64 секретных приема школы *Синдо-Мусо-рю*, ведущей происхождение от легендарного Мусо.

Интересно отметить, что все тренировки с *бо* и *дзё* проходят без протекторов, и удары, кроме особо опасных, наносятся в полную силу. Подобная методика обучения не только воспитывает мужество, но дает великолепную «набивку» тела, развивая мышечную броню и притупляя болевые ощущения. Между тем в *кэндзюцу*, а позже в *кэндо* при работе с мечами из тяжелого дерева (*боккэн*) и даже из бамбука (*синаи*), не говоря уж о настоящих, стальных, протекторы на корпус, шлем и забрало использовались обязательно.

Одним из вспомогательных предметов, изучавшихся в большинстве военизированных *рю*, было искусство отбивания стрел (*ядомэдзюцу*) при помощи меча или голыми руками. В самурайской коннице никогда не использовались ручные щиты, которые мешали орудовать мечом или алебардой и вообще рассматривались как излишняя роскошь. Иногда в качестве щита выступал снятый с головы шлем, но чаще буси полагался просто на ловкость рук. Скорость, глазомер и непоколебимая расслабленность были залогом успеха. Многое зависело также от правильной стойки (*камаэ*), помогающей дотянуться до стрелы и отбить ее в полете в каких-нибудь десяти-двенадцати сантиметрах от тела. Самым трудным был момент нанесения парирующего удара (*дзансин*). Каждая новая стрела, выпущенная другим стрелком и с другой дистанции, несла в себе элемент неожиданности и исключала возможность удачного «механического» повторения. Отбивая одну стрелу, нужно было одновременно фиксировать взглядом вторую, третью, четвертую, мгновенно определять степень опасности и реагировать только на летящую в голову или грудь. Стрелы можно было отбивать одним или двумя мечами, что считалось делом сравнительно простым, либо рукой в латном нарукавнике. Вершиной мастерства считалось умение перехватить стрелу на лету. В рыцарском эпосе встречаются упоминания о *буси*, оставшихся целыми и невредимыми под дождем стрел.

При освоении техники *ядомэ* в школах на стрелы надевали мягкие тряпичные или ватные шарики. Тренировка, где одного исполнителя обстреливало несколько лучников, напоминала игру в пинг-понг на фантастических скоростях.

Качеством *ядомэ* и вообще быстрой реакцией характеризовался класс мастерства, степень совершенства *бугэйся*. Поучительный случай приводится в жизнеописании знаменитого Мусаси Миямото. Однажды в глухой провинции Мусаси забрел на постоянный двор. Усевшись в углу, он положил рядом меч и заказал обед. Вскоре в комнату ввалилась подвыпившая компания. Они были с ног до головы увешаны оружием и выглядели разбойниками с большой дороги. Притемив одинокого посетителя и его великолепный меч в драгоценных ножнах, бродяги сбились в кучу и принялись шептаться. Тогда

Мусаси спокойно взял палочки для еды и четырьмя уверенными движениями поймал четырех жужжавших над столом мух. Бродяги, видевшие эту сцену, бросились наутек, отвешивая низкие поклоны.

Если в бою самурай хотел взять противника живьем, он должен был владеть *ходзюцу*, искусством связывания, необходимым приложением к *дзюдзюцу*. Выбив у врага оружие и проведя бросок с последующим удержанием, следовало немедленно одной рукой снять с пояса моток веревки и обмотать жертву таким образом, чтобы она не могла пошевелиться. В гуще боя, под остриями направленных со всех сторон мечей и копий, сделать это было нелегко. Зачастую пленника приходилось связывать еще в процессе борьбы, используя веревку как вспомогательный инструмент. Считается, что твердые правила *ходзюцу* впервые ввела школа *Такэноуги-рю*, но почти каждая школа *дзюдзюцу* могла похвастаться своей оригинальной методой. С большим усердием изучали *ходзюцу* блюстители порядка эпохи Токугава, правительственные надсмотрщики и сыщики *мэцукэ*. Мастера искусства связывания изобретали столь затейливые комбинации, что морские узлы выглядели бы в сравнении с ними детской игрой. Были детально разработаны всевозможные варианты связывания отдельно рук и ног, рук и шеи, ног и шеи и т. д. Способы и «рисунки» варьировались в зависимости от пола и возраста жертвы, ее социального положения, особенностей одежды и прически. Для транспортировки пленника своим ходом конец веревки крепился к таким местам, что малейшее поползновение бежать вызвало мучительную боль. В случае отсутствия нормальной длинной веревки использовался шнур от большого меча (*сагэо*). Класс техники *ходзюцу* определялся как мастерством, так и скоростью.

К числу важнейших навыков самурая относилось умение хорошо плавать. На Японских островах, окруженных морем и изобилующих реками и озерами, воин должен был с детства готовиться к столкновению с иной стихией. Искусство *суйэйдзюцу* включало в себя прыжки в воду, удержание на воде, борьбу в воде и, наконец, плавание. Стили *суйэйдзюцу* были весьма разнообразны. Так, в школе *Кобори-рю* на юго-востоке Кюсю обучали плавать в полном боевом снаряжении и при этом вести обстрел противника из лука. Интенсивная работа ног (*фумиаси*) позволяла держать туловище довольно высоко над водой. В школе Яманоути преподавали «переправу со знаменами» (*обата окиватари*) и с тяжелыми грузами. В школе Ивакура, на полуострове Кии, учили преодолевать приливные волны, прибой и водовороты, освобождаться от водорослей, плавать против течения. Заметим попутно, что символом самурайского мужества и упорства всегда служил «камп, плывущий против течения» (*кои-нобори*). В школе Суйфу постигалось искусство плавания в штормовую погоду, в школе *Канкай-рю* обучали плаванию в море на большие дистанции, в школе Нодзима — транспортировке над водой оружия и скоропортящихся предметов, например, пороха. В некоторых *рю* осваивали ныряние на глубину и в длину. В школе Суйто практиковались прыжки с обрыва на мелководье. Были мастера водного спринта, развивавшие бешеную скорость на отрезке в несколько метров и сильным рывком выскакивавшие «способом молодого лобана» из воды (*ина-тоби*) в лодку противника.

Ближе всего к *дзюдзюцу* стояли школы *Синдэн-рю* и *Мукай-рю*. В первой отработывалась борьба на плоту или на палубе лодки (*икада-дзюмо*) и в падении с лодки, плавание и ныряние со связанными руками и ногами (*сюсоку-гарами*) и, наконец, пребывание под водой в течение нескольких минут. Задержка дыхания осуществлялась посредством йогической практики. *Мукай-рю* представляла собой адаптированный вариант *дзюдзюцу*, где более захватывающие с удержанием были приспособлены к действиям в воде.

Самурай, овладевший сокровенными тайнами воинских искусств, ставший *мэнкэ* — мастером *раг ехелленсе*, — мог смело взглянуть в глаза любой опасности. Верный долг воина, преисполненный уверенности в себе, спокойного мужества и презрения к смерти, он без колебания шел в бой, готовый сражаться «против тысячи».

Метод укрепления тела и управления жизненной энергией (эмэйское направление цигун)

А. ЮРКЕВИЧ

Среди экзотических систем оздоровления и лечения, приобретающих все большую популярность в современном мире, видное место принадлежит цигун. Этот китайский термин можно перевести как «работа с ци*», «управление ци», «работа дыхания». Он объединяет целый ряд немедикаментозных методов психофизиологического регулирования, которые базируются на тех же теоретических положениях, что и давно признанная современной медициной восточная акупунктура.

Комплексы цигун представляют собой комбинации дыхательных упражнений и приемов медитации. Часто они применяются в сочетании с физическими упражнениями, массажем, иногда иглоукалыванием. К цигун относят в Китае и действия экстрасенса.

Обязательным элементом практики цигун является достижение «спокойно-просветленного» состояния сознания. Его спонтанным усилием стимулируются и направляются психические и физиологические процессы. Этот феномен имеет и теоретическое обоснование. Традиционная китайская наука предусматривает положение о «пневменной» (ци) природе всех функций человеческого организма, в том числе психической. Данное положение обуславливает возможность управления циркуляцией ци посредством «духа» и мысли (идеи). Подразумевается, что они функционируют тоже в виде образований и «потоков» ци.

Своеобразие и спорность теоретических оснований цигун не мешают широкому применению этой системы в современной клинической и оздоровительной практике как в Китае, так и за его пределами. Определенные комбинации дыхательных, медитативных и физических упражнений цигун, отобранные в ходе многовекового экспериментирования, вызывают торможение или ликвидацию в коре головного мозга патодинамических очагов, обуславливающих то или иное расстройство. Эти упражнения призваны также нормализовать циркуляцию «ци и крови», что подразумевает налаживание правильного газообмена, крово- и лимфотока, а также обмена веществ.

По ряду направлений лечения и оздоровления приемы цигун имеют преимущество перед методиками, созданными на Западе. Во-первых, они нацелены на комплексную нормализацию и физиологических, и психических функций — нарушение последних является серьезным патогенным фактором. В то же время от приемов известного на Западе аутотренинга методы цигун отличаются прямой ориентацией на управление определенными физиологическими процессами, а не на противодействие симптому болезни.

* В самом общем смысле под ци (пневма) подразумевается некая материально-духовная и энергетическая субстанция. По представлениям традиционной китайской науки, ци является универсальным наполнителем вселенной, формообразующей энергией макро- и микрокосма. Все вещи окружающего мира состоят из ци в различных ее трансформациях. В теле живого существа определенные трансмутации ци играют роль своего рода «жизненной энергии». «Внешняя» ци попадает в организм с вдыхаемым воздухом (отсюда распространенная интерпретация ци как «дыхания»), а также с пищей и питьем. Обмен ци с внешней средой, согласно положениям китайской медицины, может осуществляться и через биологически активные (акупунктурные) точки. Они расположены главным образом на каналах, по которым циркулируют в организме «пневменные» энергии. В современной научной литературе потоки ци обычно трактуются как «биологическая информация».

Во-вторых, они часто позволяют свести к минимуму применение в той или иной степени токсичных медицинских препаратов. В-третьих, упражнения цигун в качестве средства оздоровления и профилактики могут быть рекомендованы людям самого разного возраста и состояния здоровья. Методики цигун исчисляются сотнями и отличаются крайним разнообразием. Это дает возможность выбрать комплекс упражнений, соответствующий индивидуальным особенностям человека и задачам, которые он ставит перед собой. В-четвертых, система цигун включает в себя и методики развития таких качеств, которые у нас принято относить к экстрасенсорности. Однако эти методы доступны немногим: к их освоению приступают лишь после долгих лет занятий под руководством опытных наставников. В то же время элементы таких приемов, в том числе «бесконтактного массажа», содержат многие комплексы упражнений, доступные начинающим.

* * *

Наибольшее распространение за рубежами Китая получили модифицированные терапевтические комплексы цигун, систематизированные китайскими медиками и адаптированные к условиям лечения в современных клиниках и амбулаториях. Вместе с тем в самом Китае по-прежнему популярны традиционные оздоровительные упражнения цигун, в частности так называемого эмэйского направления.

Оно именуется по названию гор Эмэй в провинции Сычуань на юго-западе Китая. Там издавна располагались многочисленные даосские и буддийские монастыри. В рамках культовой практики двух философско-религиозных течений — даосизма и буддизма — развивались сложные приемы психофизиологического регулирования.

Эмэйскому направлению цигун присущи характерный для даосизма акцент на спонтанность действия и разнообразная техника медитации, наиболее изощренные формы которой разработаны в русле традиций буддизма. Комплексы упражнений выполняются, как правило, в статико-динамическом режиме, то есть сочетают статические позы и движение. Это отчетливо видно на примере одного из начальных комплексов эмэйского направления цигун — «метода укрепления тела и управления жизненной энергией». Его описание дано мастером цигун Лю Чжибаном в книге «Избранные сочинения знаменитых мастеров цигун» (Пекин, 1987, на кит. яз.), скорректировано и развернуто автором данного материала на основе личного опыта занятий и консультаций с китайскими специалистами. Данный комплекс призван подготовить занимающегося к выполнению упражнений более высокого уровня, дать ему навыки соблюдения основных принципов и применения базовых методов цигун. Как терапевтическое средство этот комплекс показан при нарушениях функций системы кровообращения, хронических и вялотекущих заболеваниях обмена веществ, людям с ослабленным по разным причинам организмом. Разнообразие используемых в нем приемов позволяет рекомендовать его в качестве средства профилактики и указанных заболеваний, и болезней органов дыхания, желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы, нервных расстройств. О многофункциональности данного комплекса упражнений свидетельствует и его название.

Терапевтического и оздоровительного эффекта от упражнений цигун можно ожидать лишь при осмысленном их выполнении. Образное представление о назначении тех или иных движений и позиций способствует созданию подсознательной установки на определенную «программу» психических и физических действий, направляет работу воображения. Это особенно важно для синхронизации деятельности психики и тела, без которой многие комплексы цигун были бы менее эффективны, нежели самые шадящие упражнения утренней зарядки. Поскольку упомянутая «программа» ориентирована на процессы, трактуемые в терминах и понятиях китайской медицины, необходимо хотя бы вкратце ознакомиться с содержанием этих понятий.

Основной задачей практики цигун вообще считается сохранение и укрепление «истинной ци» — чжэнь ци, всей совокупности «здоровых пневменных энергий» организма, находящихся в «равновесии» и обеспечивающих его нормальное функционирование. Предполагается, что физиологические функции организма обеспечивает «семя» — цзин, накапливаемое и генерируемое почками. Оно проявляется в виде «утонченной (эссенциальной, семенной)» ци (цзин ци) и локализуется в нижнем «энергетическом резервуаре» организма (считается, что в теле человека таких связанных между собой «резервуаров» — даньтянь, «полей киновари» — три). В центре нижней области даньтянь, в 4—5 см ниже пупка, расположена одноименная акупунктурная точка (ее называют также

цихай). Главным образом через нее и симметричную ей точку минмэнь на спине ци поступает в область дантянь, где «обогащается» «семенем»-цзин. Через эти же точки «обогашенная» ци направляется в организм по канальным путям.

В описании упражнений «метода укрепления тела и управления ци» важную роль играет также точка лаогун, находящаяся в центре ладони. Напомним, что главным образом из ладоней экстрасенса исходит поток «биологической энергии». Активность точек лаогун влияет на циркуляцию в каналах, связанных с областью сердца.

Важными понятиями, о которых следует иметь представление при разучивании упражнений цигун, являются «раскрытие» и «закрытие» (кай, хэ). Эти категории традиционной китайской науки в медицине и цигун применяются в отношении и организма в целом, и его «энергетических резервуаров», и биологически активных точек. «Открываясь», они выводят ци из организма или освобождают ей путь далее по каналам, «закрываясь» — удерживают набранную ци и поглощают ее новую «порцию», соединяя и уравнивая различные трансмутации «пневменных энергий».

Разумеется, эти пояснения приблизительны и условны. Функционирование человеческого организма невозможно объяснить в рамках теории китайской медицины посредством элементарной механической схемы. Сложные процессы «трансформаций» (хуа) субстанций организма, осуществляющиеся по многовариантным схемам взаимодействия противоположных начал инь и ян, в трактатах по китайской медицине описываются с применением сотен многозначных понятий и изощренных классификационных матриц. Толкования этих схем специалистами подчас сильно разнятся. Мы привели лишь самые общие сведения, минимально необходимые для осмысленного подхода к разучиванию описываемого ниже комплекса. Они должны помочь занимающемуся построить и закрепить в подсознании своего рода мнемоническую формулу, облегчающую настрой на правильное выполнение психических и физических действий в определенной последовательности. Этой же цели служат и указания в тексте относительно работы воображения, и обобщающие пояснения к описанию каждого упражнения комплекса. К подобным объяснениям прибегают преподаватели цигун на занятиях с начинающими.

Общие рекомендации

1. Движения должны выполняться медленно, в ровном темпе. Между отдельными движениями и упражнениями не должно быть пауз, за исключением тех случаев, когда их необходимость специально оговорена. Каждое движение должно плавно переходить в следующее.

2. При выполнении упражнений ограничивайте произвольное мышечное напряжение — на это нацеливают указания типа «чуть», «слегка», «несколько». Физическое усилие, например «поджатие» пальцев ног, «подбирание» ягодич в значительной степени должно быть «воображаемым»: совершая легкое усилие, мысленно представляйте его максимальным. Иначе трудно будет добиться необходимого уровня релаксации, чрезмерное мышечное напряжение сведет на нет психорегулирующий эффект от выполнения упражнений. Через несколько месяцев регулярных занятий физические движения должны выполняться автоматически, спонтанно, вызываться не намеренным напряжением мышц, но лишь «мысленным» импульсом, подсознательной установкой на выполнение заданной «программы». По традиционным представлениям, это свидетельствует о достижении более высокого уровня «спокойно-просветленного» состояния сознания.

3. В равной степени следует избегать чрезмерного психического напряжения, сосредоточиваясь на выполнении какого-либо действия. В противном случае блокируется возможность спонтанности действий, после выполнения упражнений вместо чувства спокойствия и умиротворенности возникает ощущение усталости. Основу психологической установки на выполнение упражнений цигун должен составлять настрой на получение удовольствия от занятий.

4. После принятия исходного положения нередко возникает ощущение «истомы», иногда переходящее в эйфорию. Особенно часто такое случается при применении естественного грудного дыхания. В ряде случаев на определенном этапе занятий это приводит к непроизвольному многократному повторению занимающимся одного и того же движения. Чтобы избежать перехода приятных ощущений в эйфорию, следует овладеть брюшным (диафрагмальным) типом дыхания. Кроме того, надо заранее задать себе четкую уста-

новку на переключение внимания на нижнюю область дантянь в случае возникновения циклического двигательного стереотипа.

5. Вдыхать и выдыхать следует через нос. Дыхание должно быть спокойным и ровным, нельзя «подстраивать» его под движение. Координация циклов дыхания и движений в данном комплексе необходима лишь в упражнениях с задержкой дыхания.

6. Если вам помешали во время занятий, не прерывайте упражнение резко, а закончите его хотя бы кратковременным сосредоточением на нижней области дантянь.

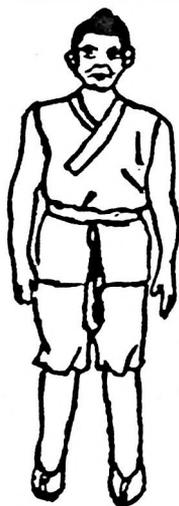
7. В первые две недели занятий следите прежде всего за правильностью исходного положения, точностью, согласованностью и ритмичностью движений. В дальнейшем добивайтесь правильного и своевременного переключения «фокуса внимания».

8. Заниматься следует один-три раза в день, лучше всего на свежем воздухе, в местах, где нет сквозняков и ветра. Нельзя выполнять упражнения ранее, чем через полчаса после еды, активной физической деятельности или водных процедур, испытывая сильное чувство голода или жажды. Для занятий пригодны любая свободная, не стесняющая движений, легкая одежда и обувь (лучше на кожаной или матерчатой подошве). Если вам некогда переодеться, просто расстегните ворот, манжеты, ослабьте пояс. Перед занятиями надо опорожнить мочевой пузырь и кишечник. Водные процедуры можно принимать не ранее чем через полчаса после занятий. Нецелесообразно выполнять комплекс более трех раз подряд.

При условии правильного и регулярного выполнения упражнений субъективное улучшение самочувствия вы ощутите уже в первые недели занятий.

Исходное положение

Встаньте прямо, ноги на ширине плеч, ступни параллельны. Пальцы ног чуть поджаты, несколько «упираются» в пол; ноги естественно, без напряжения выпрямлены. Округлите промежность, для чего слегка разведите колени в стороны, зафиксируйте положение промежности и верните колени в прежнее положение. Немного подберите ягодицы и живот, расслабьте мышцы в области поясницы. Выпрямите спину, слегка вберите грудь. Расслабьте

плечи, свободно опустите руки, так чтобы отчетливо обозначились подмышечные впадины; для этого плечи чуть подайте вперед. Кисти рук расслаблены, пальцы свободно разомкнуты. Шея естественно выпрямлена, мышцы шеи расслаблены. Голову держите прямо (по выражению китайских мастеров, голова как бы «подвешена за макушку»); слегка подберите подбородок; кончик языка касается нёба у альвеол (бугорков за зубами). Такое положение языка замыкает определенную цепь «энергетических» каналов и препятствует выходу ци во внешнюю среду. Кроме того, оно стимулирует слюноотделение, играющее, по традиционным представлениям, важную роль в «очищении» и «питании» организма. Губы без напряжения сомкнуты. В первые недели занятий дыхание естественное грудное; в последующем переходите к естественному брюшному (диафрагмальному) дыханию. Смотрите прямо перед собой, фокусируя взгляд на предмете, через который проходит линия взгляда (желательно, чтобы он не был ярким или блестящим и располагался не далее нескольких метров от вас). Проконтролируйте правильность положения головы, туловища и конечностей сверху вниз (в порядке, противоположном приведенному выше описанию), добиваясь максимальной раскрепощенности и расслабления мышц; затем — снизу вверх. Сосредоточьтесь на основаниях ушей. Задержитесь в таком положении на одну-две минуты (рис. 1).

Исходное положение может рассматриваться как самостоятельное упражнение на расслабление и транквилизацию (успокоение) сознания. С точки зрения китайской медицины оно представляет собой погружение в состояние физического и психического покоя. Определенное положение туловища и конечностей призвано также ограничить выход ци из организма («закрыть» его) и в то же время содействовать ее свободной циркуляции.

Особенностью эмэйских упражнений цигун является сосредоточение на «основаниях ушей». В сочетании с фокусированием взгляда на определенном объекте этот прием при условии полной физической неподвижности и максимальном расслаблении мышц способствует торможению в коре лобных долей головного мозга, отрешенности от внешних

объектов и внутренних переживаний. Соблюдение этого требования облегчает ровную постановку головы, а в динамических упражнениях — устойчивый «подсознательный» контроль за выполняемыми движениями.

Движение 1

Естественно, без напряжения выпрямленные руки медленно поднимите перед собой ладонями, обращенными к нижней части живота, пальцы несколько оттянуты вниз. Сосредоточьтесь на «энергетическом взаимодействии» точек лаогун и даньтянь. Задержитесь в этом положении на одну-две минуты (рис. 2).

По традиционным представлениям, ци, исходящее из точек лаогун, поступает в нижнее даньтянь и стимулирует там циркуляцию ци, насыщенной «семенем» — цзин. Ци «излучается» из точки даньтянь и «собирается» точками лаогун. При условии должной концентрации внимания в нижней части живота должно возникнуть ощущение тепла и некоторой тяжести.

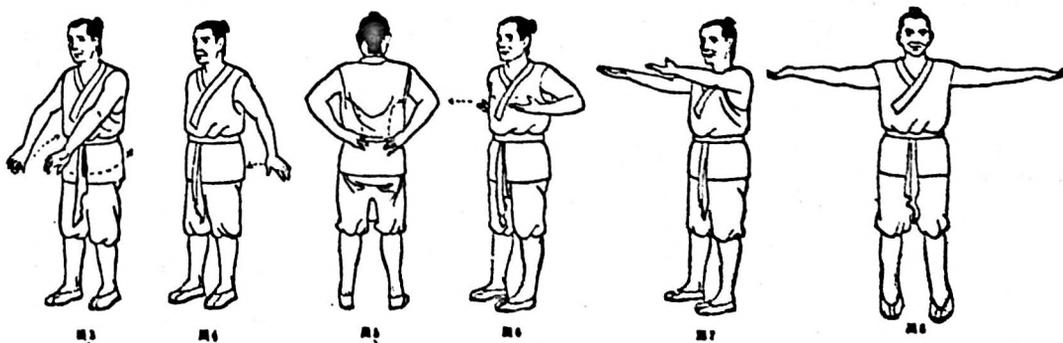

2.

Движение 2

Из положения рук упражнения № 1 поверните кисти тыльными сторонами друг к другу; руки чуть согните в локтях. Отведите кисти по дуге через стороны за спину, сосредоточиваясь на «собрании точкой лаогун внешней ци» (рис. 3). Когда ладони окажутся повернутыми друг к другу, обратите их к области почек (точки шэньшу), направляя туда «собранную» перед этим ци (рис. 4). Поворачивая кисти ладонями кверху, переместите их вверх («подгоняя» ими «внутреннюю» ци). Пронесите кисти под предплечьями, направляя их пальцами вперед (рис. 6), коснитесь кончиками пальцев точек юань перед подмышечными впадинами («собрать плохую ци») и медленно выпрямите руки перед собой параллельно полу ладонями кверху («выплескивая плохую ци») (рис. 7). Сосредоточьтесь на приеме точкой лаогун «внешней ци»; разведите руки в стороны (рис. 8).

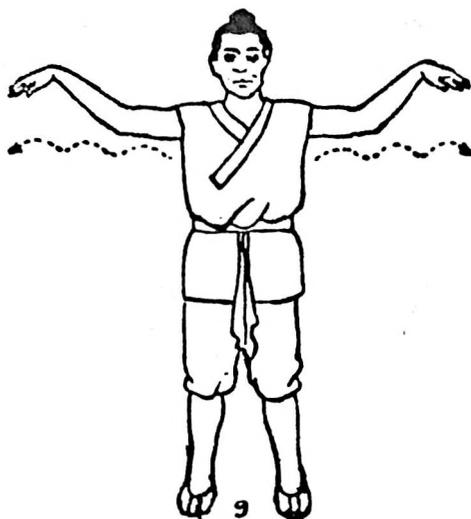
Направление ладоней к области почек призвано стимулировать выработку «семени» — цзин. Представление об ощущениях, которые вы должны испытывать, обращая ладони к туловищу, можно получить, выполнив движения этого упражнения в «контактном варианте» — медленно проведя ладонями по телу. При «собрании» ци извне возникает ощущение нагрева ладоней и «расширения» точки лаогун.

Движение 3

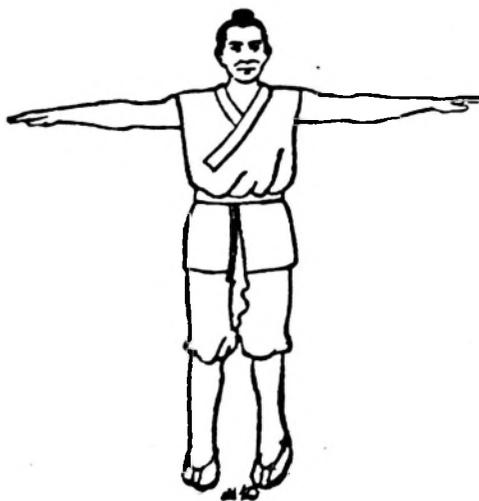
Не опуская рук, разведите их в стороны. Поверните кисти ладонями книзу, выполните «синусоидальные» движения руками (подобные движениям змеи и шелковичного червя). Последовательно опуская и приподнимая плечи, локти и запястья, соответственно расслабляя и несколько напрягая мышцы плеч, предплечий и кистей, мысленно прослеживайте движение ци по рукам через плечи, локти, запястья, кисти до кончиков пальцев (рис. 9). Выполните упражнение 9 раз.

Это упражнение развивает навыки синхронизации психического действия (мысли) и потока ци, улучшает проходимость канальных «застав» в области суставов и функциональное состояние суставов. В момент мысленного «сопровождения» потока ци через суставы возникает ощущение их нагрева и расширения. Поток ци воспринимается как проходящая через руку теплая волна.

Движение 4

Поднимите прямые руки в стороны, сомкните пальцы, кончик языка прижат к нёбу; сделайте глубокий вдох через нос, одновременно с усилием «растягивая» плечевые, локтевые и лучезапястные суставы, выпрямляя пальцы рук, мысленно разделите брюшную полость по вертикали на две части (рис. 10). Задержите дыхание, сосредоточившись на «беспредельном» вытягивании пальцев. Как только задержка дыхания начнет вызывать легкое ощущение дискомфорта, медленно выдохните через нос, отняв кончик языка от нёба и последовательно расслабляя плечи, предплечья, кисти и пальцы. Не опуская рук, выполните упражнение три раза.

Делая вдох с прижатым к нёбу кончиком языка, мы закрываем «пути выхода» ци из организма, одновременно соединяя «внешнюю» ци с «внутренней». Мысленное разделение брюшной полости подразумевает активизацию циркуляции ци в нижнем даньтянь с последовательной «сменой полярности»: превращением ци, субстантивирующей начало ян, при переходе в другую половину даньтянь в субстанцию инь и наоборот. Задержка дыхания издавна считалась эффективным средством укрепления здоровья: ограничивая доступ в организм и выход из него ци, мы в то же время стимулируем внутреннее, «тканевое» дыхание, посредством психических усилий регулируем циркуляцию наличной ци, «запертой» в организме. Сосредоточиваясь на «беспредельном» вытягивании пальцев, мы усиливаем приток к ним ци, а расслабляя руку и прекращая психическое усилие, облегчаем отток ци по каналам, связывающим акупунктурные точки на пальцах с внутренними органами.

Движение 5

Руки остаются поднятыми в стороны. Слегка разведите пальцы, направьте их вверх, сосредоточьтесь на точках лаогун (рис. 11). Сделайте длительный глубокий вдох и с усилием (но не резко) вытолкните ладони в стороны. Задержите дыхание, сосредоточившись на «беспредельном» выталкивании ладоней. Как только задержка дыхания начнет вызывать ощущение дискомфорта, медленно выдохните, одновременно «вбирая» точку лаогун, чуть округлив ладонь и последовательно расслабляя плечи, предплечья и области запястьев. Выполните упражнение три раза.

Внутренняя логика движений и психических усилий та же, что и в предыдущем упражнении.

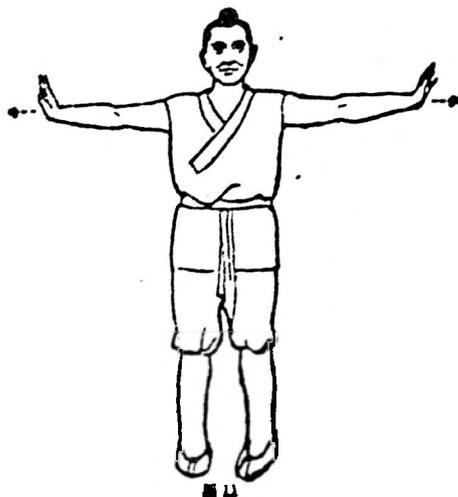

рис. 11

Движение 6

Слегка разведите руки в стороны, расслабьте кисти рук, ладонями вниз через стороны опускайте руки до тех пор, пока предплечья не будут находиться под углом 20 градусов по отношению к туловищу. Направьте кончики пальцев в стороны и медленно сделайте вдох, выполняя надавливающее движение ладонями книзу. Сосредоточьтесь на «энергетическом взаимодействии» земли и точки лаогун (рис. 12). Задержите дыхание. Как только возникнет ощущение дискомфорта, медленно выдохните, «вбирая» точку лаогун и последовательно расслабляя плечи, предплечья, области запястьев и кисти. Выполните упражнение три раза.

Надавливающее движение ладонями стимулирует поток ци к точке лаогун, расслабление — «поглощение» точкой лаогун «пневмических энергий» земли и облегчение обратного движения ци от этой точки.

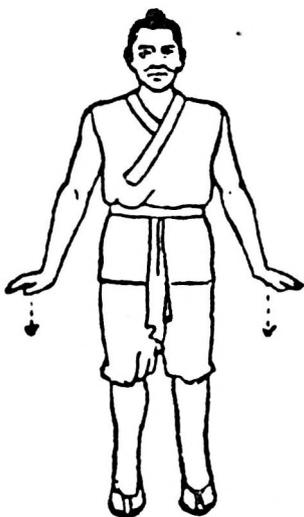
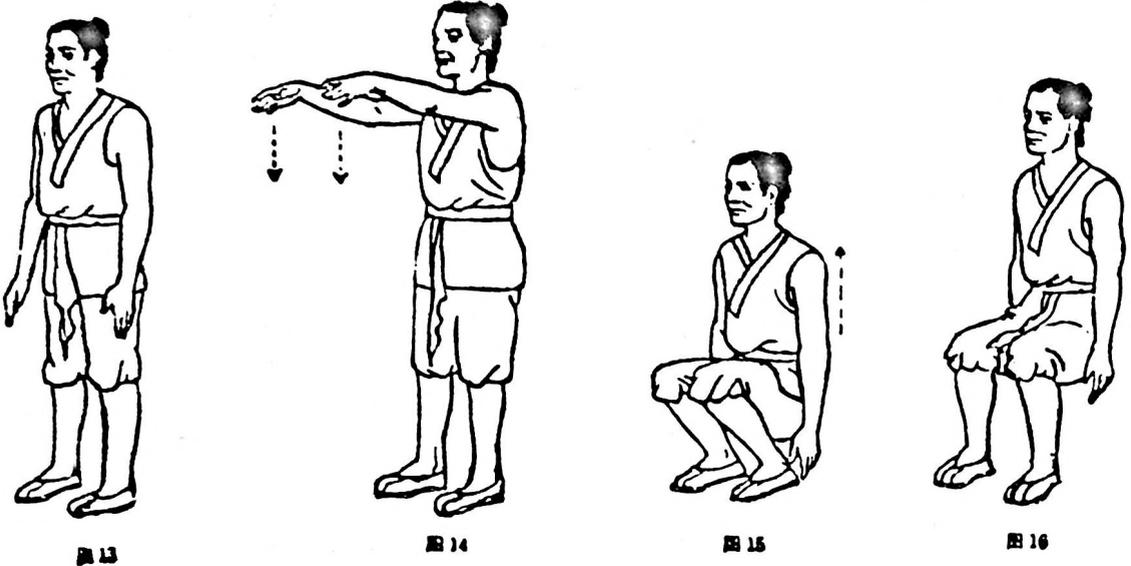

рис. 12

Движение 7

Опустите пальцы рук, сведите их, несколько вобрав ладони, сосредоточьтесь на «поглощении» точкой лаогун ци из окружающей среды и исходящей от тела (рис. 13). Медленно поднимите руки перед собой параллельно полу на ширине плеч ладонями книзу, запястья расслаблены. Представьте, что руки лежат на большом воздушном шаре (рис. 14). Медленно сгибая ноги и держа корпус прямо, опуститесь на корточки, продолжая мысленно придерживать воздушный шар, преодолевая его сопротивление. Представьте, что копчик «погружается в землю», руки медленно опустите по сторонам туловища (рис. 15). Переключите «мысленное усилие» на основания ушей, медленно поднимитесь (рис. 16) и, не делая пауз, повторите упражнение еще дважды.

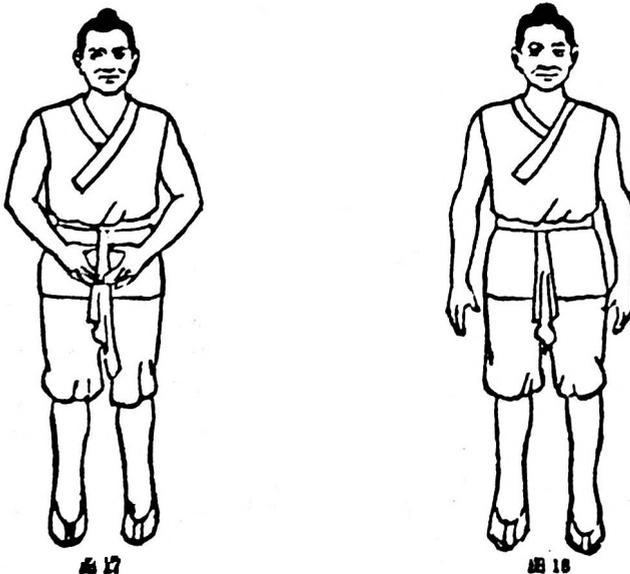
Движение туловища вниз с «преодолением сопротивления внешней ци» помогает медленно и мягко направить поток ци в нижнее даньтянь и далее до точки хуэйинь в промежности, точка в момент приседания «раскрывается». Во время движения в обратном направлении хуэйинь «закрывается», усиливается поток ци, идущий вверх. Переключение «мысленного усилия» как бы «оттягивает» ци вверх, стимулируя ее движение.

Движение 8

Выпрямите ноги, медленно наложите ладони на живот, большие пальцы обращены друг к другу, средние соединены на точке дантянь; сосредоточьтесь на ней (рис. 17). Проглотите слюну в три приема, мысленно опуская ее в дантянь и «собирая» туда «истинную ци». Задержитесь в этом положении на одну-две минуты. Сосредоточившись на ладонях, разотрите их около 20 раз. В течение одной-двух минут проводите ладонями по лицу от подбородка к макушке. Вернитесь в исходное положение, задержитесь в нем около минуты (рис. 18).

Активизация области дантянь благотворно влияет на циркуляцию ци в организме в целом. Разогрев ладоней потиранием стимулирует биологически активные точки на ладонях и в результате связанные с ними канальными путями органы. Разогретые ладони интенсивнее «отдают пневменную энергию» коже лица. Массаж лица и головы улучшает кровоснабжение и способствует «омолаживанию» кожи. Возвращение в исходное положение нормализует циркуляцию ци, кровообращение и дыхание.

Национальная живопись «гохуа» молодых художников Китая

Л. КУЗЬМЕНКО

В октябре 1989 г. в залах Государственного музея искусств народов Востока проходила выставка «Современная национальная живопись — гохуа», посвященная 40-й годовщине образования КНР. В Москве уже проходила выставка гохуа в 1984 г. Она была своеобразной ретроспективой, где экспонировались работы художников трех поколений, включая таких патриархов национальной живописи, как Хуан Биньхун, Ци Байши, У Цзожэнь, Сюй Бэйхун и др. Последнюю выставку, на которой было представлено около семидесяти работ, можно рассматривать как своеобразный творческий отчет молодых художников Китая.

Термин «гохуа» (национальная живопись) возник в 10-е годы XX в. как противопоставление европейской масляной живописи, студии которой одна за другой открывались тогда в различных городах Китая. Сами китайцы подразумевают под гохуа всю национальную живопись, созданную в разные века в традиционной технике. У нас термином «гохуа» чаще называется живопись, в которой появляется ряд новых принципов и которая развивается с конца XIX в. Гохуа XX века — это живопись корнями уходящая в традиции средневековья, но обогащенная новыми сюжетами и приемами.

Техника гохуа использует шелк и бумагу в качестве живописной основы, на которую специальными кистями наносятся тушь или водяные краски. Эти краски включают пигменты растительного или минерального происхождения, хотя в последнее время более активно используются химические краски. Материалы диктовали и специфические художественные приемы, которыми отличалась китайская живопись от европейской. Главное — это роль линии, акварельного пятна и тушевого размыва.

Для того чтобы стать хорошим живописцем, требовалось длительное наблюдение за природой, бесконечные тренировки руки. Композиция создавалась моментально, без предварительных набросков, потому что на шелке или китайской бумаге невозможно убрать неверно нанесенную линию. Живопись дублировалась на бумагу и обрамлялась шелком или парчой в виде свитка. Свитки могли быть вертикальными или горизонтальными, разворачивающимися справа налево. Современные мастера гохуа чаще всего используют традиционную форму свитка, но в ряде случаев заключают композиции в рамку. Почти обязательно введение в композицию каллиграфического текста.

В средние века сложились различные школы и направления. Метод работы одной тушью зачастую диктовал создание композиций в стиле *сеи* («писать идею»), основанном на свободном письме, когда рука движется непринужденно по поверхности бумаги. Композиция таких работ обычно асимметричная, лаконичная, доводящая изображение до скрытого ассоциативного намека. Другому направлению — *гунби* («тщательная кисть») — присущи скрупулезная прорисовка контуров, тщательное наложение красок, их яркое, контрастное сочетание.

Новое время потребовало обогащения сюжетной основы, расширения круга образов. Знакомство с европейской культурой приобщило многих китайских художников к новой художественной системе, основанной на рисовании с натуры, применении линейной перспективы и светотени. С начала XX в. эти новации стали оказывать влияние и на традиционную китайскую живопись, в которой зародился новый своеобразный стиль гохуа.

Кузьменко Лариса Ивановна, заведующая сектором искусства Дальнего Востока Государственного музея искусств народов Востока в Москве.

После знакомства с последней выставкой прежде всего запоминается обращение к традиционным жанрам — пейзаж, «цветы и птицы», «люди», — но в ряде случаев заметно и проникновение одного жанра в другой.

Следует выделить несколько направлений, по которым идет национальная живопись в последние годы. Прежде всего развивается линия мастеров старшего поколения, таких, как Ци Байши, Хуан Биньхун, Е Цяньюй. Ряд мастеров обращается и к более отдаленным реминисценциям — к академизму Цинского периода XVIII—XIX вв., хотя такие работы единичны. На выставке отсутствовали работы авангардного направления. В творчестве некоторых художников прослеживаются отчетливые тенденции к натурализму, особенно в жанровой живописи, создающейся на основе манеры гунби, но с менее ярким колоритом, пожалуй, даже чересчур блеклым.

Большинство работ на выставке показывает особое увлечение декоративизмом, где художники демонстрируют самые разнообразные приемы достижения неожиданных эффектов. Все больше и больше работ, имитирующих другие техники, заимствованные из декоративно-прикладного искусства. Композиции их напоминают вышивки, аппликации, батиковые ткани.

Среди представленных жанров следует все же отметить явное преобладание пейзажа, и это не случайно. Пейзаж всегда был ведущим жанром в китайской живописи. На раннем этапе в его образах отражалась идея космического начала, гармонии Вселенной. Обязательно присутствовали горы и вода. Позже пейзаж стал созвучен человеку, передавал чувства и переживания художника. Пейзаж также иллюстрирует известные классические стихотворения. С образованием КНР грандиозные пейзажи (нередко в виде целых серий из нескольких свитков) часто ассоциируются с обновлением жизни в стране.

На выставке экспонировались самые разнообразные работы в этом жанре и, конечно же, огромные композиции-панорамы, как, например, «Обновленный Китай» Сунь Вэньбо. Здесь используется излюбленный прием — построение пространства с «высоты птичьего полета». Переданы безграничные дали с восходящим на горизонте солнцем и клубящимися облаками. Картина насыщена образами-символами: извивающаяся по скалам Великая Китайская стена, стая журавлей, взлетающих к солнцу, и т. д. Можно назвать и работу художника Лю Вэньфу «Светает в холодных горах» — монументальный пейзаж с изображением горных вершин, окруженных заснеженным лесом. Общий темный фон композиции оживляют крупные белые хлопья падающего снега. Художник в совершенстве овладел передачей декоративных эффектов — здесь и виртуозный размыв кистью, и нанесение многочисленных мелких точек белил при изображении снега. Складки гор рождают причудливую игру света и тени, от свободного размыва в верхней части композиции в ниж-

ней автор переходит к прихотливой каллиграфической манере письма, в которой выполнены домик и деревья.

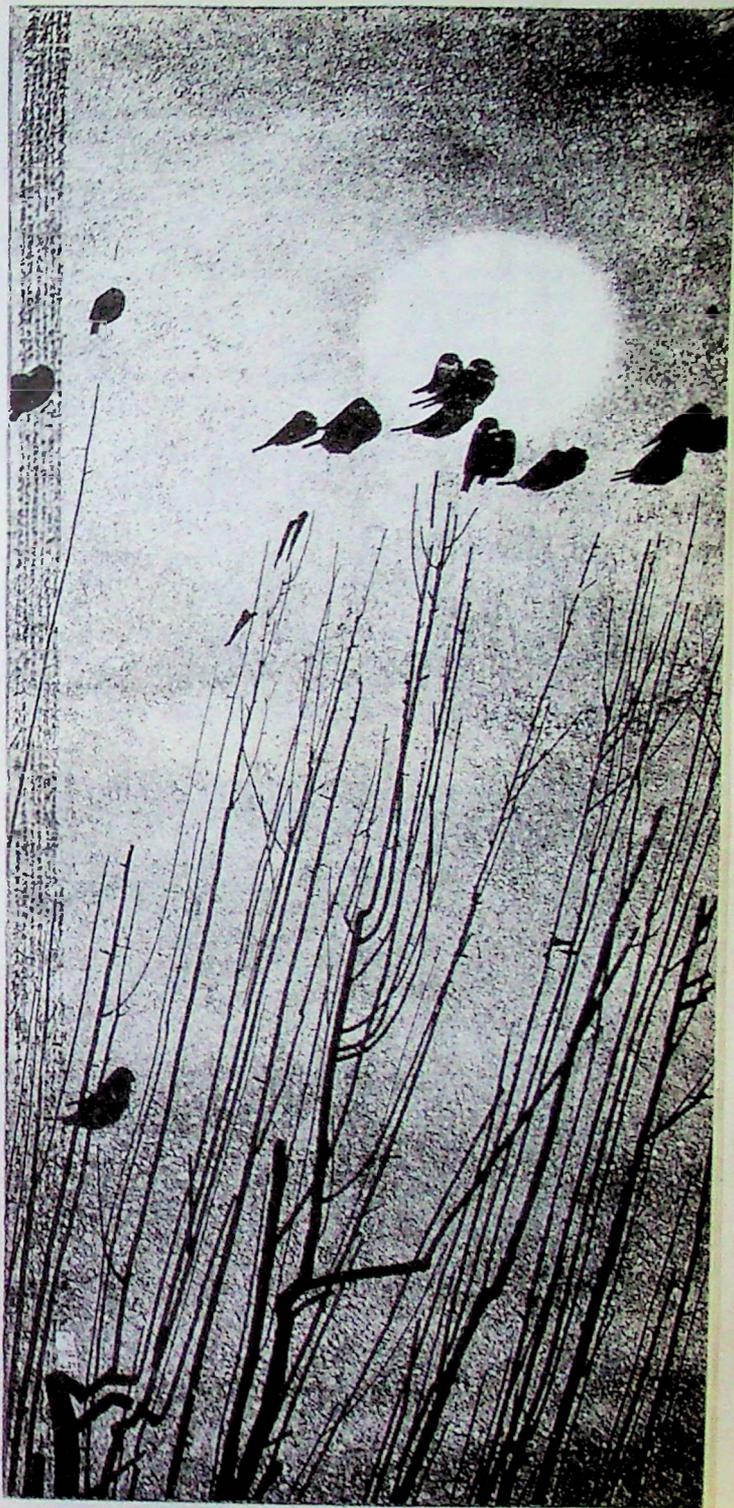
В последнее время художники все чаще обращаются к традиционным вертикальным пейзажным композициям. Работа Чжан Синьцзюня «Зеленые деревья в глухих горах» соединяет средневековое изображение водопада в горах с новыми поисками — горы переданы острыми плоскостями с четко выявленными эффектами светотени. Композицию буквально перерезает зигзагом причудливо изломанная линия водопада, пена которого изображена в виде орнаментального узора. Этот прием в сочетании с резким противопоставлением темных гор и белил придает картине особую динамичную насыщенность.

У многих мастеров гохуа очень своеобразно вводится каллиграфия, так и у Чжан Синьцзюня иероглифы даны не традиционно — в виде горизонтального или вертикального текста, — а огибают очертания скал в верхней части наподобие маленьких деревьев, вырастающих на горизонте.

Поиски новых путей привели молодых художников к особой декоративной манере. Как пример можно назвать композицию Юй Чжисюе «Снежный пейзаж». Монохромная гамма слегка оживляется коричневатой акварелью, активно вводится акварельный размыв и наложение обильной кистью белил.

«Заводь» Ли Вэньсиня строится на чередовании то обильной, то сухой туши с малиново-зеленой акварелью и светло-коричневой краской. Традиционным приемом здесь является обозначение глади воды незакрашенным участком основы. У морского берега, возле огромных валунов, притулилась рыбацкая хижина. Весь второй план занимает бушующий под порывом ветра тростник. Трепетность его листьев передана мелкими частыми мазочками акварели разной интенсивности тона. Этот прием, появившийся в средневековой живописи, основан на ударе кистью у самого ее основания.

По-прежнему художники гохуа обращаются к литературно-поэтическим ассоциациям, что нашло отражение в сложных названиях, заимствованных из произведений периода средневековья. Работа художника Ли Чанью называется «Хотя стоит ясная погода, на вершинах глухих гор одежда

намокла от холодной росы» и выполнена в традициях *вэньжэньхуа* («живопись интеллектуалов»). В правой части на остром уступе скалы изображена маленькая беседка с людьми, любующимися окружающим пейзажем и водопадом. Кисть мягкая, с тушевыми и водяными размывами создает прием «воздушной перспективы»: первый план дан в манере *памо* («обильная тушь»), линия горизонта скрыта от зрителя наложением рисунка округлых гор, которые в верхней части размывом сливаются с облаками.

Жанр городского пейзажа был представлен картиной Чэнь Даосюэ «Утро горного города», композиция которой строится по принципу мозаики.

Многих зрителей привлекла работа Чао Гуана «Весенний вечер», оригинальная по своему композиционному решению. Пейзаж окутан нежно-голубой дымкой наступающего вечера, придающей ощущение таинственности и загадочности самому обычному уголку природы. Расположенный вдали пейзаж с маленькими домиками и остроконечными елями обрамляется крупными, несколько призрачными заснеженными ветвями на первом плане. Виртуозно переданы блестящая поверхность льда и пушистый иней на деревьях.

Широко представлен в экспозиции традиционный жанр «цветы и птицы». На протяжении веков складывались его основные канонические композиции, что было связано с благожелательной символикой, неразрывно слитой с содержанием каждой картины этого жанра. Сосна, например, являлась символом долголетия, фазан или петух — почета, лотос — благородного человека *цзюньцзы*, живущего «среди грязи обывательской, не загрязняясь» (то есть с незапятнанной совестью). Кроме того, цветы были связаны с определенными временами года: дикая слива — *мэйхуа* — ассоциировалась со встречей Нового года по лунному календарю и с зимой, а лотос — с летом и т. д. До сих пор такой символический подтекст используется мастерами гошуа. Работая в этом жанре, художники используют самые разнообразные сложные приемы, достигая поразительных декоративных эффектов. Создаются работы и в стиле гунби и сеи, а также в их сочетании.

В традициях «тщательной кисти» написана работа Мао Цзяньчэна «Цветы и птицы». Линия контура четко очерчена, краски ложатся ровно, без светотени, локальными пастозными мазками. Композиция строится на сочетании киноварно-красного, розового, малахитово-зеленого и белил.

Совсем в иной стилистике создана картина «Виноград» Ван Пэйдуна. Здесь соединены живопись сеи с рядом новых приемов. Спутанные корявые ветви с черными листьями написаны тушью, отличающейся необыкновенным богатством тоновых переходов. Тушь слегка оживляется голубой и светло-коричневой подцветкой — традиция, идущая от живописи «черные листья, красные цветы», которой следовал великий Ци Байши. Подцветка применяется не для более реалистического колорита, а чтобы поновому заставить звучать тушь, показать ее богатые возможности. В стиле сеи привлекают смелые экспрессивные линии, мазки, созданные на едином дыхании, когда от художника требуется все его умение, не прерывая движения руки, провести линию, начиная с «обильной туши» и кончая штришками в несколько волосков на кончике кисти. При изображении винограда художники с особым артистизмом рисовали искривленные ветви, усики. Так же как и в живописи «бамбука», эти прихотливые линии сродни скорописной каллиграфии, высоко ценившейся знатоками.

и птицы» — «Белая цапля и осенний пруд» (автор Чжоу Цзяньпин). Сложный рисунок листьев образован расплывающимися красочными пятнами, напластованными друг на друга. Виртуозный размыв и небрежные точки и штришки соединяются с тщательно прописанными лепестками цветка, прячущегося между зарослями, и «бескостной манерой» при изображении оперения белых цапель, на котором рассыпаны темно-красные кляксы.

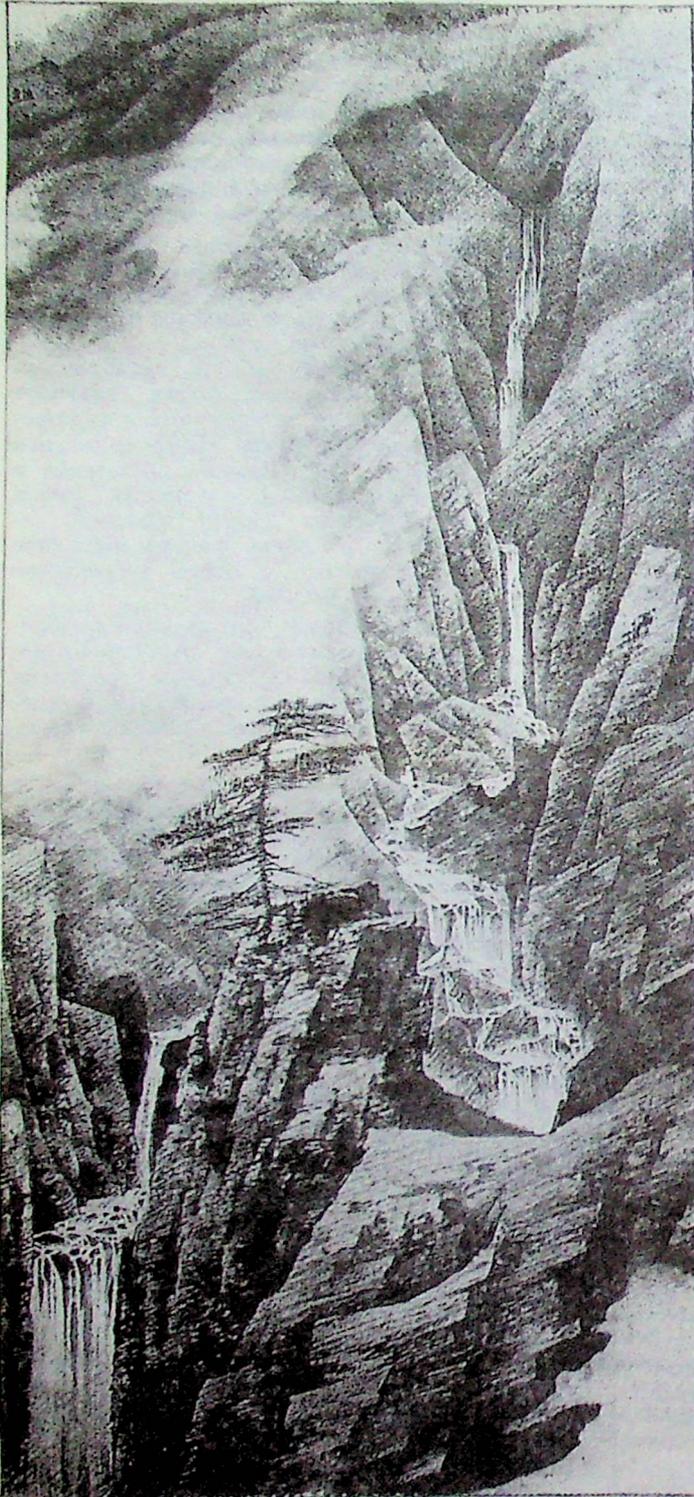
Жанровые работы, представленные на выставке, также включают разнообразие технических и художественных приемов. «Широколистная сирень» Чжу Шимина выполнена в нежных розовато-сиреневых тонах, окутывающих фигуру молодой девушки. Сам абрис фигуры выполнен сухой кистью с очень тщательной прописью деталей.

Ряд авторов обращается к отображению жизни малых народов Китая, при этом весьма скуными средствами гохуа художники стараются подчеркнуть характерные приметы быта,

В новой оригинальной манере создана композиция «Увядший лотос» Чжан Жэньчи. Декоративный эффект картины достигается чрезвычайно разнообразными художественно-техническими приемами. Коричневая, жидко разведенная краска положена зигзагообразным движением на размытые серовато-зеленоватые тона. Контуров вибрируют, создавая ощущение колеблющихся, отраженных в воде поникших стеблей. Увядшие листья выделены плотной черной тушью, нанесенной пастоно, даже с наложением мастихином толстых блестящих мазков. Автор данной работы поставил перед собой задачу добиться создания сложной фактуры. Чтобы оживить тушевые пятна, он окропляет их ярко-оранжевыми точками, образованными легким стряхиванием краски с кисти. Мерцающие пятнами среди размытого рисунка стеблей, они создают ощущение бархатистой ткани.

Сложностью и разнообразием художественных приемов отличается еще одна работа в жанре «цветы

костюма (картина Ду Чжилия «Март в дунском селении»). «Под мягкие звуки струнных инструментов» — так назвали свою работу Хуан Юе и Чжан Сюе. Трудно определить даже жанровую принадлежность работы — это скорее декоративное панно, напоминающее набойки или аппликации на тканях малых народов Южных провинций. Композиция, где фигуры расположены на фоне огромного, причудливо изрезанного листа банана, выполнена в мягких коричнево-зеленых тонах, смягчающих резкие, угловатые очертания контуров.

Картина-диптих Чуя Сяобо «Герои Ляньшаньбо» является своеобразной иллюстрацией к знаменитому роману XIV в. писателя Ши Найяня «Речные заводи». На тонированном коричневатом фоне шелка изображена причудливая вереница 108 основных героев-удальцов, трактованных в карикатурно-гротескной манере.

Выставка работала около месяца и пользовалась успехом у посетителей. Разнообразие сюжетов и творческих приемов свидетельствует о стремлении молодых художников Китая к поискам новых решений в традиционном искусстве гохуа.

ШИ ГОХУА

Мы встретились с ним в редакции издающегося на русском языке в Китае журнала «Мост». «Меня зовут Гера, а по-китайски Ши Гохуа», — сказал он по-русски и, что было особенно удивительно, без какого-либо акцента. Иногда с его уст слетали слова, от которых веяло чем-то старославянским. Дед в 30-х годах поехал в Советский Союз и вернулся с полюбившейся ему русской женой. Так и закрепилась в семье Ши Гохуа материнская линия Климовых. Отец — Ши Чжитай, унаследовал от матери русский язык, что во многом определило его судьбу; он приобрел известность как хороший переводчик во время работы с советскими специалистами в 50-х годах. Семье удалось пережить трагедию «культурной революции» и старший Ши, несмотря на выпавшие на его долю невзгоды, привил своему сыну любовь к языку, который оставила в наследство своим потомкам русская женщина Климова.

Сколько наших соотечественников разбросала судьба по различным странам мира, сколько лиц китайской национальности нашли вторую родину в Советском Союзе, а в годы сталинского террора — и печальный конец своей жизни! Сколько русских эмигрантов пережили ужасы «культурной революции», и вынуждены были искать убежище на других континентах! И те, и другие делили радости, беды, суровые будни народа страны, куда они были заброшены волей или неволей. И вот Ши Гохуа положил передо мной материал: «Русские в Китае», возможно, он, как автор, решил отдать дань своим русским предкам, либо писал в соответствии со своими обязанностями в журнале «Мост». Так или иначе, мы представляем его материал читателю нашего журнала, полагая, что он интересен уже своей принадлежностью перу гражданина КНР, берегущего, как драгоценное наследство, язык своих русских предков.

В. Воронцов

В Советском Союзе русская нация самая многочисленная, а в Китае наоборот, одна из самых малочисленных. По данным переписи 1982 г., численность русских составляла всего лишь 2933 человека, из этого числа в Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживало около 2262 человек, в провинции Хэйлуцзян — 100 с лишним человек, во Внутренней Монголии — несколько десятков человек, немногие были расселены по городам Пекин, Шанхай и провинциям Ляонин, Гансу, Цинхай и др.

Как известно, уже 300 лет тому назад русские люди, которые не могли терпеть гнет и порабощение царской власти, покидали Россию, а некоторые из них попали в Китай и остались здесь жить. И в последние годы по разным причинам также происходило такое переселение. Таким образом, в течение длительного времени русские жили и до сих пор проживают в Китае в семье других народов.

Многие их женщины вышли замуж за китайцев, их дети от смешанных браков наследуют русскую кровь и китайский характер. Они говорят и пишут и по-китайски, и по-русски, носят и китайские, и русские имена и фамилии.

На протяжении веков, из поколения в поколение, образ жизни представителей русской нации в Китае претерпевал изменения. У них изменился внешний облик, манеры поведения и образ мышления, поэтому русские в Китае имеют свои особенности по сравнению с представителями русской нации в СССР.

Русские любят одеваться чисто, аккуратно, нарядно. Мужчины постарше носят костюмы, сапоги, женщины ходят в платьях, многие пожилые одеваются по-китайски, молодые следят за модой и всегда бывают хорошо одеты.

Русские сохранили дома традиционную кухню: у них есть плита и духовка, они сами пекут хлеб и печенье, обычно едят борщ, котлеты, пирожки, суп с говядиной и картошкой, любят помидоры и огурцы.

В деревнях русские варят варенье. Конечно, они привыкли есть и китайские пельмени, и уйгурский плов. Из напитков предпочитают водку и пиво. Прекрасное пиво могут приготовить сами.

Каждый год русские долго готовятся к праздникам, белят, моют, стирают, стряпают прекрасные на вкус печенье и пряники на молоке, масле и яйцах с начинкой из варенья. Верующие исповедуют православие. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе в Урумчи, Кульдже и Чугучаке, а также в провинции Хэйлунцзян в Харбине и Цицикаре построены церкви для православных.

Во время своих праздников, таких, как Рождество, Пасха и некоторых других, верующие сначала ходят в церковь молиться, а потом празднуют дома, ходят в гости, веселятся, любят петь под гармонь и гитару, плясать и выбивать чечетку. Отмечают они и китайский праздник Весны.

Многие живут и работают в городах в различных учреждениях. Живущие в деревнях занимаются рыболовством, садоводством, пчеловодством и скотоводством.

Автономный район Синьцзяна и провинция Хэйлунцзян находятся по соседству с СССР. Проживающие здесь русские поддерживают тесные связи с Советским Союзом, что способствует восприятию ими идей политико-экономического устройства Союза и русские традиции. Представители местного населения быстро усваивают политические и обиходные русские слова и термины. Например, в Синьцзяне везде употребляют такие слова, как марксизм, ленинизм, коммунизм, социализм, партия, философия, физика, химия, радио, кино, клуб, костюм, суп, конфеты и т. д. На Северо-Востоке широко употребляются слова хлеб, ведро, солдат и др.

Русские имеют равные права наряду с другими национальностями Китая. Они любят свою новую родину, строго соблюдают законы китайского государства, одобряют деятельность руководства Коммунистической партии Китая, вносят свой вклад в осуществление четырех модернизаций. Русские в Китае трудолюбивы, мужественны, отличаются чувством справедливости. Они воспитанны, вежливы, любят чистоту, порядок, природу и цветы. Их традиции, обычаи и культура быстро передаются другим нациям Китая.

Русские стремятся к обогащению своей духовной жизни, среди них много интеллигенции. Они пополняют ряды профессоров, преподавателей, научных работников, переводчиков, журналистов, инженеров, техников, квалифицированных рабочих.

Известны в нашей стране профессор Пекинского института иностранных языков Елизавета Павловна, жена товарища Ли Лисаня; квалифицированная переводчица Галина Александровна Го Шупин, работающая в Министерстве химической промышленности и в Академии общественных наук (ее имя занесено в «Словарь знатных женщин Китая»); бывший депутат Собрания народных представителей Китая — врач Надежда Карпова; прекрасная учительница русского языка Валентина Лебедева (Чжан Цуйин) и др. Все они получили признание, почет и славу за свою добросовестную работу.

Русские, жившие в Китае, имели родственников в СССР, Австралии и других странах. В связи с этим большинство из них уехало в эти страны. Проживающие до сих пор в Китае, как правило, люди, которые перебрались сюда в 30-х годах, дети их почти полностью ассимилировались, у них, конечно, уже есть и внуки.

Благодаря улучшению отношений между Китаем и Советским Союзом, многие русские ездят в СССР в гости к своим родственникам. А мы в свою очередь все больше и больше принимаем гостей из Советского Союза.

Русские проживают в Китае уже несколько сот лет. В прошлом они участвовали в борьбе против реакции, прошли трудный путь вместе с китайским народом, они служили делу китайской революции, а сейчас активно участвуют в осуществлении четырех модернизаций и в проводимой политике реформ.

Издано в КНР: советские синологи о китайской литературе

Последние несколько лет в Китае отмечается интерес ко всему, что происходит в нашей стране. О жизни советских людей китайцы стараются узнать не только из сообщений газет, радио, телевидения, но и из художественной литературы. Резко активизировалась деятельность по переводу произведений советских писателей, выходят три специальных журнала, посвященных советской литературе.

Отрадно и то, что в КНР следят не только за советской художественной литературой, но и за достижениями литературоведения. Так, недавно на китайском языке был издан двухтомник работ о литературах Африки, выпущенный Институтом мировой литературы АН СССР, постоянно переводятся исследования по русской и советской литературе. Не менее важным событием для китайского литературоведения явилась публикация трудов двух известных советских ученых Б. Рифтина и В. Семанова.

В 1987 г. издательство «Хунань вэнь чубаньшэ» («Литература и искусство Хунани») выпустило в свет в серии «Сравнительное литературоведение» книгу профессора Семанова «Лу Синь и его предшественники». Выбор этой книги для перевода и публикации на родине великого писателя не случаен. В нашей стране лусиневедение является одним из самых развитых направлений в изучении китайской литературы. Вот уже сорок с лишним лет не ослабевает интерес советских сиологов-литературоведов к творчеству и личности основоположника современной китайской литературы. Особенно плодотворными в этом отношении были 50—60-е годы. В течение одного только десятилетия вышли в свет четыре монографии (Сорокин В. Ф. Формирование мировоззрения Лу Синя.— 1958; Позднеева Л. Д. Лу Синь (1881—1936). Жизнь и творчество.— 1959; Петров В. В. Лу Синь.— 1960; Семанов В. И. Лу Синь и его предшественники.— 1967) и целый ряд статей по этой теме. Исследования охватили различные пласты жизненного пути, эволюции мировоззрения, творческих поисков, места китайского литератора в истории национальной и мировой литературы. Ученые с разных сторон открывали этого сложного и многогранного писателя. И хотя оценки его личности не всегда совпадали, в комплексе эти труды помогают создать целостное впечатление о незаурядном человеке, общественном деятеле, писателе. Как это бывает при углубленном исследовании сложной проблемы, по мере накопления опыта предшественников исследователям становятся яснее многие вопросы, но в то же время в чем-то происходит смещение акцентов, какие-то факты предстают в новом освещении. Так же происходило и в отношении оценки личности и творчества Лу Синя. По мере осознания этого явления китайской литературы и накопления материалов, у исследователей возникала потребность не просто проследить жизненный путь зачинателя современной китайской литературы, проанализировать его произведения, но и выявить многочисленные источники, благодаря которым формировалась личность писателя, определить степень его традиционализма и новаторства, оценить его роль в национальном и общенациональном литературном процессе.

Тот факт, что книга В. Семанова «Лу Синь и его предшественники» явилась первым изданием в серии «Сравнительное литературоведение», свидетельствует об особой оценке этого исследования научными кругами КНР, в том числе и переводчиком книги Ли Миньбином — деканом факультета русской филологии Пекинского университета, автором нескольких монографий по советской литературе. Ему предстояло сделать выбор по крайней мере из четырех исследований о Лу Сине. Он отдал предпочтение книге В. Семанова потому, что она, по его словам, «сейчас самая значительная из всех имеющихся». Выбор этот был обусловлен также и тем, что при написании труда был применен метод сравнительно-исторического анализа.

В предисловии к книге издатели заранее информируют о принципах, в соответствии с которыми они собираются отбирать материалы для публикации в серии: «Мы берем за правило уделять главное внимание исследованиям отечественных и зарубежных синологов, получивших мировую известность, по литературе Китая... с тем чтобы сформировать свою научную базу в области сравнительного литературоведения. В своем исследовании В. Семанов демонстрирует глубокие познания как в современной, так и в классической литературе Китая, что позволяет ему расширить сферу своих наблюдений. Ученый прослеживает влияние на творчество Лу Синя не только непосредственно предшествовавших ему обличительных романов начала XX века, но и классических романов XVI—XIX веков, а также западной и русской литературы».

Известно, с какой любовью относился Лу Синь к русской и советской литературе, сколько сил он прилагал для ее популяризации. Недаром китайских издателей книги привлек вывод В. Семанова о том, что русская литература внесла свою лепту в процесс формирования великого прозаика. Ученый говорит о несомненной близости рассказов из сборника «Дикие травы» и тургеневских стихов в прозе, о присущей китайскому писателю искренности, которая сближает его с Горьким и Чеховым, о краткости, возникшей под влиянием чеховской прозы.

Перевод монографии Ли Миньбинь предваряет обстоятельным введением, в котором проводит тщательный анализ не только предлагаемой книги, но и двух статей В. Семанова, помещенных в Краткой литературной энциклопедии (1967) и Большой советской энциклопедии (1974). Эти материалы, так же как и данные в приложении к книге переводы статей «К новой классике» (сборник «Ключ Лу Синя и обличительные романы конца Цин») и «Быстро идущий» (К столетию со дня рождения Лу Синя), дополняют труд ученого.

Как отмечает Ли Миньбинь, В. Ф. Сорокин, Л. Д. Позднеева и В. В. Петров исследовали личность Лу Синя по трем основным направлениям: писатель — мыслитель — революционер. Профессор Семанов в отличие от своих предшественников концентрирует внимание прежде всего на идейно-художественном анализе произведений Лу Синя. Участие писателя в революционном движении, его общественная деятельность тесно связываются с художественной значимостью его творчества. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на личность Лу Синя — писателя, публициста, революционера — и помогает точнее определить степень влияния на него предшественников и меру его новаторства.

Фрагменты монографии В. И. Семанова и его статьи о Лу Сине легли в основу еще одной книги, переведенной на китайский язык. В 1988 г. в издательстве «Чжэцзян вэнь чубаньшэ» («Литература и искусство Чжэцзяна») была опубликована книга «Всесторонний взгляд на Лу Синя». Таким образом, китайские почитатели своего великого соотечественника получили два сборника исследований о его творчестве.

В августе 1988 г. на страницах газет «Гуанмин жибао» и «Вэнь бао» появились сообщения об обсуждении сборника статей члена-корреспондента АН СССР Б. Л. Рифтина «О мифах и сказках Китая», выпущенного летом 1988 г. «Чжунго миньцзянь вэнь чубаньшэ» («Издательство фольклора Китая»). Это событие вызвало большой резонанс в культурной жизни страны. Известные фольклористы и этнографы КНР, выступившие на заседании Общества по изучению культуры, подчеркнули особую значимость публикации трудов советского ученого, созданных им за тридцать лет научной деятельности. Китайские специалисты отметили высокий научный уровень и убедительность доказательств его работ, широту взглядов и обоснованность заключений, характерные для автора. Заслуживает внимания высокая оценка научной деятельности Б. Л. Рифтина, которую дала составитель сборника, известный китайский ученый-фольклорист Ма Чанъи. В нашей стране, считает она, процесс знакомства с мифами Китая начался в конце прошлого века с анализа их исторического и философского аспектов (имеется в виду книга Георгиевского «Мифические воззрения и мифы китайцев»). С начала двадцатого века мифами стали интересоваться этнографы (учение Мацокина, изложенное в книге «Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии»), а в тридцатые годы исследователи рассматривали мифы как часть народной культуры (речь идет о работах академика В. М. Алексеева о народной мифологии). Заслуга Б. Л. Рифтина в том, что основанное им направление дало импульс для начала нового этапа в изучении китайских мифов, когда они стали рассматриваться как неотделимая часть мировой культуры.

В китайское издание вошел большой фрагмент монографии Рифтина «От мифа к роману» (М, 1979). Здесь помещены также его известная статья из энциклопедического издания «Мифы народов мира», большое послесловие к недавно переизданной книге

Юань Кэ «Мифы Китая», исследования о китайских и дунганских сказках, о китайских пословицах как материале для изучения народного мировоззрения. Первая монография Рифтина «Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре» (М, 1961) дана в подробном изложении составительницы книги Ма Чанъи. В приложение к книге вошла впервые составленная полная библиография работ советского ученого по китайской литературе и фольклору.

Как известно, китайские филологи всегда ревниво и с предубеждением относились к изучению иностранцами отечественной литературы. В их среде бытует мнение, что зарубежным китаистам не дано в той степени, в какой это делают носители языка, проникнуть в глубь исследуемых произведений, тем более таких сложных, как произведения фольклора. Однако то, что научные труды Рифтина стали достоянием китайских специалистов, свидетельствует о признании заслуг советской синологии и деятельности нашего ученого-литературоведа. По признанию известного писателя Ван Мэна, Б. Л. Рифтин «скрупулезно анализирует искусство традиционной классической прозы и использование этой традиции в современной китайской прозе, а по некоторым аспектам он превзошел самих китайцев».

Книгу предваряют два предисловия. Первое принадлежит старейшему китайскому фольклористу Чжун Цзинвэню. «Профессор Рифтин, — пишет он, — посвятил жизнь переводу и пропаганде литературы Китая, однако его главное увлечение — исследование и толкование фольклора и популярной литературы нашего народа. Он проник в ту область, в которой нами многое не изучено...»

Переводы статей Рифтина по фольклористике появились в Китае еще в пятидесятые годы и с тех пор пользуются повышенным интересом в среде ученых-филологов. Расширению научных связей также способствовало установление личных контактов ученых двух стран, ставшее возможным после улучшения советско-китайских отношений в начале восьмидесятых годов. Чжун Цзинвэнь с большой теплотой вспоминает свои встречи с советским ученым, беседы, длившиеся часами, во время которых были уточнены многие спорные вопросы по интересовавшим ученых проблемам.

Автор второго предисловия, составитель книги, крупный ученый Ма Чанъи, с увлечением рассказала читателям, как возник у Б. Л. Рифтина интерес к народной литературе дунган, проживающих в Средней Азии. По сути дела, Ма Чанъи внимательно проследила процесс становления ученого-востоковеда — с того времени, когда он приобрел базовые знания в стенах университета, затем приблизился к основам научного анализа и перешел к самостоятельной научной работе. В поэтапном анализе научной деятельности Рифтина Ма Чанъи весьма подробно останавливается на его монографиях «Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре» и «Историческая эпопея и фольклорные традиции в Китае (устные и книжные версии «Троецарствия»)» (М, 1970 г.). Особое внимание она уделяет мифам и сказкам как объекту изучения мировой синологии в целом. В работах советского ученого, посвященных анализу сказок народов Китая, ее в первую очередь привлекает своеобразие и неординарность научного подхода исследователя, отличие его научных методов от тех приемов, которыми пользуются западные синологи, следование принципам, характерным для советской школы фольклористики.

Несомненно, большой интерес у китайских читателей вызвало обращение Рифтина, написанное специально для этой книги. Это не просто рассказ о своем пути в познании фольклора великого народа, а скорее живое повествование о том, как он выбрал свой путь к изучению одной из неизведанных областей в культуре китайского народа. Читая это обращение, понимаешь, что исследования Рифтина не появились бы без большой практической помощи китайцев, оказанной ему в 50-е годы. Автор вспоминает, что, когда в 1958 г. в Москву приехал заместитель министра культуры КНР, писатель и известный ученый Чжэн Чжэньдо, он поразился количеству материалов по китайскому фольклору, присланных молодому ученому из разных провинций КНР. Чжэн Чжэньдо не без юмора признался, что если бы он сам захотел собрать такой материал, то вряд ли смог бы получить его в таком количестве. Видно, что китайские специалисты постарались сделать все возможное и невозможное, чтобы помочь советскому исследователю в его работе.

Если сборник статей по мифологии и сказкам интересен в первую очередь специалистам — фольклористам и мифологам, то книга Рифтина «Изучение китайской классической литературы в СССР (проза, драма)», вышедшая в пекинском «Издательстве библиографии и памятников» в 1987, без сомнения, стала объектом внимания и широкого круга китайских литературоведов, и всех почитателей отечественной классики. Своим

рождением эта книга прежде всего обязана сегодняшнему времени, тем усилиям, которые были приложены для восстановления культурных связей двух стран после длительного перерыва. Когда осенью 1981 г. Б. Л. Рифтина принимало Общество китайско-советской дружбы, в Пекине его попросили рассказать о том, как в Советском Союзе ведется изучение китайской классической литературы. Сообщение советского ученого вызвало живой интерес в ученом мире. Журнал «Вэньсянь» («Памятники»), издаваемый Пекинской библиотекой, предложил ему использовать эти материалы для написания статьи. По возвращении в Москву ученый приступил к работе и вскоре понял, что материал выходит за рамки журнальной статьи. Он сообщил об этом в редакцию, где и решили издать отдельную книгу, специально посвященную научным трудам советских синологов по классической драме и прозе.

Переводчиком этой книги стал тогдашний заместитель директора Пекинской библиотеки Тянь Давэй. Выбор был не случаен. Несколько лет тому назад Тянь Давэй заинтересовался подобной проблемой и начал собирать материал, но из-за некоторых обстоятельств был вынужден отложить работу. Однако накопленные сведения и прекрасное знание русского языка помогли переводчику в его работе с рукописью.

Научная ценность книги повышается благодаря двум приложениям, составленным Тянь Давэем. В одном из них даны все названия переводов китайской классической литературы, изданных в нашей стране в советское время, в другом — краткие сведения о русских и советских синологих-литературоведах.

Выход в свет в КНР изданий советских синологов является еще одним подтверждением стремления ученых Китая к установлению контактов с коллегами из нашей страны. Следует выразить благодарность редакторам и переводчикам этих книг за их самоотверженность и настойчивость в преодолении трудностей, а также китайским издательствам за искреннее желание познакомиться всех, кто интересуется китайской литературой, с трудами советских специалистов.

Н. ЗАХАРОВА

СИС: социум, информация, статистика

Дорогая свадьба

Молодожены в Японии расходуют на свадебную церемонию больше денег, чем на подготовку к семейной жизни. По данным исследования банка «Санва», при создании семьи молодожены тратят в среднем 7,5 млн. иен (больше 52 тыс. долл.). Примерно 54 % этой суммы идет на оплату свадебной церемонии и обязательного свадебного путешествия, около 37 % — на вступительный взнос за аренду квартиры и приобретение мебели, необходимой бытовой электротехники и других предметов повседневного обихода, 10 % идет на покупку обручальных колец. Отказаться от свадебной церемонии не так просто. Например, традиция требует от молодоженов во время свадебной церемонии быть в кимоно, а вечером, во время приема гостей — в официальных европейских одеждах. Стоимость этой одежды так высока, что многие предпочитают не покупать ее, а брать в аренду. Но даже аренда свадебных костюмов на несколько часов обходится молодоженам в сумму до 833 тыс. иен.

Несмотря на столь значительные расходы, опросы молодоженов показывают, что более половины из них ничуть не жалеют о потраченных средствах. Может быть потому, что в среднем примерно 40 % расходов на создание новой семьи берут на себя родители.

Знакомьтесь: журнал кубинских востоковедов

В перечне выходящих за рубежом специализированных востоковедческих изданий в 1988 году появилось достойное пополнение. Вышли в свет первые номера ежеквартального издания ученых-востоковедов Кубы журнала «Пагинас СЕАО» («Paginas СЕАО»). Журнал издается Центром по изучению стран Азии и Океании (СЕАО), с которым Институт Дальнего Востока связывает давнее и плодотворное сотрудничество. Редакционный совет возглавляет директор Центра, видный ученый и общественный деятель, член ЦК Компартии Кубы профессор Мельба Эрнандес, которая внесла большой личный вклад в организацию и становление журнала, а также в развитие тесных связей между кубинскими и советскими китаеоведами.

Рассчитанное не только на специалистов, но и на широкий круг общественности, издание освещает значительный спектр социально-экономических, международно-политических и культурно-философских проблем стран Восточной Азии. Регионально-тематическая и проблемная широта публикаций журнала наглядно отражает ту важную роль, которую играет Куба в современных международных отношениях, в движении неприсоединения и пр.

Одним из центральных направлений в работе журнала стало исследование проблем укрепления мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. По этой актуальной проблематике журнал опубликовал ряд интересных статей и материалов, выражающих заинтересованный, профессиональный взгляд кубинских и иностранных ученых и специалистов на комплекс разноплановых и сложных процессов в этом районе мира. Среди публикаций по этой тематике могут быть отмечены статьи Мигеля А. Д'Эстефано «Региональные конфликты в свете международного права: Азия, бассейны Тихого и Индийского океанов» (№ 3); Марио Родригеса «АСЕАН: некоторые идеи и реальности региональной безопасности» (№ 1); Педро Вильена «Азия и Океания перед лицом политической стратегии США» (№ 2); Педро Монсона «Япония — США: стратегическое сотрудничество?» (№ 2) и др.

В третьем номере журнала опубликовано выступление министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя на заседании «круглого стола» журналистов стран Азии и бассейна Тихого океана, состоявшемся 20 января 1988 г. в г. Хошимине.

Важное место в тематике журнала занимает освещение социально-экономических и политических процессов в ключевых странах региона — Китае и Японии. Этому посвящены статьи Армандо Гарсия «Китай: наследие и эволюция социальной структуры», «Молодежь Китая: этапный момент» (№ 1, 3); Педро Монсона «Рабочий класс Японии: некоторые аспекты изучения», «Япония: предпосылки понимания особенностей региональной политики» (№ 1, 3) и ряд других материалов.

Начало периодического выпуска журнала — крупное достижение СЕАО, всех кубинских ученых-востоковедов, свидетельствующее об их возросшем научном потенциале, больших творческих и организационных возможностях. Журнал предоставляет укрепляющемуся национальному востоковедению солидную научную трибуну.

Можно поздравить кубинских коллег с этой творческой удачей и пожелать дальнейших успехов их изданию, расширения и углубления взаимобогащающего сотрудничества с советскими учеными, журналом «Проблемы Дальнего Востока».

А. КУДРЯВЦЕВ

НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЕЙ В ПРЕДДВЕРИИ XXI ВЕКА

(Выступление сопредседателя Демократической либеральной партии КИМ ЕН САМА в Московском Государственном университете 23 марта 1990 г.)

Мне выпала высокая честь находиться сегодня с вами в знаменитом актовом зале Московского Государственного университета, этого храма высокого разума и интеллекта, с его более чем 200-летней историей, богатой славными традициями университета, новое здание которого высится на Ленинских горах над прекрасной Москвой. Я глубоко взволнован, выступая с этой трибуны как представитель правящей партии Республики Кореи.

Уважаемый ректор Анатолий Логунов, высокие члены профессорско-преподавательского корпуса, студенты, дамы и господа!

Прошло более ста лет со времени установления торговых и дипломатических отношений между Россией и Кореей. И на мою долю как первого официального гостя, представляющего Республику Корею, выпала честь от души приветствовать Президента Михаила Горбачева и воздать должное его новому мышлению, а также воле советского народа к преобразованиям и его первым достижениям, нацеленным на то, чтобы осуществить ренессанс социализма и тем самым предопределить гуманистическую направленность мирового развития в грядущем XXI веке.

Мы на пороге завершающего десятилетия XX века и стоим в преддверии XXI века. Март в разгаре, и весна вступает в свои права на советской земле. Арктические холодные ветры сменяются животворным весенним дыханием. И я реально ощущаю: именно на этой земле набирают силу и воплощаются в практические действия такие процессы мирового значения, как преодоление стереотипов времен холодной войны, идеологизация, поиск компромиссов и примирение, открытость и широкий международный обмен.

И если Ялтинская конференция явилась своего рода прелюдией к холодной войне, то встреча на Мальте в прошлом году знаменовала начало ледохода в водоразделе между Востоком и Западом, выход из холодной войны. Происходящие в Советском Союзе перемены, связанные с восприятием плюрализма и рыночной экономики, отражают устремления советских граждан к новому человеческому либерализму и нашли свое выражение в поддержке свободлюбивых преобразований в Восточной Европе.

Я полностью поддерживаю политику перестройки, проводимую Президентом Советского Союза Горбачевым. Я искренне желаю ей успеха!

Успех перестройки отвечает не только интересам самого Советского Союза, но и является неоспоримым вкладом в дело мира во всем мире, в процветание человечества. Я уверен: этот успех также послужит мирному объединению Кореи.

Будучи убежден в том, что великие деяния советского народа — мощный стимулирующий фактор в обеспечении всеобщего мира и процветания в XXI веке, мне хотелось бы обратиться ко всему миру с призывом всемерно содействовать развитию этих процессов.

Мы, граждане Республики Кореи, поклялись не допустить того, чтобы вновь оказаться в положении жертв жестокой войны. Хотя и поныне мы продолжаем нести на себе трагическую ношу разделенности нации, мы динамично продвигаемся по пути демократического развития и экономического процветания, развивая многообразный обмен со странами мира. Наглядный пример тому — проведение Сеульской олимпиады как всемирного праздника. Советско-корейские отношения всего за несколько последних лет получили в этом же русле весьма позитивное развитие.

За короткий промежуток времени с момента моего первого визита в вашу страну — тогда я совершил поездку в качестве лидера одной из оппозиционных партий — значительно расширились двусторонние обмены как людьми, так и материальными ценностями.

Это относится прежде всего к экономическим связям. Объем торговли между нашими странами, который в 1987 г. составлял всего лишь 200 млн. долл., в 1988 г. возрос до 300 млн. долл., а в 1989 г. этот показатель удвоился и достиг 600 млн. долл. По прогнозам специалистов, общий объем торговли между нашими странами в текущем 1990 г. уже превысит 1 млрд. долл. Если темпы роста сохранятся, то в начале 90-х годов он может достичь 5 млрд. долл., а в середине 90-х годов — 10-миллиардной отметки.

Здесь, видимо, уместно сравнить эти цифры с динамикой роста корейско-китайской торговли. Республика Корея уже 10 лет поддерживает торговые связи с КНР. Объем торговли между ними достиг в 1988 г. 3 млрд. долл., а в 1989 г. годовой прирост составил всего 100 млн. долл.

Однако следует иметь в виду, что пока между нами существует немало нерешенных проблем, которые приходится учитывать. Хочу остановиться на этой стороне дела несколько подробнее.

Характерными чертами нашего времени, его основными тенденциями становятся соблюдение взаимного благоприятствования, признание взаимозависимости и необходимости взаимного сближения. Я полагаю: мы должны строить наши торговые отношения и экономическое сотрудничество в духе сосуществования и соцветания на основе принципа взаимного обогащения. Хочется сделать акцент на том, что обмен и сотрудничество служат не только экономическим интересам, но и взаимному пониманию и доверию между народами, укреплению взаимной симпатии и дружбы. Таким образом, развитие торговли и экономического сотрудничества — это кратчайший путь к всеобщему миру.

Отсюда — необходимость отхода от военно-силовой конфронтации в Северо-Восточной Азии, необходимость превращения этого субрегиона в зону международного экономического сотрудничества. Не в этом ли именно направлении мы должны действовать, трансформируя согласно новому мышлению в конкретно-практические действия новую разрядку напряженности в Азии, преодоление синдромов холодной войны и дендеологизацию.

Мы должны строить двусторонние экономические отношения так, чтобы они были ориентированы на долговременные фундаментальные цели, а не на сиюминутные выгоды, чтобы эти отношения создали основу для укрепления дружбы и доверия между народами обеих наших стран.

Мы с вами можем сотрудничать как добрые партнеры, не конкурируя друг с другом, уже в силу того, что экономическая структура наших стран носит взаимодополняющий характер, и между нашими странами существуют широкие возможности для экономического обмена и сотрудничества.

В Советском Союзе высоко развиты такие отрасли, как, например, океанология и рыболовство, аэрокосмическая техника и технология, энергетика, тяжелая промышленность и базисные отрасли техники и технологии. В Республике Корея имеется определенный опыт и достижения науки и техники в таких отраслях промышленности, как судостроение, химическое и сталелитейное производство, электронная промышленность, автомобилестроение, а также индустрия сервиса.

Если СССР имеет значительные достижения в производстве средств производства — материалов и первичного сырья, машин и станков, различных металлов, то Республика Корея накопила опыт в производстве потребительских товаров, в том числе и изделий электроники.

Кроме того, корейская строительная индустрия могла бы оказать Советскому Союзу свои услуги в расширении социальной и производственной инфраструктуры, поскольку Корея приобрела большой опыт строительства за рубежом. Само собой разумеется, что стоит ускорить прямое инвестирование во все эти отрасли хозяйства.

Однако пока все еще существует множество препятствий, которые необходимо устранить для дальнейших серьезных прорывов в экономическое сотрудничество между нашими странами.

Во-первых, мы должны существенно продвинуться в упрощении торговых процедур и избавиться от бюрократической волокиты.

Во-вторых, следует всерьез заняться подготовкой необходимых кадров — специалистов по международным торгово-экономическим связям.

В-третьих, необходимо создать правовые гарантии инвестиций, юридические меры по предотвращению двойного налогообложения.

Наконец, необходимы целеустремленные усилия к введению конвертируемости рубля.

В решении всех этих проблем важно, чтобы политические руководители обеих стран своевременно устраняли элементы неопределенности, возникающие в ходе реализации торгово-экономической практики. От них требуется политическая дееспособность для организации государственной поддержки экономического, а также культурного сотрудничества.

Политика и экономика, подобно двум сторонам одной медали, находятся в неразрывной связи друг с другом. Они должны развиваться синхронно. С этой точки зрения, как мне кажется, в концептуальном подходе к развитию корейско-советских отношений следует повысить трактовку взаимоотношения политики и экономики до уровня признания их взаимопроникновения и диалектического единства.

В соответствии с таким пониманием вещей, я, пользуясь случаем, хочу подчеркнуть необходимость скорейшего установления официальных дипломатических отношений между Республикой Корея и Советским Союзом.

Я полагаю: наши двусторонние торговые связи и экономическое сотрудничество должны сочетаться с многосторонним сотрудничеством, в котором наравне с Соединенными Штатами Америки, Японией, странами Юго-Восточной Азии и другими странами Тихоокеанского бассейна принимала бы участие и Северная Корея.

Это совпадает с идеей Президента Горбачева, выдвинутой им в владивостокских и красноярских инициативах СССР. Это также вписывается в общий контекст стратегии обеспечения мира в Азии и во всем мире.

В Республике Корея также происходят перемены. В соответствии с логикой нового мышления создана новая правящая партия — Демократическая Либеральная партия, объединившая три отдельно существовавшие партии страны. Это сделано для того, чтобы в организационно-структурном плане обеспечить дальнейшее экономическое процветание и осуществление заветной мечты об объединении в условиях стабильной обстановки. Наша партия смело смотрит на приближающийся новый век, выступая за диалог, против насилия, за компромисс, против конфликтов, за объединение и против раскола нации.

Лев Толстой искал возрождение человеческой личности через его внутреннее самовыражение и самореализацию каждого человеческого существа. Президент Горбачев, советские люди и собравшиеся в этой аудитории мои уважаемые коллеги, представители интеллигенции стремятся к социальному возрождению в целях улучшения жизни человека.

Этот процесс уже распространился на Восточную Европу. В дальнейшем он охватит также и социалистические страны Азии. Очевидно, что это происходит на благо мира и благополучия на Земле. Я верю, что это означает не апокалипсис, а начало новой главы истории. И все мы — соучастники этого процесса. Так давайте же поддержим эту реформу как сознательные участники нового исторического творчества!

Московский Университет, основанный великим русским ученым-энциклопедистом Ломоносовым, превратился в колыбель реформаторов. Желаю процветания Московскому Университету! Желаю процветания Советскому Союзу! Желаю спокойствия и процветания Республике Корея, Северной Корея и всему миру!

Пусть каждый из нас, представителей старшего поколения, приложит усилия к тому, чтобы молодое поколение могло лелеять свою прекрасную мечту, чтобы новое поколение стало самостоятельным творцом новой истории!

Спасибо за внимание!

*Публикуется с разрешения
г-на Ким Ен Сама*

Памяти Ян Хиншуна

На 85-м году жизни скоропостижно скончался ветеран советского китаеведения, крупный специалист в области китайской философии, доктор философских наук Ян Хиншун. Он родился 13 декабря 1904 г. в провинции Чжэцзян в семье рабочего. В возрасте 11 лет он оказался на территории России на Дальнем Востоке. С 1916 до 1925 г. работал во Владивостоке в портняжных мастерских. В 1927 г. закончил совпартшколу во Владивостоке, в том же году вступил в ряды ВКП(б). По окончании в 1933 г. в Москве Коммунистического университета преподавателей общественных наук — находился на преподавательской работе во Владивостоке, затем в Москве. С начала Отечественной войны до 1947 г. Ян Хиншун работал редактором вещания на Китай во Всесоюзном радиокомитете. С 1948 г., после защиты кандидатской диссертации, перешел на научную работу в Институт философии АН СССР, где ярко раскрылся его талант исследователя-китаеведа.

Продолжая традицию, начатую А. А. Петровым, Ян Хиншун посвятил свою научную деятельность разработке материалистической мысли в Китае. Публикация первого крупного исследования «Лао-цзы и его учение» (1950) вызвала оживленную дискуссию среди синологов всего мира. В 1957 г. был опубликован его очерк «Из истории борьбы за победу марксизма-ленинизма в Китае», в котором подведены итоги развития марксистской мысли в Китае за послеоктябрьский период вплоть до VIII съезда КПК. Книга получила высокую оценку в КНР.

В 1968 г. Ян Хиншун защитил докторскую диссертацию по теме «Материалистическая мысль в древнем Китае», которая под тем же названием в сокращенном виде вышла книгой в 1984 г.

В последние годы он занимался подготовкой к публикации материалов по философскому наследию Китая. Им была составлена двухтомная антология древнекитайской философии, вышедшая в свет в 1972—1973 гг. Он же составил двухтомную антологию философии Ханьского периода, которая скоро увидит свет. Главные труды Ян Хиншуна переведены на китайский и ряд европейских языков.

Ян Хиншун был не только незаурядным ученым, пользовавшимся признанным авторитетом среди коллег и у нас в стране, и за рубежом. Он был и незаурядным человеком. Его отличали неисчерпаемая энергия, добросердечность. Он был прекрасным семьянином, отзывчивым и надежным товарищем.

Добрая память о Ян Хиншуне сохранится в сердцах всех, кому приходилось с ним встречаться.

«ПДВ»: КОММЕРЧЕСКАЯ РЕКЛАМА

Журнал «ПДВ» начинает публиковать деловую рекламу советских и зарубежных фирм. Абоненты могут сообщать о том, какие товары и виды услуг они имеют к продаже, что хотели бы купить и в какой области имеют намерение развивать коммерческие и деловые контакты, транспортные связи, кооперацию или совместное предпринимательство в СССР и за рубежом, прежде всего на советском Дальнем Востоке и в странах Азии и Тихого океана, где распространяется наш журнал на русском, японском, английском и испанском языках.

Оплата нового вида услуг по договоренности, с принятыми в мировой практике скидками.

Обращаться по адресу редакции журнала:

**СССР, Москва, 117848, ул. Красикова, 27, телефон: 124-09-04.
«ПДВ», отдел рекламы.**

Ведущий научный центр изучения современных проблем зарубежных стран Дальнего Востока — Институт Дальнего Востока АН СССР объявляет прием в аспирантуру с отрывом и без отрыва от производства по специальностям: «История коммунистического и рабочего движения и национально-освободительных движений», «История международных отношений и внешней политики», «Экономика зарубежных социалистических стран», «Теория научного коммунизма», «История философии», «Литература народов зарубежных стран Азии и Африки», «Языки народов зарубежных стран Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии».

В аспирантуру принимаются лица со знанием, в объеме институтской программы, китайского, японского, корейского языков.

Прием документов — до 1 сентября. Вступительные экзамены с 1 октября 1990 г.

**Адрес: 117218, ГСП-7, Москва, ул. Красикова, 27.
Телефон 124-09-09**

Технический редактор Т. Ерохова

Сдано в набор 19.01.90. Подписано в печать 27.03.90. А-01222. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 19,5. Усл. кр.-отт. 39,6. Уч.-изд. л. 20,05. Тираж 14 109 экз. Заказ 70. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного
Государственного комитета Союз
полиграфии и книжной торговли 11
Ордена Трудового Красного Знамени
Государственно
142300, г. Ч